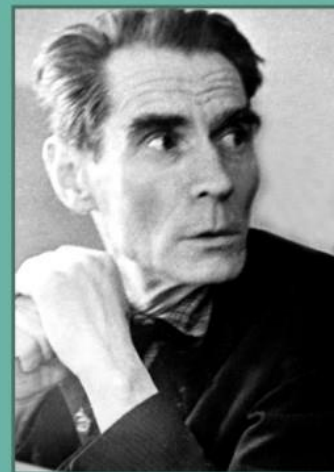

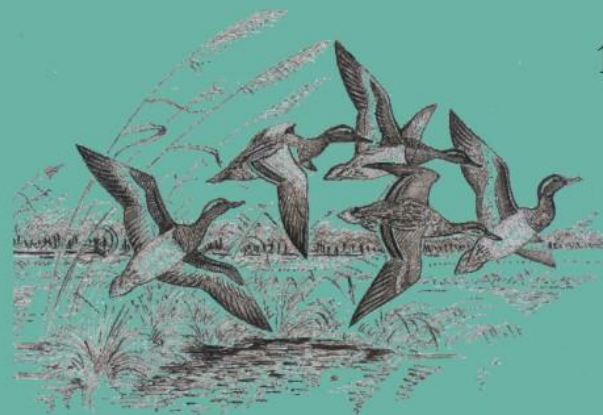
Книга посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося орнитолога XX столетия, основоположника казахстанской школы орнитологов, создателя 5-томной монографии «Птицы Казахстана», Лауреата Государственных премий СССР и Казахстана. Она содержит новые сведения к биографии ученого, полный список его трудов, воспоминания современников, а также письма и фотографии, не публиковавшиеся ранее.

Игорь Александрович
ДОЛГУШИН

1908-1966

Игорь Александрович ДОЛГУШИН

*К 100-летию
со дня рождения*

**Игорь Александрович
Долгушин
(1908-1966)**

**Материалы к биографии
Воспоминания современников
Переписка • Публикации • Фотографии**

Алматы, 2008

ISBN

ББК

Игорь Александрович Долгушин (1908-1966). [Материалы к биографии. Воспоминания современников. Переписка]. Алматы, 2008. 254 с.: илл.

Книга посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося орнитолога XX ст., основоположника казахстанской орнитологической школы, создателя 5-томной монографии «Птицы Казахстана» (1960-1974). Она содержит новые сведения к биографии ученого, полный список его трудов, воспоминания современников и учеников, а также его письма и не публиковавшиеся ранее фотографии.

Предназначена для всех интересующихся орнитологией, а также историей науки

Составитель и редактор
доктор биологических наук **А.Ф. Ковшарь**
Рецензент – академик **Е.В. Гвоздев**

Igor Alexandrovich Dolgushin (1908-1966). [Biography materials. Memories. Correspondence]. Almaty, 2008. 254 p.

The book is dedicated to 100-th anniversary of famous ornithologist of XX century, the founder of Kazakhstan ornithological school, the creator of the Birds of Kazakhstan monograph in 5 volumes (1960-1974). The present book includes new information about his biography, complete list of his publications, memories of his colleagues and friends, as well as his letters and unknown photos.

This book is addressed to everyone interested in ornithology, nature and history of science.

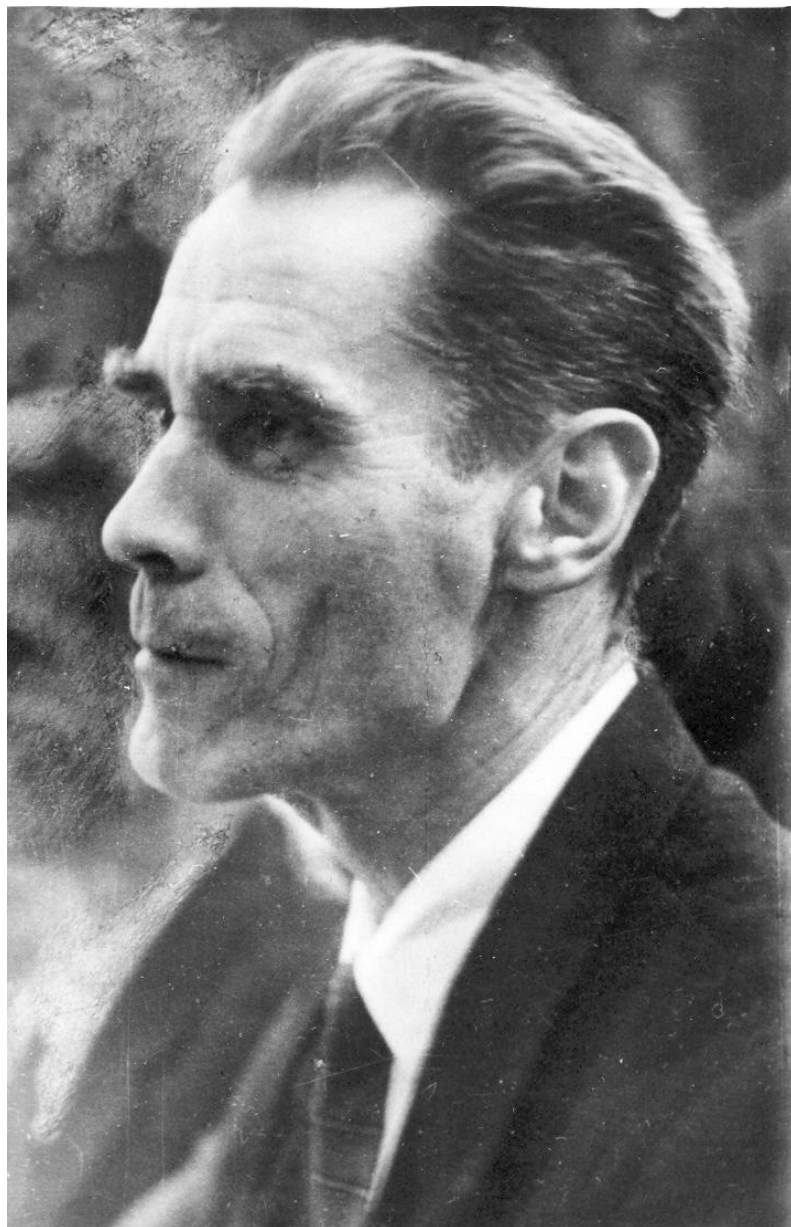
Editor
prof. Anatoly F. **Kovshar**

ББК

Издано Союзом охраны птиц Казахстана

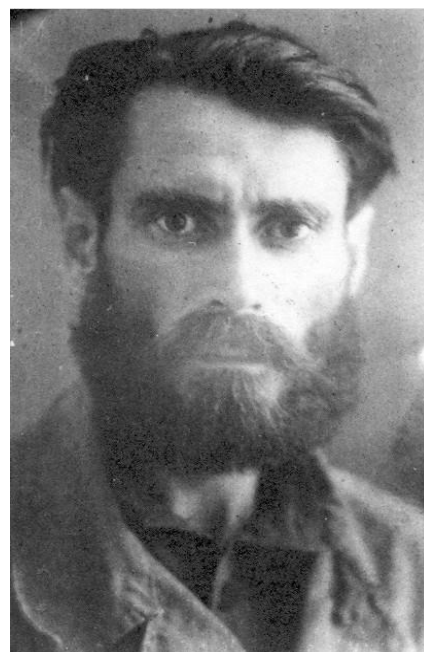
- © Ковшарь А.Ф., 2008, составление
- © Антипин В.М., Беялов О.В., Бикбулатов М.Н., Гагина Т.Н., Долгушин И.А., Ковшарь А.Ф., Ковшарь В.А., Корелов М.Н., Кривицкий И.А., Попов В.А., Русанов Г.М., Фоканов В.А., Юдин К.А., Юрлов К.Т., 2008, фотографии
- © Карпов Ф.Ф., 2008, рисунки птиц
- © Союз охраны птиц Казахстана, 2008

Аннушка.

1945 год, на фронте

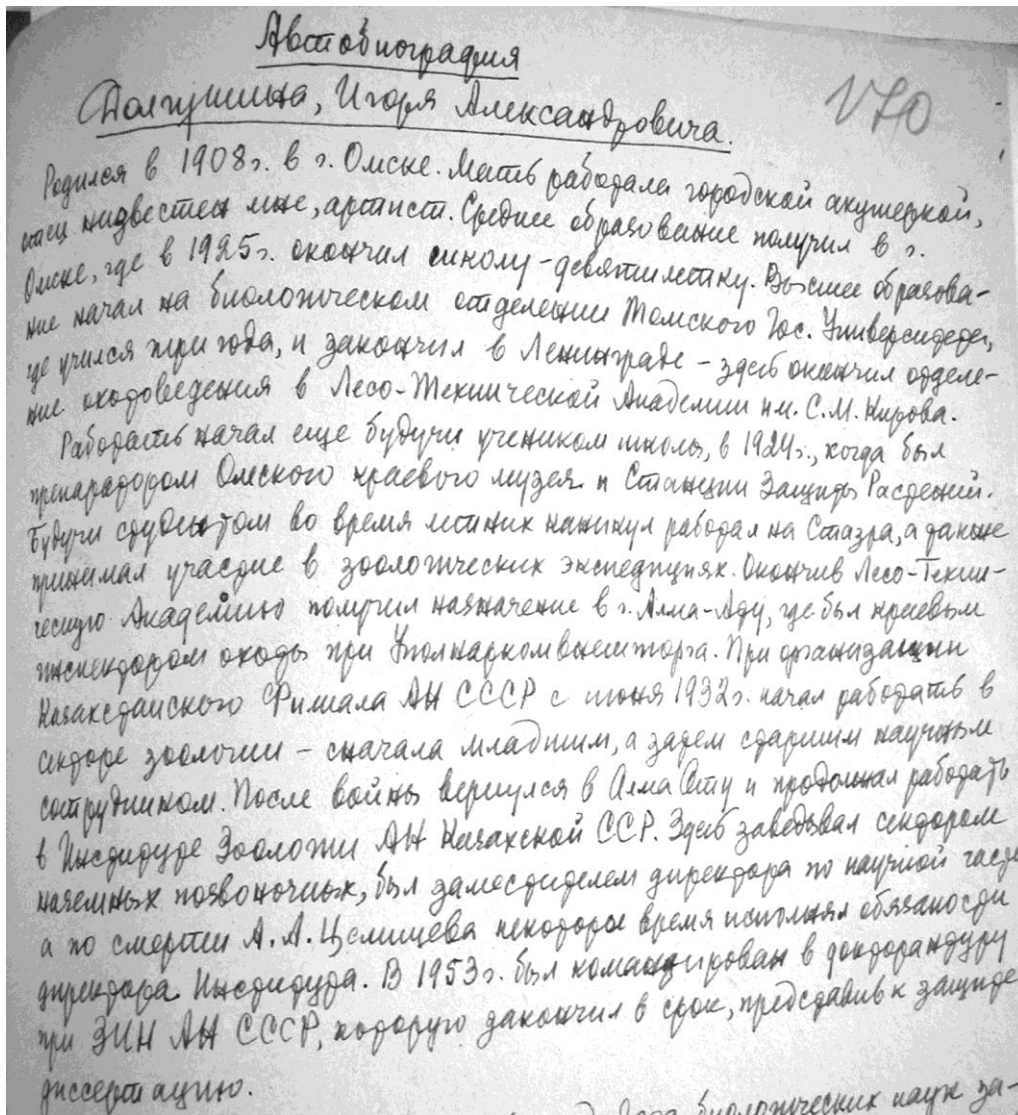
1947 год, Мангышлак

1959 г. Старейшие работники Академии наук Казахстана (со времен КФАН): Последний ряд слева - М.А. Кузьмина, А.Г. Соколов, И.А. Долгушин, Д.И. Чекменев (крайний справа); средний ряд - А.В. Афанасьев (крайний справа); первый ряд справа налево - почвовед У.Успанов, ботаники - акад. Н.В. Павлов, З.В. Кубанская (крайняя слева).

Автобиография
 Долгушина Игоря Александровича

Родился в 1908 г. в г. Омске. Мать работала городской акушеркой, отец неизвестен мне, артист. Среднее образование получил в г. Омске, где в 1925 г. закончил школу-девятилетку. Высшее образование начал на биологическом отделении Томского Гос. Университета, где учился три года, и закончил в Ленинграде – здесь окончил отделение охотоведения в Лесо-Технической Академии им. С.М. Кирова.

Работать начал еще, будучи учеником школы, в 1924 г., когда был препаратором Омского краевого музея и Станции Защиты Растений. Будучи студентом, во время летних каникул работал на Стазра, а также принимал участие в зоологических

экспедициях. Окончив Лесо-Техническую академию, получил назначение в г. Алма-Ату, где был краевым инспектором охоты при Уполнаркомвнешторга. При организации Казахстанского Филиала АН СССР с июня 1932 г. начал работать в секторе зоологии – сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником. После войны вернулся в Алма-Ату и продолжал работать в Институте зоологии АН Казахской ССР. Здесь заведовал сектором наземных позвоночных, был заместителем директора по научной части, а по смерти А.А. Целищева некоторое время исполнял обязанности директора Института. В 1953 г. был командирован в докторантуру при ЗИН АН СССР, которую закончил в срок, представив к защите диссертацию.

Диссертацию на степень кандидата биологических наук защитил в феврале 1941 г. (тема: Фауна птиц низовий Или), а на степень доктора биологических наук – в декабре 1955 (тема: Основные закономерности распространения птиц в Казахстане); как кандидатскую так и докторскую диссертации публично защищал в Ученом Совете Зоологического Института АН СССР.

Наряду с основной работой преподавал в КазГУ и КазСХИ. В Университете в 1936-1939 гг. вел практикум по зоологии позвоночных и проводил летнюю практику, а в 1946-1949 гг. читал курсы зоогеографии и орнитологии. В Сельскохозяйственном институте в 1949-52 гг. читал курс биологии лесных зверей и птиц.

За время работы в секторе зоологии КФАН и в Институте зоологии АН КазССР принимал участие в ряде экспедиций; во многих из них был начальником. Являясь членом редколлегий «Известий» и «Трудов Института зоологии», был ответ. редактором части их. Все аспиранты, которыми я руководил (Муханов, Панченко, Гаврин, Гаврилов) защитили диссертации; кроме того, под моим руководством были подготовлены кандидатские диссертации научных сотрудников Корелова и Параскива.

За время работы опубликовал около 50 научных работ, некоторые работы находятся в рукописях - общее количество их около 60. В основном опубликованные работы посвящены фауне птиц и зоогеографии, в меньшей степени – акклиматизации и истории науки. Наиболее крупные работы – докторская диссертация (Основные закономерности распространения птиц в Казахстане) и монография «Птицы Казахстана»; первый том последней написан мною, во втором я являлся автором ряда разделов и редактором.

В марте 1942 г. был призван в РККА. Закончив ускоренный выпуск в артучилище, участвовал в боях с фашистскими войсками. На войне был два раза ранен и один раз контужен. За время войны был в Польше, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии. Награжден орденами «Александра Невского», «Красная звезда», «Знак почета», медалями «За освобождение Праги» и «За победу над Германией», Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР. За работы по акклиматизации ондатры в Казахстане в 1951 г., вместе с группой ученых и производственников, получил Государственную премию 3-й степени. Член КПСС с июня 1945 г. Партийных взысканий не имел.

Женат. Жена – Демченко Людмила Андреевна – работает научным сотрудником Института ботаники АН Казахской ССР. Две дочери (1938 и 1942 г. рождения) замужем, сын (1950 г. рожд.) учится. Мать - персональная пенсионерка. Из близких родственников, кроме упомянутых, имею двух двоюродных братьев и двоюродную сестру. Один из братьев писатель (ныне пенсионер), второй академик ВАСХНИЛ, сестра пенсионерка.

Под судом и следствием не был.

Долгушин
Июль 1965 г., Алма-Ата

Основные даты жизни и деятельности И.А. Долгушина

- 1908 г. 30 марта в г. Москве родился Игорь Александрович Долгушин.
- 1909 г. Переезд в г. Омск на постоянное место жительства.
- 1924 г. Ученик 9 класса Долгушин работает препаратором Омского краеведческого музея и наблюдает птиц под руководством проф. С.Д. Лаврова.
- 1925 г. Поступил в Томский университет, где встретился с такими известными в то время зоологами как Хахлов, Йогансен, Велижанин. Вместе с ним учились такие в будущем известные зоологи как орнитологи В.Ф. Ларионов, А.И. Янушевич, В.А.Селевин, охотовед В.Н. Скалон, палеобиолог В.С. Бажанов. В этой среде и формировалась мировоззрение Долгушина-зоолога. Особенно близко И.А. Долгушин сошелся с Селевиным и Бажановым, с которыми он сохранял довольно близкие дружеские взаимоотношения всю жизнь.
- 1928 г. После 3-го курса И.А. переводится в Ленинградскую лесотехническую академию и близко знакомится с орнитологами ЗИН АН СССР.
- 1929 г. Поездка в Барабинскую низменность на отлов и кольцевание уток (см. «Uragus»).
- 1930 г. Поездка в Забайкалье с В.С. Бажановым, посещение Читы, Борзи, островов Зунторей и Барунторей, Владивостока (см. воспоминания В.С. Бажанова).
- 1931 г. Заканчивает академию и получает назначение в Ашхабад (см. воспоминания В.С. Бажанова). Проездом посещает на короткое время Кызылкумы в районе Репетека (см. упоминание об этом в письме Долгушина к Степаняну, 1964). Из Ашхабада переводится в Казахстан.
- 1931 г. Переезжает в Казахстан, в Алматинскую область. Первый год работает краевым инспектором охоты при Наркомвнешторге. И к этому времени относится начало его работ по исследованию авифауны в дельте реки Или.
- 1932 г. Становится третьим (после Л.М. Шульпина и С.И. Снегиревского) орнитологом в зоологическом секторе только что организованной в Казахстане казахстанской базы Академии наук СССР (впоследствии - Институт зоологии АН КазССР). С 1932 г. И.А. работает в этой академической системе (база – филиал – Академия наук).
- 1933 г. После ухода Шульпина И.А. Долгушин возглавил группу орнитологов в секторе зоологии и начал **планомерное** исследование орнитофауны Казахстана.
- 1933-1936. Эти годы полностью посвящаются исследованиям авифауны в низовьях реки Или, хотя одновременно И.А. периодически ведет работы в окрестностях Алма-Аты
- 1937 г. Экспедиция в Центральный Казахстан, совместно с А.В. Афанасьевым, Н.И. Грачевым и Д.И. Чекменевым.
- 1938 г. Ведет наблюдения в окрестностях Капчагая, на Иссыке, на Казгурте (Чимкентская область) и в горах Матай (Алма-Атинской области).
- 1939 г. Исследует Павлодарское Прииртышье совместно с Н.И. Грачевым.
- 1940 г. Ушел у Игоря Александровича на подготовку двух крупнейших рукописей - кандидатской диссертации и 1 тома «Птицы Казахстана», составленного вместе с М.А. Кузьминой как первая часть двухтомника (так и не увидевшего свет).
- 1941 г. В феврале защита кандидатской диссертации в Ленинграде. После ее защиты он выезжает в экспедицию по Каратау, это первое орнитологическое обследование этих гор после работ Л.В. Шапошникова в 1926-1928 гг. До лета был набран также 1-й том «Птицы Казахстана», но в связи с началом войны набор был рассыпан, и сохранился лишь один комплект корректурных оттисков, который всю жизнь, как реликвию, хранила у себя Мария Алексеевна Кузьмина.
- 1941-1945 гг. на 4 года Игорь Александрович уходит в армию и воюет до конца войны.

- 1946 г. Вернувшись с фронта, И.А. едет в экспедицию на Зайсан и на Алтай.
- 1947 г. Экспедиция на Мангышлак. Совместно с К.П. Параскивом и Д.И. Чекменевым.
- 1947-1953 гг. Заместитель директора по научной работе Института зоологии АН КазССР. Одновременно предпринимает ежегодные экспедиции.
- 1948 г. Кокчетавское поднятие (район Борового) – Караганда – Спасский завод.
- 1949 г. Кокчетавская область, экспедиция по западной части (совместно с Абенным).
- 1950-1951 гг. Исполнял обязанности директора Института.
- 1951 г. Присуждение Сталинской премии за работы по акклиматизации ондатры.
- 1952 г. Центральный Казахстан. Вместе с А.А. Слудским и аспирантом С.Г. Панченко.
- 1953 г. Экспедиция по Карагандинской области вместе с С.Г. Панченко.
- 1953-1954 гг. Прохождение докторантуры в ЗИН Академии наук СССР в Ленинграде
- 1955 г. Успешная защита докторской диссертации в ЗИН АН СССР (Ленинград).
- 1955 г. Поездка на Зайсанскую котловину и Калбинский Алтай с К.П. Параскивом.
- 1956 г. Февраль – участие в 1-й всесоюзной орнитологической конференции (Ленинград).
- 1956 г. Экспедиция в низовья Иргиша и Тургая с Д.И. Чекменевым.
- 1957 г. Участие в 1-й всесоюзной конференции по зоогеографии суши (Львов)
- 1958 г. Центральный Казахстан с М.Н. Кореловым и Д.И. Чекменевым.
- 1959 г. Центральный Казахстан (Д.И. Чекменев, Э.Ф. Родионов, И.Ф. Бородихин).
- 1959 г. Участие во 2-й всесоюзной орнитологической конференции (Москва)
- 1960 г. Выход в свет 1-го тома Птицы Казахстана.
- 1960 г. Проведение в Алматы 2-й всесоюзной зоогеографической конференции.
- 1961 г. Экспедиция в Калбу и на Западный Алтай совместно с М.А. Кузьминой.
- 1962 г. Выход в свет 2-го тома Птицы Казахстана (Долгушин, Корелов, Гаврин, Кузьмина)
- 1962 г. Участие в 3-й всесоюзной орнитологической конференции (Львов)
- 1963 г. Экспедиция на Саур, в Зайсанскую котловину и Калбу с помощниками.
- 1963 г. Проведение первой всесоюзной конференции по акклиматизации животных.
- 1964-1965 г. высокогорье Заилийского Алатау. Здесь, на Большом Алматинском озере, И.А. организывает обширные стационарные исследования, в которых участвуют сотрудники лаборатории (Родионов, Корелов, Гаврилов, Кузьмина, Бородихин). За 2 года работы были собраны огромные по тем временам материалы, потому что, тогда в печати только начали появляться первые статьи об образе жизни многих горных птиц. При подготовке 3-го тома И.А. столкнулся с тем, что по большинству видов горных птиц сведений практически нет. Поэтому он организывает блестящие стационарные исследования, давшие богатые материалы по ряду горных видов птиц. В сентябре – первая операция.
- 1965 г. Проведение в сентябре в Алматы 4-й всесоюзной орнитологической конференции.
- 1965 г. Поездка на Международный конгресс биологов-охотоведов в Югославию.
- 1966 г. В январе-феврале редактирует монографию «Птицы западной части Таласского Алатау». Весной, воодушевленный замечательными результатами работ в Тянь-Шане, И.А. организует экспедицию на Южный Алтай в район озера Маркаколь. Эту экспедицию он тщательно продумал и хорошо организовал, но сам поехать уже не смог. Результаты ее оказались достаточно высокими.
- 1966 г. В марте состоялась вторая операция, а 4 июля Игоря Александровича не стало. Похоронен на центральном кладбище города Алматы (проспект Раимбека, бывшая Ташкентская улица), недалеко от могил К.И. Сатпаева и В.А. Селевина.

Материалы к биографии

ДОЛГУШИНЫ В XIX ВЕКЕ

Долгое время мы совсем ничего не знали о корнях долгушинской фамилии. Сам Игорь Александрович любил повторять, что он «чалдон», т.е. сибиряк. Кстати, среди сибиряков слово «долгуша» означало нечто длинное, а по отношению к человеку – «длинный», «высокий». По-видимому, предки И.А. были достаточно рослыми. Еще более интересное толкование этого слова дает 4-томный Словарь русского языка (изд. 3, М., 1985): «Долгуша (устар.) – экипаж, кузов которого помещен на длинных гибких дрогах... - то же, что линейка» (Словарь, т. 1, с. 423). И тут же приводятся примеры из литературы: «На охоту мы выезжали в боковой долгуше, запряженной парой прекрасных лошадей» (Фет. Ранние годы моей юности). «Путешествие это [к озеру] совершалось на странном, вышедшем из употребления экипаже, который у нас назывался «долгуша», - его еще называли линейкой» (Либединский. Воспитание души). Не исключено, что кто-то из давних предков И.А. был связан либо с изготовлением, либо с эксплуатацией этих древних колесниц. И, может быть, не случайно, что в обоих приведенных литературных отрывках слово «долгуша» связано с охотой и озерами, столь милыми душе И.А. Долгушина.

Сам Игорь Александрович никогда не говорил о своих родственниках, лишь изредка упоминая о двоюродном брате – москвиче Донате Долгушине. Не вела разговоров на эту тему и его мама, Зоя Александровна Долгушина, переехавшая из Омска в Алма-Ату после смерти сына и прожившая здесь последние 10 лет своей жизни.

И вот спустя почти четыре десятилетия, когда, казалось бы, новой информации появиться неоткуда, в апреле 2004 года в Институт зоологии из Санкт Петербурга пришло письмо, начинавшееся словами:

«Пишет Вам одна из потомков революционера-народника Александра Васильевича Долгушина (1848-1885), Сабурова Нина Сергеевна. В свое время моя бабушка получила письмо от матери Игоря Александровича Долгушина, которая была дочерью народника А.В. Долгушина, скончавшегося в Шлиссельбургской крепости. Моя бабушка при жизни еще начала составлять родословную, чтобы наши потомки не выросли «Иванами, не помнящими родства». Мы считаем себя обязанными продолжить начатое ею дело, но на каждом шагу возникают вопросы, часть которых удалось разрешить с помощью архивов».

И далее автор письма обращалась с просьбой помочь ей прояснить некоторые подробности жизни Игоря Александровича. Получив подробный ответ, Нина Сергеевна ответила на мои вопросы детальным описанием всех родственных связей Долгушиных. К этому письму она приложила два бесценных документа: 1) схему родословного древа, с краткими комментариями; 2) копию письма Зои Александровны Долгушиной, отправленного 24 августа 1970 г. на имя бабушки Нины Сергеевны – Наталии

Николаевны. Это письмо, содержащее совершенно неизвестные до толе сведения, привожу полностью, без купюр.

«Уважаемая Наталия Николаевна! Пишет Вам Зоя Александровна Долгушина из Омска. Мой сын Игорь Александрович Долгушин умер в 1966 г. от долгой и тяжелой болезни – рака желудка. Его жена переслала мне Ваши анкеты. Теперь я со своей тоже старенькой подругой трудимся над ними. Мне 88 лет и склероз идет полным ходом – я часто путаюсь в годах, а потому имейте терпение подождать ответы.

Напишу самое главное, чтобы исправить ошибку: я, Зоя Александровна Долгушина, из всех родственников самая непримечательная личность, если не считать того только, что я родилась в красноярской тюрьме (1981 год), а потом пробыла на Карийской каторге до отправки отца сначала в Петропавловскую крепость, а потом в Шлиссельбург. На этом и кончается весь мой героизм. В нижнем Новгороде нас разлучили уже навсегда. Мне шел тогда третий год жизни. В моих метриках обозначено: дочь ссыльно-каторжного Александра Васильевича Долгушина и его жены Аграфены Дмитриевны Долгушиной.

Дочь Зоя – так настаивал отец, так как Зоя в переводе с греческого означает ЖИЗНЬ. Я совершенно не помню отца и знаю его только по рассказам матери. В Красноярске нас встретил дед Василий Фомич (прокурор). Мы отстали от партии (ввиду моего рождения); моего брата Александра дед оставил у себя в Красноярске (между нами 11 лет разницы), а мы через некоторое время проследовали дальше на Кару, где и пробыли два с чем-то года.

Из Нижнего Новгорода мать со мною проследовала в г. Омск, где жила в то время ее сестра. У матери не было за душой ничего, кроме ее акушерского диплома, и она сделалась городской акушеркой. Мать была великая труженица, ведь тогда не было никаких родильных домов, и вся беднота свалилась на ее руки. Так мы жили вместе с сестрой матери, у которой было четверо детей, и все они со мной нянчились. Брат мой рос у бабушки и приехал к нам уже гимназистом 6-го класса, где и кончил гимназию. Я не знаю, дед, верно, помогал нам жить в это время, знаю только, что он отправлял (брата) учиться в Казанский университет на свои деньги. А я в это время только поступала в гимназию. Так что своим городом я считаю Омск.

Окончив Омскую гимназию, я через некоторое время поехала учиться в Москву и там окончила фельдшерские курсы. В это время, в 1908 г., у меня родился сын Игорь. Он был рожден вне брака, а потому носит мою фамилию, а величание Александрович – по крестному отцу. Я работала тогда в одной районной больнице возле Москвы. Было, правда, трудновато, и мать настояла на том, чтобы я вернулась в Омск.

Когда Игорю был один год, мы вернулись к бабушке и стали жить вместе. Бабушка в это время уже получила пенсию, а я заменила ее на работе. В 20 году мать умерла. Игорь тогда учился в школе. Он был очень способный к ученью... В 1930 году он получил диплом и был отправлен с путевкой в Алма-Ату, где и работал все время: сначала в Институте, а потом и в Академии наук в Институте зоологии по специальности орнитолога. Он был женат два раза. От первой жены дочка Наталья (уже замужем) и сын Алеша отбывает воинскую повинность в Новосибирске (от второй жены). Они оба очень мало осведомлены о его родных. Ну, вот пока и все. Главная ошибка устранена: я дочь Александра Васильевича Долгушина, персональная пенсионерка (за отца), живу в г. Омске, имею благоустроенную однокомнатную квартиру, живу одна. Пока еще сама управляюсь со своим несложным хозяйством. Кто-то еще остался из родственников матери, есть и друзья по гимназии.

С приветом – З. Долгушина».

Зоя Александровна скончалась в возрасте 97 лет. Похоронена она на центральном алматинском кладбище (на бывшей Ташкентской улице, ныне – ул. Раимбека), рядом с сыном и невесткой, где ежегодно 30 марта собираются те, кто чтит память о ее сыне.

Фрагмент второго документа представлен на рис. 1.

Судя по этой схеме, самые древние сведения сохранились о прапрадеде Игоря Александровича Фоме, годы жизни которого известны лишь приблизительно. Кто же он был и чем занимался, этого установить не удалось даже семейству Сабуровых, которые очень активно пытались и до сих пор пытаются исследовать свое родословное древо. Не исключено, что именно Фома был связан с экипажами по имени «долгуша».

Гораздо больше данных удалось собрать Нине Сергеевне Сабуровой (правнучке Софии Васильевны Долгушиной) о прадеде Игоря Александровича Василии Фомиче Долгушине и его прабабушке Еликониде Алексеевне, а также деде – революционер-народнике Александре Васильевиче Долгушине. Нина Сергеевна была настолько любезна, что прислала нам текст своего очерка и некоторые бесценные фотографии с разрешением опубликовать и то, и другое в настоящей книге, что мы с благодарностью и делаем (см. ниже).

Сопоставление двух присланных Н.С. Сабуровой документов рисует картину очень нелегкого семейного положения всего рода Долгушиных в начале XX в., к моменту рождения Игоря Александровича. Самым тяжелым из них, конечно же, было положение Зои Александровны, воспитывавшей сына на свою более чем скромную зарплату акушерки.

Все это лишь добавляет уважения к силе духа юноши, который в таких трудных условиях, когда уже в школьные годы пришлось совмещать учебу с работой, чтобы прокормить семью, сумел приобщиться к знаниям и развить свой интеллект настолько, что стал одним из самых образованных людей своего времени. Эти же трудности, приучив молодого Долгушина к тому, что их надо постоянно преодолевать, закалили его волю (видимо, достаточно сильную от рождения), что впоследствии очень пригодилось ему как в годы военных испытаний, так и в нелегких полевых условиях казахстанских экспедиций. К сожалению, эти же трудности в значительной степени и подорвали здоровье, которое он никогда не берег...

И еще одна мысль не дает покоя при знакомстве с этим «родословным деревом». Ведь

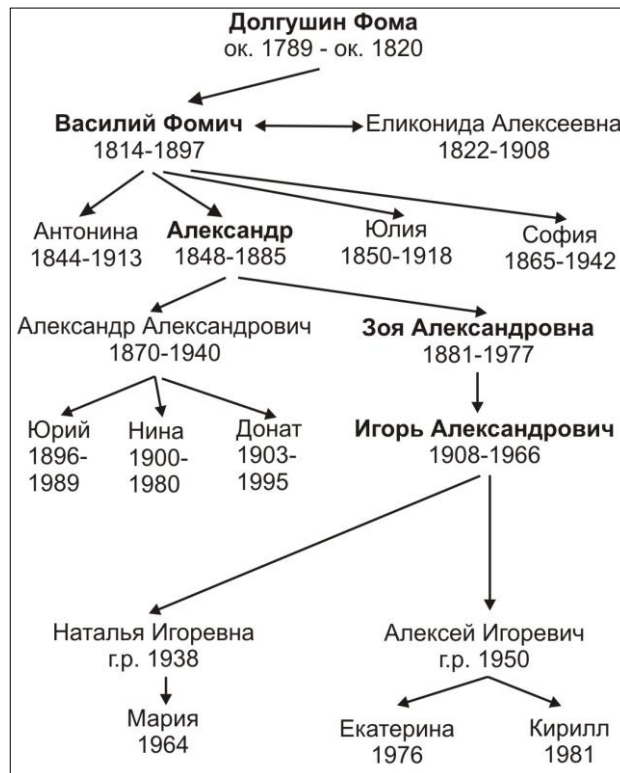

Рис. 1. Родословное древо Долгушиных в сокращенном виде (Н.С. Сабурова)

большинство Долгушиных были долгожителями, о чем красноречиво свидетельствуют годы жизни не только прадеда Василия и прабабки Еликонида, но и Зои Александровны, Юрия, Нины и Доната Долгушиных. Значит, и Игорь Александрович мог бы прожить еще, по крайней мере, 25-30 лет. Трудно себе представить, что бы мог еще совершить за эти годы его пылкий ум, с присущими ему целеустремленностью, силой воли и таким неутомимым характером, если учесть, что ушел он из жизни в полном расцвете сил...

А.Ф. Ковшарь

Прадедушка Василий Фомич Долгушин (1814–1897) и прабабушка Еликонида Алексеевна (1822–1899)

Василий Фомич Долгушин родился в 1814 году в городе Тобольске.¹ Его родители, Фома Долгушин и его жена, происходили из старообрядцев, скорее всего попавших в Сибирь во второй половине XVII в., в трагическое время возникновения раскола русской православной церкви. Как пишет духовный руководитель современной Никольской православной общины диакон Петр Чубаров, анализируя причины церковного раскола, «реформа Никона была связана не только с «исправлением» церковных книг по образцу новогреческих. Собор 1866–1867 гг. осудил также древнерусские церковные обряды».²

Можно сказать, что первая религиозная гражданская война произошла в середине XVII в. Это и «Соловецкое сидение», когда в течение восьми лет монахи Соловецкого монастыря, осажденные войском царя, отстаивали старую веру, и казаки восстания Некрасова и Булавина, и стрелецкие бунты в Москве (Хованщина)... «Лишь после подавления восстания под предводительством Емельяна Пугачева в конце XVIII века антифеодальный протест в старообрядческом движении постепенно исчезает».³

Долгушины, судя по всему, относились к поповцам. Это одно из направлений в старообрядчестве, возникшее на основе беглопоповщины, имеющей свою церковную организацию. В отличие от беспоповцев они признавали учение об иерархии и семи церковных таинствах, а разногласия с русской православной церковью касались преимущественно обрядовой стороны.

О том, что Долгушины относились именно к направлению «поповцы», можно заключить из того, что вдова Фомы была просфирней в Тобольской старообрядческой молельне.⁴ Жили они в нижней подгорной части города в маленьком, покосившемся от времени, домике. Кто был Фома – семейные предания молчат. Возможно, потомок казака, сподвижника Ермака, основавшего в 1587 году Тобольский городок; возможно, предки его – раскольники, бежавшие из России почти веком позднее от преследования никонианцев. Наверное, это один из тех вопросов, которым суждено остаться без ответа.

Можно только предположить, что Фома был старообрядец, а, следовательно, трезвенник, и не принадлежал к тому, жившему в Тобольске черному люду, который, как заметил Радищев, «трудится для того, чтобы иметь что выпить». Неизвестно также,

¹ См. Родословную таблицу семьи Долгушиных.

² Диакон Петр Чубаров. Беседы о Вере и Церкви. Преодолеть сердцем. – «Православный Санкт – Петербург», 1998, № 8 (74).

³ Карманный словарь атеиста. Москва: Издательство политической литературы, 1983.

⁴ Здесь и далее: Воспоминания и записи Сабуровой (в девичестве Рябининой) Софии Константиновны. – Петербург, январь 1970. Сабурова С.К. – внучка Долгушиных В.Ф. и Е.А.

был ли он ремесленником или мастеровым (в Тобольске было много цехов их – столярный, кузнечный, плотничный, кирпичный, сапожный, портновский, иконописный, малярный и другие), но твердо можно сказать, что от трудов своих он «палат каменных не нажил».

Издав с Иртыша виден белокаменный кремль Тобольска. Радищев по пути на место ссылки в Илимский острог провел зиму в первом стольном граде «всей Сибири» и так писал о нем: «... Положение его прекрасно. Часть одного построена на весьма высоком косогоре, и часть в долине на берегу Иртыша, за 200 или 300 сажень от того места, где Тобол соединяется с ним двумя излиями. Главнейший из оных вырыт, сказывают, при князе Гагарине шведскими пленниками для свободнейшего выхода судов в Иртыш».

Верхний город с его каменными стенами, башнями, 62-метровой колокольной собора святой Софии Божией Премудрости, стоящими посреди огромной, мощеной булыжниками площади – созданиями боярского сына Семена Ремезова, работавшего еще в конце XVII в. и пополнился в начале XVIII – XIX вв. домом наместника, двухэтажными особняками дворянства и богатых купцов, выстроенными в духе позднего классицизма и ампира. В нижний город путь лежит сквозь арку под Рентереей («Шведской палатой»), по Прямому взвозу. В подгорной части дома больше одноэтажные, деревянные, с садами; широкие улицы, обширная базарная площадь с торговыми рядами, склады, амбары, лабазы, сложенные из толстостенных бревен или из кирпича, пристань на Иртыше. А ближе к окраинам уже были не дома, а домишки, многие – почерневшие, покосившиеся.

В праздничные и базарные дни звон колокольный стоял над городом; от товаров – хлеба и разной снеди – ломились лавки, склады; тысячные сделки на лес, мясо, рыбу, сало, солонину совершались в гостинодворских рядах и просто на базаре. Тобольск, хотя и расположенный в стороне от Московско–Сибирского тракта, был богатым городом, в нем в определенные сроки устраивались ярмарки.

Тобольские купцы были посредниками в торговле между Россией и Сибирью, даже с Китаем. Закупая в Ироите (360 верст от Тобольска) на ярмарках европейские товары – вино, сукна, полотно, сахар, кофе и др. – они везли их в Тобольск по старому Тобольскому тракту, рассылали по другим городам губернии оптом и в розницу. Сами же торговали ценнейшими мехами – бобром, выдрой, черной и чернобурой лисицей, выменными или купленными за бесценок у остяков, тунгусов и самоедов. Многие разбогатели на енисейском золоте, другие принимали участие и в рыбных промыслах по рекам, на Охотском море, на Камчатке, и поставляли в Россию свежую и соленую рыбу и икру. Знались также и с китайскими купцами и на Кяхте, у самой китайской границы, скупали шелка, фарфор и лакированные вещи. Жили «первостатейные» купцы широко, как отметил Радищев, любили пировать и веселиться.⁵

Фома Долгушин скончался рано, оставив свою вдову бедствовать с тремя детьми. Преодолевая горе, думала она о том, чем прокормить двоих дочек и старшего сына Васю. Хотя хлеб и все съестное в Тобольске было вчетверо дешевле, чем в других городах России, пришлось ей подрабатывать варкой уксуса, чтобы как-то свести концы с концами.

Климат в Тобольске суровый, около восьми месяцев в году земля скована морозом, покрыта сверкающим на солнце снегом. И вот в такие дни, когда даже прямые столбы дыма над трубами кажутся застывшими от сорокаградусной стужи, бедный Вася бегал по базару со своим уксусом полуодетый, в одном нанковом халатике. В свободное

⁵ Фоякова Н.Н. Долгушинцы. См. биографические очерки семей Фояковых и Долгушиных. Фоякова Наталия Николаевна – жена правнука Долгушина В.Ф.

время он много читал и не только церковнославянскую литературу, но и художественную, научную – все, что удавалось заполучить в Тобольске. Готовился к поступлению в гимназию...

В Тобольске в то время было много старообрядцев. Возможно, с их помощью Василию удалось осуществить свою мечту – поступить в Тобольскую гимназию, хотя для таких бедняков, как он, в то время это было мало доступно. Это был необыкновенно способный мальчик, обращавший на себя внимание, был он упорен, настойчив, учился блестяще, и кроме усвоения курса, занимался еще самообразованием, находил время и для работы, чтобы помогать матери и сестрам: подростком поступил в суд «мальчиком на побегушках» - подметал, заправлял лампы, зажигал свечи, чинил перья; потом стал рассыльным. Успешно переходя из класса в класс, Василий приобрел себе много друзей (кто знает, быть может, он был соучеником П.П. Ершова, знаменитого впоследствии поэта, автора сказки «Конек-Горбунок»), но были и обидчики, смеявшиеся над его дырявыми сапогами и корившие за залатанные локти. Правда, они же, тупоголовые купеческие сынки, тайком заказывали ему писать за них сочинения и, случалось, платили за это по червонцу.

Тобольская губернская гимназия – двухэтажный каменный дом незатейливой архитектуры, сооруженный в первой половине 20-х гг. XVIII в.... В этом доме провел детские годы композитор А.А. Алябьев... В 1791 году этот дом посещал А.Н. Радищев. В 1797 г. дом был передан Тобольскому Главному народному училищу.

В 1810 г. училище было преобразовано в гимназию, сначала 4-классную, а с 1836 года – 7-классную. В гимназии с 1827 по 1830 г. учился, а с 1836 г. работал учителем поэт и педагог, автор сказки «Конек-Горбунок» П.П. Ершов (1815–1869). В начале 30-х гг. XIX века директором гимназии был Иван Павлович Менделеев, а с 1841 по 1849 г. здесь учился его сын, будущий великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев.

В своих воспоминаниях о Тобольске Дмитрий Иванович написал: «... Тут жили почтенные и всеми уважаемые декабристы Фонвизины. Здесь – Анненков, тут – Муравьев, близкие нашей семье... Уже нет никого из них в живых и теперь можно говорить, что семьи декабристов в те времена придавали тобольской жизни особый отпечаток, наделив ее светлыми воспоминаниями. Предание о них живет и до сих пор в Тобольске». В этом городе «... отбывали ссылку 14 декабристов. Их неутомимой деятельности город обязан развитию народного образования, здравоохранения и музыкальной культуры. С именами А.М. Муравьева и П.Н. Свистунова связано появление в Тобольске первого женского учебного заведения – девичьего приходского училища»⁶.

До гимназии в этом здании размещалось тобольское Главное народное училище, образованное по рескрипту императрицы Екатерины II. По велению Александра I это было исполнено.⁷ День открытия училища – 11 марта 1779 г. Это здание предложил занять для гимназии правитель наместничества А.В. Алябьев. В 1813 г. состоялся первый выпуск учеников гимназии, среди которых был Александр Васнецов.

Василий Фомич Долгушин окончил эту гимназию в 1833 г. с золотой медалью и поступил в суд письмоводителем. Да так и пошел по этой части. Трудно ему было. Много унижений, оскорблений пришлось испытать, но он все двигался и двигался вперед по служебной лестнице. В суде перед ним раскрылись многие стороны жизни. В Сибирь с самого ее присоединения к России привозили и пригоняли арестантов и каторжников, заселяли ими пустующие земли. Кругом было море горя и слез, а также и

⁶ Копылов Д. Памятники Тобольска и его окрестностей. – Тюмень, 1960. – с.35-37.

⁷ Указ от 3 ноября 1788 г.

преступлений – краж, грабежей, поджогов, убийств, которые требовали раскрытия и расследования.

Перед Василием Фомичом чередой проходили клейменные лица, закованные в кандалы фигуры – все это были преступники, нарушившие закон, а за преступлением должно следовать наказание, которое определяет закон. Василий Фомич привык верить, что закон всегда стоит на страже блага людей. Всеми своими помыслами и силами служил он закону и все, чего добился по службе, было заработано им своим трудом и руками.

Женился Василий Фомич тоже непросто: влюбился в дочь богатого, «именитого» купца Проскурякова, и она его полюбила. А посватался – отказ, и больше в дом на порог не пустили – голь, судейская душа. Алексей Проскуряков, владелец золотых приисков (известный, кроме прочего, в Тобольске тем, что у него первого в городе пили чай из тульского самовара, привезенного из России, а позднее заведена была и швейная машина), за дочерью Еликонидой назначил большое приданое. Но не такого зятя он рассчитывал.

Проскуряковы были старообрядцами и поэтому, несмотря на большое богатство, нажитое не только благодаря прибыльной торговле (собольи шкурки, китайские товары, мануфактура, хлеб), но и доходу от золотых приисков, не были возведены в разряд потомственных почетных граждан города, как бийские капиталисты Морозовы.^{8 9} В семье царил «Домострой», описанный П.И. Мельниковым (Андреем Печерским) в своих произведениях («Записки о русском расколе», «В лесах» и др.)¹⁰ Ослушаться слова главы семьи не смели даже сыновья.

Однако Василий Фомич не отступился, женился увозом. Увез невесту за 560 верст от Тобольска, в город Тару, там обвенчались, туда и на службу перевелся.

Тара, стоявшая на пригорке при впадении реки Тары в Иртыш, в свое время имела большое стратегическое значение как крепость против орд Кучума. В 1840-х гг. это был маленький городок, но все же административный центр Тобольской губернии, с Тобольском был связан водным путем, вниз по Иртышу. Население уезда интенсивно занималось земледелием, а в самом городе были развиты ремесла, появилось несколько предприятий – мукомольни, маслобойни, прядильни и пр., так что жилось там неплохо.

Спустя год молодые явились к родителям в Тобольск за прощением. Простить их с Еликонидой простили, но приданого за нарушение отцовской воли так и не дали. Пришлось жить молодым Долгушиным на жалование Василия Фомича. Но они все равно были счастливы. Понемногу обжились в Таре, обзавелись необходимым. Издание «Адрес-календарь и общий штат Российской Империи СПб при Императорской академии наук» позволило проследить достаточно полную хронологию служебного продвижения Василия Фомича, начиная с 1836 года.¹¹

Поселившись с молодой женой в городе Таре, В.Ф. Долгушин служил в Уездном училище вначале учителем вторых классов и рисования, затем – с 1838 по 1844 г. – учителем русского языка и рисования. В 1844 г. в семье появляется первый ребенок – дочь Антонина¹², второй ребенок – мальчик – вскоре умер. В 1848 г. родился сын

⁸ Старцев А.В. Предприниматели и предпринимательство в Сибири. – Барнаул, 1997.

⁹ Щеглов В.И. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032 – 1882). – Иркутск, 1883. 778 с.

¹⁰ Мельников П.И. (Андрей Печерский). Издание «Мастацкая литература». Минск, 1986.

¹¹ Здесь и далее – Адрес-календарь и общий штат Российской Империи. СПб при Императорской Академии наук. Тома с 1837 по 1881 гг.

¹² Долгушина (в замужестве Фоянкова) Антонина Васильевна (1844 – 1913).

Александр¹³ и в 1850 г. – дочь Юлия.¹⁴ О судьбах Антонины, Александра и Юлии Долгушиных, их семьях и потомстве более подробно повествуют «Воспоминания и записки Сабуровой (в девичестве Рябининой) Софии Константиновны» и биографические заметки, составленные Наталией Николаевной Фоняковой, женой Олега Антониновича Фонякова, одного из внуков Антонины Васильевны Долгушиной (в замужестве Фоняковой).

В первые годы жизни тесная дружба связала Антонину с братом Александром, который был на 4 года младше ее. Но уже очень рано она почувствовала себя его наставницей и защитницей, а когда ей было 8 лет, мать часто доверяла ей и младшую сестру Юлию. В Таре брат Александр ходил в уездное училище, а Антонину учили дома – отец и один из его подчиненных, так как женской гимназии в городе не было.

С 1845 по 1852 г. Василий Фомич занимает должность смотрителя училищ, а позже – штатного смотрителя училищ в звании Титулярного советника.

И вдруг пришла беда. Василий Фомич, будучи старообрядцем, не брал в рот спиртного, не курил, но был страстным игроком в карты и тут не знал никакого удержу. И однажды проиграл 10000 рублей, что составляло в те времена целое состояние. На другой день Василий Фомич валялся в ногах у жены, просил прощения. А что ее прощение? Кредиторы-то были неумолимы. Платить было нечем, а потому был наложен арест на жалованье Василия Фомича, было описано все имущество. А потом был назначен аукцион (торги). Со слезами наблюдала Еликонида Алексеевна, как из дома выносили вещи и обстановку, с таким трудом приобретенные...

Долгушины остались нищими. Ученье детей пришлось оставить, так как отец работал чуть ли не круглые сутки, не только преподавал в училище, но и давал частные уроки, не гнушаясь никакими заработками на стороне, вплоть до переписки бумаг.

Но Еликонида Алексеевна не растерялась: открыла мастерскую по шитью шуб и верхнего платья. Старшую дочь Антонину обучила белошвейному мастерству, и они с ней шили на руках, «строчили» мужские парадные рубашки, дамское белье и блузки.

Так они продержались некоторое время, но прошло больше 10 лет, пока жизнь не вошла в норму. В Таре Василия Фомича уважали, как судью: он знал законы, был тверд, но справедлив. В конце концов, его заметили и в 1853 г. перевели в родной город Тобольск. Здесь семья прожила несколько лет. Вначале Василий Фомич служил бухгалтером в канцелярии Совета Главного управления, а с 1854 по 1857 год – в Общем Губернском Управлении, где был уже начальником отдела в звании коллежского асессора.

Здесь сын Александр, достигнув соответствующих лет, поступил в Тобольскую гимназию, и Антонина вместе с ним из года в год штудировала его учебники, много читала. В 1858 году – новый перевод Василия Фомича в город Туринск – исполняющим должность судьи в окружном суде (в звании Надворного Советника). Здесь он прослужил до 1863 г. Когда семья переехала в Туринск, Александр продолжал учебу в Тобольске и приезжал к родителям на каникулы. Так было и позднее, начиная с 1869 г., когда Василий Фомич был уже окружным губернским судьей в г. Кургане.

В те годы Антонина Васильевна, уже 19-летняя девушка, поняла превосходство над собой 15-летнего брата-подростка, оценила его живой ум, схватывающий все на лету, огромную работоспособность и раннюю зрелость. В старших классах Александр стал интересоваться историей и политикой, проявлять независимость мнений и суждений, вступал в споры с преподавателями, за что получал взыскания. Когда об этом

¹³ Долгушин Александр Васильевич (1848 – 1885).

¹⁴ Долгушина (в замужестве Падерина) Юлия Васильевна (1850 – 1918).

становилось известно родителям, Антонина всегда выступала в его защиту, а брат посвящал ее в свои интересы и думы. В 1863 г., к радости родителей, появляется на свет третья девочка, Соня, которая стала любимицей и матери, и отца.¹⁵

Василий Фомич, продолжая продвигаться по службе, с 1863 по 1866 год служил в Кургане в должности окружного губернского судьи, а с 1867 года, получив звание Коллежского Советника, переводится на должность судьи в г. Тобольске.¹²

Старшая дочь, Антонина Васильевна, к тому времени была замужем за Петром Петровичем Фоянковым. Живя в Ялуторовске, а затем в Кургане, она вела переписку с братом. В 1869 г. он сообщил, что женился на Аграфене Дмитриевне Скорняковой – с ней Антонина Васильевна была знакома еще по Петербургской акушерской школе.

В том же 1869 г. Василия Фомича Долгушина назначают старшим ревизором Контрольной палаты города Красноярск Енисейской губернии.¹² Семья вновь готовится к переезду и «перекочевывает» в Красноярск. Часть пути плыли Енисеем, и Василий Фомич воочию убеждался, что Восточная Сибирь еще более необжитой край, чем Западная. «Широкая и могучая река, по обеим сторонам покрытые тайгой горы, бесчисленные острова, редкие маленькие деревушки, но в долинах замечались богатые пашни. Ближе к городу берега стали безлесными, скалистыми, красного цвета – откуда и пошло название города.

Красноярск расположен у подножья Черной сопки, на возвышенном полуострове, омываемом полноводным Енисеем с одной стороны и притоком его, речкой Качей, с другой. Но вид города разочаровал Василия Фомича: ни Кремля, ни башен. Красив каменный собор, внушительно выглядели несколько каменных же казенных домов, где размещались присутствия, гостиный двор, а в остальном – масса добротных деревянных домов, но еще больше домишек.

Однако, население за два с лишним века (Красноярский острог был основан в 1628 г.) достигло к 60-м г. XIX в. почти десяти тысяч человек. Город быстро богател, так как стоял на Московско-Сибирском тракте. Торговля кипела, купцы были и здесь богатейшие, действовали и небольшие предприятия. На пристани шла непрерывная разгрузка и погрузка барж, карбасов, плотов и немногочисленных тогда еще пароходов.

А где богатство, там рядом и нищета, и борьба, и преступления. Особенно тяжелым было положение рабочих на таежных золотых приисках Енисейской губернии. Судебному ведомству и здесь было много работы, кроме преступлений расследовались и разбирались тяжбы купцов-толстосумов между собой.¹⁶

В Красноярске Василий Фомич быстро выдвинулся - знание законов, дар речи, безукоризненная честность и неподкупность сделали свое дело. Вскоре он был назначен прокурором судебной палаты. В семье радовались успехам Василия Фомича. Особенно гордилась им старшая дочь Антонина. Кроме того, в 1870 году брат уведомил ее из Петербурга о рождении сына Александра! Потом писем долго не было, так что Антонина Васильевна в беспокойстве запрашивала родителей. Мать тоже не находила себе места от неизвестности. Как громом поразило ее известие о том, что Саша в тюрьме.

Большой радостью для стариков Долгушиных было самоличное письмо Александра в 1871 г. с извещением о том, что он оправдан по суду. Однако он ничего не писал о дальнейших своих планах, а потом письма стали приходить все реже, стали короче и суше, а в 1873 г. и вовсе прекратились. Это было и для них, и для Антонины Васильевны большим огорчением.

¹⁵ Долгушина (в замужестве Рябинина) София Васильевна (1863 – 1942).

¹⁶ Фоянкова Н.Н. биографические заметки. Долгушинцы.

В конце 1873 г. из Красноярска к старшей дочери приехала Еликонида Алексеевна. Вся в слезах, она рассказала, что получили они с Василием Фомичом известие о новом аресте Саши. И теперь еще страшнее, чем в первый раз, когда его забрали за беспорядки на студенческих сходках. Теперь он обвинен в государственном преступлении, а в каком – неизвестно! Василий Фомич через своих сослуживцев навел необходимые справки о деле и, списавшись с крупнейшим петербургским адвокатом, просил его взять на себя защиту сына. Обо всем этом рассказала Еликонида Алексеевна. Дочь ее старшая, сама напуганная и угнетенная, как могла, успокаивала и поддерживала мать, а после ее отъезда с нетерпением ждала писем из Красноярска.

С большим опозданием приходили в Красноярск столичные и московские газеты с отчетами о деле А.В. Долгушина и его товарищей-народников, которое разбиралось Особым Присутствием Правительствующего сената. Еще позднее узнавали о нем Фоянковы в Кургане. Узнавали и содрогались: что ждет Александра за такие дела, как сочинение, печатанье и распространение прокламаций, призывавших к народному бунту? И Антонина, и муж ее, Петр Петрович, разделяли взгляды Александра, восхищались его смелостью и энергией и... трепетали за его судьбу.¹⁷

Известие о приговоре – 10 лет ссылки на каторжные работы - пришло почти одновременно с сообщением о гражданской казни долгушинцев, о чем написала в начале мая его жена. На Конной площади во время совершения этого обряда произошли волнения. Срок каторжных работ был увеличен, а осужденных отправили в каторжную Белгородскую тюрьму под Харьковом, где подвергли одиночному заключению. Аграфена поселилась в соседнем селе и носила осужденным передачи. Свидания не разрешались.

С 1874 г. Василий Фомич – Губернский Прокурор Красноярского губернского суда Енисейской губернии, Статский Советник. Он стал крупным чиновником в губернском масштабе. В дом его пришел достаток. Василий Фомич стал выписывать газеты, журналы, книги, не только по юриспруденции, интересовался и художественной литературой.

К началу нового учебного года мужа Антонины Васильевны, Петра Петровича Фоянкова перевели в Туруханск. Фоянковы взяли с собой только старшую дочь Клавдию, а сына Антонина и младшую Надежду оставили у бабушки с дедушкой Долгушиных в Красноярске. Сын Антонин был переведен в красноярскую гимназию из Тобольска; Надежда здесь поступила в женскую гимназию. Бабушка и дедушка воспитывали их и очень полюбили.

Впоследствии Василий Фомич был награжден орденами, в том числе и Владимира первой степени, получил звание потомственного дворянина, за сорок лет безупречной деятельности выслужил хорошую пенсию.

Однако, с 1881 г. данные о Долгушине В.Ф. в Месяцеслове и Адрес-Календаре отсутствуют. Служебная карьера Василия Фомича окончилась самым неожиданным образом. Был положен конец не только служебной деятельности Василия Фомича, но и всей его прежней жизни. Его лишили орденов и чина, никакой заметной роли в губернских делах он теперь не играет... Что же произошло?

Ответ на этот вопрос был получен в 1998 г. при изучении биографии Василия Фомича в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ, он же РГИА).

В сентябре 1881 г. в Красноярск прибыла партия ссыльных, в числе которых был Александр Долгушин. Благодаря Василию Фомичу Долгушину их жизнь была облегчена. Александр Васильевич имел не только свидания с родными (в том числе с его

¹⁷ Биография Фоянковой (урожд. Долгушиной) А.В., составленная Фоянковой Наталией Николаевной.

младшей сестрой Соней и с племянником Антонином и племянницей Надей Фoniaковыми), но и бывал иногда в доме отца (конечно, в сопровождении полицейского, которого щедро угощали на кухне, пока молодежь обсуждала литературные и политические проблемы.

Вначале в ГАРФ (РГИА) было обнаружено отсутствие дел как о дворянстве, так и о лишении дворянства Долгушина Василия Фомича. Заведующая читальным залом РГИА Варехова Серафима Игоревна пояснила, что эти дела изъяты давно, задолго до революции, и посоветовала обратиться в «каталог». Кроме того, она подсказала, что в то время причиной отставки Долгушина В.Ф. не могла стать революционная деятельность его сына, Александра Долгушина, народника, преданного суду Особого Присутствия Правительствующего Сената и осужденного 15 июля 1874 г. к лишению всех прав, состояния и к ссылке в каторжные работы.¹⁸ Серафима Игоревна объяснила, что при отсутствии прямых улик в участии родителей в противоправных действиях сына, они не подвергались репрессиям, и дело, видимо, в другой причине. Она дала разрешение на продолжение поисковых работ в «святая святых» архива – в «каталоге».

И здесь вскоре все разъяснилось. Были обнаружены материалы об организации побега каторжного и государственного преступника Владимира Малавского дочерью Василия Фомича Долгушина, гимназисткой Софией Васильевной Долгушиной при участии ее брата Александра, и как было доказано позднее, с ведома ее отца.^{19 20}

Была предъявлена записка Сони Долгушиной к ее подруге, тоже гимназистке, Цитович следующего содержания: - «Папа советует по возможности отпираться от всего, не знаю, что делать...». Именно эта записка подтвердила участие отца в этом побеге, и было вынесено решение об отставке Енисейского Губернского Прокурора Статского Советника и кавалера Василия Фомича Долгушина.

22 марта 1882 г. в адрес Его Высокопревосходительства Дмитрия Николаевича Набокова от генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрия Лиховицкого было направлено конфиденциальное сообщение²¹, в котором наряду с прочим содержалось следующее соображение: «Ознакомясь со всеми обстоятельствами дела и зная прежнюю честную и добропорядочную в Восточной Сибири службу бывшего прокурора Долгушина, я считаю долгом заявить Вашему Высокопревосходительству, что, по мнению моему, если он и может быть в чем-либо виновен, так это в допущении членов своей семьи ко слишком частым свиданиям с содержащимся в красноярской тюрьме сыном его, государственным преступником Александром Долгушиным. Официальный пост прокурора послужил ему в этом случае средством обойти существующие правила, но, несомненно, что, поступая таким образом, он увлекался родительскими чувствами, не допуская даже мысли, чтобы сын его, окончивая уже срок тяжкого наказания, может задумать новые преступные действия.²² Обстоятельства, однако, показали иное, и бывший прокурор Долгушин за свою близорукость поплатился не только судьбой дочери и новым отягчением участи сына, но и лишением места. Находя его настоящее

¹⁸ Доклад Особому Совецанию, образованному согласно 34 ст. положения о государственной охране. О ссылке - каторжном Александре Долгушине. РГИА. Фонд 1405. оп.534, дело 1237 лл. 3, 3 об., 4, 4 об.

¹⁹ 24 ноября 1881 г. Господину министру юстиции. Содержание шифрованных донесений енисейского губернатора – губернатору Восточной Сибири.

²⁰ Дело №2792 о побеге из Красноярского тюремного замка государственного преступника Владимира Малавского.

²¹ РГИА. Фонд 1405, оп. 534, дело 1237, лл. 1, 1об., 2, 2об., 5, 6 (Об отставке В. Долгушина).

²² Александр Долгушин, решив спасти близких, взял на себя вину за организацию побега В. Малавского.

положение самым критическим, так как с потерей должности он лишился всех средств к содержанию себя и своего семейства, я считаю справедливым просить Ваше Высокопревосходительство предоставить ему право ныне же подать прошение об отставке, дабы воспользоваться законною пенсией и тем обеспечить дальнейшее свое существование...».

В результате этой переписки В.Ф. Долгушину было даровано право лично подать прошение об отставке. Пришлось старику предпринять путешествие в Петербург, где он обратился с прошением к своему министру. «После многих хлопот ему была восстановлена пенсия. Он прослужил 45 лет и ни разу за это время не пользовался даже отпуском. Было, вероятно, принято во внимание и то, что сына его уже не было в живых».³ Родители получили извещение, что он умер «от воспаления легких» в Шлиссельбургской крепости 30 июня 1885 г. в возрасте 37 лет.

Василий Фомич из Петербурга отправился в Шлиссельбург. «Долго бродил он около тюрьмы и искал случая узнать что-нибудь точное о своем сыне. Наконец, ему удалось договориться с одним из стражников, который знал Александра Васильевича, и сообщил некоторые подробности о нем».⁴ По семейному преданию, Василий Фомич узнал от этого стражника о том, что режим в крепости был такой, что не разрешались ни переписка, ни чтение книг, никаких свиданий и передач. Полное одиночество и тишина, - и это на всю жизнь! Смелая, энергичная натура Александра Долгушина примириться с этим не могла. Он стучал в двери, поднимал крик и часто попадал в карцер. Кончилось тем, что после перевода в «старую тюрьму» - надежное место для дисциплинарных наказаний и часто последнее пристанище для приговоренных к казни, он покончил с собой. Этот же стражник указал, конечно, не бесплатно, где могила его сына.⁴

Возвратившись в Красноярск, Василий Фомич долго не мог прийти в себя от горя. Но нужно было заботиться о семье, внуках... «Несмотря на свой возраст, он прекрасно сохранил свое знание законов и умение владеть речью, и стал заниматься адвокатурой. Дела вел удачно и занимался адвокатурой до 82 лет.

Их младшая дочь, София Васильевна, жила вместе с мужем К.Н. Рябининым и двумя дочками Соней и Еленой в Семипалатинске и неоднократно приглашала родителей к себе. Как пишет в своих воспоминаниях их внучка, С.К. Сабурова (ур. Рябинина): «Старики Долгушины к этому времени стали совсем беспомощны, дедушка стал глохнуть и слепнуть. Они, наконец, решились и в 1897 г. летом приехали к нам. В это время уже прошла Сибирская железная дорога, так что от Красноярска до Омска они проехали по железной дороге, а от Омска до Семипалатинска – на пароходе по Иртышу. Их сопровождала папина сестра Мария Николаевна Рябинина. Одни они не смогли бы проехать, т.к. никогда не ездили по железной дороге. Дедушка был нездоров, и ему было уже 83 года, бабушка была лет на 8 его младше. Бабушка все удивлялась семипалатинской дешевизне. В Красноярске, как только начали строить железную дорогу, все вздорожало. Особенно ее удивило, что поросенок стоил 25 копеек... Дедушка, который приехал уже больным, расхворался и вскоре умер.

Бабушка говорила потом, что я ей очень помогла перенести ее горе. Я от нее не отставала, забавляла ее своими расспросами. Каждый день мы с ней ездили на извозчике на семипалатинское кладбище, где был похоронен Василий Фомич Долгушин.

При переезде в Барнаул, куда по службе перевели Константина Николаевича, внучка и бабушка ехали в одном тарантасе, в другом разместились София Васильевна с младшей грудной дочкой Лелей и кормилицей. В Барнауле не сразу все освоились. Но Еликонида Алексеевна иногда гуляла с внучкой по городским садам и паркам, показывала ей изумительные иконы, сохранившиеся в Демидовской домово́й церкви, брала ее с собой, когда приходилось покупать что-нибудь на базаре, любовались вместе, как замечательно танцевали мазурку потомки польских ссыльных, которые

приглашались на традиционные святочные вечера в реальное училище. Через несколько лет силы постепенно оставили и ее. После смерти она была похоронена на Барнаульском городском кладбище.

Все потомки Василия Фомича и Еликоницы Алексеевны хранят память о них и стремятся передать свое уважение к ним своим детям и внукам, новому поколению.

Н.С. Сабурова
Санкт-Петербург

Краткие сведения о дедушке и бабушке

Долгушин Александр Васильевич, дворянин, сын статского советника, городского судьи. Родился в 1848 г. в г. Таре Тобольской губернии. Учился в Тобольской гимназии, курса которой не окончил. В 1866 г. поступил вольнослушателем в Технологический институт в Петербурге. В гимназии и в институте проявил себя как организатор кружков для самообразования; выступал на студенческих сходках.

В 1869 г. организовал в Петербурге кружок «Сибиряков-автономистов». Арестован 4 января в Петербурге в связи с нечаевским делом и с 19 мая 1870 г. по 27 марта 1871 г., содержался в Петропавловской крепости, когда и был освобождён. Предан 1 июля 1871 г. суду особого присутствия Петербургской судебной палаты по обвинению в участии в заговоре, образованном для ниспровержения правительства; отнесён к IV группе нечаевцев. 27 августа 1871 г. оправдан.

В 1872 г., проживая в Петербурге, заведовал мастерской жестяных изделий. Осенью того же года на его квартире обсуждались вопросы о пропаганде в народе. Тогда же сформировался основной кружок долгушинцев. В апреле 1873 приобрёл в дер. Сареево Звенигородского уезда землю, где заложил избу. Переехал в июне 1873 г. и вместе с Папиным, Плотниковым, Дмоховским, Ан. Васильевым занялся печатанием воззваний «К русскому народу» и «К интеллигенции», составленных им самим. Осенью 1873 г. принимал участие в распространении отпечатанных воззваний. Арестован 16 сентября 1873 г. и предан суду по обвинению в составлении преступных воззваний, напечатании и распространении их с целью возбуждения населения к бунту. 15 июля 1874 г. Особым присутствием Сената признан виновным и приговорён к лишению всех прав и состояния и к каторжным работам на 10 лет. Ходатайство его о смягчении участи по высочайшему повелению 20 февраля 1875 г. оставлено без последствий.

После приговора содержался в Литовском замке; 5 мая 1875 г. на Конной площади в Петербурге над ним совершён обряд гражданской казни, после чего он отправлен в Ново-Белгородскую каторжную центральную тюрьму, в которой находился до 13 октября 1880 г. В 1878 г. от имени заключённых написал протест «Заживо погребённые», отпечатанный в нелегальной типографии. Из центра переведён в Мценскую пересыльную тюрьму для отправки на Кару. Летом 1881 г., находясь в красноярской тюрьме, способствовал побегу Малевского. Во время волнений в тюрьме, вызванных репрессиями после побега, дал пощёчину тюремному надзирателю Островскому; был судим и приговорён к 15 годам дополнительных каторжных работ. В январе 1882 г. прибыл на Кару.

После побега Мышкина и других был увезён в конце июня 1883 г. и 1 октября 1883 г. заключён в Петропавловскую крепость. 4 августа 1884 г. перевезён в Шлиссельбург, где и умер от туберкулёза лёгких 30 июня 1885 г.

Библиографический словарь
«От предшественников декабристов до падения царизма»
(Том II Семидесятые годы. Вып. 1 А-8)

Долгушина Аграфена Дмитриевна (ур. Скорнякова), дочь надворного советника. Родилась в г. Берёзове Тобольской губернии ок. 1846 г. По окончании Тобольской Марининской школы служила в ней, а затем была переведена на место учительницы духовения в Тюменскую женскую гимназию. В мае 1869 г. переехала в Петербург для поступления на акушерские курсы и здесь вышла замуж за Александра Васильевича Долгушина. 4 января 1870 г. в Петербурге была

арестована вместе с мужем в связи с нечаевским делом за принадлежность к кружку, стремившемуся к отделению Сибири. В мае 1871 г. определением Сената дело о ней прекращено за неподтверждением обвинения. Осенью 1872 г. на квартире Долгушина принимала участие в собраниях, на которых обсуждался вопрос о пропаганде в народе. В июне 1873 г. переехала вместе с мужем в д. Сареево, но в печатании прокламаций участия не принимала. В конце 1879 г. привлечена по делу мужа; дала откровенные показания. Дело о ней было прекращено. В 1878 г. переехала в Белгород, где содержался в тюрьме её муж, и находилась под негласным надзором, а осенью 1878 г. вследствие беспорядков политических заключённых в белгородской тюрьме была уволена из Белгорода. Проживала в Курской и Подольской губерниях и в сентябре 1880 г. поселилась в Елисаветграде. В январе 1881 г. была освобождена от надзора и получила разрешение следовать за мужем в ссылку. В январе 1882 г. прибыла в Сибирь, а в 1883 г. выбыла в европейскую Россию.

(Ст. II, вып. 1, стр. 364-365)

Процесс долгушинцев

В июле 1874 г. особое присутствие Сената рассматривало один из первых процессов пропагандистов-народников. Это был процесс, вошедший в историю революционного движения под именем «Процесса долгушинцев».

Дело слушалось при открытых дверях, и в печати были даны стенографические отчёты о нём²³. Число привлечённых к судебной ответственности было невелико – всего 12 человек. Почти все обвиняемые были представителями интеллигенции и в том числе 7 человек были дворянского происхождения. Такой состав обвиняемых был показательным и типичным для пропагандистов начала 70-х годов. Среди этих пропагандистов было особенно много учащейся молодёжи.

Деятельность Долгушина, главного обвиняемого, началась ещё в 1872 г. в Петербурге. Первые указания на революционную деятельность Долгушина нам попались уже в архивном деле 1873 года. На жандармском дознании некто Василий Тихомиров 25 сентября 1873 года показывал: «Долгушин был человек способный, развитой, и по отношению к народному делу признававший пропаганду в среде народа полезным и рациональным средством для улучшения его быта и условий его жизни. В принципе, Долгушин признавал изменение порядка общественного и государственного необходимым и пропаганду считал одним из приговорительных средств»²⁴.

Собиравшаяся на квартире у Долгушина учащаяся молодёжь горячо обсуждала волновавшие её тогда вопросы о политическом положении в России, о правах и обязанностях человека. Деятельность этого политического кружка сводилась преимущественно к политическому самовоспитанию. Несколько позднее, когда некоторые члены кружка переехали в Москву, было принято решение повести пропаганду за пределами этого кружка и пойти «в народ».

Мы имеем возможность привести здесь показание и самого Долгушина, персланное московскими жандармами 31 января 1874 года в III отделение. Долгушин, говоря о своём кружке, между прочим, показывал о намерении членов кружка просить какого-нибудь известного писателя составить книгу о народе и самим отправиться в

²³ См. «Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник материалов, извлечённых из официальных изданий правительственных сообщений», под ред. Б. Базилевского, /В. Богучанского/, т.1, 1825-1876 гг., СПб, 1906, стр. 254-318.

²⁴ ЦГИА в Москве, 1878, ОППС, № 22, «Дознание по делу о распространении воззваний антиправительственного содержания».

народ для изучения её экономического быта. Привлечённый по этому делу Плотников сознался в намерении членов кружка вести в народе пропаганду революционных идей²⁵. В целях пропаганды были составлены прокламации «К интеллигенции», «К русскому народу», «Как должно жить по закону правды и природы». Они были отпечатаны в подпольной типографии и предназначены для распространения в разных слоях общества. Прокламация, предназначенная для распространения среди интеллигенции, имела своей задачей призвать интеллигенцию идти в народ в целях пропаганды. В противоположность воззванию Нечаева она была составлена в сдержанных выражениях, со ссылкой на сочинения Прудона, хотя и заканчивалась призывом к оружию. Она должна была подготавливать в среде интеллигентов кадры пропагандистов для того, чтобы они пошли в народ и подготовили его к восстанию. Две остальные прокламации были предназначены для распространения среди крестьян и среди рабочих. Они были составлены простым языком и указывали на тяжёлое положение крестьянства, на безземелье его, на высокие налоги, на неравенство сословий перед законом. Прокламации призывали крестьянство к восстаниям. Текстом из священного писания подкреплялись отдельные места этих печатных воззваний, в которых давалась характеристика деятельности помещиков и чиновников, являющихся врагами народа.

Участники этого одного из первых судебных процессов о пропаганде в народе были преисполнены веры в необходимость такого служения народу, а вместе с тем и преисполнены готовности к самопожертвованию. Показателем такого настроения «долгушинцев» является найденное нами в архивном деле обширное письмо одного из главных обвиняемых Дмоховского к матери. Это письмо никогда не было прочитано адресатом, так как жандармы признали его не подлежащим пропуску и похоронили его в секретном делопроизводстве. Я воспроизвожу из этого горячего послания лишь несколько строк, которые были лозунгом пропагандистов начала 70-х годов. Дмоховский успокаивал свою мать словами о счастье страданий за победу дорогого дела: «Страдание и смерть отдельных личностей в борьбе за осуществление более истинного и справедливого вполне окупаются, так как служат основанием для подготовки и укрепления других для той же борьбы».²⁶

Отмечу здесь, кстати, что настроение «долгушинцев», запертых в петербургскую тюрьму (Дом предварительного заключения), не было подавлено условиями долгого заточения. Тюремная администрация сообщила прокурору 21 марта 1875 г., что на стенах камеры, где содержались Долгушин, Дмоховский и Гамов, были обнаружены возмутительного содержания стихи на русском, французском и латинском языках.²⁷

Прокламации среди крестьянства были распространены в очень небольшом количестве, и обвинительный акт не без скрытого удовольствия подчёркивал оценку крестьянами этих прокламаций, как годных лишь для курева. Отмечалась в обвинительном акте и готовность крестьян задержать распространителей прокламаций. Судебное заседание прошло без особых инцидентов. Обвиняемые частично отрицали правильность предъявленных им обвинений. В числе защитников были выдающиеся петербургские адвокаты: Спасович, Утин, Куперник и др.

Несмотря на то, что распространённые прокламации не вызвали никаких волнений ни среди крестьян, ни среди рабочих, главным обвиняемым был вынесен суровый приговор: Долгушин и Дмоховский были приговорены к каторжным работам в

²⁵ ЦГИА в Москве, III отделение собственной е.и.в. канцелярии, 3 экспедиция, 1873, № 414, т. 3, «О производстве дознания о распространении молодыми людьми печатных воззваний революционного характера».

²⁶ Там же, л. 132

²⁷ Тот же архив, то же дело, т.4, л. 10

крепости на 10 лет каждый, Папин и Плотников – к каторжным работам на заводах на 5 лет, Гамов – к каторжным работам в крепости на 8 лет. Васильев был осуждён на 2 года 8 месяцев каторжных работ на заводе; ему было разрешено обратиться с просьбой к царю о замене этого наказания двумя годами рабочего дома. Прочим осуждённым был назначен арест на короткие сроки.

Приговорённые к каторжным работам были первыми узниками вновь открытых политических централов около Харькова. Достойное, исполненное мужества поведение обвиняемых на суде возмущало Александра II, который на донесениях ему о судебных заседаниях охарактеризовал такое поведение как «упорство».

Дело «долгушинцев» не закончилось вынесением приговора. Через десять месяцев после обвинительного приговора – 5 и 6 мая 1875 г. – были произведены обряды публичной гражданской казни, т.е. выставление осуждённых у позорного столба. По неизвестной причине для производства этой церемонии осуждённые были разделены на две группы. К первой группе были отнесены Долгушин, Дмоховский и Гамов. Жандармерия доносила, что 5 мая 1875 г. приговор над ними в 8 часов утра на новой торговой Конной площади был приведён в исполнение. Во время следования позорных колесниц и на площади «публики присутствовало весьма мало, всё прошло тихо и спокойно; студентов и вообще молодёжи присутствовало очень мало, они держали себя чинно и прилично».²⁸ Это официальное донесение отмечало и такие подробности, что Дмоховский во всё время следования позорной колесницы улыбался, а Гамов отвернулся от креста, предложенного священником на эшафоте.

Во время совершения этого обряда 6-го мая над Плотниковым он громко кричал: «Долой царя, долой бояр, князей, долой аристократов! Мы все равны, да здравствует свобода!».²⁹ Бой барабанов не мог заглушить этих революционных возгласов. Присутствовавшая при этом молодёжь ответила на возгласы Плотникова криками: «Браво, молодец, не то ещё будет!» и, когда увозили осуждённых, бросилась за кортежем. Тринадцать человек из числа демонстрантов было арестовано. На донесении об этом аресте царь сделал надпись: «Надеюсь, что арестованные не останутся без должного взыскания». Царь никогда не забывал напомнить о наказании.

За революционные возгласы при исполнении гражданской казни над Плотниковым министр внутренних дел считал необходимым подвергнуть Плотникова телесному наказанию. Он и обратился с этим предложением к министру юстиции, который, однако, находил такое наказание не соответствующим закону. Министр юстиции полагал, что Плотников в момент его революционных возгласов ещё не был лишён прав состояния, а потому не подлежит телесному наказанию. Это редкое в летописях министерства юстиции возражение против плетей вызывалось, вероятно, желанием не раздувать общественного негодования.

Что касается 13 человек, арестованных за то, что бежали за каретой с осуждёнными, то министр юстиции предлагал передать их дело на рассмотрение мирового судьи. Опасаясь, что мировой судья под давлением публики может оправдать обвиняемых, III отделение собственной е.и.в. канцелярии без суда, административно выслало четырёх арестованных, а остальных подвергло аресту. Шеф жандармов Мезенцев был инициатором этой внесудебной расправы. В архивном деле имеется его докладная записка с выражением недовольства лёгкой расправы с арестованными. Он писал: «Великодушие к революции немислимо. Поменьше этих учёных, а побольше

²⁸ Там же, л. 19, оборот.

²⁹ См. подробно об этом в журнале «Каторга и ссылка, 1926, № 23 статью Беккера «Демонстрация долгушинцев на Конной площади», стр. 66-77.

людей, воспитанных настолько, чтобы не быть ни пьяницами, ни ворами, а хотя бы и ремесленниками, с избытком зарабатывающими свой хлеб».³⁰

Слова шефа жандармов Мезенцева «Великодушие к революции немыслимо» были лозунгом царского правительства и в том числе министерства юстиции; если министр юстиции отказался применить плети к Плотникову, то подведомственный ему судебный орган осудил долгушинцев за пропаганду к тягчайшему наказанию. Никакого великодушия здесь, конечно, не было.

Описанный нами инцидент на эшафоте при исполнении обряда гражданской казни по процессу долгушинцев имел ещё одно последствие, о котором нам удалось узнать из секретного архивного дела. С очевидностью обнаружилось, что посрамление политических заключённых превратилось в посрамление самого императора. Эшафот становился средством агитации. Такая агитация была тем более опасной, что исходила уже от осуждённого революционера и встречала сочувствие в толпе, присутствовавшей при исполнении наказания. Поэтому III отделение выступило с проектом отмены обряда гражданской казни. Оно полагало, что этот обряд более вреден, нежели полезен.

III отделение предлагало если не совсем отменить этот обряд, то совершать его на тюремном дворе в присутствии чинов судебного ведомства и представителей городского и земского управления. Однако предложение это не получило дальнейшего движения.³¹ Только через два года циркуляр от 25 февраля 1877 г. № 23 «департамента полиции исполнительной» предложил губернаторам не совершать над политическими осуждёнными обряда гражданской казни. Таким образом, циркуляр отменил статью Устава уголовного судопроизводства. Надо полагать, что случаи агитации с эшафота повторялись и после процесса долгушинцев и вынудили III отделение к этой мере.³²

По свидетельству А.Ф. Кони, в процессе долгушинцев был применён новый порядок: дело было передано в суд после полицейского дознания без проведения предварительного следствия. Министр юстиции Пален провёл этот новый порядок, говоря по адресу политических обвиняемых: «Нечего давать этим негодьям гарантии двух инстанций!». Министр добавлял, что члены судебных палат, которые вели следствие по политическим делам, надоели ему, и он не хочет больше с ними иметь дело.³³ Так министр юстиции сам разрушал юстицию, ставя на место судебных органов полицейских и жандармов.

Н.С. Сабурова

От составителя: В приведенных материалах сегодня нас интересуют не столько политические воззрения народников, которые можно оспаривать с высоты более чем столетней давности. Гораздо важнее нравственные устои и некоторые черты характера самого Александра Васильевича Долгушина, которые были переданы им по наследству потомкам. В этом плане очень интересны опубликованные А.А. Кунклем (1932) отрывки из его писем из Ново-Белгородской тюрьмы [село Печенеги Харьковской губ.] жене, Аграфене Дмитриевне, о воспитании сына: «Тебе хочется знать мой настоящий взгляд относительно воспитания Саши? Но ведь тебе известны мои идеалы, ты знаешь, какими должны быть люди, чтобы я сказал о них: да, это хорошие люди. А ты спросишь: как же сделать так, чтобы Саша был хорошим человеком. Разыве ты не знаешь – как? Я этого не думаю, конечно, но если бы ты в самом деле не знала, то научить тебя этому было бы

³⁰ Там же, стр. 72

³¹ Там же, стр. 75-77

³² ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись 1, 1879, 1 делопроизводство, дело № 128. Циркуляры о политических арестантах.

³³ См. А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. 1933.

невозможно... Вообще я хочу сказать, что воспитатель должен быть задушевым другом воспитанника, а воспитанник должен видеть в воспитателе такого человека, каким бы сам желал быть».

Тогда же, в 1978 г., он пишет 8-летнему сыну: «...Может быть, тебя уже мало занимает Робинзон Крузо, но я тебе советую прочесть эту книгу еще раз со вниманием. В жизни Робинзона, в том, как он постепенно переходит от одного усовершенствования к другому, отражается жизнь всего человечества. И оно тоже начинает с грубого первобытного состояния, из которого выбирается по мере того как постигает законы природы, вечные и неизменные, которым подчинен человек, наряду со всем, что ни есть в мире. Та любовь к ближнему и терпимость к чужим мнениям, которые проповедаются в этой книжке, составляют вечный и чудный идеал всего человечества. Да, Сашок, если бы ты усвоил себе все знания, всю науку в ее настоящем положении, если бы ты постиг всю тайну неба и земли, но не имел бы этой любви к человечеству, которая одна делает человека человеком, ты был бы, как прекрасно выражается апостол Павел, медь звенящая и кимвал звучащий, ты был бы жалкое существо»³⁴

Далее А.А. Кункль пишет: «Жажда к приобретению знаний не покидала Долгушина и в тюрьме. Со свойственной ему энергией он принялся за составление Самоучителя для сына, настойчиво требуя от жены присылки нужных книг». В одном из писем, 18 апреля 1979 г., он пишет: «..Кончу тем, с чего начал: мало того, что ты должна (слышишь, должна!) прислать все те книги, о которых ты пишешь, что постарайся их достать – этого мало: ты мне пришли еще, кроме них, следующие, тоже для меня совершенно необходимые книги: 1) Дарвин. «Происхождение видов» и «Происхождение человека и половой подбор», 2) Ляйель. «Основание геологии», 3) Б. Китта «Геология», 4) Э.Реклю «Земля», 5) К.Риттер «Землеведение» 6) Гоголя «Мертвые души», 7) Лермонтова 2-й том его сочинений, 8)соч. Берне и Добролюбова».

Когда читаешь эти строки, то поневоле поражаешься, как проявились эти черты деда в его внуке, которому не суждено было его увидеть. Эти принципы были усвоены Игорем Александровичем, видимо, на генетическом уровне. Именно так воспитателем, с которого хотелось брать пример, был он для своих учеников. А что касается любви к человечеству, к людям вообще – то об этом вся наша книга...

АК

³⁴ Кункль А.А. Долгушинцы. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1932. С. 136, 142, 194-199, 203-204. Письма и выдержки из писем А.В. Долгушина

ИЗ КНИГИ «ОРНИТОЛОГИ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ: XX ВЕК» (2003)

С образованием в 1932-1934 гг. в каждой республике филиалов Академии наук СССР (ставших в 40-х гг. самостоятельными Академиями наук, а в 90-х гг. – Национальными академиями) в регионе появились местные научные коллективы, основу которых составили приехавшие из России орнитологи и специалисты по другим разделам зоологии и биологии в целом. В Узбекистане такими зачинателями зоологических коллективов стали профессор Д.Н. Кашкаров и граф Н.А. Бобринский, в Казахстане – орнитологи Л.М. Шульпин, С.И. Снигиревский и И.А. Долгушин, в Таджикистане – А.И. Иванов, в Киргизии – Д.П. Дементьев. Основной задачей этих коллективов стало завершение фаунистического обследования территорий своих республик, систематизация накопившихся сведений и создание региональных сводок по птицам.

Этот период назван **долгушинским** в честь наиболее яркого представителя этого времени, основоположника казахстанской школы орнитологов Игоря Александровича Долгушина (1908-1966), который сумел свести воедино все разрозненные исследования огромной территории республики (при этом лично ликвидировал ряд «белых пятен» в центральных, восточных и западных районах) и осуществить написание и публикацию капитальной 5-томной сводки «Птицы Казахстана» (1960-1974). В нее вошли результаты исследований не только самого И.А. Долгушина и руководимой им орнитологической лаборатории, но и орнитологов, работавших в данный период в тех или иных районах Казахстана (Л.М. Шульпин, В.А. Селевин, Е.П. Спангенберг, Н.А. Гладков, А.Н. Формозов, А.В. Михеев, Б.К. Штегман, Л.С. Степанян и др.). В итоге была создана сводка, признанная одной из лучших в СССР...

Роль И.А. Долгушина в развитии орнитологии Казахстана

4 июля 1966 г. в Алма-Ате скончался выдающийся орнитолог Советского Союза, ведущий орнитолог Казахстана, лауреат Государственной премии, доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией птиц Института зоологии АН КазССР Игорь Александрович Долгушин. С его именем связан завершающий период в истории орнито-фаунистических и орнитогеографических исследований Казахстана. Великолепный организатор, ученый, известный не только в Советском Союзе, но и за его пределами, неизменный друг молодежи, человек большой души И.А. Долгушин пользовался большой популярностью в широких кругах орнитологов, среди зоологов других специализаций и работников охотничьего хозяйства Советского Союза.

Игорь Александрович Долгушин родился 30 марта 1908 г. в Омске³⁵. Своего отца, принадлежавшего к артистическим кругам, он лишился очень рано и совершенно его не знал. Воспитанием он был всецело обязан своей матери — Зое Александровне Долгушиной. Его школьные годы протекали в Омске в тяжелых условиях послереволюционной разрухи. Еще до окончания школы он вынужден был зарабатывать средства на существование: будучи учеником девятого класса (1924 г.), работает препаратором Омского краевого музея. Его любовь к природе и увлечение птицами приобретают здесь впервые орнитологическую направленность.

После окончания средней школы в 1925 г. И.А. Долгушин поступает в Томский государственный университет, где попадает в среду сибирских

³⁵ как теперь стало известно, в Москве - АК

орнитологов-энтузиастов, деятельность которых в то время была чрезвычайно активной и плодотворной. Общение с В.А. Хахловым, Г.Х. Иогансенем, С.Д. Лавровым, А.П. Велижаниным, Г.Э. Иоганзенем и другими организаторами Сибирского орнитологического общества, сотрудничество в орнитологическом журнале «*Uragus*» этого общества имели серьезное значение в формировании И.А. Долгушина как орнитолога. Там же он знакомится с рядом молодых орнитологов — В.Ф.Ларионовым, В.Н. Скалоном, А.И. Янушевичем, М.Д. Зверевым и особенно близко сходитя с В.А. Селевиным и В.С. Бажановым.

После третьего курса И.А. Долгушин переводится в Лесотехническую академию в Ленинграде, которую заканчивает в декабре 1931 г. по специальности охотоведа. Так он получил, с одной стороны, хорошую основу общебиологических и орнитологических знаний в Томском университете и, с другой стороны, подготовку по охотоведению в Лесотехнической академии. Такое сочетание впоследствии постоянно сказывалось самым благотворным образом на всей его трудовой деятельности.

После окончания Академии в 1931 г. И.А. Долгушин получает направление в Казахстан. Богатая, своеобразная природа и орнитофауна республики приковывают его научные интересы на всю жизнь. Сам ученый по этому поводу высказался следующим образом: «Просторы ковильных степей, причудливые саксауловые леса, необыкновенные по красоте ущелья Заилийского Алатау, огромные массивы песков, тугай и плавни могучих рек — вся эта смена ландшафтов произвела на меня глубокое впечатление. Здесь я свел короткое знакомство с такими во многом изумительными представителями мира птиц, как черный жаворонок, кречетка, бульдурюки, толстоклювый зуек, синяя птица и многими другими. Казахстан стал моей второй родиной, а его мир птиц предметом постоянных стремлений, вечных поисков, радостей и страданий... И всюду, куда бы я ни попадал, меня ожидало новое, полное глубокого интереса, зачастую неожиданное и тем более отрадное» («Птицы Казахстана», т. I, с. 4).

В Алма-Ату И. А. Долгушин приехал в 1931 г., еще до образования здесь Казахской базы Академии наук СССР, и начал работать краевым инспектором охоты при «Уполнаркомвнешторге». Вскоре ему пришлось выехать в район низовий р. Или. Сказочное обилие дичи, своеобразное птичье население непроходимых тугайных зарослей, камышовых (тростниковых) займищ, прозрачных туранговых роц и саксаульников произвели на него ошеломляющее впечатление. Тысячные колонии пеликанов, разнообразные камышевки, соловьиная широкохвостка, таинственный ремез Сапожникова, тугайный соловей и вместе с тем обыкновенные, знакомые с детства лесные птицы оказались и здесь, но уже в облике типичнейших пустынных птиц. Словом, все то, что создает поразительное сочетание птичьего населения низовий больших рек пустынь юга страны, надолго приковало внимание пытливого молодого исследователя. Результаты изучения авифауны низовьев Или впоследствии были оформлены им в виде кандидатской диссертации, защищенной в Ученом совете Зоологического института АН СССР в 1941 г.

В 1932 г. в Алма-Ате была организована Казахская база АН СССР. В числе сотрудников зоологического сектора было и два орнитолога — С.И. Снигиревский и Л.М. Шульпин, обладавшие огромным запасом знаний. Общие интересы и увлечение орнитологией сближают И.А. Долгушина с ними. Вскоре И.А. Долгушин становится младшим научным сотрудником. С того момента и до последних дней он работает в Академии.

Все это время он руководил орнитологическими и герпетологическими исследованиями, принимал самое активное участие в жизни сектора, выросшего в

институт. Жизнь и деятельность И.А. Долгушина была неразрывно связана с историей института и Академии. Он являлся неизменным членом Ученого совета института и неофициального органа института — совета старейшин.

В 1933 г. И.А. Долгушин возглавил группу орнитологов. Одним из важнейших его начинаний было создание основы орнитологической коллекции. Он разработал оригинальную систему учета и регистрации, которой пользуются и в настоящее время. Благодаря его деятельности в 1941 г. коллекция состояла из 5000 экземпляров, представлявших большую часть орнитофауны Казахстана, Создание коллекции он считал делом первостепенным и до конца дней своих настойчиво добивался ее улучшения и пополнения. В итоге коллекция птиц Института зоологии АН КазССР заняла почетное место среди крупнейших орнитологических собраний Советского Союза и стала самой большой в Казахстане.

Завершив исследования в низовьях Или, он приступает к планомерному изучению орнитофауны всего Казахстана. Сеть его маршрутов постепенно изрезывает почти всю территорию республики. Основной задачей становится сбор материалов такого объема, который позволил бы приступить к созданию капитального описания фауны птиц Казахстана.

В первые годы своего существования Филиал не имел достаточных средств для снаряжения экспедиций. В таких условиях успех зависел от качеств исследователя, которыми в достаточной мере обладал И.А. Долгушин. Он собирал орнитологический материал, путешествуя то пешком, то на лошадях или верблюдах, то на лодках и лишь позже - на машинах. Таким образом к 1941 г. им были исследованы низовья Или и Прибалхашье, нижнее течение р. Чу, нагорье Центрального Казахстана, Прииртышье, окрестности Павлодара, Кургальджино.

Собранные материалы он тщательно обрабатывал, но не всегда быстро удавалось публиковать результаты этих исследований, что в значительной степени было обусловлено отсутствием полиграфической базы. Лишь в 1939 г. организуется издательство АН КазССР. И.А. Долгушин становится членом редакционной коллегии, принимает самое активное участие в подборе рукописных материалов, тщательно редактирует их и организывает довольно регулярную публикацию орнитологических статей.

В этот период он постоянно выполнял задания «Союзпушнины», сотрудничал с охотничье-промысловыми организациями, составлял рекомендации по акклиматизации ондатры (работы, впоследствии отмеченные присуждением ему в числе группы зоологов и охотоведов Государственной премии), белки и другие.

В предвоенный период он работает над двумя рукописями — диссертацией и первым вариантом I тома «Птицы Казахстана». Том был написан в соавторстве с М.А. Кузьминой. Книга была набрана, но начало войны помешало ей увидеть свет. Сохранился лишь один экземпляр оттисков. Диссертационная же работа им была закончена и успешно защищена в феврале 1941 г. Последняя поездка в предвоенный период была им совершена в Каратау. Затем наступает 5-летний перерыв в орнитологической деятельности, обусловленный войной.

Вернувшись в свой коллектив после демобилизации в 1946 г., И.А. Долгушин приступает к восстановлению орнитологической группы и созданию герпетологической. С этого времени состав орнитологов пополняет М.Н. Корелов и создается ячейка герпетологов, в которую вошли К.П. Параскив и К.И. Исакова. Руководил этой объединенной лабораторией И.А. Долгушин. Он разработал обширную программу орнитологических и герпетологических исследований Казахстана. Выполнение этой программы исследований, направленных к созданию сводных обзоров фауны республики по трем группам позвоночных,—

земноводных, пресмыкающихся и птиц — требовало большого напряжения сил. Поэтому И.А. Долгушин организует не только экспедиционную деятельность сотрудников, но и широкую сеть корреспондентов из числа зоологов, работавших в других организациях, а также любителей-орнитологов. Сам же И.А. энергично исследует наиболее труднодоступные районы - Мангышлак, ряд районов Центрального и Северного Казахстана и Калбинский Алтай. Одновременно он ведет очень большую административную работу в институте, который только что был организован и переживал период формирования.

С 1947 по 1953 г. И. А. Долгушин — заместитель директора по научной части, а в 1950 и 1951 гг. исполняет обязанности директора института. В этот период он публикует ряд работ, освещающих результаты орнитологических исследований («О фауне птиц полуострова Мангышлак», «К фауне птиц Каратау», «Материалы по фауне птиц Северного Прибалхашья и Казахского нагорья» и др.), и имеющий совершенно особое значение труд «Список птиц Казахстана», который не потерял своего значения и в настоящее время. Это был первый полный обстоятельный каталог птиц фауны Казахстана с указаниями территориальной приуроченности каждого вида и подвида.

В 1953 г. И.А. Долгушин был направлен в докторантуру при Зоологическом институте АН СССР, которая завершилась представлением докторской диссертации «Основные закономерности распространения птиц в Казахстане». В 1955 г. ему на основании успешной защиты этой диссертации была присуждена степень доктора биологических наук, а вскоре присвоено звание профессора.

Состояние отечественной орнитологии периода формирования И.А. Долгушина как орнитолога, его взглядов и направления деятельности закономерно определили его как фауниста в лучшем значении этого слова. Это не было случайностью или простым увлечением, а явилось результатом насущной необходимости времени. В кругу томских орнитологов двадцатых годов фаунистико-зоогеографическое направление было господствующим. Поэтому в таком направлении начал свою деятельность и студент И.А. Долгушин, что получило отражение в его первых печатных работах. Оно же было необходимым этапом в изучении орнитофауны Казахстана в 30-е годы, когда он оказался в огромной стране с разнообразным ландшафтом, но совершенно неизученной фауной. К тому времени были проведены только первые фаунистические исследования Н.А. Северцова в Тянь-Шане, П.П. Сушкина — в Тургайских степях, Н.А. Зарудного — в Кзыл-Кумах и В.Н. Шнитникова — в Семиречье; причем еще не были полностью опубликованы результаты исследований орнитофауны Алтая и Семиречья. Весь же Центральный Казахстан фактически не был затронут исследованиями, многие районы, если и обследовались, то очень давно и недостаточно описаны (Мангышлак, Восточный Казахстан, лесостепь Прииртышья).

Такая ситуация совершенно четко определила задачи исследований. Первым логическим следствием фаунистических исследований был и остается зоогеографический анализ как необходимое теоретическое осмысление полученных данных. Естественно, что и у И.А. Долгушина уже в послевоенный период четко выявилось стремление проанализировать и осмыслить положение орнитофауны Казахстана в системе делений Палеарктики, определить ее место в этой системе, в которой в то время было много спорного и неясного. Еще и в настоящее время ряд принципиально важных вопросов остается нерешенным; нет общепринятой системы даже среди специалистов по одним группам позвоночных, не говоря уже о зоогеографах, работающих с разными группами. Это и осложняло возникшую задачу и вместе с тем придавало особую остроту и привлекательность

поискам путей ее решения. Конечно, существенным обстоятельством к этому времени стало влияние успешного развития отечественной и зарубежной экологии.

Успехи экологии привели к необходимости рассматривать распространение животных не само по себе, а в связи с определяющими условиями среды, с учетом главным образом распределения растительных ассоциаций как эдификатора констелляционного действия всей совокупности абиотических и биотических факторов. По сути дела, эти достижения привели к очевидной и закономерной стадии перехода от зоогеографических построений, основанных на закономерностях распространения животных отдельных систематических групп (даже не вообще животных), к попыткам биогеографического построения. В связи с этим в первом приближении использовались зональность и ее проявления.

Так, первая схема, очень грубая, конечно, орнитогеографического районирования Казахстана, предложенная И.А. Долгушиным в 1948 г., уже отражала совершенно определенно этот принцип. Однако для обоснования решения проблемы необходим был позональный анализ. Одним из типичных и ярко выраженных ландшафтов в ряду зон, представленных в пределах Казахстана, несомненно, следует считать зональные степи с их самобытной фауной. Именно она привлекает к себе внимание И.А. Долгушина, что и обусловило появление ряда его работ о степной фауне. Первая из них — об эндемизме степной фауны Казахстана — была опубликована в 1947 г. В этой работе заложены основы формирования концепции о самостоятельности степной зоны и ее фауны в системе первостепенных подразделений Палеарктики.

В то время трудно было высказать свой взгляд на статус степной фауны, чему мешало многое. В частности, высказанные обоснования основоположников русской школы зоогеографов, с взглядами которых И.А. Долгушин всегда считался. Ни Северцов, ни Мензбир, ни Сушкин не считали возможным выделение степной фауны в качестве самобытной и самостоятельной. Это поразительный случай в истории отечественной зоогеографии, который почти невозможно объяснить. Однако факт остается фактом. Разумеется, давление авторитетов в этом вопросе преодолеть сразу было невозможно, даже несмотря на то, что Л.М. Шульпин сделал попытку выделить степи и пустыни (1940). Тем не менее, установление наличия эндемизма ряда элементов степной орнитофауны следует расценивать как серьезный шаг в этом направлении. Появление данной работы имело определенный резонанс в кругах зоогеографов и послужило одним из моментов, способствовавших укреплению позиции зоогеографа-териолога В.В. Кучерука. Позднее В.В. Кучерук (1959) выступал с твердым обоснованием необходимости выделения фауны зоны степной Евразии в самостоятельный ранг подразделений Палеарктики. В свою очередь появление такого исследования, весьма обстоятельного, выполненного на основании изучения териофауны, укрепляло и позиции И.А. Долгушина.

В связи с изучением вопросов орнитогеографии Казахстана И.А. Долгушин рассмотрел вопрос и о фауне Средиземноморской подобласти. Дело в том, что ряд зоогеографов, особенно М.А. Мензбир, придавал большое значение влиянию фауны этой подобласти на историю формирования орнитофауны Средней Азии и Казахстана. Здесь сказалось влияние исследований П.В. Серебровского, которые И.А. Долгушин очень высоко ценил и тщательно изучил их. В частности, его исследование об истории орнитофауны Передней Азии — «Сумерии» постоянно привлекало внимание И.А. Долгушина. Оно-то и побудило его подвергнуть критическому анализу статус Средиземноморской подобласти. В результате он пришел к заключению, что фауна стран побережья Средиземного моря своеобразна,

но не может расцениваться как фауна подобласти, и что отнесение многих видов фауны Средней Азии и Казахстана к средиземноморцам не обоснованно и ошибочно.

Как уже отмечалось, с образованием самостоятельного Института зоологии АН КазССР в нем была создана лаборатория птиц, рептилий и амфибий. И.А. Долгушин уделял много внимания работам герпетологов. Эти труды успешно завершились — в 1956 г. вышла сводка К.П. Параскива «Пресмыкающиеся Казахстана» и в 1959 г.— «Земноводные Казахстана» К.И. Исаковой.

В 1957 г. степень изученности орнитофауны Казахстана позволила приступить к осуществлению давно задуманного И.А. Долгушиным плана — составлению многотомной монографии «Птицы Казахстана». Составление ее стало возможным еще и потому, что в лаборатории подобрался коллектив достаточно опытных орнитологов: кроме трех уже указанных, в лаборатории начал работать В.Ф. Гаврин.

Однако И.А. Долгушин не ограничивался возможностями по сбору материала силами только работников одной лаборатории. Со свойственной ему энергией он сумел привлечь всех (за очень редким исключением) орнитологов, работавших в пределах Казахстана. Значение составления капитальной обобщающей сводки по орнитофауне огромной страны, какой является Казахстан, понимал каждый зоолог, но привлечь к участию в этой работе широкую общественность было под силу лишь И.А. Долгушину. В лабораторию поступало много обстоятельных новейших сведений. Таким образом, сводка становилась общим делом значительной части орнитологов Советского Союза.

В коллективе лаборатории И.А. Долгушин проводил огромную теоретическую подготовительную работу. Необходимо было выработать единство взглядов в практическом применении теории понятия о виде как основной систематической единице и ее структуре в свете достижений биологии настоящего времени, а также решить ряд других сложных вопросов. Параллельно, путем также широкого обсуждения, были выработаны принципы описаний ареалов, периодических явлений в жизни птиц и других разделов. В этом плане следует особо отметить его работу, к сожалению, оставшуюся незавершенной, по упорядочению русских названий птиц и подбору казахских местных названий.

Итогом этой огромной работы И.А. Долгушина явились первые два тома «Птицы Казахстана», из которых первый написан целиком им самим. Кроме того, он принимал активное участие в организации и проведении ряда орнитологических и зоогеографических конференций, будучи избранным в состав соответствующих оргкомитетов и постоянных специальных комиссий по отдельным проблемам.

Считая, что преобразующая деятельность человека должна проводиться с большой осторожностью, на базе глубокого всестороннего изучения, он активно участвовал в работах конференций и совещаний по акклиматизации, а также органов, занимающихся вопросами охраны природы и организации охотничьего хозяйства. Так, с именем И.А. Долгушина неразрывно связано развитие орнитологии Казахстана во всех ее аспектах: от чисто научных до прикладных. Крупный ученый, коммунист, талантливый организатор, человек с большой буквы — таким останется И.А. Долгушин в памяти всех, кто сотрудничал или встречался с ним.

М.Н. Корелов (Новости орнитологии Казахстана, 1968, с. 5-14)

Долгушин Игорь Александрович

(к 70-летию со дня рождения)

30 марта 1978 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Игоря Александровича Долгушина. Имя Долгушина по праву занимает достойное место среди имен выдающихся отечественных зоологов. В нем гармонично сочетался крупный ученый, опытный руководитель одного из наиболее сильных коллективов орнитологов страны и Человек с большой буквы — гуманный, простой, влюбленный в свое дело, в людей, в окружающий его мир.

Доктор биологических наук профессор И.А. Долгушин был известным фаунистом и зоогеографом, но в равной мере о нем можно говорить как о замечательном экологе и крупном специалисте в области охотничьего хозяйства и акклиматизации животных. Не только глубокие теоретические проблемы, но и многие прикладные задачи, включая вопросы рационального природопользования, охраны природы, были объектом его беспрестанного научного поиска.

Имя Долгушина и развитие орнитологии в Казахстане — два неразрывных понятия. Он заложил основы планомерного и фундаментального изучения фауны птиц республики и сделал все для выполнения этой задачи. Многие теоретические положения, разработанные Игорем Александровичем — плод труда незаурядного ученого. Основные из них — концепция об эндемизме орнитофауны степей Казахстана, шедшая вразрез со взглядами таких авторитетов, как Н.А. Северцов, М.А. Мензбир, П.П. Сушкин; обоснование ошибочности переоценки роли средиземноморского влияния на облик фауны птиц Средней Азии; исследования в области орнитогеографического районирования Казахстана и многое другое. И.А. Долгушину было совершенно чуждо стремление «опровергать авторитеты». Своим ученикам он любил повторять: «Уважайте своих предшественников. Они сделали свое дело, как смогли — честь им и хвала, даже если они сделали это не так, как сделали бы мы или, во всяком случае, как этого хотелось бы нам». Игорь Александрович всегда с уважением говорил о тех, кто наставлял его на путь большой науки, и с теплым чувством вспоминал, что он был старательным учеником сибирских орнитологов Г.Х. Иогансена, С.Д. Лаврова, В.А. Хахлова и А.П. Велижанина.

В 1931 г. молодой И.А. Долгушин с дипломом охотоведа прибыл в Казахстан и занял должность краевого охотинспектора «Уполнаркомвнешторга», а с образованием в 1932 г. Казахской Академии наук СССР стал сотрудником ее зоологического сектора. С первых же лет работы Игорь Александрович с присущей ему энергией принялся за планомерное обследование необъятной территории республики. Ни одна экспедиция не проходила без его личного участия. За многие годы работы этот неутомимый полевой исследователь («жорга-адам» т.е. «человек-иноходец», как прозвали его жители Южного Прибалхашья) пешком, на верблюдах и лошадях, на лодке и в автомобиле прошел многие тысячи километров по казахстанской земле.

Уже в довоенные годы маршруты экспедиции И.А. Долгушина пролегли по Прибалхашью и Центрально-Казахстанскому мелкосопочнику, по Прииртышью и Тенгиз-Кургальджинской озерной котловине. Были обследованы Каратау, низовья рек Или и Чу. В послевоенные годы И.А. отправляется на Мангышлак, на Калбинский Алтай, тщательно изучает Приишимье, Кокчетавскую лесостепь, Центральный Казахстан.

С первых дней своей работы в стенах Академии наук КазССР И. А. Долгушин приступает к созданию коллекции птиц Казахстана. Коллекция лаборатории орнитологии, его детище, была предметом особой гордости Игоря Александровича. Он не мог упустить возможности продемонстрировать ее каждому, кто попадал в

лабораторию даже ненадолго. И действительно, годы труда по созданию коллекции не были потрачены даром — собрание птиц алма-атинских орнитологов сейчас является одним из крупнейших в стране.

Кандидатскую диссертацию И.А. Долгушин защитил в 1941 г., когда ему было уже 33 года. Он вообще никогда не спешил. В частности, он не спешил с публикацией новых данных — список научных трудов И.А. Долгушина составляет чуть более 70 работ. В 1955 г. Игорь Александрович оканчивает двухлетнее пребывание в докторантуре при Зоологическом Институте АН СССР и здесь же успешно защищает докторскую диссертацию «Основные закономерности распространения птиц в Казахстане». В скором времени доктору И.А. Долгушину присваивают профессорское звание. Научная деятельность Игоря Александровича отмечена еще одним знаменательным событием. В 1951 г. ему с группой специалистов, занимавшихся акклиматизацией ондатры в Казахстане, присуждена Государственная премия СССР.

Главным трудом всей жизни И.А. Долгушина явилась многотомная монография «Птицы Казахстана». Еще перед Великой Отечественной войной совместно с М.А. Кузьминой И.А. Долгушин написал первый том сводки, которому так и не суждено было увидеть свет. К идее издать такую монографию ученый вернулся сразу же после войны, но к реализации ее смог приступить только в конце 50-х годов. К этому времени маршруты экспедиций исчерпали просторы Казахстана, лаборатория располагала группой опытных специалистов-орнитологов, таких, как М.Н. Корелов, М.А. Кузьмина, В.Ф. Гаврин, подрастала молодежь. За написание монографии И.А. Долгушин взялся с поразительной энергией. Первый том, начатый в 1957 г., через три года лег на прилавки книжных магазинов, еще через два года вышел второй, в значительной мере написанный И.А. Долгушиным и им же отредактированный. Последующие тома монографии выходили уже после смерти ученого. Но во всех он продолжал участвовать как автор давно подготовленных разделов, фотографий, наконец, как идейный вдохновитель тех, кто довел до конца написание и издание «Птиц Казахстана» — книги, по справедливости, признанной лучшей среди изданных за последние десятилетия в нашей стране работ по орнитологии.

Ученый большой эрудиции и блестящий организатор науки, И. А. Долгушин был истинным воспитателем и другом молодежи. К нему тянулись начинающие зоологи, многие приезжали издалека за советом, помощью. Большой заслугой И.А. Долгушина было создание сплоченного и работоспособного коллектива, с помощью которого можно было бы воплотить в жизнь задуманное. Наряду со сверстниками Игоря Александровича в этом коллективе трудилась молодежь, которая особенно нуждалась в добром совете, помощи. И вряд ли найдется в институте человек, который не ощущал бы постоянной поддержки со стороны Игоря Александровича. Молодежь росла и мужала в атмосфере доброжелательной, творческой. Это не было проявлением политики целенаправленного формирования работоспособного коллектива. Просто Долгушин был из тех, кто «обрастает» инициативными, трудолюбивыми и самоотверженными людьми. Он гордился своими собратьями по труду, радовался их даже самым незначительным успехам, переживал их неудачи.

Наряду с обширной научной деятельностью И.А. Долгушин постоянно выполнял многие административные обязанности, требовавшие недюжинной энергии и таланта организатора. Жизнь его была от начала до конца связана с историей Института зоологии АН КазССР. Бессменный руководитель лаборатории орнитологии, он с первого дня существования Ученого совета института был его членом. В течение пяти лет Игорь Александрович работал заместителем директора, а в 1950 и 1951 гг. — директором института. Долгушин был неперменным членом оргкомитетов многих

Всесоюзных конференций и совещаний, работал в составе ряда постоянных комиссий по орнитологии и зоогеографии.

Это был человек, жить и делать общее дело рядом с которым было почетно, радостно, престижно. И сейчас не случайно с чувством нескрываемой гордости говорят о себе воспитанники казахской школы орнитологов: «мы – долгушинские».

Маленький, скромный кабинет профессора с массой книг, выдавшим виды диваном под картой Казахстана во всю стену... Здесь раскладывались «по полочкам» неотшлифованные юношеские идеи, рождались новые планы, все неясное обретало форму, плоть. Отсюда на рассвете после бессонной ночи мы уходили с ясными головами, с реальными перспективами, уверенные в успехе. Если бы И.А. Долгушин был врачом, он возвращал бы здоровье, жизнь, исцелял бы без скальпеля и пилюль — силой разумного слова и неоспоримой логики.

И.А. Долгушина волновало все. И архитектура города, в который он попал впервые, и новинки художественной литературы, на прочтение которой явно не хватало времени. Трудно было себе представить более азартного игрока на волейбольной площадке института, где в обеденный перерыв он не уступал молодым, более яростного футбольного болельщика, более тонкого знатока-филателиста.

И.А. Долгушин был сибиряком, очень гордился этим и не без удовольствия рассказывал, что когда был объявлен всенародный конкурс на присвоение имени ныне всем известному городу, он был в числе тех, кто предложил назвать его Новосибирском. Прожив годы в Ленинграде, Игорь Александрович страстно полюбил город на Неве и знал наперечет все его достопримечательности.

Но, пожалуй, больше всего он любил свой Казахстан. Прожив на казахской земле почти всю жизнь, он был очарован просторами этой огромной страны, считал, что нет края более благодатного и щедрого. Разнообразие природы республики, поразившее воображение еще молодого И.А. Долгушина, навсегда завоевало его сердце. «Казахстан стал моей второй родиной, а его мир птиц — предметом постоянных стремлений, вечных поисков, радостей и страданий...» Он высоко ценил казахский народ, его самобытность, талант, одаренность.

Долгушин был тверд в своих суждениях, принципиален. В трудные для биологической науки дни, когда некоторые субъективные тенденции низвергали материалистические основы биологии, Игорь Александрович занял место в рядах противников ложных теорий. Его житейская принципиальность обрела невиданную популярность. Рассказывали, что если член товарищеского суда И.А. Долгушин по каким-либо причинам не мог присутствовать на заседании, то тот, чье дело рассматривалось, требовал переноса судебного разбирательства до его приезда.

При первом знакомстве Долгушин производил разноречивые впечатления. Иногда он казался суровым, замкнутым человеком. Но из-под огромных кустистых бровей смотрели пронизательные, чуть насмешливые добрые глаза. Ему не была присуща ложная суетливая деловитость, и все он делал как будто не торопясь. Но не многие могли так быстро к сроку выполнить любую работу, написать отзыв, рецензию.

Чувство долга, товарищества были неотъемлемой частью его характера. До конца дней он заботился о семье фронтового друга, не пришедшего с войны. Немногим известно, что опубликованные в 50—60-е годы работы Л.М. Шульпина, погибшего в 1942 г., были подготовлены к печати Игорем Александровичем. Поздней осенью 1962 г. уже немолодой И.А. Долгушин отправляется на поиски погибшего в экспедиции Д.И. Чекменева.

В грозные годы Великой Отечественной войны И.А. Долгушин не мог не быть на переднем крае борьбы с врагом. С оружием в руках прошел он с боями по странам Западной Европы. Игорь Александрович почти ничего не рассказывал об этом периоде

своей жизни, но о Долгушине-солдате красноречиво свидетельствовали нашивки о полученных ранениях, ордена, медали на его военном кителе, которые он надевал в Дни Советской Армии и Победы.

Неизлечимая болезнь подкралась настолько неожиданно, что первое время никто не хотел верить в страшное. И как бы в благодарность друзьям за оптимизм Игорь Александрович, перенеся тяжелую операцию, снова был бодр, полон планов, а на расспросы о самочувствии отвечал шутками. Он знал о характере заболевания, но не любил разговоров о режиме, отдыхе и раздражался, когда ему рекомендовали побереечь себя. Он продолжал работать. В 1965 г. Игорь Александрович берется за организацию в Алма-Ате IV Всесоюзной орнитологической конференции и блестяще справляется с этой задачей, а осенью того же года выезжает на Международный конгресс биологов-охотоведов в Югославию...

Умер Игорь Александрович 4 июля 1966 г. В возрасте 58 лет ушел из жизни человек редкой души и обаяния, ученый, который еще многим мог бы обогатить науку, беззаветная преданность которой для него могла быть поставлена рядом только с любовью к людям.

*И.А. Кривицкий, А.Ф. Ковшарь, Э.И. Гаврилов
(Изв. АН КазССР, серия биол. 1978, № 3, с. 83-85)*

Однажды и на всю жизнь

«Казахстан стал моей второй родиной, а его мир птиц – предметом постоянных стремлений, вечных поисков, радостей и страданий. За много лет немало прошел и проехал я по Казахстану – пешком, на верблюдах, на лошадях, на лодке, на автомобиле, на поезде, на самолете. И всюду, куда бы я ни попадал, меня ожидало новое, полное глубокого интереса, зачастую неожиданное и тем более отрадное». Так начинается вступление к многотомному изданию «Птицы Казахстана». Это писал автор первой и редактор всех последующих книг издания Игорь Александрович Долгушин, выдающийся советский биолог, лауреат Государственной премии СССР, профессор, ведущий орнитолог Казахстана. 30 марта ему бы исполнилось семьдесят лет. Но он ушел из жизни в 58. Книги остались недописанными, многие тайны жизни птиц не открытыми.

Обстоятельства часто мешали ему работать, но никогда не могли остановить пылкую мысль, смелых дерзаний. Они научили Игоря Александровича быть стойким и целеустремленным в поиске. Он всегда успевал видеть, запоминать и оценивать увиденное.

Необыкновенная общительность Игоря Александровича притягивала людей. Особенно любила его молодежь. Ему невольно подражали, использовали меткие выражения, увлекались его привязанностями. Коллектив лаборатории орнитологии, которым он руководил, жил единой семьей, общими интересами, радостями и заботами. Каждый день здесь был необычным.

Стремительность и одержимость были главными чертами его характера. Впрочем, широта интересов – тоже. Он писал: «Постепенно выкристаллизовались научные интересы, лежащие преимущественно в области изучения экологии птиц и в выяснении их распространения, где было столь много неизвестного. Расширялся запас наблюдений, росли и коллекционные материалы...».

Вместе с другими энтузиастами он создал казахстанскую орнитологическую коллекцию – одну из крупнейших в стране. Она отличается оригинальной системой учета и регистрации экспонатов. Игорь Александрович очень любил коллекционировать. Был тонким знатоком и страстным собирателем марок, книг.

Коллекция для него – не самоцель, не накопительство, а необходимый для познания материал. Чтобы собрать коллекцию в 20 тысяч экземпляров птиц, нужно было изучить в два раза больше. Просмотреть и запомнить особенности оперения, строения клюва, лап, черепа, десятки мельчайших деталей и подробностей, найти их описания в известных трудах других ученых, сравнить и ответить на вопрос: как эта птица живет в неизвестных доселе условиях. На такие исследования нужны годы. А он успевал за месяцы, потому что торопился познать тайны бытия птиц, размотать клубок жизненной нити глубоко континентальных обитателей, чтобы показать людям путь к их сохранению. Там, где жизнь возможна, есть птицы, где птицы – есть песня, а где песня – там радость для людей.

«Просторы ковыльных степей, причудливые саксауловые леса, необыкновенные по красоте ущелья Заилийского Алатау, огромные массивы песков, тугай и плавни могучих рек – вся эта смена ландшафтов произвела на меня глубокое впечатление, - писал он. – Здесь я свел короткое знакомство с такими во многом изумительными представителями мира птиц, как черный жаворонок, кречетка, бульдуруки, толстоклювый зук, синяя птица, и многими другими ...».

Этих птиц он держит в руках, колыцует, чтобы через пятнадцать лет узнать: они зимуют в Иране, Ираке, Индии. Возглавив группу орнитологов, он проводит «инвентаризацию» птиц Казахстана, как он часто подчеркивал, - «страны, по площади в пять раз превышающей Францию». Исследователи проникали в самые отдаленные и труднодоступные уголки степей и пустынь, обследовали горные леса и тростниковые дебри рек и озер.

Маршруты экспедиций Долгушина пролегли по Прибалхашью и Центрально-Казахстанскому мелкосопочнику, по Прииртышью и Тенгиз-Кургальджинской озерной котловине. Были обследованы Каратау, Мангышлак, низовья рек Или, Чу. Память не в состоянии хранить такое богатство знаний. В органичном сплетении с мыслью она поведала людям об удивительном мире птиц. Блестящая защита диссертации в феврале 1941 года ускорила работу над рукописью тома «Птицы Казахстана». Но ему было суждено увидеть свет только двадцать лет спустя.

Война серьезно помешала работе, сделала сугубо штатского человека, ученого – военным, офицером-артиллеристом. В марте 1942 года он – курсант артиллерийского училища в Фергане, а в сентябре – фронт. Командиром взвода, потом батареи прошел до Западной границы. Участвовал в освобождении Польши, Румынии и Чехословакии. День Победы встретил в Праге с двумя орденами и двумя медалями на выцветшей гимнастерке.

Наконец, в 1946 году Долгушин вернулся в родной Казахстан, полюбившийся за степное раздолье и веселые разливы птичьих песен. Сразу же приступил к восстановлению орнитологической группы, созданию новой, герпетологической группы. Тогда он часто говорил друзьям, что счастлив.

«Мне никогда не приходилось ощущать одиночества в своей работе. С первых же шагов самостоятельной научной деятельности мне была оказана поддержка со стороны руководителей науки в Казахстане, а также со стороны ученых Зоологического Института АН СССР, зоологического музея Московского государственного университета и других научных учреждений нашей страны», - напишет он позднее.

Он мечтает выпустить собрание повидовых очерков, мечтает привлечь для этого как можно больше специалистов – биологов, охотоведов, натуралистов. Отовсюду в его

адрес летят письма с описанием встреченных птиц. Среди корреспондентов он ищет способных, знающих людей и приглашает их работать в лабораторию.

Он строит планы, разрабатывает четкую систему их выполнения. Может быть, поэтому все, что он намечал, обязательно выполнялось? Или здесь проявлялась его настойчивость?

В 1954 году, работая над докторской диссертацией в Ленинграде, Игорь Александрович писал: «Сейчас занимаюсь распределением всех видов на определенные экологические группы. В общем, разбил. Получается любопытно. Например, оказывается, что степных видов, т.е. видов, которые встречаются только в степях и полупустынях (полупустыни и степи фаунистически получаются ближе, чем полупустыни и пустыни), всего 8 видов! Только. Все остальное ... где только не встречается!

План почти уже в голове, но чтобы его осуществить, нужно проверить всего уйму! Как проверну – вздохну с облегчением. Дальше пойдет критика и оценка, а тут я на месте. Но сначала я хочу сделать как можно лучший позитив, а с негативом – успеется ...».

Он успел многое, создав свою, казахстанскую орнитологическую школу. Кроме основополагающего пятитомного повидового очерка «Птицы Казахстана», признанного одним из лучших в стране, Долгушин разработал теоретическую концепцию об эндемизме орнитофауны степей Казахстана, обосновал ошибочность переоценки роли средиземноморского влияния на облик фауны птиц Средней Азии, провел огромные исследования в области орнитогеографического районирования Казахстана на биогеографической основе.

Он мог бы успеть значительно больше. Жизнь оборвалась, когда мысль достигла вершины, прошла через трудности к цели, к истине.

Ольга Бабий
«Казахстанская правда», 21 апреля 1978 г.
Алма-Ата»

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 80-ЛЕТИЮ И.А. ДОЛГУШИНА

Алма-Ата, 11 марта 1988 г., председатель – акад. Е.В. Гвоздев

Память об Игоре Александровиче Долгушине всегда жива в сердцах его близких, учеников и последователей, которые вот уже более 40 лет ежегодно 30 марта отмечают день его рождения встречей на его могиле. Эти традиционные встречи стали чем-то вроде неперенного неофициального отчета о проделанной за истекший год работе, вперемежку с воспоминаниями о давно минувших днях... Попытки проведения более широких и официальных юбилейных мероприятий предпринимались трижды – в 1983 г. (к 75-летию), в 1988 г. (к 80-летию) и в 2003 г. (к 95-летию). Первые две встречи были организованы активно работавшим у нас в те годы казахстанским филиалом Московского общества испытателей природы (вторая – при участии недавно созданного казахстанского филиала Всесоюзного орнитологического общества), третья – только что созданным «Союзом охраны птиц Казахстана», она носила название «Долгушинские чтения». Самым представительным из них было заседание 11 марта 1988 г., посвященное 80-летию Игоря Александровича. На нем присутствовало наибольшее число участников – помимо сотрудников Института зоологии также многие пенсионеры, хорошо знавшие юбиляра, а также иногородние гости – из Усть-Каменогорска (Б.В. Щербаков, С.В. Стариков) и даже из соседнего Киргизстана (Э.Д. Шукуров). Именно на этом заседании родилась идея об издании книги воспоминаний об Игоре Александровиче Долгушине, и буквально на следующий день во все концы необъятного СССР были разосланы письма с просьбой к орнитологам присылать свои воспоминания. И надо сказать, что откликнулись очень многие. Результатом этой работы, затянувшейся на 20 лет, и является настоящая книга.

Основоположник казахстанской орнитологической школы

А.Ф. Ковшарь

Дорогие товарищи! 30 марта этого года исполняется 80 лет со дня рождения основоположника казахстанской орнитологической школы (сейчас это уже термин установившийся), одного из основателей нашего института и в целом Академии наук Казахской ССР, работавшего еще до его создания в Казахской базе (а затем - филиале) Академии наук СССР, одного из ведущих орнитологов Советского Союза, орнитолога с мировым именем, доктора биологических наук, профессора, лауреата Государственных премий СССР и Казахстана – Игоря Александровича Долгушина.

В этом зале присутствует много людей, которые хорошо знали Игоря Александровича и, казалось бы, им не надо было бы объяснять, кто такой И.А. Долгушин, которого 25 лет назад в нашем институте прекрасно знали все сотрудники. Но есть здесь и люди, которые не знали Долгушина или знают о нем только понаслышке, поэтому я решил, что не лишне будет познакомить слушателей с основными датами жизни и творчества Игоря Александровича и попробовал их выписать. Получился один листик дат. Сейчас я вам его зачитаю, и вы сами увидите, насколько насыщенной и плодотворной была эта короткая, но яркая жизнь.

1908 г. 30 марта родился Игорь Александрович Долгушин.

1924 г. ученик 9 класса Долгушин работает препаратором Омского краеведческого музея.

1925 г. поступил в Томский университет, где встретился с такими известными в то время зоологами как Хахлов, Иогансен, Велижанин. Вместе с ним учились такие в

- будущем известные зоологи как орнитологи В.Ф. Ларионов, А.И. Янушевич, В.А.Селевин, охотовед В.Н. Скалон, палеобиолог В.С. Бажанов. В этой среде и формировалась мировоззрение Долгушина-зоолога. Особенно близко он сошелся с Селевиным и Бажановым, с которыми он сохранял довольно близкие дружеские взаимоотношения на всю жизнь.
- 1928 г. после 3-го курса И.А. переводится в Ленинградскую лесотехническую академию.
- 1931 г. заканчивает академию и переезжает в Казахстан. Первый год работает краевым инспектором охоты при Наркомвнешторге. И к этому времени относится начало его работ по исследованию авифауны в дельте реки Или.
- 1932 г. становится третьим (после Л.М. Шульпина и С.И. Снигиревского) орнитологом в зоологическом секторе только что организованной в Казахстане казахстанской базы Академии наук СССР (впоследствии - Институт зоологии АН КазССР). С 1932 г. И.А. работает в этой академической системе (база – филиал – Академия наук).
- 1933 г. после ухода Шульпина И.А. Долгушин возглавил группу орнитологов в секторе зоологии и начал **планомерное** исследование орнитофауны Казахстана.
- 1933-1936 – эти годы полностью посвящаются исследованиям авифауны в низовьях реки Или; одновременно И.А. периодически ведет работы в окрестностях Алма-Аты
- 1937 г. экспедиция в Центральный Казахстан, совместно с А.В. Афанасьевым, Н.И. Грачевым и Д.И. Чекменевым.
- 1938 г. ведет наблюдения в окрестностях Капчагая, на Иссыке, на Казгурте (Чимкентская область) и в горах Матай (Алма-Атинской области).
- 1939 г. исследует Павлодарское Прииртышье совместно с Н.И. Грачевым.
- 1940 г. ушел у Игоря Александровича на подготовку двух крупнейших рукописей - кандидатской диссертации и 1 тома «Птицы Казахстана», составленного вместе с М.А. Кузьминой как первая часть двухтомника.
- 1941 г. в феврале И.А. успешно защитил кандидатскую диссертацию. После ее защиты он выезжает в экспедицию по Каратау, это первое орнитологическое обследование этих гор после работ Л.В. Шапошникова в 1926-1928 гг. До лета был набран также 1-й том «Птицы Казахстана», но в связи с началом войны набор был рассыпан, и сохранился лишь один комплект корректурных оттисков, который всю жизнь, как реликвию, хранила у себя Мария Алексеевна Кузьмина (в 1974 г. она подарила ее мне в день выхода в свет последнего, 5-го тома сводки «Птицы Казахстана»).
- 1941-1945 гг. на 4 года Игорь Александрович уходит в армию и воюет до конца войны.
- 1946 г. вернувшись с фронта, И.А. едет в экспедицию на Зайсан и на Алтай.
- 1947 г. Экспедиция на Мангышлак. Совместно с герпетологом К.П. Параскивом.
- 1948 г. Кокчетавское поднятие (район Борового) и Караганда.
- 1949 г. Кокчетавская область, экспедиция по западной части.
- 1952 г. Центральный Казахстан. Вместе с А.А. Слудским и аспирантом С.Г. Панченко.
- 1953 год. Карагандинская область вместо с С.Г. Панченко. **Одновременно:**
- 1947-1953 гг. - заместитель директора по научной работе нашего института. В т.ч.:
- 1950-1951 гг. исполнял обязанности директора Института.
- 1953-1954 гг. И.А. проходил докторантуру ЗИН Академии наук СССР в Ленинграде
- 1955 г. завершил работу и успешно защитил докторскую диссертацию.
- 1955 г. Поездка в Зайсанскую котловину и Калбинский Алтай с К.П. Параскивом.
- 1956 г. Экспедиция в низовья Иргиза и Тургая с Д.И. Чекменевым.
- 1958 г. Центральный Казахстан с М.Н. Кореловым и Д.И. Чекменевым.
- 1959 г. Центральный Казахстан вместе с Д.И. Чекменевым, Родионовым и Бородихиным.

- 1960 г. Выход в свет 1-го тома Птицы Казахстана.
- 1961 г. экспедиция в Калбу и на Западный Алтай совместно с М.А. Кузьминой.
- 1962 г. Выход в свет 2-го тома Птицы Казахстана (Долгушин, Корелов, Гаврин, Кузьмина)
- 1963 г. Экспедиция на Саур, в Зайсанскую котловину и Калбу с помощниками.
- 1964-1965 г. высокогорье Заилийского Алатау. Здесь, на Большом Алматинском озере, И.А. организывает обширные стационарные исследования, в которых участвуют сотрудники лаборатории (Родионов, Корелов, Гаврилов, Кузьмина, Бородихин). За 2 года работы были собраны, я бы сказал, огромные по тем временам материалы, потому что, тогда в печати только начали появляться первые статьи об образе жизни многих горных птиц (я занимался тем же в Аксу-Джабаглы). При подготовке 3-го тома И.А.столкнулся с тем, что по большинству видов горных птиц сведений практически нет. Поэтому он организывает такие блестящие исследования.
- 1966 г. Воодушевленный замечательными результатами работ в Тянь-Шане, И.А. организует экспедицию на Южный Алтай в район озера Маркаколь. Эту последнюю экспедицию он тщательно продумал и хорошо организовал, но сам поехать уже не смог. Результаты ее оказались по тем временам достаточно высокими.
- В разгар работы этой экспедиции 4 июля 1966 года Игоря Александровича не стало.

Вот перечень дат и событий такой до обидного короткой творческой жизни Игоря Александровича. Вы сами видите, сколько сделано и какого масштаба то, что было им сделано. Таких результатов хватило бы не на одну жизнь, полноценную и длительную, а не такую короткую, какую прожил Игорь Александрович.

Когда говорят об итогах жизни и работы Игоря Александровича, прежде всего, упоминают 5-томное издание «Птицы Казахстана», которое в 1978 году было удостоено Государственной премии Казахстана. Ее Игорь Александрович получил посмертно. Это второе его столь высокое звание – еще в 1951 году он стал лауреатом государственной премии СССР (тогда еще - Сталинская премия) за цикл работ по ондатре вместе с А.А. Слудским. Но действительно «Птицы Казахстана» это как бы самый весомый и серьезный итог жизни Игоря Александровича. Несмотря на то, что при жизни Игоря Александровича вышло всего 2 тома «Птиц Казахстана», во все последующие тома он вложил очень много труда и своей души: организовал и обучил дееспособный коллектив (в основном это его соратники, а часть - прямые ученики), разработал план очерка и структуру самой книги, составил подробную инструкцию, по которой мы потом работали, т.е. влияние он имел на все тома, вплоть до последнего тома, в котором его уже нет в авторах. Но даже если взять формально объем написанного им **лично** в пятитомнике текста, то и он сам по себе достаточно велик. Так, из 480 видов птиц фауны Казахстана Долгушиным в разных томах описано 178, т.е. более одной трети; объем написанного им текста - 839 типографских страниц (34% объема всей пятитомной монографии).

О значении этой фундаментальной сводки можно было бы говорить много, но я ограничусь лишь одним примером. Вот сейчас давно уже встал вопрос о составлении кадастра животного мира нашей страны, для нас – Казахстана. Нас буквально обязывают этим заниматься, выходят постановления Правительства о составлении Кадастра. Так вот, совсем недавно, в январе этого года, только благодаря наличию пятитомника «Птицы Казахстана» мы смогли в короткий срок составить орнитологический раздел Книги генетического фонда фауны Казахстана, которая является научной основой для

Кадастра. Для составления этого раздела нам понадобился всего месяц времени – только благодаря наличию этого прекрасного пятитомника. Не будь его, мы бы не управились и за 5 лет. Вот пример того, как и сейчас, спустя годы, используется сводка «Птицы Казахстана» для решения практических вопросов природопользования.

Однако было бы большой ошибкой ограничивать роль И.А. Долгушина только «Птицами Казахстана». Как известно, это в основном видовые очерки – фактологическая часть казахстанской орнитологии, а Игорь Александрович внес большой вклад и в разработку теоретических вопросов орнитологии. Я не буду касаться тех разделов орнитологии, о которых сейчас будут говорить мои коллеги Мстислав Николаевич Корелов и Эдуард Иванович Гаврилов, а приведу только названия некоторых работ Долгушина, свидетельствующие о широте его научных интересов в области орнитологии: «Об эндемизме степной орнитофауны Казахстана» (1947), «Миграции птиц в Казахстане» (1948), «История формирования фауны птиц Казахстана» (1957), «Орнитогеографическое районирование Казахстана» (1957), «О Средиземноморской фауне и Средиземноморской подобласти» (1958), «Основные пути формирования фауны птиц зональных степей Евразии» (1959), «Деятельность человека и ее значение для фауны птиц в различных географических зонах» (1959), «Об изученности экологии птиц в СССР» (1965), «Рациональная эксплуатация и охрана пернатой дичи в Казахстане» (1965).

По этому перечню видна не только широта интересов, но и глубина проникновения И.А. Долгушина в суть рассматриваемых вопросов. К его докладу об изученности экологии птиц в СССР, который он сделал на 4-й Всесоюзной орнитологической конференции в Алма-Ате, можно было бы привести в качестве блестящих примеров его собственные, выполненные вместе с учениками исследования аутоэкологии таких дотоле неизученных представителей высокогорной авифауны как арчовый дубонос, арчовая чечевица, расписная синичка и др.

Это так сказать чисто научные результаты деятельности И.А. Долгушина, отраженные в его публикациях. К слову сказать, Игорь Александрович опубликовал всего около 80 научных работ. Однако объем и качество этих работ таковы, что они стоят сотен других публикаций, часто фигурирующих в списках работ современных докторов наук.

Нельзя не сказать о той роли, которую играл Игорь Александрович как организатор науки в Казахстане. Это совершенно особая сторона его деятельности. Не будучи облечен никакими высокими званиями (член-корр'а, академик), не занимая высоких руководящих постов (за исключением короткого периода руководства Институтом зоологии), Игорь Александрович как простой профессор, заведующий лабораторией, выполнял огромную организационную работу. Об этой работе в стенах Института и Академии лучше меня знают и расскажут сегодня те, кто многие годы работал с ним бок о бок. Я же упомяну о той чисто орнитологической деятельности, которая далеко выходит за рамки института и Казахстана. Прежде всего, под руководством Игоря Александровича и при его непосредственном участии создана крупная орнитологическая коллекция, которая является самой значительной в регионе Средней Азии. Это особая тема и особый предмет гордости Игоря Александровича.

Далее, он организовал орнитофаунистическое обследование Казахстана не только силами сотрудников своей лаборатории, но и зоологами, работающими в заповедниках, вузовской и противочумной системах. Далее, приступая к обобщению накопившихся сведений в виде многотомной сводки, И.А. Долгушин привлек к участию в ней (своими материалами) огромное число орнитологов со всех концов Советского Союза, когда-либо хоть кратковременно ведших орнитологические наблюдения на территории Казахстана. Надо было видеть те письма, которые он рассылал по всем городам СССР,

по всем орнитологическим адресатам, с просьбой о присылке своих сведений для очередного подготавливаемого тома. О числе откликнувшихся свидетельствуют длинные перечни фамилий в списках благодарностей во введениях к каждому тому. Нельзя не отметить ту большую работу, которую проводил он вообще по изданию зоологической литературы в Казахстане – Трудов Института зоологии, Известий Академии наук Казахстана и др. как непреременный член редсоветов и редколлегий, рецензент, прекрасный научный редактор.

Далее – организация герпетологических и батрахологических исследований в Казахстане и создание герпетологической коллекции. Ведь при Долгушине лаборатория называлась «Лаборатория птиц, амфибий и рептилий» и в ней трудились герпетолог и батрахолог. Благодаря Долгушину смогли провести свои фаунистические исследования и издать обобщающие монографии К.П. Параскив (1956) и К.И. Исакова (1959), причем, как свидетельствует текст последней, ее созданием Долгушин не только руководил, но и принимал непосредственное участие в написании некоторых разделов.

Далее – Игорь Александрович занимался организацией трех Всесоюзных конференций, а каждый, кто соприкасался с этим, знает, какой это огромный труд. В 1960 году он – один из основных организаторов в Алма-Ате Второй зоогеографической конференции и справляется с этим блестяще. Как участник этой конференции, могу подтвердить высокое качество ее подготовки и проведения. В 1963 году он активно участвует в подготовке, проведении и выпуске тезисов Первой всесоюзной конференции по акклиматизации животных. Наконец, в 1965 году И.А. организовал и провел в Алма-Ате Четвертую всесоюзную орнитологическую конференцию, которая, по отзывам ее участников, была одной из лучших в серии орнитологических конференций. Кроме того, будучи членом Всесоюзного орнитологического комитета, Игорь Александрович активно участвовал и в подготовке других научных конференций.

Совершенно особо следует упомянуть о той большой работе, которую проводил Игорь Александрович как член Комиссии по выработке русских названий птиц, в которую он был избран вместе с Л.А. Портенко и А.П. Кузьякиным на Третьей Всесоюзной орнитологической конференции во Львове в 1962 г. Очень жаль, что эта работа осталась незавершенной, потому что и сейчас еще мы не имеем окончательно разработанного и признанного всеми списка русских названий птиц, о чем свидетельствуют самые разные, в том числе и не самые удачные, «нововведения», принимаемые иногда орнитологами.

Третья грань личности Игоря Александровича – воспитатель кадров. Я имею в виду не число подготовленных кандидатов и докторов наук, чем обычно ограничиваются в таких случаях и что само по себе еще мало о чем говорит – достаточно вспомнить пословицу: «Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан». Мало того, что Долгушин создал действующую лабораторию орнитологии и направлял ее деятельность, но он фактически много лет руководил всеми орнитологическими работами на территории республики, кем бы они ни проводились – сотрудниками ВНИИОЗ (В.А. Грачев), противочумной системы (Гаврилов, Пославский) или орнитологами заповедников (Ковшарь, Кривицкий). Кстати, официальных аспирантов у Игоря Александровича было немного, всего 6 человек (Панченко, Муханов, Грачев, Гаврилов, Пославский, Кривицкий), примерно столько же соискателей. Однако фактически он помогал гораздо большему числу людей, занимавшихся или пытавшихся заниматься орнитологическими наблюдениями в Казахстане (достаточно вспомнить Ленхольда в Караганде, Маракшина в Кокчетавской области, Клипперта в дельте Или и других).

Как воспитатель Игорь Александрович обладал особым даром – не выполняя за своего подопечного его работу, постепенно подвести его самого к принятию

правильного решения. Для иногородних это осуществлялось с помощью писем, которых Игорь Александрович писал огромное количество и в которых не скупился на всякого рода подробнейшие разъяснения. При этом некоторые из писем напоминали скорее полемическую статью, в которой обсуждались всякие спорные вопросы. Мне до сих пор интересно читать письма, которые я получал от него, работая в Аксу-Джабаглы. И не только интересно, но и полезно – до сих пор! Если бы я не исчерпал уже отведенное мне время, то можно было бы некоторые из них зачитать здесь. Как руководитель и воспитатель Игорь Александрович всегда старался учитывать психологические моменты – он знал, когда надо своего ученика поддержать, ободрить, а когда – наоборот, выразить все замечания в самом резком, неприглядном виде. В последнем случае он не стеснялся в выражениях подобного рода: «То, что ты пишешь, это издевательство над читателем, настоящий садизм» или «арифметический мираж никого не спасает, но утопить в нем можно любого» (это – любителю цифр, за которыми не видно слов). Одним словом, талант воспитателя научных кадров у Игоря Александровича был немалый и остается только порадоваться, что он был в значительной мере реализован в тех, кто с гордостью причисляет себя к уже ставшей широко известной Долгушинской школе орнитологов.

В заключение считаю своим приятным долгом огласить приветствия нашему собранию от тех, кто не смог сегодня присутствовать здесь. Академик АН Туркменистана Анвер Кеюшевич Рустамов, которого недавно я встречал в Москве, просил передать всем, кто помнит Игоря Александровича, и особенно представителям его школы, свои самые добрые пожелания и благодарность за память о человеке, с кем они дружили несколько десятилетий. Ведущий орнитолог Украины профессор Михаил Анатольевич Воинственский на наше приглашение ответил: «Получил от Вас приглашение на собрание в честь 80-летия Игоря Александровича Долгушина, но, к сожалению, приехать не смогу, так как совсем не транспортабелен. Очень прошу – скажите от меня самые теплые слова в память о дорогом Игоре Александровиче. Я всегда с теплом вспоминаю наши встречи в Москве у Георгия Петровича Дементьева и беседы на орнитологические и всякие другие темы. Он остался у меня в памяти не только как зоолог-орнитолог высокого класса, но и как очень хороший, добрый и чуткий человек. А это скажешь далеко не о каждом. От имени всех наших орнитологов, объединяемых украинским отделением Всесоюзного орнитологического общества, прошу Вас сказать об Игоре Александровиче как о замечательном ученом и Человеке с большой буквы. Ваш М.А. Воинственский».

Не смог прийти на наше совещание и академик Борис Александрович Быков – крупнейший казахстанский ботаник. Я с ним разговаривал и он написал на имя нашего совещания небольшую записку о том, что он познакомился с Игорем Александровичем во время их докторантуры в Ленинграде в середине 50-х гг., и предложил издать об Игоре Александровиче книжку в серии «Биобиблиография ученых Казахстана». От себя могу добавить, что это было бы замечательно, но, насколько мне известно, в этой серии существуют известные ограничения – она предназначена только для академиков и как исключение – для членов-корреспондентов Академии наук Казахстана.

Короткое, но интересное письмо пришло из Саратова: «Мы, бывшие сотрудники Араломорской противочумной станции, свято чтим память нашего дорогого товарища Игоря Александровича Долгушина. Мы высоко ценим его талант исследователя и организатора, неоценимый вклад, внесенный им в изучение орнитофауны Казахстана. Нам особенно дороги и памятны его забота и внимание по отношению к периферийным специалистам, какими были в то время мы. Светлая память об Игоре Александровиче Долгушине навсегда сохранится в наших сердцах. Старшие научные сотрудники ВНИИ

«Микроб» - С.Н. Варшавский, М.Н. Шилов; пенсионеры – К.Т. Крылова, Е.С. Шилова, В.К. Гарбузов, Л.Ф. Гарбузова».

И, наконец, прислал подробное приветствие один из любимых учеников Игоря Александровича, его двойной тезка, доцент Харьковского университета И.А. Кривицкий: «Дорогие товарищи, друзья! Неумолимое и скоротечное время все более и более отдаляет те годы, когда рядом с нами жил и работал всем нам близкий Игорь Александрович Долгушин. Поседели головы его учеников, подрастают у них внуки, а в памяти свежи, будто прошлой ночью проходившие, бесконечные часы общения, часы ненавязчивого обучения разным премудростям. Как много знал он и в какие только проблемы не вникал! Порой по-своему, но всегда глубоко. И если разговор о зоогеографии – то профессионально, если о творчестве Шевченко – то не менее профессионально (Шевченко Игорь Александрович знал, любил и считал казахским поэтом и художником).

Удивительный талант Долгушина-учителя, к сожалению, становишься в состоянии оценить только через годы. Перечитывая его обстоятельные, полные информации и деловых советов письма, понимаешь, что эти послания начинающему зоологу, мечущемуся меж трех сосен своих сомнений, неопытности и нехватки знаний, были не только инструкцией, программой, наказом, но и той неоценимой моральной поддержкой, зарядом человеческой доброты и тепла, позволявшим выжить, собраться и изо всех сил делать, делать, делать оказывается, нужное и важное дело. Дай Бог нашим ученикам испытать подобный восторг от чувства собственной значимости!

Одобрения и похвалы Долгушина имели для нас очень высокую цену. Трудно, очень трудно найти по отношению к Игорю Александровичу слова новые и необычные... Трудно. Потому, что все, кто его знал, говорят о нем одно и то же... Как невелик в нашем обиходе набор значений, посредством которых можно излить море добрых чувств к большому и настоящему человеку! Но как отрадно, что молодое поколение зоологов, родившееся незадолго до тех скорбных дней, когда Игорь Александрович ушел из жизни, знает Долгушина не только как ученого, а больше как легендарную личность, друга молодежи, простого справедливого человека неумной энергии и большого трудолюбия...

С тревогой вглядываюсь в лица участников тех или иных совещаний. Приезжают прибалтийцы и дальневосточники, северяне и южане, орнитологи большой страны, работающие в разных уголках ее. Но все меньше и меньше знакомых лиц... Наглядное подтверждение изменчивости мира! Время не остановить.

И, поневоле задумываясь о превратностях жизни и о том, что в ней было светлым и неповторимым, благодаришь судьбу за то, что волею ее был ты рядом, был отмечен и согрет теплом и умом необыкновенного, яркого человека - Игоря Александровича Долгушина.

Игорь Александрович Кривицкий, Харьков, 22 февраля 1988 г. »

Вот на этих словах моего старого друга, под каждым из которых я готов поставить свою подпись, позвольте мне закончить свое выступление.

И.А. Долгушин и исследования миграций птиц в Казахстане

Э.И. Гаврилов

Игорь Александрович Долгушин, обладая высокой эрудицией, интересовался и хорошо разбирался, благодаря энциклопедичности своих знаний, во всех зоологических дисциплинах – орнитологии, териологии, герпетологии, батрахологии и т.д. Могу напомнить, что за работы в области акклиматизации ондатры в Казахстане Игорь Александрович в числе других зоологов и охотоведов в 1951 году был удостоен Сталинской премии. У него есть ряд работ по териологии. На многочисленных защитах диссертаций зоологического профиля он всегда выступал квалифицированно, критически и объективно, и в то же время благожелательно, чем завоевал всеобщий авторитет. Что же касается птиц, изучению которых он посвятил всю свою жизнь, то лишь физиология, пожалуй, интересовала его меньше всего. Остальные направления орнитологической науки всегда были в центре его внимания.

В этом плане показательно, пожалуй, распределение интересов среди сотрудников созданной и руководимой им лаборатории орнитологии: Мария Алексеевна Кузьмина – это экологическая морфология куриных, Мстислав Николаевич Корелов – систематика птиц, Василий Федорович Гаврин – водоплавающие птицы, Икар Федорович Бородихин – птицы антропогенного ландшафта. Всем помогая и активно участвуя в разработке отдельных вопросов, Игорь Александрович наибольший интерес проявлял к зоогеографии. Только сейчас стало понятным так сказать сдерживающее влияние Игоря Александровича на развитие частных вопросов орнитологии, хотя разумную инициативу он никогда не пресекал, а интерес к этому всегда поддерживал. Все было подчинено решению первоочередной задачи – составление сводки «Птицы Казахстана». Углубленную разработку частных вопросов орнитологии Игорь Александрович считал следующим этапом работ.

Миграции птиц привлекали внимание Игоря Александровича еще со студенческих лет. В 1928-1929 гг. он публикует заметки: «О кольцевании птиц», совместно с М.Д. Зверевым «Окольцованные птицы», «Кольцевание уток в Сибири». Возвращаясь к этой теме позднее, уже через 10 лет после начала работы в Казахстане, Игорь Александрович в 1949 г. публикует крупную обзорную работу «Миграции птиц в Казахстане», подводящую итоги его личных наблюдений и имеющихся литературных данных. В ней Игорь Александрович впервые дает четкое представление о масштабах явления на территории Казахстана, останавливается на истории его изучения, разбирает теоретические вопросы о путях миграций и пролете широким фронтом, вертикальных миграциях горных птиц, летних миграциях водоплавающих и куликов. Хотя Игорь Александрович и пишет, что его работа носит в значительной степени характер постановки вопросов, это далеко не так. Многие содержащиеся в ней предположения и пожелания в последующем были подтверждены и реализованы, что свидетельствует о глубине проведенного Игорем Александровичем анализа, умении четко видеть организационные пути постановки и развертывания исследований. Например, замена у некоторых видов местных популяций северными, прилетающими на зимовку, постепенное формирование осеннего миграционного потока от северных границ ареалов к югу и рассредоточение его весной в обратном направлении, зависимость территориального распределения мигрантов от их экологической специализации и характера местности и многие другие.

Интересна его интерпретация летних встреч в Казахстане северных видов куликов. Он писал: «Многие виды чрезвычайно долго задерживаются в степях во время весеннего пролета и очень рано появляются осенью. Таким образом, очень просто может

сложиться впечатление о пребывании того или иного вида в течение всего лета, хотя фактически это и не будет иметь места». Это положение наблюдениями последних лет полностью подтвердилось. И еще: «Лишь в некоторых, для Казахстана достаточно редких случаях, пролет степных в широком смысле этого слова видов происходит узкими путями, измеряемыми в ширину немногими километрами. Это наблюдается лишь в немногих пунктах, наиболее известным из которых будет Бурнинский перевал – степного характера плоскогорье на перемычке между Таласским Алатау и Каратау». И дальше: «Из приведенного обзора миграционных явлений в Казахстане очевидно, какое широкое поле деятельности открыто перед исследователями, какие разнообразные вопросы глубокого научного значения могут здесь разрабатываться. В частности, чрезвычайно желательно изучение миграций птиц на стационарах в течение ряда лет».

Реализация этой идеи начнется только через 15-20 лет. В 1960 г. эта статья с небольшими изменениями и дополнениями, свидетельствующими о небольшом прогрессе за эти годы в данном вопросе, была включена в виде общей главы в первый том «Птицы Казахстана». Здесь же в кратком очерке изучения фауны птиц Казахстана Игорь Александрович писал: «Некоторые стороны биологических явлений в Казахстане изучены чрезвычайно примитивно, например, явления пролета. Экспериментальное изучение перелетов птиц путем их кольцевания в Казахстане не развернуто».

Прекрасно понимая перспективность одновременного широкомасштабного изучения миграций птиц на территории Средней Азии, Казахстана и Западной Сибири, Игорь Александрович вынашивает идею организации коллективных работ. В конце 50-х гг., как я понимаю, по инициативе И.А. Долгушина в Алма-Ате было проведено неофициальное рабочее совещание ведущих орнитологов, работающих на данной территории. Были намечены модельные виды – шилохвость, обыкновенная пустельга, чибис - и кураторы по изучению их миграций. Ими являлись: Василий Федорович Гаврин, Роман Николаевич Мекленбурцев и Александр Иванович Янушевич. Всем работающим в регионе орнитологам было разослано информационное письмо с разъяснением целей и задач этой работы и с просьбой присылать материалы по данным видам для централизованного хранения и обработки этой информации. Такое письмо получил и я, когда работал в Уральской противочумной станции. Однако по ряду объективных причин эта работа не получила своего дальнейшего развития.

Лишь почти 10 лет спустя эта идея начала осуществляться. В 1969 году, когда в Казахстане уже развернулись широкие специальные исследования миграций птиц, благодаря усилиям А.И. Янушевича была достигнута принципиальная договоренность о выполнении коллективной, или, как ее называл Янушевич, сквозной темы. А с 1972 года орнитологи Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Кара-Калпакии, Туркменистана, Таджикистана и Западной Сибири приступили к ее реализации. Тогда, в октябре 1972 года решением Отделения Общей биологии Академии наук СССР был утвержден Совет по изучению миграций и в качестве его составляющей части - Среднеазиатско-Западносибирская комиссия по изучению миграций птиц, существующая и сейчас.

Последний раз публично Игорь Александрович выступил в сентябре 1965 года на проходившей в Алма-Ате Четвертой всесоюзной орнитологической конференции, на которой им был сделан доклад «Об изученности экологии птиц в СССР». В нем он остановился и на миграциях птиц, сделал обзор имеющихся достижений и недостатков. Ненавязчиво, но четко он проводит красной нитью мысль о том, что территория Казахстана представляет собой уникальную арену, на которой можно изучать самые различные вопросы миграций птиц. В заключение этого раздела он пишет: «Поле деятельности для изучения миграций птиц в СССР поистине необозримо. Трудно даже наметить первоочередные задачи – важно все и везде. Но очевидно, что необходима координация действий отдельных орнитологов и коллективов исследователей,

привлечение армии юных натуралистов, установка стационарных ловушек, использование для массового кольцевания местных способов отлова птиц».

Я не сомневаюсь, что эти высказывания Игоря Александровича сыграли свою роль впоследствии, когда создавался уже упомянутый Совет по изучению миграций птиц. Долгушин всегда смотрел вперед и видел дальше своих современников. Игорь Александрович неоднократно высказывал мысль о необходимости расширения масштабов кольцевания птиц, потому что видел в этом единственный надежный путь получения достоверной информации об их перемещениях в пространстве.

С середины 50-х гг. в лаборатории начинаются работы по массовому кольцеванию уток, чаек, голенастых. К этой работе привлекаются орнитологи, работающие в других учреждениях: В.А. Грачев кольцевал бакланов, я в Западном Казахстане – воробьиных птиц, орнитологи заповедников кольцевали птиц на территориях своих заповедников. С этого времени вся информация об окольцованных птицах стала накапливаться в лаборатории орнитологии. О том, какое большое значение придавал Игорь Александрович этим данным, свидетельствует использование им первых же результатов кольцевания в сводке «Птицы Казахстана» и на их основе в первом и втором томах сделаны предположения о путях миграций у ряда видов птиц.

С середины 60-х гг., когда завершение сводки «Птицы Казахстана» стало реальностью, он с присущей ему энергией приступает к созданию первого в азиатской части СССР стационара по изучению миграций птиц на Чокпакском перевале, о котором он писал еще в 1949 году. Сотрудники лаборатории выезжают на Куршскую косу для освоения опыта массового отлова птиц на Биологической станции ЗИН, выезжают на Чокпакский перевал с целью рекогносцировки и подбора места для стационарной ловушки. Достаются сети, веревки, лебедки; заказываются плашки, стяжки, воротки, столбы и прочие железки. Мне ярко запомнился один случай. Игорь Александрович поручил одному из сотрудников составить заявку, в которой должны быть расчеты. Приходил на службу Игорь Александрович к середине дня, так как научной работой он занимался обычно по ночам. Придя, спрашивал сотрудника: ну, как сделал заявку? На что получал неизменный отрицательный ответ: нет, сделаю завтра. И вот после очередного такого ответа он дал такой разгон этому сотруднику, что даже у меня мурашки по спине забегали. Говорил он зло, красиво и убедительно. Провинившийся тут же сел за стол и за пять минут сделал требуемую заявку, показав на деле, что все можно и нужно делать быстро. А я понял, почему у Эвальда Федоровича, который здесь присутствует, всегда много свободного времени – потому что все, что ему поручалось, он делал тут же, и у дающего ему задания просто не хватало времени придумать ему новую работу. Вот в этом я усматриваю одну из сторон долгушинской школы, но, к сожалению, в этом наши современные помощники очень сильно проигрывают лаборантам того времени.

Особо хочется остановиться на шитье первой ловушки, которую под руководством Родионова шили в маленьком «предбаннике» нашей коллекционной. Ловушку длиной 120, шириной 40, высотой 12 метров, со снижающимися боковыми ответвлениями, так называемыми «ложными» стенками, делали из толстой хлопчатобумажной дели. О том, чтобы хоть как-то растянуть, дабы увидеть – куда что пришивать, не могло быть и речи, так как вся рабочая площадь составляла всего несколько квадратных метров. Каждый пришивал «от сих и до сих», следуя указаниям Родионова. Ветераны здесь присутствуют и могут подтвердить. Наконец к концу зимы шитье ловушки завершилось. С трудом ее вынесли на улицу, развернули и поразились, в том числе и сам Родионов: работа оказалась безупречной, все было пришито правильно. Конечно, вся эта эпопея, начиная с шитья ловушки, и кончая бетонированием столбов и установкой самой ловушки, была насыщена множеством юмористических эпизодов, о

которых рассказывать можно очень долго. Но, к великому сожалению, Даррелла среди нас не оказалось, и все это пока еще хранится в памяти отдельных сотрудников.

Весной 1966 года большинство сотрудников лаборатории выехало на Чокпакский перевал для установки ловушки и проведения работ. Игорь Александрович, уже тяжело больной, оставался в городе, с нетерпением ожидал вестей и был страшно рад первой телеграмме: «Ловушку установили, отлов птиц начали». Игорь Александрович очень хотел посмотреть ловушку, Илларион Григорьевич обещал ему: «Вот поправишься и съездим вместе». Но, к великому сожалению, этому не суждено было случиться и своего детища, которое он вынашивал столько лет, Игорь Александрович так и не увидел.

Хочется остановиться еще вот на каком моменте. С момента своего перехода в лабораторию в 1964 году я неоднократно обращался к Игорю Александровичу с вопросом: ну вот завершится составление сводки «Птицы Казахстана», а чем дальше, по его мнению, мы должны заниматься? Игорь Александрович каждый раз переводил разговор в другую плоскость – он это прекрасно умел делать – и лишь однажды, не выдержав натиска, сказал, что, по его мнению, изучением миграций птиц. Это даст, сказал он, возможность поехать по Казахстану, хорошо узнать его территорию и птиц, расширить свой кругозор. Так что миграционное направление, которым мы сейчас занимаемся, это своего рода выполнение завещания и напутствия Долгушина.

Вкратце остановлюсь на проведенной за истекшие 20 лет работе. Будет скучновато, но потерпите, пожалуйста. В региональном аспекте это выполнено несколько тем в интересах ВВС, отчеты по которым приняты заказчиком, а составленные рекомендации по безопасности полетов самолетов применяются на практике. За 1974-1986 гг. вышло 10 тематических сборников «Миграции птиц в Азии» общим объемом около 150 печатных листов, в который опубликовано 72 статьи по Казахстану, 42 – по Западной Сибири, 32 – по Киргизии, 30 – по Узбекистану, 23 – по Таджикистану, 14 – по Туркмении и 6 по Каракалпакии. Эти цифры в какой-то степени отражают и расстановку сил в регионе. Подведены итоги работ по данной проблеме в сводных монографиях по Киргизии, Казахстану и Таджикистану. Региональных работ, освещающих миграции на всей этой громадной территории, написано очень мало – всего две. В Казахстане, помимо Чокпакского перевала, миграции птиц изучались в Джунгарских воротах, на Алакуле, Сасыккуле, в долине Или, около Алма-Аты, в Кургальджино, низовьях Тургая, низовьях Сарысу, на Аральском море, в долине нижнего и среднего течения Урала. Собран громадный материал по количественной характеристике миграций, демографическим и морфологическим характеристикам птиц. С 1966 по 1987 год окольцовано 1 миллион 502 тысячи птиц, или 97% от общего количества птиц, окольцованных в Казахстане, начиная с 1926 г. Получено свыше 7 тысяч данных о возвратах колец – от Великобритании до Якутии, от ЮАР до Китая и Малайзии. Накоплены тысячи данных о повторных отловах птиц, содержащих ценную информацию. Защищена одна докторская и 6 кандидатских диссертаций, готовы и подготавливаются еще одна докторская и две кандидатские. Опубликованы две монографии, одна сдана в печать, и несколько сотен статей.

Таким образом, Игорь Александрович является основоположником изучения миграций в Казахстане. Он заложил основы фундаментальных исследований этого интереснейшего в теоретическом и практическом отношении и во многом еще загадочного явления. И в наших успехах – большая его заслуга. В заключение я хочу пригласить Евгения Васильевича Гвоздева побывать на нашем Чокпаке – может, Вы все-таки выберете время? Благодарю за внимание.

И.А. Долгушин и зоогеографические исследования в Казахстане

М.Н. Корелов

Вообще говоря, мне предложили доложить о деятельности Игоря Александровича как зоогеографа. Первый этап – это фаунистические исследования. Оказавшись в Казахстане в 1931 году, Игорь Александрович должен был организовать фаунистическое обследование такой огромной страны как Казахстан, с ее разнообразными ландшафтами. На это ушли первые десятилетия. При этом проведение полевых работ в то время было чрезвычайно сложным. Я не говорю о том, что транспортные условия были трудными, но и всегда было ограниченное количество средств. Эти первые исследования позволили наметить первые этапы в изучении, причем завершить их в это время не было возможности. Конечно, первого десятилетия было совершенно недостаточно, чтобы провести хотя бы какие-то зоогеографические обобщения.

Лишь по возвращении из армии и при возникновении Академии и Института зоологии Игорь Александрович получил возможность вести планомерные исследования и в этом отношении он следовал примеру академика Мензбира Михаила Александровича, который, не имея каких-либо штатных сотрудников, тем не менее, хорошо спланировал орнитологическое обследование огромной Российской империи силами энтузиастов. Долгушин в этом отношении последовал примеру Мензбира, которого очень высоко ценил, и поставил исследования фауны птиц Казахстана на последовательно-планомерную основу. Из предыдущего выступления Вы видели, с каким вниманием относился Игорь Александрович к своим соратникам и ученикам, как подробно, ёмко и четко он ставил перед ними задачи, характеризовал сложившуюся ситуацию.

Первую свою зоогеографическую работу Игорь Александрович посвятил эндемизму степной орнитофауны. Дело в том, что степи евразийского материка особенно хорошо представлены в Казахстане. Игорю Александровичу удалось показать, что, хотя ядро степной орнитофауны состоит из относительно небольшого числа видов, все они чрезвычайно характерны именно для этого ландшафта.

Разбирая этот вопрос, Игорь Александрович выяснил, что степная орнитофауна формировалась в трех очагах: казахстанский, монгольский и европейский. Эта работа, опубликованная в 1947 году, имела большое значение и явилась результатом самых разносторонних обсуждений. Дело в том, что именно к периоду конца войны относится возрождение зоогеографических исследований в нашей стране. В это время публикуются три крупных зоогеографических руководства, которые обнажили многие вопросы, остававшиеся неясными и многие из которых остаются неясными до сегодняшнего дня – в частности, вопрос о делении Палеарктики, остающийся спорным и в наши дни.

В этот период готовил докторскую диссертацию по зоогеографии Казахстана на териологическом материале Александр Васильевич Афанасьев. Они были хорошо знакомы с Игорем Александровичем и, естественно, обсуждали все спорные вопросы, которые возникали при сравнении орнитологического и териологического материалов, все эти обсуждения были очень разносторонними. В этом отношении эти беседы имели большое обоюдное значение – и для формирования взглядов Александра Васильевича и для Игоря Александровича, в них обнажались наиболее интересные узловые вопросы: в частности, вопрос об очагах формирования фауны, вопрос о том, что класть в основу зоогеографического анализа. Была тенденция класть в основу историю формирования фауны и, базируясь на этом, вести расчленение территории на те или иные подразделения.

С другой стороны, было ярко выражено экологическое направление – брать за основу современные экологические условия и распределение по ним видов животных. Но дело в том, что основоположники русской школы (Северцов, Мензбир, Сушкин) всегда использовали сочетание этих двух подходов. Так вот Игорь Александрович во время всех этих обсуждений также пришел к выводу, что это единственно правильный подход. И этот взгляд нашел отражение и в его докторской диссертации, и в одной из вводных глав сводки «Птицы Казахстана». Я напому, что докторская диссертация она ведь называлась «Основные закономерности распространения птиц в Казахстане», причем она в сокращенном и упрощенном виде повторяется в главе сводки «Птицы Казахстана», где в основу деления положены характерные особенности ландшафтов. На фоне ландшафтов уже рассматривается распространение птиц. Ну и затем, после защиты докторской диссертации, и когда фауна Казахстана была уже достаточно хорошо изучена, Игорь Александрович, по-видимому, планировал заняться выяснением более детального зоогеографического деления Казахстана в целом. Но сделать этого он не успел: опубликованные им в трудах Львовской зоогеографической конференции в 1957 году тезисы мне кажутся довольно скороспелыми и при общей приемлемости самого подхода к зоогеографическому делению они лишь *намечают* контуры такого деления. Один существенный момент в зоогеографическом направлении работ И.А. Долгушина – вывод о переоценке роли Средиземноморской подобласти и о необходимости снижения статуса (зоогеографического) Средиземноморья, что показано им убедительно.

А теперь мне хотелось бы сказать об Игоре Александровиче как о человеке. Я познакомился с ним в 1937 году, когда после окончания Среднеазиатского университета приехал работать в Алма-Атинский заповедник. Осуществлявший кураторство заповедника Валериан Семенович Бажанов познакомил меня с ведущими зоологами Казахстана (Афанасьев, Долгушин, Кузьмина, а в КазГУ – Бартенев и Домбровский). В лице Игоря Александровича я сразу нашел старшего товарища, который всегда оказывал мне очень большое содействие в работе. Одно, о чем я хотел сейчас сказать, – это о совершенно особой человечности Игоря Александровича. Во время войны в ополчении под Ленинградом погиб известнейший орнитолог Л.М. Шульпин, создавший первую книгу «Орнитология» в нашей стране. Его вдова (там была очень сложная история) была практически нетрудоспособна. И у нее был сын. В послевоенном Ленинграде у них не было средств к существованию. Так вот как поступил Игорь Александрович. Он купил всю библиотеку Шульпина, привез ее в Алма-Ату и здесь эти книги продавал, а средства отправлял в Ленинград его вдове – это была чрезвычайно существенная поддержка. Мне рассказывал герпетолог П.В. Терентьев, который также принимал участие в этой семье, какую большую поддержку оказывал им Долгушин. А поскольку своих денег у Долгушина, естественно, не было, он часто занимал. Он развил бешеную энергию по добыче средств для этой семьи. Это не единственный случай помощи, которую оказывал людям Долгушин. – просто один из самых ярких. Следует подчеркнуть, что он часто имел прямое отношение к судьбам людей, работавших в институте. Дело в том, что, помимо официальных Ученого совета, профсоюза и пр. в институте существовал неофициальный «совет старейшин», в который входили Долгушин, Бажанов и др. Они в первую очередь обсуждали кадровые вопросы (например, кого приглашать на работу) и уже по их рекомендации этот вопрос выносили на обсуждение официальных органов.

Е.В. Гвоздев (председатель): Дорогие коллеги! Мы заслушали три обстоятельных доклада о жизни и творческой деятельности Игоря Александровича Долгушина. В зале находятся люди, знавшие Игоря Александровича не один год. Прошу поделиться своими воспоминаниями.

В.Н. Кусов: Ну что же, выступали орнитологи, разрешите и примазавшемуся к ним Кусову тоже выступить. Поскольку я всю жизнь занимался орнитодоринами, то уже само название этих клещей имеет какое-то отношение к орнитологии. А отношение они имеют только в том смысле, что при описании этого рода упомянуто, что эти клещи эти имеют хоботок, напоминающий клюв птиц. Вот и все сходство, и родство. Однако фактически клещи-орнитодорины имеют отношение, конечно, и к птицам, на чем я еще остановлюсь.

Но пока я скажу о другом. Игорь Александрович пришел из армии немного раньше меня и тоже ходил первое время в гимнастерке. И вообще у нас много в этом плане было общего. Он был артиллеристом, и я был артиллеристом. Дальше. Меня, как бывшего солдата, первые годы почему-то часто избирали в партбюро и не раз - секретарем парторганизации. Это, знаете, незавидная роль, тяжелая роль. Игорь Александрович был и зам. директора, и исполняющим обязанности директора и членом партбюро. И вот я вам скажу, что мне очень повезло, что рядом со мной был такой старший товарищ, который мог посоветовать – иногда с юмором – а то и просто несколько слов скажет, и смотришь – дело пошло. Просто он умел обращаться с людьми. Он умел так тонко и незаметно подсказать, что вроде бы это я сам придумал. А на самом деле это я высказываю его мысли. В этом отношении он был великим человеком. И только благодаря тому, что у меня, тогда молодого парторга, был такой наставник, мы практически не имели нареканий или жалоб на институт. И в этом деле, в общественной работе, Игорь Александрович был человеком с большой буквы.

С другой стороны – орнитодорины (между прочим, из них два вида тесно связаны с птицами). Водятся эти клещи у пеликанов, бакланов – там, где никак не добраться. Понимаете, пробовал я в камышах до их гнездовой добраться. Но не тут то было: ни мне ничего не видно, ни меня не видно. На Аральском море, в местах, где камыш растет, идешь и проваливаешься так, что дна не достаешь – а камыш растет... И вот с такими большими трудностями я столкнулся и, конечно, консультировался, обратился к Игорю Александровичу – как мне добывать этих клещей в такой обстановке. Ну вот он мне посоветовал Барсакельмес. И действительно, там мне удалось хорошо поработать и собрать большой материал. Таким образом, очень большую помощь он мог оказать и оказывал и в тех областях зоологии, которые далеки от орнитологии.

М.И. Исмаилов: Здесь очень много говорили об Игоре Александровиче, но пропустили одно очень важное. Может быть, об этом мало кто знает. Это было в КазГУ, я тогда заканчивал учиться, а он вел лекции по орнитологии. Я хочу коснуться его педагогической деятельности. Это очень важно – как ученый работает среди подрастающего поколения. Это было примерно до войны [«1937-й год» - подсказывает с места Л.А. Демченко, которая училась в одной группе с М.И. Исмаиловым - АК]. Вот видите, мы вместе обучались, значит, то, что я говорю, помнит и Людмила. Так вот, он не только читал у нас лекции, но и проводил полевую практику. Проводить сейчас полевую практику почти невозможно, а тогда мы проводили ее на реке Или. Тогда еще поселок Илийск был и вот ниже этого поселка и проводили практику. И вот чему он нас научил прежде всего - делать тушки птиц и млекопитающих. Это очень важно – уметь обрабатывать полевой материал. В этом отношении у него всегда отличались и лаборанты, которые умели очень хорошо обрабатывать материал. А еще на практике мы пели. Вот сейчас нет таких песен, как говорится – сегодня споешь, а завтра забываешь. А тогда были такие песни, содержание которых мы до сих пор помним. И вот мы пели, пели без конца...

Наш курс отличался тем, что мы мало отличались по возрасту – я например, всего на три года моложе Игоря Александровича, а один наш студент был на 4 года старше

его. После окончания университета большую помощь оказал мне Игорь Александрович, когда я начал работать на острове Барсакельмес. Он не только помог составить план и программу работ, но и составил целый определитель птиц, там очень подробно было о чайках, например. Так что на остров мы с Е.П. Васенко приехали во всеоружии, с готовыми руководствами. Вот эти вот материалы нам, конечно, очень много помогли. Таким образом то, о чем я говорю, происходило намного раньше, чем то, о чем мы сейчас так подробно услышали. Об этом говорят и фотографии. Вот во времена нашего студенчества в КазГУ мы, конечно, не фотографировались. И когда я слышу, как говорят, что знакомы с ним с 1952 года, с 1953 года, то хочу сказать, что он начал свою работу намного раньше, в том числе и среди молодежи. У него были очень интересные выступления, открытые совершенно. Он говорил: люди привыкли выражаться «пустыни Средней Азии и Казахстана». Не так надо говорить – пустыни Казахстана и Средней Азии. Потому что и по флоре, и по фауне Казахстан в данном случае является решающим, что ли. Вот так он высказывался...

В.Я. Панин: Об Игоре Александровиче можно говорить много и сказано уже много, в том числе и здесь сегодня. Каждый из выступавших отметил какую-то определенную черту характера Игоря Александровича, которая ему больше всего запомнилась. Я был знаком с Игорем Александровичем в течение длительного времени - с 1953 года, с момента моего прихода в институт зоологии после окончания университета. Я хотел бы особо отметить, что Игорь Александрович никогда не был монополистом в своей науке. Что греха таить, есть и среди наших сотрудников, и среди работников других учреждений лица, которые, обладая определенным запасом знаний, определенным материалом, сидят на этом багаже и не желают поделиться им со своими коллегами, своими близкими сотрудниками. Вот Игорь Александрович никогда этим делом не занимался. Он всегда был готов отдать молодежи все свои знания, все, что накопил за многие годы работы. Вот это одна из важных черт характера Игоря Александровича. Я, правда, часто с ним в экспедициях не бывал, поскольку наши специальности на разных полюсах - я гельминтолог, а он орнитолог, но все же в определенные периоды своей деятельности я был связан и с птицами, поскольку изучал гельминтофауну птиц. И вот в 1955 году мы встретились с ним в поселке Тополев Мыс на юго-западном побережье озера Зайсан. Он как раз в то время был там с Константином Петровичем Параскивом и Марией Алексеевной Кузьминой. Были они у нас недолго, на Тополевом мысе, но за это время мы воспользовались моим лаборантом - со мной был Федор Петрович Евдаков, многие еще помнят его, наверное. Игорь Александрович помог нам разобраться в определении птиц, у которых мы брали материал - орнитологи не всегда доверяют нашим определениям птиц. Ну здесь еще Анатолий Федорович говорил о такой черте характера Игоря Александровича, как тонкий юмор. Не раз приходилось выслушивать всякого рода юмористические высказывания его, особенно за шахматной доской (мы часто с ним играли), по-сути и первая встреча с ним состоялась именно за шахматной доской. Вспомню тот же Зайсан. Мы должны были возвращаться в Алма-Ату и попросили Игоря Александровича на обратном пути подождать нас на станции Жангиз-тобе (они были на машине), чтобы забрать там наших подопытных цыплят и доставить и цыплят, и нас в Алма-Ату. Ну, получилось так, что эти допотопные полуторки поломались, они приехали в Жангиз-тобе раньше, чтобы подремонтироваться, а мы немного запоздали. А договор был такой, что в случае нестыковки на почте будет оставлена записка на адрес «До востребования» на мое имя. Сразу же заехали на почту. Записка есть, но в ней в истинно русском духе написано: «Ждали-ждали, вспомнили вашу мать и уехали». Пришлось нам тех цыплят ликвидировать и добираться на перекладных... А вообще Игорь Александрович, будучи

ученым, широко известным в нашей стране, в то же время всегда был простым, душевным и отзывчивым человеком и эта память о нем всегда остается в наших сердцах.

А.С. Малиновская: Игорь Александрович был своего рода мозговым центром нашего института. Я знаю прекрасно, что он и Иллариону Григорьевичу давал ценные советы. К нему обращались очень многие по самым разным вопросам и все получали от него очень разумные, дельные советы. В данном случае я не буду говорить о его научных достижениях, я остановлюсь на другом, о чем никто не говорил. Вот эта фотография на стенде – в каком году получил Илларион Григорьевич премию? В 1954-м? Так вот это – фотография 1954 года. Тогда в Ленинграде собралось по такому случаю наше землячество. Ну и Игорь Александрович, поскольку он был «мозговой центр», он взял за бока Иллариона Григорьевича – давай, мол, отмечай это событие. И пошли отмечать в ресторан «Астория». Вот там Игорь Александрович и распорядился, сколько надо на питье, сколько на покупки. А после этого мы всю ночь ходили по городу. Вот сколько здесь народу: Параскив, Цыганков, Сванбаев, Аппасов, Мария Алексеевна Кузьмина, Антонина Федоровна Сидорова, ну и я (Илларион Григорьевич с нами не ходил). И вот мы ходили по Ленинграду, и если бы вы знали, как он интересно рассказывал – не только об известных памятниках или зданиях (одному только Петру Первому там несколько памятников), но и о том, сколько свай забили, сколько тысяч солдат участвовало в строительстве и многое-многое другое. Вот он нас водил-водил, рассказывал-рассказывал, а потом привел в фотоателье – и там мы сфотографировались на память. Вот о таком эпизоде и напомнила мне эта фотография.

В.В. Кузнецов: Игоря Александровича я знаю с 1962 года. Еще будучи аспирантом, я приходил в институт и у Валериана Семеновича [Бажанова - АК] мы с ним познакомились. И вот с тех времен у меня сохранилась добрая память о нем. Он был у меня первым оппонентом на защите кандидатской диссертации. Это был 1963 год, середина мая. Прежде, чем дать согласие на оппонирование, он попросил работу. Сказал, что если работа ему понравится, то будет оппонировать, а в случае принципиального несогласия с основными положениями просто откажется. Прочитал – и на следующий день принес готовый отзыв! Всего одна ночь ему понадобилась, чтобы разобраться в этой палеонтологической рукописи объемом 200 страниц. Отдал отзыв, а сам уехал в экспедицию на Зайсан и Саур. Это было в конце мая, а защита у меня была назначена на 20 июня. А в те времена добраться оттуда до Алма-Аты было очень трудно, для этого надо было 2-3 дня пути. Игорь Александрович приехал 19 июня и, не заходя домой, пришел ко мне и спросил – будет ли завтра защита, или нет. Я сказал – будет. Он обрадовался, я еще больше. Защита прошла хорошо. После нее я подготовил все те бумаги, которые он должен был как оппонент подписать, и принес ему домой. Он их подписал и в тот же день уехал снова в экспедицию на озеро Зайсан. Вот такой это был человек.

Д.Т. Увайсов: Я счастлив тем, что много ездил с Игорем Александровичем. Вы можете завидовать мне, что я много ездил и общался с этим человеком. Он такой человек, он меня всегда баловал. Конечно, научными занятиями он занимался, а мы помогали ему, туда-сюда, как лаборанты мы были. А вот он такой человек был – он уважал людей, независимо от их звания или степени. Я часто говорил «я вот великий казах, туда-сюда», он всегда смеялся и соглашался, что я великий сын великого народа. Очень часто мы спорили о футболе, о нашем «Кайрате». Сейчас я конечно, уже старый, немножко уже туда иду...

Но я счастлив, что много ездил с ним – хоть Казахстан весь посмотрел. А случаев у нас с ним много разных было, чтобы вспомнить все – много времени надо. Спасибо за то, что пригласили, я всегда помню и буду помнить Игоря Александровича.

А.П. Максимова: Я Игоря Александровича знаю с 1953 года, со студенческих лет, когда я проходила практику в лаборатории Евгения Васильевича. В 1957 году Игорь Александрович работал на озере Тенгиз, в местах самой северной в Советском Союзе колонии фламинго. Вместе с Чекменевым они собрали большой материал по экологии этой удивительной птиц, в том числе и по паразитам. И он передал Евгению Васильевичу, можно сказать – подарил, очень ценную коллекцию паразитов фламинго. И эта переданная им коллекция паразитов оказалась настолько интересной – в мировом масштабе. Мы с Евгением Васильевичем по материалам этой коллекции описали новый род, 5 новых видов, в том числе и назвали его именем. Важная черта Игоря Александровича – он был очень человечен, всегда был для всех доступен, очень любил молодежь. Был очень оптимистичен и жизнелюб. Об этом говорит такой факт. Когда мы буквально в один из последних дней принесли ему большой букет роз, он сделал отрицательный жест и сказал: «К черту цветы – я еще жив». И тут же заговорил на отвлеченную тему...

А.В. Левит: Я познакомился с Игорем Александровичем в 1946 году после поступления в аспирантуру. Наш институт тогда находился на углу улиц Шевченко и Космонавтов. Это значит, длинный коридор и по периферии коридора были комнатки, в которых сидели зоологи – паразитологи, орнитологи и так далее. Этот коридор был основой жизни института. Все что происходило – научные события, торжества, библиотека – все было в коридоре. И это было место общения всех сотрудников института. Поэтому мы знали друг о друге все, как в коммунальной квартире.

Об Игоре Александровиче сейчас было сказано много. Единственное, что можно сказать, что это был человек с большой буквы. Это исключительный человек. Сейчас, сегодня, мы прослушали очень интересные сообщения его современников, которые имели возможность быть и работать рядом с ним.

И вот у меня такая мысль возникла: нельзя, чтобы эти материалы, очень интересные, очень важные, особенно для института, его истории (особенно сейчас, в период перестройки) – мысли и слова Игоря Александровича в письмах, зачитанных Ковшарем, исключительной важности воспоминания Мстислава Николаевича – нельзя, чтобы это осталось просто здесь, в этом зале. Вот мы все поаплодируем и уйдем, займемся своими делами, а забот и работы у нас всех очень много, и все это останется до следующей даты – например, 90-летия. А может к тому времени многих из здесь присутствующих, уже не будет. Я не знаю, как это организовать, но мне кажется, что необходимо прямо в организованном порядке написать, кто что знает об Игоре Александровиче, и издать книгу о нем. Допустим, сложно издать книгу в серии биобиблиографии академической, но можно здесь, в Казахстане, издать сборник воспоминаний.

Словом, все абсолютно нужно собрать в единые руки. Я не знаю, у меня возникла такая мысль: Игорь Александрович уникален по своим человеческим качествам, это человек именно 80-90-х годов – демократичность, четкость, правдивость. Не было у него никаких конъюнктурных поползновений, что бывало, как говорится во времена оно.

И вот это все надо как-то сохранить и сделать доступным молодым людям, идущим в науку. Я не знаю, насколько это возможно, но было бы правильно продумать: нельзя ли организовать поощрение имени Игоря Александровича за лучшие работы, за оригинальные исследования. Я не знаю, как это назвать – премией ли, или иначе, но надо как-то увековечить это имя. Уверен, что орнитологи Союза поддержат эту идею.

А.Ф. Ковшарь: Спасибо, Алтар Вениаминович! Вы как будто подслушали наш разговор или подсмотрели наши наброски. Дело в том, что такой замысел у нас есть. И если уж нельзя издать книгу в академической серии, поскольку Он не вышел чинами (не академик и не член-корр.), то есть и другие пути. Кстати, сразу же после ухода Игоря Александровича была идея присвоить его имя лаборатории. Она не прошла по той же причине. Однако никто не может воспрепятствовать коллективу написать книгу воспоминаний о Долгушине. Когда-то, в 1969 году (всего три года мы были без Игоря Александровича) в Ашхабаде была всесоюзная орнитологическая конференция, и мы возили туда фотомонтаж, озаглавленный «Наш Долгушин». И он вызвал большой интерес, орнитологи со всех концов нашей страны благодарили нас за этот монтаж.

Позже, в 1983 году, когда мы отмечали 75-летие Игоря Александровича, мы уже постарались записать большинство выступлений о нем – как материалы для будущей книги. Жаль, сегодня нас просто техника подвела – мы хотели озвучить здесь некоторые из тех выступлений 5-летней давности. Напомню, что тогда были записаны воспоминания Валериана Семеновича Бажанова о том, как они учились вместе в Томске; записаны довольно пространные воспоминания Максима Дмитриевича Зверева; Евгения Иоганновича Страутмана, Александры Сергеевны Малиновской, одного из первых аспирантов Игоря Александровича – Бориса Васильевича Муханова, Балдырган Сералиевны Кожамкуловой, Галины Васильевны Ушаковой и многих других.

В этом году, неделю назад, мы записали на пленку очень интересные воспоминания Евгения Иоганновича Страутмана, Петра Михайловича Бутовского. Кстати, все, что говорилось сегодня, также пишется на магнитофон. Так что мы уже располагаем довольно значительными материалами для будущей книги, записанными на пленку. Собраны его уникальные письма и продолжается их сбор. Имеется совершенно особый документ – написанная Игорем Александровичем Инструкция по составлению «Птиц Казахстана». Кроме того, готовясь к сегодняшнему заседанию, мы разослали орнитологам СССР приглашения и получили ряд ответов – из них некоторые я сегодня зачитывал. Могу привести еще один характерный пример.

Недавно я встретил в ИЭМЭЖ в Москве Лео Суреновича Степаняна, который сейчас является ведущим систематиком среди отечественных орнитологов, и он сказал: «Отзыв писать наспех я не буду, но если вы будете готовить книгу об Игоре Александровиче, я могу написать для нее обстоятельный очерк и приложить к нему его письма». Я думаю, что это хорошая задача для созданного недавно у нас в Казахстане филиала Всесоюзного орнитологического общества: взяться и создать книгу под названием «Наш Долгушин», в которую, помимо воспоминаний, вошли бы и его письма, библиография, фотографии. Как ее оформить, я еще не знаю, но материалы накоплены большие и желание ее сделать есть.

Воспоминания современников

Далекие 20-е и 30-е годы³⁶

Игорь Александрович Долгушин появился в Томском университете, в котором я учился, в январе 1926 года, в период зимних каникул. Это был небольшого роста очень щупленький юноша. Мы с ним познакомились и сразу же подружились, потому что он, в отличие от большинства студентов, проявлял интерес к зоологии не учебной, а исследовательской. Он до этого, еще будучи учеником средней школы в Омске, работал с профессором Лавровым, орнитологом, преподавателем Сибирской сельскохозяйственной академии. Кроме того, он работал также с доцентом Омского зооветеринарного института Иннокентием Шуховым, бывал с ним на экскурсиях в окрестностях Омска, так что он приехал в Томск уже подготовленным человеком. И там он сразу же познакомился, помимо меня, со студентом Велижаниным Глебом Андреевичем – орнитологом, учеником профессора Хахлова, который заведовал кафедрой биологии.

Между прочим, в Томском университете было три зоологических кафедры: зоологии беспозвоночных (ею заведовал профессор Рузский Михаил Дмитриевич), зоологии позвоночных (ею заведовал Иоганзен Герман Эдуардович) и была кафедра биологии (ею заведовал Виталий Андреевич Хахлов). Причем уклон у Хахлова был экспериментально-биологический. Сам он интересовался генетикой. Игорь Александрович на занятиях кафедры постоянно бывал, хотя он генетикой и не интересовался. На этой кафедре работал в то время ассистент Вячеслав Федорович Ларионов, который тоже занимался генетикой и в частности – генетикой пуночки. Он ее собирал в больших количествах и рассматривал особенности окраски ее оперения.

Первое лето 1926 года Игорь Александрович уезжал к себе в Омскую губернию и занимался там самостоятельными орнитологическими экскурсиями. На следующее лето, 1927 года, Хахлов организовал экспедицию в Салаирский кряж и Велижанин и Игорь Александрович поехали с ним в эту экспедицию и занимались фауной птиц Салаирского кряжа. В результате у Хахлова появилась работа «Птицы Кузнецкого округа (точно не помню)» и там и Долгушин и Велижанин фигурируют. Эта работа была издана позже, в Пермском университете, в котором Хахлов работал после Алма-Аты.

Хахлов организовал Сибирское орнитологическое общество, в котором активное участие принимали Долгушин, Велижанин и я; общество издавало журнал «Uragus». Его редактором был Хахлов. Вокруг этого журнала было много зоологов, даже не имевших

³⁶ В феврале 1983 г., когда мы готовились отметить 75-летний юбилей И.А. Долгушина, Балдырган Сералиевна Кожамкулова передала мне приглашение от Валериана Семеновича Бажанова, который вернулся в Алма-Ату из последнего места работы - Тамбовского пединститута – и хотел встретиться, чтобы поговорить в основном о селевинии, которую он когда-то описал как вид. Вместе с О.В. Беляловым и Р.А. Кубыкиным мы посетили Валериана Семеновича, который был болен, лежал и говорил с большими паузами, но вполне четко и ясно, о событиях полувековой давности. Я впервые после 15-летнего перерыва видел его в новом и непривычном облике - с огромной бородой, которая делала его похожим на Льва Николаевича Толстого. Помещаемый ниже текст его воспоминаний – результат расшифровки в 2007 году магнитофонной записи, сделанной 26 февраля 1983 г., во время последней нашей встречи. - АК

отношения к университету или обществу, - например, Шастовский, с которым Игорь Александрович общался (позже он работал в Алматинском зоопарке). В этом же обществе состоял членом даже лесной таксатор, вовсе не биолог (фамилию уже не помню). Скалон ездил вместе с ним в экспедиции, и они занимались там птицами – и наблюдениями и добыванием. М.Д. Зверев в то время работал в Новосибирске, в станции защиты растений. Приезжал в Томск, бывал у меня.

В журнале постоянно печатался также Селевин. У него очень своеобразная биография. Селевин – это семипалатинский краевед. Он работал в Семипалатинском краевом музее. Работал, так сказать, на свой страх и риск. Временами участвовал в экспедициях станции защиты растений, зоологическим отделом которой заведовал в то время Беляев Алексей Маркович. Вместе с Беляевым Селевин ездил на Зайсан. Используя свое довольно свободное положение (как работник музея), Селевин умудрялся часто бывать в Москве и Ленинграде. Там он познакомился с академиком Сушкиным и с академиком Мензбиром. С ними постоянно встречался, бывая в этих городах, и регулярно с ними переписывался. Ну, с Игорем Александровичем они как орнитологи-сибиряки, познакомились быстро, хотя Селевин там и не был сначала.

Когда я в 1927 году вернулся из 3-го зоологического съезда, пришел в свою комнату, там сидел какой-то высокий блондин. А Игорь мне и говорит: «Это Селевин». Познакомились. Так вот этот Селевин был, конечно, очень большим энтузиастом-фаунистом. Но с большой ленцой – поэтому он не смог поступить в Томский университет. Он не сдавал вступительные экзамены и даже не пытался это сделать, а вместо этого привез от Семипалатинского музея рекомендательное письмо, в котором музей просил принять его в качестве вольнослушателя. Так он и поступил – вольнослушателем. Он сразу же начал работать в зоологическом музее Томского университета, но не в смысле службы, а в смысле работы с коллекциями. В частности, он там обнаружил коллекцию генерала Колпаковского (бывшего генерал-губернатора Семиреченского края). В свое время эта орнитологическая коллекция была передана в Томский университет. И Селевин занялся обработкой этой коллекции. К всеобщему удивлению, вдруг он в этой коллекции нашел синюю птицу – лилового дрозда. Конечно, Колпаковский не сам собирал эту коллекцию, собирали солдаты (семиреченские казаки). Игорь вместе с Селевиным эту коллекцию просматривал, но прямого участия в ее обработке не принимал. Все заходили, смотрели и удивлялись, как среди этого старья находятся вдруг какие-то новинки. Это уже был год 1928-й.

В 1929 г. весной я поехал в Новосибирск. В этот раз в Новосибирске я встречался с Максимом Дмитриевичем Зверевым. Когда вернулся из Новосибирска в Томск, иду с пристани, а навстречу мне идет Селевин (мы жили в Томске втроем в одной комнате - с ним и Долгушиным). Я его спрашиваю: «Ты чего здесь делаешь на пристани?». Отвечает: «Да вот сегодня должен пароход прийти, я в Семипалатинск еду». «Зачем?» - спрашиваю. «А что здесь делать?» - отвечает. Ну, поскольку он был вольнослушателем, то делать ему здесь действительно было нечего, он ничего не обязан был делать. Таким вот образом мы с ним попрощались на пристани.

А потом с Селевиным я встретился уже в Алма-Ате в 1936 году, в своей квартире. Прихожу домой, а у меня сидят Селевин, Слудский и был в то время студент Белослюдов – сын краеведа семипалатинского Белослюдова. Селевин приехал в Алма-Ату по делам Бетпак-Далинской экспедиции, которая считалась совместной экспедицией двух университетов – САГУ и КазГУ. Первый обеспечивал ее кадрами, а второй подбрасывал деньги. Так вот Селевин в этот раз приехал за этими деньгами.

Осенью 1929 года я перевелся в МГУ, всю зиму 1929/30 года я был в Москве. Тогда мы с Игорем Александровичем затеяли поездку на Камчатку. Из этой поездки ничего не вышло, если не считать того, что после этого в ЗИНе (И.А. тогда еще учился в

Лесотехнической Академии в Ленинграде) Игоря Александровича стали называть «камчадалом». В 1930 г. я закончил МГУ, а он еще продолжал учиться в Лесотехнической академии. В 1930 году я работал охотоведом во Всесоюзном охотничьем союзе, причем был секретарем по участию охотничьих союзов в международной охотничьей выставке, которая должна была состояться в Лейпциге. А тогда так было организовано это дело. Советский Союз должен был впервые принять участие на международной арене и участников было всего два – Всесоюзный охотничий союз по линии кооперативов и «Союзпушнина» как государственное учреждение. В последнем такие же функции, как я во Всесоюзном охотничьем союзе, выполнял Сергей Павлович Наумов. Всесоюзный охотничий союз тогда пытался проявлять максимум инициативы в изучение охотничьих ресурсов страны, конкурируя с «Союзпушниной», которая занималась только пушниной.

И вот тогда возникла идея организовать охотоведческую экспедицию «где-нибудь в Сибири». В 1930 году мне предложили организовать охотоведческую экспедицию на Охотское побережье (забыл название пункта). Я предложил Игорю Александровичу участвовать в этой экспедиции. Он говорит: «Что же я там один буду?. У нас есть студенты и могут поехать несколько человек». В общей сложности из Ленинградской лесной академии было в составе этой экспедиции уже 3 человека: Игорь Александрович, Караев и Плечев. Но Плечев в экспедицию не поехал. Караев приехал уже в совершенно другом качестве - в качестве самостоятельного лица от Всесоюзного охотничьего союза. А в основном участниками экспедиции были студенты МГУ. Летом 1930 г., в начале лета, мы выехали из Москвы. Сначала я выехал в Омск, где встретился с доцентом зооохотинститута, охотоведом Иннокентием Шуховым, он впоследствии стал член-корр. Академии сельхоз наук им. Ленина. Всесоюзному охотничьему союзу хотелось иметь где-то в Сибири охотоведческую базу и первым делом я ориентировался на Шухова. Он до революции был преподавателем биологии Омского кадетского корпуса, откуда перешел в охотоведение. Шухов сказал, что в Омске обстановки для создания охотоведческой базы нет. Тогда я поехал в Иркутск. А в Иркутске в то время фигурировал некий Топорков. Больше никогда не встречал ни его, ни его фамилии. В Иркутске тоже хотели сделать что-то такое охотоведческое. Но тоже ничего не вышло. После Иркутска я поехал в Читу.

В Читу уже приехал Игорь Александрович Долгушин. Остальные отсылались. Плечев отсылался совсем, а Караев приехал и поставил перед нами 2 задачи: заняться охотоведческой работой на Охотском побережье, и, кроме того, посетить и осмотреть, что делается в Горненском тарбагановом охотхозяйстве. Мы приехали из Читы в Горненское тарбагановое хозяйство. Увидели, что там ничего толком не делается. Там был некий Даль Сергей Константинович, который впоследствии работал в Ферганском институте зоологии. Так мы провели с Игорем Александровичем все лето - ездили по охотхозяйствам Бурлинского района.

Надо сказать, что Даль нам очень мешал. А как я сказал, Караев приехал в новом качестве: в качестве уполномоченного Дальохотсоюза, с теми же функциями, что и мы. Т.е. посмотреть, что делает Бурлинское охотхозяйство и что там нужно сделать. Он нам помог в том смысле, что поставил на место руководство охотхозяйства. Мы с Игорем Александровичем объехали значительную часть Бурлинского района - и степную, и горную. Там есть два озера – Зунторей и Барунторей. Мы на них были. Вот уже совсем недавно было последнее орнитологическое совещание и была опубликована статья о нахождении реликтовой чайки на Барунторее. Но мы ее не нашли. Мы знали, что она найдена в Монголии, но нам и в голову не приходило искать ее на этих озерах.

Ну, по Аргуни мы проезжали, в Нежнинском хребте были. Мы нашли кладку дрофы (*Otis dybowskii*), но не оценили должным образом значение этой находки.

Игорь Александрович там собирал птиц, ну нельзя сказать, что он их много собирал, но набирал. Он привлекал к себе внимание местного населения –

забайкальского казачества – своим необычным внешним видом. Он ходил в рубашке с расстегнутым воротом и в каких-то туфлях без носок. Так, сказать, не для протокола, но ко мне не раз приходили и спрашивали: «Где ваш непутевый?» [смеется – АК].

Осенью поехали во Владивосток. Во Владивостоке мы были один день. И тут мы с ним встретились с другом, студентом, окончившим МГУ – Стахановым Володей. Я последний раз видел Стаханова в это время. А сейчас вспомню, как мы были на Охотском побережье. Этот пункт, не могу вспомнить, как он называется. Он очень интересовал академика Мензбира. Он меня просил, собрать там птиц, гнездящихся на базарах. Но получилось так, что я птиц ему этих не собрал. Тем более, что я орнитологией не занимался специально. Потом Игорь Александрович поехал кончать Академию, а я прошел по конкурсу ассистентом кафедры зоологии и генетики Оренбургского сельхозинститута. Соответственно с этим я уехал в сентябре в Оренбург.

На другой год (1931), когда Игорь Александрович окончил Академию, он получил назначение куда-то в Ашхабад. Проезжал через Оренбург, я встретил его на вокзале. А потом я встретился с ним уже в Алма-Ате.

Из Ашхабада Игорь Александрович перевелся в качестве охотоведа в Алматинскую область и работал где-то на Баканасе. А я потом с ним встретился в Москве. Он рассказал мне про институт. В то время в Институте было 2 лаборатории: зоологии и паразитологии. Лабораторией паразитологии заведовал будущий директор – Галузо, а лабораторией зоологии в то время – Бялыницкий-Бируля Алексей Александрович. Он был директором ЗИНа в 1927 году. Когда я был на 3-м зоологическом съезде в 1927 году, я познакомился с Бялыницким. И с ним встретился опять в Алма-Ате в 1936 году, и с Игорем в 1936 году. Причем я в это время работал в Алматинском заповеднике. В 1937 году перешел на работу в КазГУ. Игорь Александрович работал в лаборатории зоологии КазФАН (казахский филиал Академии Наук СССР). С ним работала Мария Алексеевна Кузьмина.

В 1936-1937 гг. Бялыницкий-Бируля и я, в частности, участвовали в проталкивании организации зоопарка в городе Алма-Ата. И мы с Игорем Александровичем поехали на открытие. Идем по территории – на встречу нам Максим Дмитриевич Зверев. «Я – говорит – получил сюда назначение заместителем директора».

Таким образом, встретившись в 1936 г. в Алма-Ате, мы с Игорем Александровичем встречались постоянно. Я его пристраивал на всякую почасовую оплату в КазГУ. У него были там спецкурсы. Охотоведение читал я, точнее был курс «охотничье-промысловые животные Казахстана». А Игорь Александрович вел спецкурс по орнитологии. И Зверева я устраивал на почасовую оплату.

В Алматинский заповедник я поступил зоологом. Меня направило сюда Управление заповедниками. Тогда Казахстан был автономной республикой и управление заповедниками было в Москве. Вот это управление меня назначило единственным зоологом. Я говорю местному руководству – территория большая – 800 тыс. га, разнообразная, надо еще одного. А где его брать? Надо искать. Тогда я списался с кем-то из ташкентцев, в результате этого пришло письмо от Мстислава Николаевича Корелова. Он в то время занимался золотистой щуркой – вредителем пчеловодства. И в 1937 году он приехал на работу в заповедник. С 1937 по 1940 мы работали рука об руку.

*В.С. Бажанов,
Алма-Ата, конец февраля 1983 г.*

Незабываемые поездки с Долгушиным

Мои первые воспоминания об Игоре Александровиче Долгушине уводят в далекое предвоенное время – 1938-1940 гг. Зоологический сектор Казахского филиала АН СССР в те годы периодически проводил заседания зоологической общественности города. Порою в них участвовали и студенты – зоологи Казахского Государственного Университета. На этих заседаниях, как правило, обсуждались итоги зоологических экспедиционных исследований, полевые наблюдения за дикими животными, рассматривались планы будущих совместных работ с зоологами. На одном из таких заседаний с докладом о птицах Казахского мелкосопочника (Центральный Казахстан) выступал тридцатилетний Игорь Долгушин (его тогда чаще всего так и называли). В демонстрации таблиц, схем, собранной коллекции птиц ему, помнится, помогали Мария Кузьмина, Николай Грачев и кто-то из студентов – участников экспедиции.

Речь Игоря, как мне вспоминается, не блистала ораторским красноречием, но была исключительно доходчивой, убедительной, зажигательной, порою сопровождалась неброским юмором. Исключительно профессионально молодой ученый доложил о своих тонких наблюдениях за жизнью пернатых горного кряжа Улутау, не забывал ссылаться на работы своих предшественников, посещавших ранее эти места. И надо было видеть, как загорались глаза у студентов, мечтавших, по-видимому, в эти минуты посетить столь замечательные края! По себе сужу. Мне, первокурснику биофака КазГУ, очень уж захотелось тогда также побывать там. Прошло совсем немного лет и я, действительно, собирал в тех краях материал по своей работе, ежечасно вспоминая незабываемый рассказ Игоря Александровича о красоте ландшафтов мелкосопочника, степных просторах, великолепных закатах и рассветах.

У меня до сих пор, спустя более полувека, крепко держится в памяти тот незабываемый день, когда я впервые встретился с молодым, до предела увлеченным в свою специальность человеком. Уже в послевоенные годы мне суждено было работать с ним в Институте зоологии, вместе решать многие насущные задачи нашей науки тех времен. И я горжусь, что все это время нас связывала ничем не омрачаемая дружба.

А упомянутое выше заседание состоялось, и это – примечательно, в тихий осенний алма-атинский вечер под раскидистым дубом на воздухе, во дворе Казахского филиала АН СССР по улице Виноградова, 36. Сейчас там находится Посольство Канады.

Вернувшись в Алма-Ату после фронтовых дорог и армейской службы, Игорь Александрович слыл глубоко принципиальным ученым, был всегда в центре всех институтских событий, всецело поддерживал коллектив в решении научно-организационных вопросов, был прекрасным воспитателем молодежи. О его бурной деятельности, как непревзойденного знатока фауны пернатых, организатора эколого-фаунистических исследований, изучения перелетов и миграций птиц, человеческого обаянии, беспредельной честности можно говорить до бесконечности. Об этом более подробно вспомнят его прямые ученики. О нем, как о выдающемся орнитологе и великолепном организаторе исследований многое опубликовано. Мне же хотелось вспомнить о его других увлечениях и великодушных поступках. Я не могу, чтобы не поделиться с вами своими воспоминаниями о нем, как о человеке. Это будет лишь малая толика того, что нас объединяло в жизни.

Меня с Игорем Александровичем связывали и любовь к птицам, и страсти к книгам и к почтовым маркам, и жажда к общению с природой, и постоянная тяга к друзьям. Не счесть, сколько раз мы ездили вместе во Фрунзе (теперь Бишкек). И в

стужу, и в зной мы переваливали Чу-Илийские горы, чтобы встретиться на юбилеях, днях рождениях, праздниках со своими киргизскими друзьями и коллегами.

Помню, как загорелись у него глаза, когда он увидел у меня дома книгу «Аристофан», коей не было у него в личной библиотеке. Тут же сочинение древнего грека было мною ему вручено.

Или вспоминается его глубоко осознанное увлечение филателией. Не один раз по его зову я ездил с ним, буквально на часок, в город Фрунзе к почтамту, где собирались местные филателисты. Здесь, забывая обо всем, Игорь Александрович «вылавливал» редкие экземпляры марок и конвертов. Обычно эти отлучки наивно скрывались, и о них нашим домашним и друзьям становилось известно позже, когда мы были уже в Алма-Ате, вернувшись вечером в этот же день.

Как-то раздался звонок от двух наших аспирантов, «терпящих» страх перед защитой диссертации в том же Фрунзе. Напуганы они были очень. Стоило сказать об этом Игорю Александровичу, как он, вскочив с постели ранним утром (а обычно он просыпался намного позже, так как имел привычку работать по ночам), тут же собрался, и мы без ведома институтского начальства и своих домашних, ринулись на подмогу. Наше присутствие и особенно выступление И.А. Долгушина на Ученом совете напрочь рассеяли тревожную обстановку. Защита обоих аспирантов прошла «на ура».

Мне вспоминается наша поездка на Анархай. Там я видел, как увлеченно и самозабвенно ходил Игорь Александрович по горкам за кекликами, искал гнезда скалистого поползня, стенолазов, наблюдал за птицами, подлетающими к водопою, стрелял бульдуруков. Он был в своей родной стихии. Много я тогда перенял от него.

С большой страстью предавался он охоте с фоторужьем. Мы даже приобрели один на двоих цейссовский объектив, редкий и дорогой в те времена.

Как и многим другим, вспоминаются мне времена, связанные с изучением гнездовой деятельности птиц в окрестностях Большого Алматинского озера. Игорь Александрович был тогда центральной фигурой, вокруг которой «кучковалась» молодежь. Он вдохновлял, и направлял деятельность каждого участника стационарных исследований. Надолго запомнились мне походы с ним к «стадиону» [обширная, почти горизонтальная площадка в верховьях Мраморного ручья, на высоте 2700 м над уровнем моря - АК], Красивой Поляне, горным ручьям... А сколько сил и энергии тратил он на организацию исследований птиц на путях пролета! Не мне об этом вам вещать.

Вспоминается, как не задолго до кончины, будучи уже больным, теряющим силы, но очень волевым человеком, Игорь Александрович просил съездить с ним на зеленой Победе на Чокпак. «Продумай, – сказал он мне, – как организовать эту поездку, что взять с собой из еды, что предусмотреть, чтобы наша поездка состоялась. Учти, что это – мое заветное желание, и надо его выполнить». В этот день мы с ним, кажется, все предусмотрели и расписали маршрут по часам. Но, не суждено было выполнить эту его заветную мечту. Роковой день был уже близок... Через пару недель его не стало... Я был с ним в последние его минуты...

Е.В. Гвоздев,
Алматы, 3 июня 2006 г.

Игорь Александрович Долгушин, каким я его помню...

Как-то, в далекие докторантские послевоенные годы, из уст своего любимого учителя, имя которого сейчас стало легендой, – профессора Георгия Петровича Дементьева (1898-1969) - я услышал запомнившуюся мне фразу: «А знаете, Анвер Кеюшевич, в Алма-Ате вырос большой ученый-зоолог и мы, теперь за казахстанскую орнитологию можем быть совершенно спокойными...». Эти пророческие слова были сказаны об Игоре Александровиче Долгушине, но они, как показало время, в полной мере относились и ко всей орнитологической науке Казахстана на последующие полвека. Несмотря на то, что самому Игорю Александровичу судьба уже тогда отводила прожить еще не более двух десятков лет, его научный вклад стал основой тех высот, которых достигли орнитология и зоология в Казахстане во второй половине XX века.

Для полного рассказа об этом удивительном человеке, о широте его интересов, богатстве творческой мысли, организаторском таланте, многогранной деятельности, которая злилась на неиссякаемом энтузиазме, о всех тех «кирпичиках», из которых строилась судьба гражданина и патриота, судьба ученого, можно было бы писать специальное исследование или повесть, но это задача будущих библиографов и историков науки. В данном сборнике, посвященном светлой памяти Игоря Александровича, мне хотелось бы вспомнить о некоторых моментах личного общения.

За свою достаточно продолжительную и бурную жизнь мне довелось встречаться и близко общаться с очень большим кругом выдающихся ученых-биологов, естественно, в большей степени, советских зоологов и орнитологов. Но самые близкие отношения у меня сложились с четырьмя: с Игорем Александровичем Долгушиным (1908-1966), Федором Иогановичем Страутманом (1912-1967), Виктором Алексеевичем Поповым (1910-1980) и Андреем Григорьевичем Банниковым (1915-1985). Мы, промеж себя шутили, когда говорили, что «олицетворяем собой» всю страну: И.А. Долгушин – Западная Сибирь и Казахстан, Ф.И. Страутман – Казахстан и Украина, В.А. Попов – Волжско-Камский край, А.Г. Банников – «Центр», А.К. Рустамов - Средняя Азия. Кстати, я был самым младшим из них. Дружили мы «не по отдельности», а всей «пятеркой» несмотря на то, что встречались, в общем-то, не часто, за исключением моих контактов с Андреем Григорьевичем, который приезжал в Туркменистан в экспедиции и гостил у меня чаще других. Дважды бывал Виктор Алексеевич (мы с ним посещали Марыйский оазис и Хаузханское водохранилище), один раз приезжал Федор Иоганович (его я возил в Западный Копетдаг и низовья Атрека), а вот Игорю Александровичу, к сожалению, приехать не довелось. Я всегда приглашал его при каждой нашей встрече, но он очень часто просто «разрывался» от различных дел (об этом он как-то писал мне) и обычно оказывался уже чем-то занят, а, может быть, и незаметно подкрадывающаяся болезнь сыграла свою роль в том, что его поездка в Ашхабад так и осталась не осуществленной. Пятерка наша с годами все редела и редела, теперь я остался последним хранителем памяти о нашей дружбе, а первым, кого мы не досчитались, стал Игорь Александрович.

И.А. Долгушину и по возрасту, да и по всем замечательным свойствам его благородной и цельной натуры, было предназначено пользоваться особым уважением и авторитетом в нашей компании, но, однако, такое выделение ему категорически не нравилось. Он нередко делился своей «обидой»: - «Анвер (когда был на особой дружеской ноте, мог позволить обращаться по имени), ну и что, что я старший из вас, я ведь такой же орнитолог как все...». Внешне, он казался суровым, но в дружеской обстановке его легкому и всегда уместному юмору не было конца, с ним мог конкурировать только А.Г. Банников. В упоительные минуты общения находилось место и спорам о науке и шутливым речам, а Игорь Александрович был мастером

острых словечек. Остролов Андрей Григорьевич был им ласково и шуточно наречен – «Андрюша – мальчик мой». После кончины Игоря Александровича мы с Андреем Григорьевичем в наших совместных поездках или на конференциях не раз «за рюмкой чая» вспоминали эти его слова. После отъезда Федора Иогановича из Казахстана во Львов на Западную Украину, Игорь Александрович не без иронии прозвал его «беглецом за три моря» (имелось, по-видимому, в виду Аральское, Каспийское и Азовское), а когда тот переехал в Одессу – не иначе, как «беженцем с Запада». А вот с Виктором Алексеевичем, который был среди нас человеком высокой культуры и натурой самой доброй и тонкой, Игорь Александрович был подчеркнута и как-то трепетно вежлив и никогда не позволял колкого юмора как, например, в отношении того же Андрея Григорьевича.

Еще до личной встречи в 1956 году мы обменивались с Игорем Александровичем отпечатками статей, а с 1950 года стали изредка переписываться. Писем, к большому моему огорчению, не сохранилось, но, помнится, они касались не только орнитологических, но и организационных вопросов, поскольку тогда я заведовал кафедрой зоологии, а И.А. Долгушин был директором зоологического института. Несмотря на то, что он не был знаком со спецификой учебного процесса в советских ВУЗах послевоенных реформ, именно от него я получил ряд советов по усовершенствованию как лекционных, так и практических занятий по зоологическим курсам, которые я читал в Туркменском государственном университете и сельскохозяйственном институте.

Впервые с Игорем Александровичем мы встретились на 1-й Всесоюзной орнитологической конференции в Ленинграде (1956 г.) Он произвел на меня впечатление стройного и подтянутого, даже молодежового человека и, несмотря на наши почти десять лет разницы, казалось, выглядел не старше меня. Мы сблизились сразу и притягивало меня к нему не только лукавое выражение его добрых глаз, которые прятались под густыми бровями, не только «региональное родство» или взаимные симпатии фронтовика к фронтовику и даже не то, что нас представил друг другу Г.П. Дементьев, для которого, как я знал, Игорь Александрович был на высоком счету, а мнение учителя для меня всегда было равносильно закону. Наибольшую роль сыграло мое громадное уважение к его натуре, к его жизненной философии. Не могли не привлечь меня его строгие принципы самооценки, в частности самокритичность, и терпимость по отношению к окружающим людям, даже тем из оппонентов, которых он «на дух не принимал». Мало кого из людей могли оставить равнодушными его открытость, «простота» русской души, доброта, душевность и, вместе с тем, высочайшая принципиальность. Все эти качества сочетались с искрометной энергичностью и даже страстностью натуры, которая в наибольшей степени проявлялась в стремлении докопаться до истины. Быть близким с таким незаурядным человеком – большой подарок судьбы и я всегда чувствовал в этом глубокое удовлетворение.

На первой нашей «совместной» конференции И.А. Долгушин ориентировался и чувствовал себя в Ленинграде как рыба в воде. Ф.И. Страутман, как то потом, шуточно замечал по этому поводу, что жизнь, даже непродолжительная, в городе на Неве и защита там двух диссертаций не прошли для доктора Долгушина даром, он стал «своим в питерском орнитологическом мире». В кулуарах конференции, Игорь Александрович и я старались держаться поближе к Г.П. Дементьеву и мы были вознаграждены: он пригласил нас на беседу с самим Эрвином Штреземанном (1889-1972). Общение в компании с «мировой величиной» в дружеской обстановке было вдохновляющим и, вместе с тем, затруднительным. Игорь Александрович в ходе беседы, улучив момент, пожаловался мне на незнание иностранных языков, без которых, по его глубокому убеждению, в ближайшем будущем просто не обойтись, помню, я искренне поддержал

его, поскольку переживал в тот момент точно такие же чувства. Увы, нам вдвоем оставалось изображать понимающий вид, лишь догадываясь, о чем идет речь, и чувствовать локоть товарища - сидели то рядом, хотя легче от этого не становилось.

Доводилось мне бывать и в гостях у Игоря Александровича. Он меня приглашал трижды, когда я приезжал в Алма-Ату, в начале 60-х годов, а однажды я был у него в обществе с известными среднеазиатскими орнитологами - А.И. Янушевичем (1903-1979) и М.Н. Кореловым (1911-1996). Всякий раз в его более чем скромной, но уютной квартире за столом велись душевные беседы на самые разные темы, которые сопровождались непременно сибирскими пельменями, рюмкой водки и солеными огурчиками. Хозяин дома демонстрировал свою коллекцию марок, которая всегда была для него предметом гордости. Разговоры, как правило, затягивались, казалось, им не было конца, мы переходили от обсуждения одной проблемы к другой. Запомнились наши «домашние диспуты» по вопросам орнитогеографического районирования Средней Азии и Казахстана, о происхождении региональных фаун, в частности средиземноморской, среднеазиатской и казахстанской - степной. Игорь Александрович, как и я, преклонялся перед авторитетами, однако, это не мешало ему оспаривать взгляды на эндемизм степной орнитофауны в работах даже таких корифеев как Н.А. Северцов (1827-1885), М.А. Мензбир (1855-1935) и П.П. Сушкин (1868-1928).

Звездным часом Игоря Александровича явилось создание знаменитых «Птиц Казахстана», а его «лебединой песней» - 4-я Всесоюзная орнитологическая конференция (сентябрь 1965 г.), председателем оргкомитета которой он был и провел которую блестяще. Со всех концов Советского Союза, а также некоторых европейских стран, в Алма-Ату съехалось около 300 участников. Игорь Александрович был одной из самых ярких «звезд» конференции. Я не переставал удивляться его организаторскому мастерству и старался учиться, ведь тогда в Алма-Ате, хотя и не было объявлено о следующем орнитологическом форуме советских орнитологов, но Г.П. Дементьев уже обсуждал со мной возможность проведения его в Ашхабаде. Как пригодился нам «долгушинский опыт» на 5-й конференции, которая прошла именно в Ашхабаде, и, в особенности, опыт по организации симпозиумов и «постерных секций».

В заключении мне хочется привести слова, написанные еще в 1940 г. известнейшим советским зоологом Б.М. Житковым: «Человек, можно сказать, умирает дважды: первый раз, когда заканчивается его жизнь; второй – когда умирает последний человек, в мозгу которого запечатлелся и жил живой образ его современника со всеми его манерами и особенностями». Жизнь И.А. Долгушина продолжается с нами и еще долго-долго будет в памяти его потомков и многочисленных учеников. Но и в будущем имя ученого сохранится в его научном наследии, уникальном пятитомнике «Птицы Казахстана», вобравшем лучшие знания и опыт многолетних исследований автора и его сподвижников в огромном регионе. Имя его как основоположника орнитологической науки в Казахстане займет достойное место в истории научной мысли этой замечательной страны.

Поделиться с читателями воспоминаниями о некоторых эпизодах жизни, связанных с Игорем Александровичем Долгушиным, рано ушедшим, но по-прежнему дорогим для моего сердца другом и единомышленником, представить эти моменты такими, как они остались в моей душе, для меня почетный долг перед его памятью, и я счастлив, что успел это сделать.

А.К. Рустамов,
Туркменистан, Ашхабад, 22 июня 2004 г.

Игорь Александрович Долгушин

Об Игоре Александровиче мне посчастливилось узнать задолго до встречи с ним. Не только по его орнитологическим трудам и переписке, а более по рассказам профессора Василия Николаевича Скалона. Они были товарищами по Томскому университету, где учились в 20-х гг., увлекались орнитологией, мечтали о большой научной работе, были активными членами Сибирского орнитологического общества. Молодых энергичных: студентов объединяло стремление к науке - познанию и изучению необъятных просторов Сибири. Однако судьбе суждено было распорядиться по-своему. Позднее И.А. Долгушин работает в Казахстане и сетью маршрутов многочисленных экспедиций покрывает огромную территорию.

Впервые мне пришлось встретиться с Игорем Александровичем только в 1962 г., когда мы из Иркутска по приглашению КазПИ [Казахский педагогический институт - АК], переехали в Алма-Ату, в этот великолепный цветущий город.

Близ Ботанического сада в предгорьях Заилийского Алатау под тенью пирамидальных тополей среди густых южных кустарников разместились аккуратные строения Зоологического института Казахской Академии Наук. Здесь же была и орнитологическая лаборатория И.А. Долгушина. Он нас ждал.

Встретили нас молодые охотоведы, выпускники ИСХИ, ученики профессора В.Н. Скалона, теперь зоологи и кандидаты наук. На шум и возгласы, которыми ознаменовалось появление профессора Скалона, вышел Игорь Александрович. Радостно улыбаясь, он шел навстречу своему старому товарищу.

Я узнала его сразу. Нас познакомили, вспомнились мне фотографии 20-х гг., где Игорь Александрович, такой же стройный, подтянутый, но юный, стоит среди группы студентов орнитологов. Говорили о современной судьбе некогда богатых степей и пустынь Казахстана, где еще сравнительно недавно паслись стада сайгаков и дроф, пролетали огромными косяками гуси и казарки, повсюду кипела жизнь, и о причинах оскудения природы, которые уже стали угрожающе проявляться, однако в ту пору уничтожение природы еще не носило всеобъемлющего характера. Не забыл Игорь Александрович показать и орнитологическую коллекцию, которая занимала особое место в Зоологическом институте.

Как-то Игорь Александрович пригласил нас к себе. Мы приехали с нашими малышами, еще дошколятами. Оставлять их дома было не с кем. Игорь Александрович мило улыбался, расспрашивал шестилетнего Колю о птицах, а тот солидно отвечал, показывая свою эрудицию в латинских названиях, чем привел в восхищение маститого ученого. Он весело посматривал, то на малышей, то на своего старого товарища по Томскому университету. Его домашний кабинет вмещал огромную библиотеку зоологической литературы, но особое место занимали книги по орнитологии.

Разговор перешел на научные темы и в частности, на интересовавший меня вопрос о происхождении орнитофауны Восточной Сибири и Прибайкалья. Вспоминали и работу известного орнитолога профессора Б.К. Штегмана, которого как немца выслали во время войны из Ленинграда в Казахстан. И вот Игорь Александрович достал из шкафа книгу в темном переплете. Она была мне хорошо знакома, но в личной библиотеке я ее не имела. Теперь этот томик хранится у меня. И когда мне приходится брать эту книгу, теперь уже библиографическую редкость, с росписью И.А. Долгушина, в памяти воскресают те далекие времена.

Но вернемся к 20-м годам - студенческой поре Игоря Александровича и его товарищей. Многое я знаю из рассказов В. Скалона, а также из сохранившихся у нас газетных статей тех времен и других материалов. Большую роль в судьбе увлеченных наукой студентов сыграло Сибирское орнитологическое общество. Оно издавало

небольшой по объему журнал "Урагус", который завоевал всемирную известность. Первый номер его вышел в 1925 г., а уже в 1927 г. в его третьем номере И.А. Долгушин публикует две статьи о птицах окрестностей г. Омска по материалам своих школьных наблюдений. Эти первые статьи он презентует своему старшему товарищу В. Скалону и позднее продолжает присылать оттиски и книги.

В ту пору в Томском университете группа молодых исследователей из числа студентов формируется вокруг молодого профессора Виталия Андреевича Хахлова, возглавившего Сибирское орнитологическое общество. В это общество входили студенты разных курсов: Василий Скалон, Вячеслав Ларионов, Игорь Долгушин, Валериан Бажанов, Владимир Внуковский, Виктор Надеев, Александр Маслов, Георгий Рутилевский, И. Шмелева, Борис Бельшев, Глеб Велижанин и др.

Студенты часто собирались в кабинетах, на антресолях зоологического музея, где проводили заседания, вели научные работы, готовились к занятиям. В ту пору это вызывало подозрения, неприязнь и зависть. К тому же близкие контакты с "буржуазными профессорами" считались крамольными. В конце 20-х годов начинаются гонения на некоторых профессоров и близких к ним студентов - "любимчиков".

Особенно злобно писали газеты "Красное знамя" и "Советская Сибирь" о работе профессора Хахлова и его студентах - членах орнитологического общества. Скалон считается одиозной фигурой и его, как организатора "махрового студенчества", дважды исключают из университета. Он уезжает на Север, где в составе экспедиций проводит охотничье-экономические, этнографические и зоологические исследования, публикует в Бельгии и Германии ряд научных работ.

Уезжает из Томска Игорь Долгушин. В Ленинграде он заканчивает Лесотехническую Академию, а затем начинает свои исследования в Казахстане. В.Ф.Ларионов переводится в Москву, в дальнейшем это профессор Московского университета, основатель и редактор сборников "Орнитология", которые издаются до сих пор. Вынужден был покинуть Томск и профессор В.А. Хахлов. Общество возглавил 18-летний студент Борис Бельшев, бывший со школьных лет его активным членом. Вскоре он получает указание о закрытии Сибирского орнитологического общества.

Я еще раз перечитываю последний номер "Урагуса" за 1929 г. На его страницах опубликованы интересные исследования. Тут и статья И.А. Долгушина "Хищнический промысел водоплавающих птиц в Барабинской степи". В каждый экземпляр журнала вложено извещение, отпечатанное на небольшом малиновом листке: "По распоряжению Сибирского краевого административного отдела Сибирское орнитологическое общество ЛИКВИДИРОВАНО. Председатель совета Сиб. орн. общ-ва Б.Ф. Бельшев".

Постоянные преследования вынуждают и Б. Бельшева уехать в Ленинград. Однако на одной из станций близ Урала его арестовывают как английского го шпиона и несколько месяцев держат в тюрьме. Вторично его арестовывают уже в Ленинграде и он отбывает 7 лет в Ухтпечлаге. Сейчас это крупный ученый, профессор, почетный член Всемирного Одонтологического Общества.

Но тридцатые годы для некоторых членов Сибирского орнитологического общества были трагичны. Погибли в застенках А.П. Велижанин и его сын орнитолог Глеб Велижанин - оба много трудились в Барнаульском округе; где-то погибли Владимир Внуковский, ставший энтомологом, Владимир Наркисович Ермолаев, Константин Александрович Плятер-Плохоцкий, Константин Ротанов и др.

Надо сказать, что Сибирское орнитологическое общество возникло не случайно. Еще в 1918 году томские орнитологи объединились в небольшой, но действенный орнитологический кружок им. С.А. Бутурлина. Со временем на базе кружка возникло Сибирское орнитологическое общество, которое за время своего существования имело успехи и спады, вызванные тяжелым положением в стране. Однако в 1928 году

Общество развернуло свою деятельность и добилось разрешения на издание своего журнала "Урагус".

Журнал выходил под непосредственным редактированием профессоров В.А. Хахлова и Ганса Хр. Иогансена. И только последний номер, вышедший в 1929 г., уже редактировали профессор Г.Э. Иогансен и Б. Бельшев. Всего вышло в свет 10 номеров этого журнала, прославившего Сибирскую орнитологию за пределы нашей страны.

Мне посчастливилось лично познакомиться с оставшимися в живых друзьями В.Н. Скалона. Кроме И.А. Долгушина профессорами стали орнитолог В.Ф. Ларионов, палеонтолог В.С. Бажанов, зоолог-одонтолог Б.Ф. Бельшев. Со всеми велась переписка, встречи и необходимая поддержка по ряду вопросов. Профессор А.Д. Маслов - энтомолог, охотовед В.Н. Надеев, сотрудник Севморпути Г.Л. Рутилевский и некоторые другие поддерживали эпизодическую связь. С профессором В.А. Хахловым встреча не состоялась, хотя он не надолго заезжал в середине 60-х годов в Алма-Ату. Он почему то не хотел этого, а ведь с В.Н. Скалоном он не виделся с тех далеких времен. У меня на всю жизнь сохранилось преклонение перед этими необычными, принципиальными людьми высокой культуры и нелегкой судьбы,

Однажды В.Н. Скалон рассказал мне следующий эпизод, который позднее записал: "В начале 1935 года я был в командировке в ЗИНе АН. Среди орнитологов там был в ту пору Игорь Долгушин, мой товарищ по Томскому университету... Как обычно, зашел разговор об отсталости нашей орнитологии, об отсутствии у нас орнитологического общества и журнала, Все, разумеется, сетовали, но Игорю вдруг пришла в голову блестящая идея. - Знаете, сказал он. Мой двоюродный брат (кажется, двоюродный, - **В.С.**) близкий человек к Николаю Ивановичу Бухарину. Он замечательный человек, т. Бухарин. О нем Ленин сказал, что он «гордость нашей партии». Да я сам с ним у своего брата встречался. Правда, он сейчас не у дел, но это, конечно, временно. Так вот, Николай Иванович страстно любит птиц. Да, да! У него и вольеры, и альбомы, он серьезно читает. У него за птицами особые люди ухаживают. Так вот, надо послать к Николаю Ивановичу депутацию, изложить ему наши беды, и он поможет. Непременно поможет, Я больше чем уверен. Да вот что - он возглавит это дело. Да, да! Вот тогда мы зашумим! Почище, чем Скрябин гельминтологию, мы орнитологию развернем. Скрябин-то он родня Молотову, через него и силен. А мы попадем в "родню" к Бухарину!!!

Идею подхватили. Особенно суетился Снигиревский, который лез из кожи, чтобы как то выдвинуться. На участие согласились и враждовавшие друг с другом Серебровский и Тугаринов. Были и другие, а нам с Долгушиным намечалась роль представления Сибири и Казахстана. Я что-то сильно сомневался - куда нам «с суконным рылом да в калашный ряд!» Но меня уговорили. Не помню, почему застопорилось дело. Во всяком случае, с Бухариным разговор был. Он свое согласие благоволил дать. Но все застопорилось по каким то случайным причинам. Я уехал и отошел от ленинградцев. Но представим себе, если бы идея осуществилась и Н.И. Бухарин взял бы под свое покровительство советских орнитологов!!!

Во всяком случае, когда я встретился с Долгушиным в Алма-Ате и напомнил ему его юношескую устремленность, он сначала просто побледнел, а потом расхохотался - это то было в 1960 г. - Да, брат,- сказал он. То-то бы нас тогда папашка шарахнул. Не здесь бы мы с тобой были, а кости наши давно на Колыме бы раскидали. Он долго веселился, а потом, став серьезным, сказал: "Да, в самом деле. Сразу была бы всем нашим орнитологам крышка".

И только теперь, в 80-х гг., по прошествии полувека, когда наша страна оказалась единственной, где орнитологи не имеют никаких объединений, создано Всесоюзное Орнитологическое общество с региональными отделениями.

В нашем архиве хранится несколько писем Игоря Александровича послевоенных времен. Так 13 октября 1951 г. в письме В.Н. Скалону он пишет: «Привет обитателям Восточной Сибири! Уже давно пришло письмо с просьбой послать оттиски с руганью Мантейфеля [...]. Я его ругаю не так уж особенно. Вообще то он у нас здорово навредил делу быстрого расселения ондатры и, как мне кажется, продолжает вредить. Это к твоему сведению, на случай будущих боев. Соображения мои идут по линии его достаточно нашумевшей статьи об инбридинге. Сама по себе она может быть и правильная, может быть и великолепная, - все может быть. Но она вредная. И вот почему. Уже сейчас, начали местами перевозить ондатру в целях прилития новой крови. Все бы это ладно, да, к сожалению, дело имеет оборотную сторону и объективно чрезвычайно вредно. Суть соображений,- а местами, к сожалению, и фактов,- следующая. Всякий зверь чем-нибудь хворает и имеет каких-нибудь паразитов. В том числе и специфических для данного места. Поэтому к перевозкам зверя надо всегда относиться весьма осторожно. Вот и с ондатрой так. Ондатра в Западной Сибири хворает туляремией, от нее часто гибнет чуть ли не все поголовье и всякое такое. Наша же илийская ондатра туляремией не болеет. Не вникая в причины почему и что, нам достаточно одного этого факта, чтобы категорически протестовать против всякой заброски ондатр из Западной Сибири на Или, с какими бы благими инбридинговскими целями это не производилось. Нам в Казахстане очень уж памятен пример с заводом севрюги из Урала в Сырдарью [...]. Черт его знает чего завезти могут! Тут у нас в Казахстане, мы по мере сил противились всем этим перевозкам, тем более что довольно мудроно говорить об инбридинге в стаде в несколько сот тысяч, а может быть миллионов голов! Здесь можно обойтись и местными перемещениями зверей: это будет и дешевле, и разумнее, и инбридинг будет достаточный. Наряду с пядей Петей (П.А. Мантейфель - *Т.Г.*) многое тут нам навредил его апостол Макс (так между собой они называли М.Д. Зверева - *Т.Г.*). Ну да черт с ними. Слона жизнь и сама опрокидывает, и дядю Петю и апостола Макса - тоже. [...]. Оттиски ондатровой статьи вышлю, ей-богу. Только бы найти их! У меня сейчас совершенная чепуха в быту, точнее в книжно-бумажном хозяйстве. Из-за тесноты книги, бумаги и все прочее запиханы под всеми кроватями, на всех шкафах и прочих, иногда совершенно неподобающих местах. Единственное место, где относительный порядок, - шкаф с орнитологической литературой. Тут я еще в силах что-нибудь найти [...]. Будь здоров! Твой И. Долгушин».

В ответном письме от 25 ноября 1951 г. В.Н. Скалон пишет: "Дорогой Игорь Александрович [...]. Твои соображения о вредности Мюнхаузена (П.А. Мантейфель - еще одно его прозвище - *Т.Г.*) не только правильны, но и слишком слабы. В действительности, он исконный и настоящий вредитель охотничьего хозяйства. Я это могу доказать не только по «инбридингу». Ему, например, в большую часть вины следует вменить разгром заповедников, за который он единственный из "авторитетных ученых", которым его недостаточно грамотные люди считают, высказался на ответственном совещании. Что касается "инбридинга", так это, прежде всего, теоретически бессмысленно и фантастично. Ухватив кусочек у Лысенко (к которому на кухне изредка пускают этого барона), кусочек самый сомнительный в отношении животных, он его раздул и выпустил в свет в виде небольшой, но чрезвычайно вонючей посуды. Кроме перевозки всяких болезней, вред в том, что сейчас все ленивые заготовители ссылаются на инбридинг, когда не могут выполнить плана. Всюду "инбридинг". Сама по себе идея - ты читал статью - дико безграмотна. В природе инбридинг может возникнуть в королевском парке, в маральнике и т.п. Но в природе среди миллионов ондатр? Какой вздор! Да к тому же, всякий зоотехник знает, что среди животных есть инстинкт, препятствующий покрытию родственников. Так, например, чтобы заставить жеребца крыть мать, нужно обоих изнасиловать [...]. Статья вредна

бесконечно. Но что делать. Все боятся пикнуть, ибо могут объявить, что против Лысенко. Я написал статью. Все согласны, но напечатать... руками машут, что вы, у нас дети маленькие, хрен с ними с ондатрами - своя рубашка ближе к телу. А старый титулованный шут руки потирает. Нанося, выкуси!

Я пугливостью никогда не отличался. Нисколько не боюсь и Мюнхаузена, хотя им и его присными, в первую очередь Табаки (Б. Кузнецов - *Т.Г.*) уже пущена в ход тяжелая артиллерия [...]. Не боюсь я и жупела-инбридинга. Только где напечатать? Если ты такой же, как и был, а теперь ты человек большой, тебе легче, я предложу тебе следующее. Я пришло тебе свои соображения по поводу статьи Мюнхаузена, всемерно обойдя святость Лысенко, а ты напечатай в своем бюллетене. Если смелости хватит, давай под двумя фамилиями. Не возражаю, ровно как не буду возражать против всяких изменений и дополнений. Я не привык быть жуликом даже ради собственной безопасности. Если я работаю для охотничьего хозяйства, то буду бороться против его вредителей и извращенцев, пока меня не прихлопнут [...]. Ну смотри, если хочешь, пришло статью. Пиши скорее [...]. Твой В. Скалон".

В письме от 12 декабря 1951 г. Игорь Александрович ответил (я привожу только интересующие нас строки - *Т.Г.*): "Теперь о Мантейфеле. Твое мнение о вредности сей личности я разделяю вполне. Это тот же Макс, только более крупного масштаба, к тому же имеющий доступ к сильным мира сего, работник, к тому же, союзного масштаба. И инбридинг вреден. Ну, а с ондатрами дело я ему еще напомним. Чуть-чуть не оказался (и Слудский тоже) в положении - "ты меня не видишь, а я вижу", или как там. Ну и т.д. Жаль и заповедники, - это для меня новость, что именно дядя Петя их ликвиднул или способствовал этому. Насчет Лысенко ты зря. Лысенко бунтарь, но он мужик идейный, у него свое мнение есть, он его доказывает, борется, дискутирует и всякое такое... У него не всегда знаний хватает, но это, наверняка, в конечном счете, не будет большой бедой [...]. Иное дело дядя Петя. Это, прежде всего, совершенно безыдейный гражданин. Он ни с кем не борется, ибо бороться ему не за что, - у него нет идеи, за торжество которой он бы боролся. Он просто г..., которое стремится использовать ситуацию в своих целях. Потому то он всегда и примазывается к чему-нибудь и к кому-нибудь. [...] В общем статью присылай. Дети малые есть и у меня, но дело есть дело, а дети есть дети. Не прочитав, ничего не скажу. Две фамилии ни к чему, я думаю написать самостоятельно. Несколько статей из разных мест будет лучше, чем одна. [...] Твой И. Долгушин".

В 1960 г. начал выходить 5-томный труд Игоря Александровича "Птицы Казахстана"- детище всей его жизни. В связи с этим в письме В.Н. Скалону от 28 сентября он пишет: "У меня роды. Идут корректуры первого тома "Птицы Казахстана". Можно думать, что в октябре все это кончится и книга появится на свет божий. Поэтому у меня в голове сейчас преимущественно верстки, корректуры, шрифты, запятые и вообще черт знает что. От науки все это очень далеко, но без этого тоже не обойдешься". Благодарит за присылку трудов Баргузинского заповедника и делится своими проблемами. Так, о текущих делах сообщает: "У нас после конференции был некоторый период затишья, после которого жизнь пошла своим чередом. Идет обычная осенняя возня с планами, программами и прочим; все это пока цену имеет очень относительную, т.к. о сметах не говорится ничего. Ну, а без денег можно планировать что попало - что с успехом и делается. Но скоро начнутся и сметы, т.е. настоящее планирование". 3 ноября 1960 г. он присылает с дарственной надписью свой первый том "Птиц Казахстана".

Последняя переписка относится к июлю 1962 г., когда В.Н. Скалон обращается к И. Долгушину: «Дорогой Игорь Александрович! Возвысь свой могучий голос в защиту зоологии. Поддержи мое робкое обращение в редакцию и в ЦК КПСС по поводу зловонного опуса "Сельской жизни" [...]. Твой В. Скалон». Дальнейшее, общение Игоря

Александровича и Василия Николаевича в Алма-Ате происходит преимущественно по телефону или при встречах, ибо это было более удобно, живя в одном городе.

Летом 1965 г., в Алма-Ате состоялась 4-я Всесоюзная орнитологическая конференция. И.А. Долгушин выступил с двумя докладами. К этому времени вышел и 2-й том "Птицы Казахстана" под общей редакцией И.А. Долгушина, который был одобрен и высоко оценен советскими и иностранными специалистами. Продолжалась работа и над остальными тремя книгами этой капитальной монографии. На конференции были гости из многих стран. Из Дании приехал Ганс Христианович Иогансен - один из основателей в Томске Сибирского орнитологического общества и журнала "Урагус". А во время войны он начал публикацию "Птиц Западной Сибири", в журнале, издававшемся в Германии, на немецком языке. В один из перерывов томичи старшего и младшего поколений собрались вместе на крыльце Академии наук Казахстана. И мне удалось сделать исторический снимок старой гвардии томских орнитологов.

Т.Н. Гагина

Россия, Кемерово, конец 80-х гг.

Мой учитель

Знакомство мое с Игорем Александровичем состоялось в ущелье Капчагай на реке Или в 1936 г., когда я был еще учеником 6-го класса и собирал насекомых для лаборатории энтомологии Казахского Филиала Академии наук СССР. С того времени я стал частым спутником в экспедициях, которыми он руководил. Уже на следующий год мы совершили экспедицию на лодках вниз по реке Или, в 1938 году на машине проехали по Центральному Казахстану. Следующие годы до войны я часто сопровождал его в небольших поездках и затем на несколько лет каждый из нас выполнял трудную солдатскую работу на фронтах Великой Отечественной войны.

После окончания войны вернулись живые, немножко заплатанные и с великой жадой к труду. В послевоенные годы мне пришлось участвовать во многих экспедиционных исследованиях под руководством Игоря Александровича. Были поездки и легкие, и трудные, но больше первых, и все же я с удовольствием вспоминаю все экспедиционные злоключения, которые нам пришлось перенести вместе и во всех этих трудных минутах жизни не только я, но и все участники походов всегда чувствовали возле себя не столько начальника, сколько друга и старшего товарища. Эта забота о человеке у Игоря Александровича сказывалась и сказывается во всем - в большом и малом.

Игорь Александрович не только хороший товарищ, но и очень требовательный учитель, и это знают многие сотрудники Института зоологии. Благодаря его неустанному вниманию ко мне и ежечасной поддержке я прошел хорошую школу жизни и в стенах нашего института вырос от юного натуралиста до научного сотрудника.

В день пятидесятилетия Игоря Александровича выношу ему, моему старшему товарищу, другу и духовному отцу, свою искреннюю сыновью благодарность.

Д.И. Чекменев

Алма-Ата, 30 марта 1958 г.

Преподаватель университета³⁷

Игорь Александрович Долгушин преподавал в КазГУ в 1937 году. Он проводил лабораторно-практические занятия по птицам. Лабораторно-практические занятия обычно проводятся без особых так сказать технических средств обучения. Он пользовался черной доской и белым мелом (сейчас уже и доска не очень черная и мел не совсем белый). Занятия он проводил, действительно, артистически. Я вспоминаю, как увлеченно он рассказывал о чайках. Ну, чаек он действительно хорошо знал. Вспоминаю, как на доске он мог изобразить чаек, крачек и поморников. Он рисовал на доске характерный силуэт представителя каждой группы, указывал преобладающую окраску – и это запоминалось надолго. Я, например, помню это до сих пор, несмотря на значительный срок.

Он проводил не только лабораторно-практические занятия, но и полевую практику. Вот здесь я действительно для себя получил урок, которым я пользовался и впоследствии, работая уже в Институте зоологии. Ну, в то время добывали много животных, а он интересовался не только птицами, но и млекопитающими. Надо сказать, что по его сборам Афанасьев описал *Stenocranius gregarius dolgushini* Afanas. Он подчеркивал, что у нас много зоологов, которые умеют добывать животных, потрошить их, но не умеют набивать шкурки. И он учил нас делать тушки и птиц, и млекопитающих. И сейчас, работая в Казахском педагогическом институте, я постоянно вспоминаю это напутствие и стараюсь учить студентов делать тушки, в том числе и по птицам, что гораздо сложнее, чем по млекопитающим, но совершенно необходимо для сохранения научного материала.

Далее. После окончания КазГУ я отправлялся работать на Барсакельмес, где надо было заниматься и птицами, и млекопитающими. Правда, я туда был отправлен ботаником, так как место зоолога было уже занято. Тем не менее, надо было изучать и птиц, и млекопитающих. И вот тут Игорь Александрович составляет для меня определитель птиц данного района – не только острова Барсакельмес, но и прилегающих участков побережья Аральского моря. Конечно, этот определитель имел расхождения с теми, которые были опубликованы, но мы пользовались им при работе на Барсакельмесе вполне успешно, и он оказал нам неоценимую помощь в установлении состава фауны.

И в дальнейшем мы с ним часто встречались, и он интересовался моей работой, например, моей диссертационной работой. Однажды сказал мне: «Ну, Муса (он всегда обращался ко мне по имени), Ваша точка зрения о самостоятельности пустынно-степной зоны по фауне грызунов орнитологическими материалами не подтверждается. Но идите, валяйте, защищайте свою точку зрения». Далее, он часто сетовал, что нет у нас научно-популярной литературы по птицам: «Мы, орнитологи, что-то очень мало пишем. В Москве так там есть Беме, а у нас – ни «бе», ни «ме». Он придавал особое значение подбору аспирантов – таких, которые могли бы самостоятельно работать не только по сбору материала, но и обрабатывать его. И приводил пример: Гаврин-Гаврилов. С нами он всегда обращался, как учитель с бывшими учениками, хотя разница в возрасте у нас с ним была всего три года. А были среди нас, студентов, и старше его по возрасту. Однако его знания делали его на голову выше всех нас. И не только по орнитологии, но и по териологии, и по герпетологии. Чем и вызывал он у всех нас большое уважение.

³⁷ Это и другие воспоминания (Т.Н. Досжанова, М.Д. Зверева, А.С. Малиновской, В.П. Митрофанова, Б.В. Муханова, Е.И. Страутмана, Г.В. Ушаковой), помеченные звездочкой, - результат обработки магнитофонных записей выступлений на заседании 3 марта 1983 г., к 75-летию И.А. Долгушина. - АК

И еще одна его замечательная черта – он всегда был веселый. Когда он проводил полевую практику, то мы часто пели. Я уже не помню этих песен, но общая атмосфера на практике была всегда веселой и непринужденной.

М.И. Исмагилов,
Алма-Ата, 3 марта 1883 г.

Большой ученый и замечательный человек

Игоря Александровича Долгушина я знал на протяжении нескольких десятилетий по совместному участию в многочисленных орнитологических конференциях и совещаниях. В результате систематического контакта у меня с ним установились хорошие, товарищеские отношения.

Восстанавливая в памяти образ Игоря Александровича, прежде всего, хочется сказать о нем как о человеке. Это был простой, общительный, скромный и в то же время принципиальный человек. Эти качества невольно вызвали симпатию и глубокое уважение. С ним было приятно общаться и разговаривать.

Вторая бросающаяся в глаза особенность Игоря Александровича, это то, что он был страстным орнитологом, активно и быстро повышавшим свои знания и эрудицию в области орнитологии. Свидетельство этому – участие его во многих орнитологических конференциях страны и качество выступлений на них. Сохранился в памяти он как крупный орнитолог, вошедший в группу ведущих ученых страны в этой области.

В годы расцвета его деятельности особенно ярко проявилась его забота о развитии орнитологии в нашей стране и его организаторский талант в науке. Об этом можно судить по его участию в организации орнитологических совещаний, выступлениям на них, по высказываниям в личных беседах. Венцом этой стороны его деятельности, несомненно, является организация казахских орнитологов написание многотомной сводки «Птицы Казахстана» и издание ее под его редакцией. Эта замечательная монография, создание которой потребовало много лет напряженной работы, написана на высоком научном уровне и до последнего времени остается непревзойденной среди сводок о птицах других союзных республик. Можно смело сказать, что подготовкой этого издания Игорь Александрович совершил поистине героический подвиг. Некоторой иллюстрацией заботы Игоря Александровича о пропаганде орнитологических знаний в нашей стране и о трудностях подготовки к изданию указанного выше многотомника может служить содержание полученного мною в свое время от него письма, которое я прилагаю [см. раздел III. Переписка - АК]. Игорь Александрович на всю жизнь сохранился в моей памяти как большой ученый и замечательный человек.

А.В. Михеев
Москва, 5 октября 1988 г.

К этому тексту Алексей Васильевич приложил оригинал письма и обезоруживающую записку: «Дорогой АФ! Я очень виноват, что вовремя не послал свои воспоминания об Игоре Александровиче Долгушине. Получив Ваше извещение заблаговременно, я его отложил, рассчитывая, что время впереди еще есть, а затем позабыл про него и только сейчас обнаружил среди бумаг. Хотя времени прошло после указанного Вами срока много, тем не менее, решил хотя бы краткие воспоминания написать и послать – вдруг они пригодятся. На всякий случай посылаю при этом письмо, написанное Игорем Александровичем мне в 1961 г. Оно иллюстрирует некоторые особенности его деятельности. Еще раз прошу меня извинить. С глубоким уважением А. Михеев. 5.X.1988. P.S. Если можно написанное включить в сборник – напишите».

Выдающийся ученый и необыкновенный человек

Впервые этого необычного человека и выдающегося учёного-зоолога я увидел весной 1951 г. на заседании Учёного Совета Института Зоологии АН КазССР на защите кандидатской диссертации Н.Г. Скопина – старшего преподавателя лаб. энтомологии и гидробиологии биофака КазГУ. В это время Институт располагался на третьем этаже в здании бывшей школы на углу улиц Уйгурской [ныне Байтурсынова - АК] и Шевченко.

Заседание Ученого Совета проходило в коридоре, поскольку это было единственное помещение, которое позволяло проводить общие собрания коллектива Института, включавшего 75 сотрудников.

Из всех присутствовавших членов Совета моё внимание привлекло четверо: П.И. Мариковский, Е.В. Гвоздев, В.С. Бажанов и И.А. Долгушин. Первые два – молодые, очень симпатичные люди с приветливыми, открытыми лицами, вторые же мне показались суровыми и малодоступными. Особенно Валериан Семенович Бажанов, при встрече с которым почти все аспирантские годы я почему-то всегда робел. Позже, когда познакомился с ним ближе и неоднократно консультировался у него по многим вопросам истории развития казахстанской фауны, я убедился, что его внешность и первые мои впечатления совершенно не отражают его характер и душу.

Ошибочны были и первые впечатления о И.А. Долгушине. Поступив в 1952 г. в аспирантуру, я вскоре был избран секретарём комсомольской организации Института, а И.А. был секретарём парторганизации. С этого времени и до ухода его из жизни в 1966 г. мне очень часто приходилось общаться с ним в самых разнообразных ситуациях. Поскольку опыта руководства комсомольской организацией в исследовательском учреждении у меня не было, я обратился к парторгу. Выслушал меня И.А., улыбнулся, слегка насупил свои кустистые брови и сказал: «Не мельчись, смотри в корень, а задачи те же, что и у нас, коммунистов, - Институт должен работать с полной отдачей сил по запланированным работам. Под особый контроль возьми аспирантов, чтобы все уложились в аспирантские сроки и к концу аспирантуры представили к защите диссертации». В 1952-1953 гг. по всем лабораториям был самый большой набор аспирантов за всю историю Института. И проблем с ними было немало.

С этого момента и все годы меня всегда тянуло к нему. И не только меня. Он вообще обладал какой-то необычной притягательностью. Вокруг него всегда были люди - студенты, лаборанты, водители, учёные. В Институте Игорь Александрович, пожалуй, был едва ли ни единственным человеком, о котором никто не отзывался плохо. На моей памяти таких людей не было. В чем же был секрет его обаяния?

По моим представлениям, он с большим уважением относился ко всем порядочным людям независимо от их возраста и положения: доступен, справедлив, прост, но не простоват, добрый, но, как часто говорил Е.И. Страутман, не добренький, эрудит и интересный собеседник. Его суждения отличались самобытностью, и в самых сложных спорных вопросах он всегда выделял главное, существенное, обладая мощной силой убеждения. Кстати, своих убеждений, насколько я помню, он никогда и никому не навязывал. На многих институтских совещаниях, конференциях, общих собраниях, на которых нередко разбирались и кляузные вопросы, выступления И.А. Долгушина при разном мнении почти всегда были страстными, наиболее убедительными и справедливыми. И ещё одна черта характера И.А., на которую я обратил внимание, - непримиримая беспощадность к людям, которых он не уважал или принципиально расходился во взглядах (Б.К. Штегман).

Общеизвестно, что в конце 40-х и первой половине 50-х годов прошлого столетия в биологии СССР господствовала теория «Расшатанной наследственности» Т.Д. Лысенко, погубившая в СССР не только генетику, но и многих выдающихся

генетиков. Небезынтересно хотя бы в самых общих чертах вспомнить отношение ученых нашего Института к этой теории. В целом, по моим наблюдениям, большая часть стариков, да и некоторые молодые ученые, в душе не верили этой теории, но создавали видимость ее принятия, поскольку любая критика положений теории была в то время небезопасна.

Помнится, в сентябре или октябре 1953 г., в Институте зоологии проходила конференция, кажется под рубрикой «Экология животных в свете учения Лысенко». За давностью времени точного названия не помню. Основным докладчиком был А.А. Слудский, остальные – содокладчики или просто участвовавшие в прениях по отдельным профилям зоологии. А.А. Слудский в своем обширном докладе так ловко обходил эту теорию, что вызвал резко отрицательную реакцию тогдашнего директора Института и председателя конференции И.Г. Галузо. Большая часть выступавших в прениях вела себя примерно так же, как и А.А. Слудский. После резкой критики И.Г. Галузо доклада, А.А. Слудский попросил слово и ответил ему примерно так: «Что, собственно, Вы предъявляете мне особые претензии, я дал свою оценку так, как и все остальные». Выступление И.А. Долгушина плохо помню, но оно, в общем, было столь же осторожным и обтекаемым, хотя в кулуарах поговаривали, что его старший брат [видимо, Донат - АК] был убежденным последователем лысенковщины.

Особое впечатление на присутствовавших произвело очень смелое и откровенное высказывание П.И. Мариковского, которого И.Г. (не без задней мысли) вынудил выступить. Павел Иустинович сказал следующее: «Я свое мнение об этом (теории Лысенко), перефразируя известные слова Л.Н. Толстого о царизме, выскажу тогда, когда буду стоять одной ногой в могиле, скажу и прыгну в нее!» Как И.Г. обрадовался! Я же, аспирант второго года обучения, основательно перепугался за будущее своего учителя.

Не буду затрагивать вопросы о роли И.А. в развитии зоологической науки в Казахстане, формировании и становлении самого Института. Это общеизвестно и освещено в многочисленных публикациях. Остановлюсь на одном очень важном событии в жизни Института, в котором И.А. принимал участие, будучи парторгом.

В 1956-1957 гг. я возглавлял в местном секторе по охране труда и технике безопасности. Как-то в коридоре Института И.А. подошел ко мне и спросил, знаю ли я, что отдельные институты, например ЗИН АН СССР, работающие с вредными веществами, переведены на 6-часовой рабочий день. Я слышал об этом, но не представлял, что это моя прямая обязанность как руководителя сектора по охране труда и технике безопасности в местном. В общем, он попросил меня вплотную заняться этим делом и подсказал, с чего начинать и в какие инстанции нужно обращаться. Дело оказалось непростым, и положительное решение его растянулось практически на целый год. Первоначальный перечень вредных веществ, работа с которыми позволяла переходить на шестичасовой рабочий день, был крайне ограничен: толуол, ксилол, парадихлорбензол, эфир, работа с микроскопом на больших увеличениях с применением иммерсионного масла. Каждый сотрудник лаборатории должен был работать с этими веществами не менее 4-х часов ежедневно. А лаборатория палеобиологии полностью выпадала по этим признакам. Предположительно создавалась не очень благоприятная ситуация во взаимоотношениях льготных и не льготных сотрудников в лабораториях.

Со всеми этими вопросами я обратился к И.А. Он основательно призадумался, а потом посоветовал в первую очередь решить вопрос с палеобиологами, а «льготные» вопросы будем решать позже и сами. Так я и поступил. В 1956 г. у меня была запланирована очередная командировка в Ленинград, в ЗИН. Там я выяснил – ЗИНовские и ПИН'овские палеобиологи получили льготы за работу с радиоактивными ископаемыми костями. Что касается нашего Института, то все кости, с которыми

работают наши палеобиологи, нужно было проверить на радиоактивность счетчиком Гейгера. Так мы и сделали в присутствии представителей Обкома профсоюзов.

Когда все необходимые документы были подготовлены, я пошел с ними на приём к Главному ученому Секретарю Академии Ш.И. Чокину. Он просмотрел документы, отбросил их и заявил мне, что никаких льгот вашему Институту не положено и что это происки вашего директора И.Г. Галузо. Но, поскольку я чувствовал свою правоту как представитель месткома, а особенно то, сколько на это дело убито времени, да и довольно настырный был, пытался ему втолковать законность наших претензий, а не какие-то происки нашего директора. Кончилось дело тем, что он меня выгнал!

Игоря Александровича дня два в Институте не было, а когда он появился, я ему обрисовал всю ситуацию с Чокиным. Он еще раз просмотрел все документы, в том числе и положение о льготах по вредности, тут же взял институтскую «Победу», и мы поехали на прием к Чокину. Меня он оставил ожидать в коридоре, пошел один. Вышел минут через 30, выражение лица было такое, какого я никогда больше у него не видел. Вспомнился почему-то «Зевс-Громовержец»! Шел молчком и только в машине сказал всего лишь одну фразу: «Непонятливый человек». Далее посоветовал мне завтра же побывать в Обкоме Союза и рассказать всю ситуацию с Чокиным.

Там почему-то отнеслись к этому довольно весело и сказали, чтобы мы не беспокоились, а Чокину на первый раз за неисполнение наших предписаний предьявим штраф на полную месячную зарплату. Через неделю мы праздновали переход всех лабораторий Института на шестичасовой рабочий день и ежедневное получение каждым сотрудником бесплатного первоклассного молока!

В начале 60-х гг. на прием в компартию работников умственного труда существовали какие-то ограничения. В 1965 г. Институту выделили всего 2 вакансии. Выбор на них выпал на В.Я. Панина и меня. Илларион Григорьевич Галузо и Игорь Александрович Долгушин вызвали нас на собеседование по этому вопросу. В.Я. не сразу, но все-таки согласился подать заявление, я же наотрез отказался. И не потому, что не разделял идей партии, а очень опасался дополнительных общественных нагрузок, которых у меня и так было сверх всяких мер! А тут светила перспектива стать ещё и партторгом Института или его заместителем. Все это совпадало с подготовкой монографии к изданию и докторской диссертации по цикадовым Казахстана. Илларион Григорьевич упорно давил на меня со всех позиций, я заколебался, но тут буквально одной фразой спас меня Игорь Александрович: «Илларион, оставь ты его, пусть идет и работает». Я безмерно обрадовался и только после этого по-настоящему понял и оценил долгушинские фразы о «понятливости и непонятливости». Позже В.Я. Панин не раз раскаивался, что не устоял тогда и, как и следовало ожидать, стал партторгом и намучился с разборкой кляузных вопросов, которые постоянно преследовали Институт.

Приведу некоторые отрывки из рассказов П.М. Бутовского и Х.А. Айбасова о событиях, о которых теперь уже мало кто знает. Первый рассказ – Петра Михайловича Бутовского. В конце 40-х гг. (в дате я не уверен) была организована поездка на р. Каратал в составе И.Г. Галузо, И.А. Долгушина, А.В. Афанасьева, П.М. Бутовского и лаборанта Феди Евдакова. Может быть, и ещё кто был, но запомнил я только эти имена.

Отдых на берегу, жарко, летний паводок. Каратал в этот период многоводный, местами разливается на километровую ширину, скорость течения на стремнине не менее 8 км/час (мои данные по 1954 г). На берегу в шахматы сражаются И.А. Долгушин и А.В. Афанасьев, а П.М. Бутовский – болельщик. И.Г. Галузо решил искупаться, заплыл на стремнину, пытался выплыть из нее, не получается, обессилел, почувствовал, что тонет и стал звать на помощь словами «не вожми, не вожми, не вожми» вместо «помогите» или «спасите». Никто из сидящих на берегу не придал этим словам значения. Только Бутовский сообразил, что происходит. Говорит играющим, что Галузо, по-видимому,

тонет. Афанасьев отреагировал фразой: « г... в воде не тонет». Только с этими словами дошли до И.А. и крики самого терпящего бедствие, и он немедленно бросился в реку спасать И.Г. Но когда он подплыл к нему, тот со страху обезумел, схватил И.А. за шею и стал топить его. И.А. выкрутился, схватил Галузо за волосы, «врезал» ему в лоб со словами: «Если ты не перестанешь дергаться (бога мать), я тебе ещё раз врежу и брошу к чертовой матери». Это образумило И.Г., а Долгушин приказал ему положить руку на свое плечо и ниже по течению прибил с ним к берегу. Вот так И.А. спас от верной гибели Иллариона Григорьевича Галузо, который впоследствии всегда помнил об этом.

Рассказ Хазыра Айбасова касается более веселого приключения. В 1957-1962 гг. в Центральном Казахстане, на 3-х основных стационарах: Терсаканском сухостепном, Жанааркинском пустынно-степном и Бетпақдалинском пустынном, проводились зоолого-ботанические биоконплексные исследования с дополнительными экспедиционными маршрутами. Ни один из этих стационаров не подходил для орнитологических исследований. Поэтому орнитологи обосновались в районе Кургальджино. С одним из рекогносцировочных маршрутов на автомашине, взятой на автобазе АН КазССР, Х.А. Айбасов, вместе с Л.В. Арнольди, заехал на стационар к орнитологам. Подъехали они, когда орнитологи уже отобедали, поэтому И.А. Долгушин сказал Хазыру: «Вот что, батыр, у нас тут самообслуживание, там-то лежит целая куча дичи, выбери, сколько нужно, оскуби и вари». Хазыр выбрал 3 самых крупных жирных утки. И.А. посмотрел на общипанных уток и сказал: «А не многовато ли»? Х.А. ответил ему, что он казах и очень любит мясо! Л.В. Арнольди поел, как обычно, немного, а Х.А. – до икоты. Вскоре его начала одолевать жажда. Пьет холодную воду. И.А. заметил это, подошел к нему и сказал: «Вот что, батыр, у нас отхожее место вот в том направлении, но садиться не ближе ста метров». Когда же Х.А. приспичило, он рванул в указанном направлении и, отбежав немного, вскоре присел. Тут же из всех двухстволок орнитологи во главе с И.А. открыли по нему пальбу! Он страшно перепугался, решил, что они с ума сошли, пошел двойной понос! С полуспущенными штанами пришлось бежать дальше. Потом оказалось, что до 100-метровой отметки он не добежал целых 20 метров. Так что орнитологи вместе со своим начальником оказались большими юмористами.

И.Д. Митяев,
Алма-Ата, 15 июля 2004 г.

Ленинград, 1953 год*

Всегда приятно вспоминать о хорошем человеке, замечательном ученом. Когда я в 1951 году поступил в аспирантуру в Институт зоологии, Игорь Александрович был исполняющим обязанности директора Института. И по его рекомендации и совету Иллариона Григорьевича меня командировали в Ленинград в Зоологический институт АН СССР. Через год, где-то в октябре, в Ленинград приехал Игорь Александрович уже как докторант ЗИН. Он жил в аспирантском общежитии и был душой всей молодежи, опорой всех аспирантов – и не только из Казахстана. Он был большим любителем спорта – волейбола, шахмат и т.д.

Я хочу вспомнить один маленький, но весьма впечатляющий эпизод. В 1953 году защищал кандидатскую диссертацию по клещам один аспирант – Гариев из Дагестана. Председательствовал на Совете академик Павловский, в зале сидели крупнейшие корифеи зоологической науки - Шмальгаузен, Догель, Бей-Биенко, Берг, Мончадский и др. Защита шла хорошо, официальные и неофициальные оппоненты дали очень высокую оценку. В благополучном исходе этой защиты не было никаких сомнений.

Вдруг выступает директор ВИЗР'а член-корреспондент ВАСХНИЛ Никольский и заявляет, что диссертант использовал материалы ВИЗР и не заслуживает искомой

степени. Это был очень такой напряженный момент. Тем более, что приехавшие из Дагестана родственники диссертанта уже заказали на банкет ресторан «Астория». Все аспиранты Зоологического института были заинтересованы в успешном исходе этой защиты.

Залегла глубокая тишина. И ее нарушает голос дорогого Игоря Александровича. Он очень хорошо выступил. Сначала охарактеризовал диссертанта (которого хорошо знал по общежитию), подчеркнул, что он очень молод, из далекого Дагестана, представляет здесь одно из национальных меньшинств. А затем задал вопрос Никольскому: участвовал ли сам диссертант в экспедиции, материалы которой он использовал? Получив утвердительный ответ, Игорь Александрович сказал, что какое-то хотя бы моральное право на эти материалы он должен иметь. И таким образом он разрядил напряженную обстановку.

После выступления Долгушина академик Павловский сказал, что необходимо найти какой-то разумный компромисс, раз диссертант выполнил большую работу, а то, что он допустил ошибку, то на будущее он должен этот урок учесть. Исход защиты оказался успешным. Таким образом, Игорь Александрович буквально спас Гариева, который сейчас работает в Дагестане, доктор биологических наук, профессор. А тогда, после защиты, Игорь Александрович был самым популярным, самым любимым гостем этого торжества и, по-видимому, всей дагестанской родни Гариева...

Вот случай, показывающий не только смелость и находчивость Игоря Александровича, но и его внимательное и доброе отношение к людям, к молодым кадрам.

Т.Н. Досжанов
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Доброжелательность, порождающая доверие

Доброжелательность Игоря Александровича Долгушина была огромна. Ее ощущали все, причем сразу же, при первой встрече. Доброта излучалась всем его существом, серыми и, казалось бы, суровыми глазами, высвечивалась в скромной улыбке, манере разговора. Как-то удивительно быстро возникало доверие к Игорю Александровичу и это чувство укреплялось с каждой новой встречей, когда первые же фразы раскрывали суть дела и придавали обычно разговору тонкий юмор. И так было не только со мной, с самыми разными людьми.

Первое мое знакомство с И.А. Долгушиным произошло где-то в одноэтажной пристройке к Главному зданию Академии наук в Алма-Ате, где помещались, сейчас уже не помню, какие лаборатории Института зоологии. Это было начало 50-х гг., когда кроме И.А. Долгушина здесь работали очень сильные и энергичные зоологи А.А. Слудский, Е.В. Гвоздев, В.С. Бажанов, Е.И. Страутман, М.Н. Корелов, К.П. Параскив и другие. Не ошибусь, если скажу, что ни в одной другой республиканской Академии не было столь яркого «букета» талантливых зоологов.

Конечно, я знал многие из этих имен еще со студенческих лет, особенно того времени, когда в Зоологической секции Московского общества испытателей природы проходили довольно бурные дискуссии в связи с начавшейся в СССР акклиматизацией ондатры. Правда, с тех собраний мне больше запомнился из не москвичей А.А. Слудский и, конечно, корифей Общества тех времен – Б.М. Житков, С.И. Огнев, Г.П. Дементьев, А.Н. Формозов, В.Г. Гептнер, П.А. Мантейфель ... Сейчас не помню, то ли И.А. Долгушина не было на этих заседаниях, то ли он держался очень тихо (?), но моего знакомства с ним в середине 30-х гг. не произошло. А я рассчитывал на эту встречу, так

как имя Игоря Долгушина слышал с детских лет. Ведь он, так же как В.П. Теплов, бывал в нашем доме и дружил с моей старшей сестрой Т.И. Бибиковой и ее мужем Г.А. Скребицким – «Чуфом большим» - в отличие от «Чуфа малого», которым нарекли Г.А. Шестакова. А вообще-то многие биологи-охотоведы той поры дружили еще со времен учебы в пушно-меховом институте в Салтыкове, как тогда называли нынешней балашихинский ВСХИЗО.

Когда же мы встретились с Долгушиным в Алма-Ате, старые воспоминания уже не заняли много места в наших разговорах, хотя И.А. с теплотой вспоминал и Г.А. Скребицкого, ставшего к этому времени известным детским писателем-натуралистом, и вообще наш дом в Москве. Зоологи Алма-Аты жили в 50-60-е гг. очень дружно, часто собирались и обсуждали доклады и отчеты о поездках, активно участвовали во всесоюзных конференциях, которые неоднократно организовывали и в своем городе. Характерной особенностью жизни алма-атинских зоологов была, пожалуй, открытость наших собраний, на которые собирались не только академические специалисты, но и из других ведомств, например, противочумники – В.С. Петров, Б.М. Касаткин, Е.П. Бондарь; со Станции защиты растений, ветеринары и т.п. Широкие контакты наблюдались в то время между лабораториями и отделами Института зоологии, т.е. орнитологов с териологами, гельминтологами или паразитологами, а также с академическими ботаниками, почвоведом, географами. Мне кажется, что в организации столь широкого общения специалистов, в развитии контактов и объединении усилий при изучении животного мира и в совершенствовании охраны природы Казахстана, немалую роль играли притягательность и организующая сила И.А. Долгушина.

Надо заметить, что научные контакты и обсуждение наболевших вопросов не ограничивались служебными помещениями. Они продолжались в экспедиционных поездках, выездах на охоту, регулярных сборах на дому. И здесь присутствие И.А. Долгушина всегда создавало обстановку непринужденности, открытости, искреннего веселья. Конечно, все мы тогда были молоды, увлечены работой, и разговоры по делу никогда полностью не прерывались даже на семейных пирушках. Не уверен, что несколько штрихов к одному из подобных собраний будут уместны в данных воспоминаниях, но...

А дело было где-то середине 50-х гг. летом на территории Противочумного института. Собрались, чтобы отметить завершение пристройки большой комнаты и коммунальных добавлений к небольшому «финскому» домику, в котором мы жили с Валентиной Александровной Бибиковой и двумя еще малыми детьми. За столы, заполнившие почти всю «обживаемую» территорию, плотно уселась большая компания и начались слова приветствий и поздравлений. Только спустя, примерно, полчаса поднялся И.А. Долгушин, причем в это время замечалось оживление гостей, что-то скрытно передававших ему под столом. Первые слова были обращены к хозяевам, которые должны помнить о старых русских обычаях новоселья – при этом И.А., не очень-то жалея содержимое бутылки водки, при шумном одобрении присутствующих щедро окропил углы нового помещения ... Затем он заявил, что по тем же канонам гости должны обязательно подарить хозяевам какую-либо живность... с этими словами он высоко поднял над столом разукрашенного лентами петуха и пустил его в полет над расставленными яствами. Вскоре о петухе забыли и только утром соседи по противочумному городку появились в дверях, чтобы спросить: «Не Ваш ли петух с цветными лентами гордо разгуливает среди местных кур?»

Помню еще нашу поездку для охоты на уток на известные алмаатинцам «Соленые озера». Хотя мы не договаривались, но наша палатка оказалась поблизости от долгушинской, и вскоре И.А. навестил нас. Тогда я с гордостью показал ему недавно купленную в Москве немецкую палатку ярко-оранжевого цвета, что еще не было

привычным для наших туристов и охотников, вынужденно «предпочитавших» тусклые, буро-зеленые тона во всем спортивном снаряжении. Сидя в палатке, я обратил внимание И.А. на какие-то шнурки и застежки, назначения которых я не понимал. На мой вопрос он ответил: «Ну что ты Дима, и не пытайся понять... они, немцы, мудрые, и без толку ничего не сделают, но нам, с нашим складом ума, в этом все равно не разобратся!»

В этот же выезд произошло любопытное происшествие, когда к утиным чучелам у долгушинского скрадка на плесе подкрался какой-то молодой охотник и разрядил по ним ружье. Его охотничий пыл остановили громкие слова И.А.: «Это же резиновые чучела, ... побереги патроны». Пристыженный «охотник» быстро ретировался.

Вспоминаю еще нашу поездку на озеро Иссык, когда оно еще не было прорвано селом, и обрамленное горами великолепное озеро с чудесной зеленой водой являлось одной из алма-атинских достопримечательностей. И.А. Долгушин попросил меня свозить на Иссык французских орнитологов Эчикопара и немного говорящего по-русски Пьера Пфефера. Путешествие было приятным и веселым, особенно благодаря живой и остроумной беседе И.А. с Пьером. Удовольствие получила и моя шестилетняя дочь Анюта, решительно и непринужденно обсуждавшая разнообразные, и, думаю, не очень стандартные вопросы с французами. Очевидно, что-то из этих разговоров я прослушал, что-то обсуждалось без меня. Поэтому совершенно неожиданным для нас оказалось известие из Ленинградского Зоологического института от проф. Е.В. Козловой, которая не знала как передать Анюте Бибиковой роскошную французскую куклу, присланную с okazji в Ленинград. И.А. Долгушин весело рассказывал о замешательстве Козловой, которая, естественно, не без труда, смогла разыскать адрес от этого ценного подарка.

Я сознательно не останавливался на научном и организаторском талантах И.А. Долгушина. Конечно, он выделялся и в этом плане среди зоологов Алма-Аты. Думаю, что многотомные «Птицы Казахстана» - лучшее подтверждение энергии организатора, вдохновителя и главного участника этой монографии. Примечателен мой разговор с профессором кафедры биогеографии МГУ В.Ф. Ларионовым. Когда зашла речь о И.А., он уверенно заявил мне, что в группе весьма известных зоологов-выпускников Томского университета того времени, Долгушин уже в то время был не только центром притяжения сверстников и коллег, но и впоследствии, несомненно, оказался самым талантливым натуралистом и ученым. Последующие годы только подтвердили это мое замечание – сказал В.Ф. Ларионов.

Д.И. Бибиков,
Москва, 1988 г.

Великий жизнелюб*

Великий был жизнелюб Игорь Долгушин. Он всегда мне говорил, что мечтает прожить как минимум до 80 лет. Ну вот, я до 80 лет прожил, а он ушел слишком уж рано... Но и мне радости от этих 80 лет немного...

Веселые мы были, вообще-то говоря. Веселились всегда. Посмеивались друг над другом. Очень хорошо помню, как Долгушин брился. Он обычно брился опасной бритвой, не умел это делать, полные глаза слез... Ну вот тут я тогда сочинил песню про него [поет неожиданно громко и звонко на мотив тореадора – АК]: «Долгушин бреется – вся морда в пене, кровь хлещет - близок смертный час...»

Очень он был щедрый человек. Помню, например, такой случай. Прихожу к нему, и он рассказывает, как пришел к нему один человек, с которым он учился одновременно на разных факультетах в Томском университете. И этот товарищ оказался растратчик, должны его посадить. Пришел у Игоря просить денег. Игорь ему отвалил 5 тысяч! Хотя

и знакомы-то они были едва, и ничем связаны не были. Не знаю – вернул ли ему тот человек деньги – едва ли... И я знаю много случаев его необыкновенной щедрости.

В молодости, помню, в экспедиции он брал всякое рваньё, чтобы доносить его в поле. Оборванным он бывал феноменально. По-моему, его не раз принимали за беглого из Карлага. Все эти вещи снашивались и оставлялись где-то в поле. Ездили они часто на Или. Был такой у нас приятель Петр Петрович Поляков, он какой-то словарь академический сочинял: «Или – это река, куда едут зоологи, когда им нечего делать».

Очень любил Игорь петь. Особенно любил вот эту песню: «Это было в предместьях Гренады, где живут, как известно, испанцы, где звенят и рыдают гитары, где звучат день и ночь кастаньеты». А дальше там есть такие слова: «Если будете вы, дон Малаго, строить куры сеньоре Лолите, я пронжу вас, как рябчика, шпагой, вам понятно? – теперь уходите. И пошел дон Малаго налево, весь горя от сокрытого гнева, и пошел дон Апоресто направо, опираясь на длинную шпагу». А Лолита, от испуга оправившись скоро, утешилась на коленях дона Мускато. Пел он хорошо. У него был и голос хороший и слух неплохой. В Казахстане, когда он работал на Или охотоведом (там тогда он предложил ондатру акклиматизировать). Но я его застал уже в Академии наук.

Романтик был. Всегда я его упрекал в мелком честолюбии. Вообще-то он был честолюбив, но в меру. Зато по мелочам (скажем, что он самый сильный, или что здорово играет в волейбол) похвастать любил, это был предмет его особой гордости, и я всегда подтрунивал, что он переполнен именно мелким честолюбием. А вообще-то в молодости был он очень скромным, особенно с женщинами. Это уже в старости мог себе позволить замечание типа: «Хорошенькая какая женщина!». Любил и умел также глазами поиграть, изображая этакого гусара...

Про тигра. При Долгушине был убит последний тигр в дельте реки Или. Как он об этом рассказывал: «Пошел охотиться какой-то казах, и не охотник вовсе, а так себе. И ружьишко неважное. Увидел в сумерках какую-то тень (ночью это было). Думал, что кабан. Выстрелил. Оказалось, что это тигр». Как это часто бывает, именно начинающим везет. Уж не помню, при нем это было или перед ним. Он-то работал там в 1932-1933 гг., а в 1934 г. уже всецело был связан с Академией. Сектором зоологии заведовал известный зоолог с двойной фамилией [Бялиницкий-Бируля - АК], старик уже глубокий, он был выслан сюда. Лидером, конечно, был Долгушин. [Жена подсказывает: «Самая отличительная черта – та, что он был на редкость доброжелательным человеком». - АК]. Помню еще такой разговор с Долгушиным. Заговорили о летучих мышах. Я говорю: чем приятно заниматься летучими мышами, так это тем, что тут не напачкано. Нет всяких ложных сведений, с которыми каждый раз приходится считаться. И он мне говорит: «Дитя! – это он мне говорит – ты сам не понимаешь, как ты верно сказал! Потому что в орнитологии напачкано уже основательно»...

Помню, когда я был секретарем Совета по защитах диссертаций, он часто приезжал, интересовался – кто там защищается, что и как. А последний раз, когда я к нему приехал с диссертационными бумагами, он мне так прямо и сказал: «Меня это не интересует». Это уже было за неделю до смерти. Он понимал, что он умирает. И, конечно, для него, при его жизнелюбии, это было очень тяжело

П.М. Бутовский

24 февраля 1988 г., Алма-Ата

Воспоминания об Игоре Александровиче Долгушине

С сентября 1950 г. по август 1952 г. я состоял докторантом Зоологического института АН СССР в Ленинграде. Мой круг интересов был связан с зоогеографическими проблемами, в частности экологической зоогеографии. В то время в Ленинграде, в частности в Зоологическом институте и других учреждениях работали выдающиеся представители русской классической зоогеографии, одновременно и орнитологии Е.В. Козлова, А.И. Иванов, Л.А. Портенко, Б.К. Штегман и К.А. Юдин, большинства из которых в настоящее время уже нет в рядах живых. Творческая атмосфера этих годов в ЗИНе выражалась не только в многочисленных собраниях и дискуссиях коллектива зоологов во главе с директором института академиком Е.Н. Павловским, а также в частных беседах и встречах орнитологов между собой.

Рядом со мною работал другой докторант ЗИН'а Л.О. Белопольский, а на год позже – осенью 1953 г. в докторантуру вступил Игорь Александрович Долгушин, с которым я в течение года имел тесные связи. Мы трудились по сходной тематике, он разработал орнитологические вопросы громадной территории Казахстана, а я – небольшой территории Прибалтики. Разработка темы докторской диссертации Игоря Александровича «Основные закономерности распространения птиц в Казахстане» требовала не только хороших знаний литературы, а также работы над коллекциями. Наряду с очень большими коллекциями, которые Игорь Александрович сам собирал в Казахстане, он усердно использовал и богатые коллекционные материалы ЗИН-а. По вечерам мы зачастую заходили в рабочую комнату старшего коллеги Л.А. Портенко и вместе с ним обсуждали научные вопросы, общие для орнитофауны Казахстана и Прибалтики. И в результате этих бесед тысячи километров, которые разделяли Прибалтику от Казахстана, отнюдь не чувствовались такими далекими.

Иной раз И.А. Долгушин, Л.О. Белопольский и я собирались за рабочим столом К.А. Юдина, чтобы рассмотреть его поучительные остеологические коллекции ржанкообразных, над которыми он именно сейчас стал заниматься. Мне представляется, что И.А. Долгушин и К.А. Юдин якобы предчувствовали, что работать следует интенсивно, ибо времени для этого остается немного. Мы же, - Л.О. Белопольский и я, не смогли оспаривать то, что экологическая морфология действительно оказывается полезной и необходимой филогенетической систематике.

Главные же интересы Игоря Александровича были направлены на зоогеографию Средней Азии. Он, между прочим, говорил и о планах составления подготавливаемых уже в то время «Птиц Казахстана» и о соавторах и сотрудниках. Сейчас все пять томов этой солидной монографии стоят на моей книжной полке и на титульных листах двух первых томов стоит посвящения покойного. Он был хорошо информирован о трудах прибалтийских орнитологов, с кем он так часто встречался на различных совещаниях, в том числе и в Алма-Ате. На отзыв автореферата его докторской диссертации, после успешной защиты в Ленинграде осенью 1955 г. он ответил мне письмом и пригласил посетить «птичьи» места его второй родины.

Действительно, я поехал три раза в Казахстан, в том числе участвовал на Четвертой всесоюзной орнитологической конференции, главным организатором которой являлся И.А. Долгушин. Эта представительная как по тематике, так и по составу участников конференция, проходившая осенью 1965 года в Алма-Ате, была связана с интересной экскурсией в горах. Игорь Александрович прочитал на конференции доклад «Об изученности экологии птиц СССР» и, кроме обсуждения полученных результатов, выдвинул в нем ряд задач, которые являются актуальными и в настоящее время. На Алма-Атинской орнитологической конференции, проходившей во время последних лет жизни Игоря Александровича, принимал участие и ряд иностранных коллег, давших

самую высокую оценку организации конференции. Несмотря на то, что неизлечимая болезнь в организаторе конференции проделала уже свою коварную работу, Игорь Александрович сохранял свою жизнерадостность, кипучую энергию и оптимизм. Все это проявлялось особенно ярко на экскурсиях, где он являлся центральной фигурой во всех отношениях.

В таких характерных чертах И.А. Долгушин навечно жив. После упомянутой конференции мне не приходилось его видеть. Память о моем ровеснике и коллеге по работе живо сохраняется в моей памяти.

Э.В. Кумари

Тарту, 24 февраля 1983 г.

И.А. Долгушин. Воспоминания и письма

Игорь Александрович Долгушин относится к разряду людей, память о которых будет храниться очень долго. Он был таким незаурядным, ярким и добрым человеком и прекрасным специалистом, что вокруг него всегда были люди: друзья, почитатели, ученики, последователи.

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как не стало Игоря Александровича, но он, как живой, стоит перед моим мысленным взором. Высокий, очень худой, порывистый в движениях с темными волосами и черными глазами. Особенно запомнился внимательный, я бы сказала проницательный взгляд его черных глаз.

Я не помню точно год нашего знакомства, потому что Игорь Александрович, бывая в Москве, всегда заходил в отдел биогеографии Института географии АН СССР к профессору А.Н. Формозову, заведовавшему тогда отделом. А я работала в этом отделе младшим научным сотрудником. Во всяком случае, в год защиты мной кандидатской диссертации в 1954 г. мы были уже хорошо знакомы. Я помню, как Игорь Александрович со свойственной ему добротой и широтой спросил меня: «Как у Вас с отзывами? Вы не стесняйтесь, скажите, если надо. Мы Вам в два счета настроим». Последние годы жизни Игоря Александровича наше общение было более частым и тесным. В эти годы проходил ряд конференций в Казахстане и Средней Азии, в которых Игорь Александрович принимал деятельное участие, и я имела возможность наблюдать его. Поражала его страстная любовь к науке. Сопричастность ко всем делам, не безразличие к дальнейшей судьбе биологии и орнитологии, в частности, интерес к людям.

Вспоминается его выступление на Всесоюзной конференции по акклиматизации животных во Фрунзе в 1963 г. Вопреки всеобщему восторгу и энтузиазму по поводу успехов акклиматизации разных животных Игорь Александрович наперекор всем очень страстно и убежденно предупреждал, какое опасное это дело – акклиматизация. Разве можно радоваться тому, говорил он, что в заповедники в ущерб местной фауне выпускают без разбора всякую живность. Разве можно считать успехом акклиматизацию в Сары-Челекском заповеднике зубра, ондатры, енота-полоскуна и других млекопитающих? И он не только на словах, а последовательно проводил свою линию и четко отразил свое мнение в резолюции, которую он составлял вместе с А.А. Слудским и другими организаторами. В письме по поводу этих послеконференционных действий И.А. со свойственным ему юмором пишет: «Сидел я тут над проклятушкой резолюцией и проклинал и конференцию, и авторов кучи резолюций, из которых надо было слепить что-то целостное. Что-то слепил и после боев местного значения со Слудским и Гвоздевым отправлю эту кучу бумаги Янушевичу. Пусть расхлебывает» (лето, 1963).

В том, богатом конференциями, 1963 г. мы снова встретились в августе-сентябре 1963 г. сначала на зоогеографической в Ташкенте, а потом - на конференции по горным ландшафтам в Алма-Ате. Зоогеографическая конференция была очень пестрой по тематике, в которой классические зоогеографические доклады сочетались с чисто фаунистическими, а также экологическими и биоценологическими. Не было стержня, не было основной проблемы, на которую нанизывались бы многочисленные сообщения и демонстрации.

Игорь Александрович часто задавал вопросы, стремясь при помощи их выяснять у автором главную суть доклада и освободить его от излишнего «наукообразия», многих ненужных слов, за которыми иногда уплывало самое главное. Это было так важно, особенно для молодежи, которая часто стеснялась задать вопросы и тем более остановить ненужное словоизлияние. И.А. никогда не стеснялся задать самые простые, казалось бы, вопросы или даже сказать: «А кто понял сущность доклада и может его объяснить в двух словах?» Редко, когда находились такие смельчаки, которые поднимали руку.

Мои воспоминания об Игоре Александровиче дополняют его письма.

Передо мной шесть сохранившихся писем И.А., относящихся к последним годам его жизни – 1963-1965. В них он сообщает новости из жизни алматинских зоологов, делится научными планами, живо откликается на различные события в науке. Так, по поводу уже упоминавшейся выше Ташкентской зоогеографической конференции, он пишет: «О конференции воспоминания разнообразные. Сама конференция как таковая представляла сумбурное нагромождение докладов, обсуждать и осмыслить которые у нормального человека не хватало ни времени, ни энергии. Хотя ряд докладов сами по себе были очень неплохи и при ином порядке производили бы должное впечатление»^{38*}.

В ту же осень я побывала в Алма-Ате на конференции по горным ландшафтам. За неделю до этого в горах в окрестностях Алма-Аты произошло стихийное бедствие: озеро Иссык, красотой которого гордился И.А. и которое обязательно хотел мне показать при встрече, прорвало естественную плотину из рыхлых каменистых скоплений и бурным грязевым потоком спустилось по реке. Снес пионерский лагерь, еще ряд построек, как на озере, так и по берегам реки. Произошло это в результате схода в озеро мощного селя, который поднял уровень озера на несколько метров и снес естественную плотину. Хорошо, что это случилось днем и заранее оповещенные люди могли уйти.

Мы с И.А. и Иннокентием Петровичем Герасимовым одними из первых приехали в горы к берегам бывшего озера. Картина была впечатляющей: на месте полноводного горного озера необыкновенной голубизны и красоты осталось вязкое дно и крохотная лужица в центре. Все это было обрамлено горами глыб и обломками зданий. Игорь Александрович был впереди нас всех. Он, несмотря на угрожающие надписи: «Вход запрещен, опасно для жизни!» и т.д. легко перескакивал с глыбы на глыбу и, увлекшись, совсем близко подошел к берегу и вероятно попробовал бы пройтись и по дну, если бы нас не задержал дежуривший там блюститель порядка. И.А. бурно выражал свой восторг перед силами природы (сколько тут наворочено!) и одновременно сожалел, что погибла такая красота!

Очень остро переживал Игорь Александрович всякие бюрократические препоны, которыми так перегружена наука и которые пожирают так много времени у ее организаторов. В письмах он пишет об этом с иронией, сквозь которую проглядывает грусть. «А у нас? Заседаем, воду льем. Вы там животные миры пишете – честь Вам и

³⁸ Здесь и далее сохранена транскрипция И.А. Долгушина

хвала. А мы заседаем и заседаем. А в перерывах между заседаниями составляем какие-то проекты каких-то своих отдаленных действий. Что же касается этих самых действий, то до них дело никак не доходит. Как это так ловко получается – не знаю, но получается. Жалование нам платят как будто за то, чтобы двигать науку, а мы всю эту двигательную энергию пускаем по любому руслу, кроме научного. Так и живем...»

В одном из писем И.А., сообщая очередные новости, неудачи, задержки в работе авторского коллектива руководимых им орнитологов над «Птицами Казахстана» с горечью сообщает о смерти тогдашнего президента Академии Наук Казахской ССР К.И. Сатпаева: «На все личные невзгоды тяжелым камнем легла смерть нашего президента. В газетах про него пишут: крупный ученый, крупный организатор науки, крупный... чего-то там еще. Это все наплевать и забыть, как говорил Чапаев. Он был человек, именно человек, да еще какой. И настоящий друг, и нам зоологам вообще и мне в частности. А друзьями не так богат мир, как это иногда кажется. Словом, как видите, есть все основания для того, чтобы впасть в пессимизм, чтобы мир казался мрачным, чтобы все видеть в серых и черных тонах. Но... видно не очень я к этому, к пессимизму, приспособлен. Совсем не хочется мне смотреть на мир через темные очки. И не могу видеть я его в мрачных красках. Ибо знаю я, что мир прекрасен, что человек – это звучит гордо, что скроется тьма и будет солнце, будут огни, будет радость, смех, песня, будет все самое светлое, самое прекрасное» (письмо от 2 апреля 1964 г.).

Последние три письма относятся ко времени, когда Игорь Александрович уже был тяжело болен. И они являются очень ярким свидетельством того, как этот незаурядный человек не терял интереса к жизни. Переживал все неурядицы в орнитологической науке, радости и неудачи в своей орнитологической лаборатории, активно работал над «Птицами Казахстана», не терял связь с друзьями. И главное, не теряя свойственного ему чувства юмора, даже в письмах о своем состоянии. В письме от 7 августа 1964 года Игорь Александрович сообщает, что он находится на долечивании в санатории в чудесном месте в горах (а Игорь Александрович так любил горы!) в самом центре пояса яблочников. «Хороший воздух, наилучшее питание, полный покой. Чего же более? И единственное, чего мне не хватает, – собственного веса. Похудел я настолько, что сам это замечаю! Скоро буду привязывать к себе гири, дабы не улететь куда-нибудь на луну без всяких ракет. А операция и прочее - отлично».

В этом же письме он высказывает свое мнение о событиях, происходящих в Академии Наук СССР и это звучит так современно, как будто письмо это я получила не в 1964, а в 1988 году, т.е. почти четверть века спустя. Вот эти слова: «Относительно Нуждина. Это очень интересная новость и важная. Дело, конечно, не в том, что провалили Нуждина. Черт с ним, в Академии много всяких граждан, одним больше, одним меньше – не столь существенно. Важно то, что в данном случае изживаются последствия культа личности, появляется свобода критики и всякое такое. Мы все это не там замечаем. А вот у нас сейчас Ганзелка и Зикмунд. Так они на пресс-конференции выступили по поводу культа личности с какого-то совсем другого бока и очень здорово. Вот и история с Нуждиным (т.е. с Лысенко и выше) – все это наследие культа личности, которое как-то изживается в настоящее время».

Далее Игорь Александрович пишет о скором возвращении на работу после длительного периода болезни и встрече со своей лабораторией: «Наши постепенно все съехались и идет период рассказов - один из лучших периодов нашей жизни. Собственно второй по качеству, так как лучший – это период сборов и ... надежд. Период, наполненный мечтами и фантазиями. Но и рассказы – тоже хорошо. Аркадий (Слудский – Р.З.) был на Мангышлаке и Устюрте и рассказывал много интересного. Немало рассказывали и другие» (Письмо от 7 августа 1964).

Конечно же, друзья Игоря Александровича навещали его, и он был в курсе всех дел не только лаборатории орнитологии, но и всего института зоологии и паразитологии АН Казахской ССР.

Игорь Александрович прекрасный натуралист, так тонко чувствующий природу, был к тому же и страстным охотником и никогда не упускал случая побыть в поле на охоте. В том же 1964 году, осенью, немного оправившись от болезни, он уже едет на охоту и пишет об этом следующее: «Вот и лето кончилось, началась пора осенняя. Потихонечку я ухитрился сбегать на юго-западный конец Балхаша и немного пострелять. Убил кое-как около 50 уток – стрелять еще не разучился, но охота была не ахти какая. Осень нынче затяжная, сибирская утка еще не прибыла, и охота была средняя. На днях поедем в Алакульскую котловину, может быть, там отыграемся». И далее «Я в отпуске, т.е. могу ездить куда попало, но когда в Алма-Ате, то пропадаю на государственной службе. Какие-то бесконечные ученые (и не очень ученые) советы и вообще разная муть». И снова звучит жалоба на раздутую «околонаучную», как мы сейчас сказали бы, бюрократическую деятельность.

И, наконец, последнее письмо от Игоря Александровича от 2 июля 1965 г. Оно большое, почти на девять страниц. В нем И.А. очень беспокоится о предстоящей в том году Всесоюзной орнитологической конференции, главным организатором которой и научным руководителем на месте был он. В связи с этим опять и поле получилось урывками, да и в Алма-Ате не удавалось выкроить время для творческой работы. Все мысли И.А. о предстоящей конференции. Опять возвращаюсь к его письму, так как он сам лучше расскажет о своих мыслях и переживаниях в тот период: «А конференцию хотелось бы провести по-деловому. Но это очень трудно, так как деловой подход не очень одобряется в Москве. Уж очень далеко от земли находятся наши вожди. Интересы массы, специалистов среднего толка и еще более небольших, им совершенно чужды и с ними не очень хотят считаться. А между тем сейчас невозможно делать дела, не опираясь на существенную армию молодежи – чудеснейший народ, полный сил, энергии, энтузиазма и совершенно новый по своему запасу знаний и оснащенности в техническом отношении. Вся эта толпа молодцев – всякие Наумовы, Кисленко, Винокуровы, Чунихины, Галушины – имя им легион... настолько великолепны, что будет чрезвычайно досадно (да и непростительно) если они разменяются на пустяки, если они не будут объединены чем-то общим, если они собьются на подражание заграничным образцам и потеряют особенности русского направления в орнитологии. Момент сейчас сугубо ответственный. 60-у годы совсем не похожи на 30-е. Молодежи сейчас много (в 30-х годах было мало), она во много раз умнее и образованнее нас (имею в виду поколение, к которому принадлежу я) и требует – очень притом настойчиво – хорошего руководителя. Его я что-то не вижу. Г.П.Д. [Георгий Петрович Дементьев – Р.З.] был хорошим организатором и руководителем для нашего поколения. Хвала ему и честь за то, что он сделал. Но сейчас нужен другой человек. И не только по количеству энергии и организаторского таланта. Нужно иное качество, иной взгляд на происходящее, иной подход к людям. Это требуется составом рядовых – надо, чтобы этому составу командир вполне соответствовал, умел видеть далеко, умел ставить задачи и организовывать их разрешение, умел направить людей и в то же время быть для них – для рядовых орнитологии – авторитетом. А для современной молодежи быть авторитетным мудрено. Им мало одной начитанности, они требуют, чтобы вождь был мастером всюду и чтобы он знал и понимал современность не только теоретически, но и практически. Что-то я таких людей на нашем горизонте не вижу. Ни в Ленинграде, ни в Москве, ни в Киеве, ни в других местах. Остается надеяться, что жизнь сама выдвинет кого-то из этой же самой молодежи. Она, жизнь то есть, это вероятно и делает, но отсюда мне не видно, кто именно из молодежи должен сменить стариков. Видно только,

что есть «кризис руководства». Когда-то великолепным вождем был Мензбир. Потом эта роль перешла к Сушкину. Потом к Дементьеву. Теперь нужен кто-то новый».

В этом же письме Игорь Александрович очень метко и квалифицировано обсуждает достоинства и недостатки новых книг, вышедших в 1964-1965 годах. Он внимательно следил за всем происходящим в науке. Это книга Флинта, Чугунова и Смиринина, о которой он пишет, что авторы, безусловно, сделали доброе дело, но ругает качество рисунков. Очень подробно разбирает новое издание определителя млекопитающих Бобринского, Кузнецова и Кузякина, тепло отзываясь и о недавно вышедшей моей книге «Закономерности вертикального распространения млекопитающих» (М., Наука, 1964).

Далее И.А. снова возвращается к рассмотренным книгам и отмечает, что: «И у Флинта и Кузякина самым большим недостатком можно считать полное пренебрежение к понятию вида. Но если Флинт ни на что не претендует и прямо указывает, что систематика им принята по каким-то источникам (они, источники, указаны), то Кузякин, напротив, выступает с программными речами; в практике, в определителе, со всеми этими программными установками хорошего выходит мало. Систематика ведь все-таки наука и вопросы ее нельзя решать «по впечатлению». Сурки все свалены в кучу, неразбериха в сусликах, и без того достаточная, достигает здесь апогея ... Я-то еще может быть как-нибудь разберусь, а что будет делать какой-нибудь преподаватель Ошского пединститута, средней школы в Ачинском аймаке или краевед-любитель где-нибудь на Амуре? Ведь так можно отпугнуть хороших, полезных людей».

Этот краткий перечень выписок из писем Игоря Александровича убеждает нас, каким ярким, незаурядным и оригинальным человеком он был. Вся жизнь его была поклонение красоте, природе, служению науке. Поражала широта его интересов, энтузиазм, оптимизм. И в то же время это был тонкий человек, очень чувствующий книги и стихи. Яркая звездочка жизни Игоря Александровича осветила алма-атинский горизонт и так рано безвременно угасла. Но память о нем остается в его трудах, в сердцах его друзей и учеников.

Р.П. Зимина,

Москва, 30 декабря 1988 г.

О встречах с Игорем Александровичем Долгушиным

С Игорем Александровичем Долгушиным мы познакомились еще в студенческие времена, в конце двадцатых годов, когда я учился на последних курсах Биологического отделения Физико-Математического факультета I-го Московского Государственного Университета (ныне имени М.В. Ломоносова).

Уже тогда (у нас студентов) сложились очень хорошие, дружеские отношения. Игорь Долгушин был прекрасным человеком и исключительно чутким товарищем. К этим замечательным качествам добавлялись: отличная наблюдательность натуралиста, незаурядная работоспособность и необычная память. Все это послужило основанием к выработке и накоплению знаний в области орнитологии и экологии птиц, что в дальнейшем привело И.А. Долгушина в ряды крупных, эрудированных специалистов – способных создавать не только настоящую науку, но и быть отличным ее руководителем и организатором. Этому, несомненно, способствовали и наши учителя, представлявшие тогда цвет Советской биологической науки. Среди них были: два академика А.Н. Северцов и М.А. Мензбир; профессора Н.К. Кольцов, С.И. Огнев, Б.С. Матвеев, Г.П. Дементьев, А.Н. Формозов, Н.А. Бобринский, В.Г. Гептнер и некоторые другие.

Начиная с весны 1930 г. жизнь разбросала нас по различным районам страны: И.А. работал в основном в Казахской ССР; а я – в Арктике, на Севере, на Дальнем Востоке и в Прибалтике, хотя, изредка, мы все же встречались: то в Москве, то в Ленинграде.

Однако, в конце сороковых и в начале пятидесятых годов судьба снова свела нас вместе в докторантуре Зоологического института АН СССР. К сожалению, в эти годы я находился в Ленинграде зимой, а летом на Баренцовом море, а И.А. почти все время пребывал в Казахстане и в Ленинграде появлялся очень редко, только в периоды его кратковременных командировок...

В памяти сохранились воспоминания лишь о двух встречах.

Первая встреча была в ноябре 1954 г., когда И.А. присутствовал на Ученом Совете Зоологического института АН СССР, где проходила защита моей докторской диссертации, и он поддержал правильность, высказанных мною экологических выводов по морским колониальным птицам Баренцова моря.

Вторая встреча происходила в середине шестидесятых годов. Речь зашла о массовом кольцевании птиц, и я предложил И.А. приехать на Куршскую косу для ознакомления на Биологической станции ЗИН АН СССР (где в то время я был директором) с большими стационарными «рыбачинскими» ловушками, установленными нами на этой косе еще в 1957 г. (с помощью этих ловушек за 25 лет к 1982 году здесь было отловлено и окольцовано один миллион птиц!). И.А. обещал, что, если ему самому не удастся выбраться, то он обязательно пришлет к нам своего сотрудника, которому поручит сделать подробное описание и снять точные планы этих ловушек.

Сам И.А. не смог к нам приехать, но свое обещание он выполнил полностью, т.к. в том же году осенью он прислал своего сотрудника [это был И.А. Бородихин – АК], который в точности исполнил указания И.А. В результате в 1966 г., еще при жизни И.А., на западных склонах Тянь-Шаня была установлена огромная стационарная ловушка – типа «Рыбачинской». Это резко увеличило и число окольцованных птиц. Так с 1966 по 1978 гг. было окольцовано 609,3 тысячи птиц или 93,0% от общего количества окольцованных в Казахстане, начиная с 1926 по 1978 гг., т.е. от 655,5 тысяч птиц (Э.И. Гаврилов. Сезонные миграции птиц на территории Казахстана. Алма-Ата, 1979. 257с.).

Светлую и добрую память о себе оставил Игорь Александрович Долгушин. Его активная и энергичная деятельность ученого, чуткого и отзывчивого Человека всегда будут служить ярким примером его друзьям, сверстникам и молодежи!

Л.О. Белопольский,
Ленинград, 23 ноября 1988

На заре кольцевания птиц в Казахстане*

О научной деятельности Игоря Александровича сказано и написано исчерпывающе подробно. А я хотел бы поделиться с вами воспоминаниями о его юности. Дело в том, что он был на 12 лет моложе меня и поэтому, когда я вел исследования в Барабинской степи летом 1929 года, он был тогда практикантом, студентом Томского университета у меня в экспедиции. Еще в 1924 году чисто случайно я получил небольшое количество колец от Дергунова Николая Ивановича, незадолго до его смерти. И он мне советовал заняться кольцеванием птиц. Ну и вот, когда мы с Игорем Александровичем остановились в одном из селений Барабинского округа, там наткнулись на удивительный способ истребления уток в массовых масштабах.

Оказалось, что местные люди взяли за правило, начиная еще с царского времени, устраивать загоны на линных уток с целью использования их на мясо.

У нас с Игорем Александровичем сразу возникла идея: использовать одну из этих артелей для того, чтобы они отловили нам уток для кольцевания. Правда, это не входило в задачи нашей экспедиции: мы должны были изучать сусликов и разрабатывать меры борьбы с ними (потом за это мне лично попало!), но, во всяком случае, мы очень успешно использовали одну из этих артелей.

Делалось это так. На лошадях завозились лодки, на берегу останавливалась вся артель. Затем так называемый «башлык» - наиболее опытный из этих охотников – на лодке один осторожно объезжал это озеро и слушал, где в тростниках находится дневное скопление линных уток (ночью они расплывались по озеру более равномерно). Ну, утки далеко давали о себе знать, они птицы говорливые. Когда это место было установлено, мы забродили в воду примерно по пояс (озера там все мелкие) и устанавливали эти сети, или как их называли, «гоны». Где-то в тростнике устанавливался полукруг, т.н. «пригон», а от него – открылки на озеро и на берег. Потом загонщики берегом заходили за этот «гон» и гнали. За один гон удавалось загнать в сети до 500-600 уток.

А дальше происходило следующее: 2-3 человека заходили туда, внутрь сетей, хватали уток и, как они говорили, «закусывали» их, т.е. зубами перекусывали шею и череп и утка погибала. Это изображено на прилагаемой фотографии.

Вообще в год, по очень неполным данным, около 100 тысяч уток погибало в Барабинской степи от этого хищнического промысла. Обычно отлов длился около недели, причем каждую ночь в деревню отправляли полную телегу уток, которых перед отправкой обычно раскладывали на траве для просушки (все это видно на прилагаемых фотографиях).

Когда мы с Игорем Александровичем наняли такую артель, был холодный ненастный день и вот я, как сейчас, помню: Игорь Александрович стоял по пояс в воде и записывал номера кольцуемых уток. А было холодно, и он стоял и дрожал. И вот (иногда запоминаются такие детали!) он стоит, дрожит, и от него по воде идет рябь...

В такой обстановке мы работали целый день, закольцевали несколько сотен уток, а для того времени это была просто сенсация – такого количества уток еще никто у нас не кольцевал и вообще это было дело новое. Вот на одной из приложенных фотографий Игорь Александрович в окружении артельщиков – браконьеров, а на второй – переезд...

Потом, уже в Алма-Ата, мы тоже с ним встретились. И тут произошел один интересный эпизод. Мы в то время с ним в КазГУ вели небольшие доцентские курсы: я читал акклиматизацию, он – орнитологию. И вот среди зимы, значит, там был какой-то интересный съезд в Москве, мы отпросились с ним на 10 дней. Приехали в Москву, прошли эти 10 дней и вот такая деталь, которая характеризует те годы. Игорю Александровичу нужно было купить костюм – обыкновенный костюм, которые висят сейчас в магазинах. А тогда такой костюм можно было купить только на барахолке. А барахолка там, в Москве, была в воскресенье. Ну, он меня уговорил, мы остались (мне тоже что-то надо было), купили ему костюм слегка коричневого цвета. Еще зачем-то задержались и, в конце концов, дней на 10 опоздали сюда. Приезжаем, а в университете висит объявление: доценты такие-то уволены за прогул. Вот тебе на! Ну, Игорь Александрович, вы знаете, какой он был беспечный: «А, ладно» - и все! Мне нельзя было так поступить. Тогда я вспомнил, что в Москве я температурил и в поликлинике для писателей брал рецепт на лекарство, в котором врач очень четко расписалась. И вот когда меня выгнали, я написал этой женщине-врачу в Москву письмо. Она была настолько любезна, что прислала мне бюллетень, который я показал в университете, и меня восстановили на работе.

Ну, потом, Игорь Александрович всегда страшно меня корил за то, что вот я занялся литературной работой. Просто, как говорится, поедом ел меня на эту тему...

Что еще вспомнить? Вот он принимал большое участие в организации Бартагойского хозяйства, бывал там. Там разводили форель, но это было уже за несколько лет до того, как он заболел. Здесь уже наши дороги разошлись. А сейчас я просто вспомнил о тех его юных днях, когда мы кольцевали уток, и жизнь, казалось, только начиналась.

М.Д. Зверев,
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Человек с большой буквы*

Знакомство мое с Игорем Александровичем распадается на два периода. Первый – заочный, когда я поступил в Томский университет. Игорь Александрович уже там не был, он уже перевелся в Ленинград. Но свежа была память об орнитологическом обществе, об Урагусе и о тех, кто это создавал. Второй этап – очный – начался в 1946 году. Появился стройный, подтянутый офицер с орденами Красной звезды и Александра Невского, нашивками за ранения. Он вернулся в институт и сразу же окунулся в его жизнь. Между прочим, очень интересно отметить, что в отличие от многих других Игорь Александрович был очень общителен. Он в первые же дни со всеми новыми сотрудниками, которые появились в институте после его отъезда на фронт, познакомился, нашел общий язык, и после этого начались и научные, и трудовые, и общественные разговоры. Что поражало в нем – так это страстная любовь к жизни, к ее многообразию.

Как-то незаметно и моментально (времена такие тогда были, да и мы были помоложе) у нас появилась такая общность интересов, дружба. Длительное время мы с ним проводили вместе на разных нивах – общественной и научной. Его интересы не ограничивались только областью науки орнитологии. Он интересовался и другими вопросами зоологической науки, а также такими науками, как ботаника, почвоведение, география, о которых он много и красочно мог рассказывать в любое время дня.

С Игорем Александровичем у нас было несколько запоминающихся приятных встреч в экспедициях, причем некоторые довольно-таки оригинальные. После войны все мы, отправляясь в экспедиции, надевали на себя самые-самые, казалось бы, неприличные, изорванные одежды, которые у нас сохранились еще с довоенных времен. И вот в этом «обмундировании» мы проводили полевые исследования, ездили по пустыням и так далее. Игорь Александрович любил в это время отращивать бороду, усы и, когда он надевал свою рваную шапку, ватник и брюки, то прямо сказать – назвать его ученым с мировым именем было весьма трудно.

И вот в Центральном Казахстане был однажды случай. Недалеко от озера Коржынкуль, где остановилась наша экспедиция, находился Карлаг, где большое количество людей находилось под ведомственной охраной. И однажды, проходя близ этого лагеря, Игорь Александрович был задержан чересчур бдительным стражем. На вопрос «Вы кто?» Игорь Александрович ответил, что он ученый, зоолог. В ответ стражник посмотрел очень подозрительно и заявил, как сейчас говорят, - «пройдемте». Отправились они прямо в лагерь и, увидев там офицера, Игорь Александрович достал удостоверение лауреата Сталинской премии (это было как раз вскоре после вручения ему этой премии). Достав также партийный билет, Игорь Александрович предъявил большие претензии к начальнику: «Что у вас за люди? Чем они думают? Соображают ли

и слушают ли людей, которые отвечают на их вопросы?». Увидев эти документы, начальник страшно перепугался, расстроился и стал говорить, что это ошибка, что этот человек раньше никогда не допускал подобной бестактности, и просил его простить. Ну, Игорь Александрович зла не держал, простил его, а вечером у костра за вечерним чаем с юмором рассказал нам об этой встрече с бдительными стражами порядка.

Игорь Александрович был чрезвычайно разносторонним человеком, и его интерес к литературе был очень большой. Он говорил, что измеряет свою библиотеку не количеством книг, а метрами. «У меня столько-то погонных метров книг» любил говорить он. Но это не те метры, которые и сейчас у некоторых украшают серванты и шкафы, и которые зачастую не читаются вообще. Свои книги он читал и на многих из них оставлял свои комментарии. В этом легко можно убедиться по тем книгам, которые поступили в библиотеку института зоологии из его личной библиотеки.

И в первые годы после войны, когда издательская деятельность была еще слаба, он с большим пристрастием просматривал все каталоги, которые издавались в центре и в других республиках, и выбирал наиболее важные и интересные книги, касающиеся истории, культуры, а также художественную литературу. Все это ему было интересно, и он это выписывал. Многих людей в то время он заразил этой страстью, и для многих из нас под влиянием Игоря Александровича приобретение хороших книг стало самой первой необходимостью.

Игорь Александрович был очень душевный человек, и когда мы собирались в компании, он любил песни – русские народные, революционные. И его голос всегда выделялся в общем хоре своим нежным теплым тоном и всегда мы его с огромным вниманием слушали, а то и помогали ему петь.

Он был большой жизнелюб. Занимался спортом. С первых же дней появления в институте он снова начал играть в волейбол. Он рассказывал, что в Чехословакии, где закончил войну, они первое, что организовали – это футбольный матч между чешской командой и представителями Советской Армии. Правда, говорит, всыпали нам эти чехи, но мы бились с ними на этом футбольном поле, не щадя своих сил. И здесь, в Институте, с первых же дней была организована волейбольная команда (где-то есть фотография), участвовали в ней Долгушин, Корелов, я, Костин. Страшно он любил шахматы, футбол. По-сути ни одно серьезное соревнование в нашем городе не обходилось без его участия, к которому он привлекал и других людей.

Он жил среди людей, он не представлял себя без людей. Игорь Александрович был очень добрым человеком, несмотря на то, что нависшие брови делали его на вид суровым. Это был добрейший человек. Но не добренький! Никогда он никому не прощал, если человек заблуждался в чем-то и пытался свое заблуждение отстаивать. Он требовал, чтобы, если высказывается какое-то новое мнение, чтобы оно было подтверждено всем научным материалом. И вот то, что сказал Анатолий Федорович об установлении фауны степей как зоогеографической подобласти, в дальнейшем подтвердилось работами териологов, в частности, работами Валента Викториновича Кучерука, который блестяще доказал на представителях грызунов, что это действительно своеобразный ландшафт, что в нем происходило формирование многих групп фауны и что оно имеет свое продолжение и развитие. Взаимоотношения фаун лесостепи, степи и пустыни блестяще показаны Игорем Александровичем на птицах.

И вот когда настала его тяжелая болезнь (он о ней давно знал), будучи на международном конгрессе биологов-охотоведов, он некоторым по секрету говорил, что это одна из последних его поездок за рубеж. На второй конгресс в Югославии он поехал уже со значительными признаками грозного заболевания, которое и свело его в могилу. Когда ему сделали операцию, то буквально через три недели после этой сложнейшей операции на желудке он появился в институте, еще не закрыв бюллетень, и стал играть в

волейбол. Тут все стали на него буквально кричать; «Как же можно после такой операции?». Игорь Александрович отвечал: «Ну, раз я люблю волейбол? Я не могу без движения, не могу без людей, без окружающих меня товарищей». И вот так эти слова Игоря Александровича запомнились мне навсегда. И даже в последние часы, когда он уже точно знал, что осталось ему жить немного, и то он не говорил, ни о самой болезни, ни о тех страшных болях, которые переносил, а все расспрашивал о людях, о делах. Так он укреплял свою волю и в то же время показывал нам, как надо переносить эти страдания.

Такой это был великий, хороший, с большой буквы Человек, память о котором должны мы сохранить. И крайне желательно, чтобы работающие сейчас в институте молодые люди, которые не знают его, получили представление о нем как об ученом, который создал в ряде случаев славу нашего института. Ведь одна эта работа «Птицы Казахстана» является выдающимся произведением орнитологической литературы в Советском Союзе. Игорь Александрович вложил в нее всю свою жизнь.

Вот такие краткие воспоминания об этом изумительном человеке, человеке с большой буквы, остались в памяти многих из нас и разрешите пожелать всем вам брать пример в науке с таких людей, как Игорь Александрович Долгушин.

Е.И. Страутман
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Не только орнитолог*

Ученый очень широкого кругозора, Игорь Александрович Долгушин был не только орнитологом. Я могу прямо сказать, что его работа над сводкой «Птицы Казахстана» оказала глубокое влияние на подготавливаемую сейчас сводку «Рыбы Казахстана». Его идеи положены в основу этой сводки. Но я хотел бы здесь поделиться небольшими воспоминаниями о минутах отдыха Игоря Александровича, потому что мне чаще приходилось сталкиваться с ним именно в этой обстановке.

Последние 10-12 лет мы с ним ежегодно встречались практически в этот весенний день. Я приходил в лабораторию орнитологии, и он говорил: «О, Валерка пришел – весна, что ли, началась?» Точно так и было: раз пришел Валерка, значит, пора ехать на охоту. Ну и ездили мы большими компаниями (сейчас это вряд ли возможно), совмещалась наука с отдыхом. Здесь был и элемент соревнования, но все было и азартно и в то же время...

Собирались люди совершенно разного возраста. И никогда не чувствовалось, что Игорь Александрович – это так сказать мэтр науки рядом с нами, подготовишками. Маленький штрих. Подъезжаем мы на машине к довольно глубокой луже – так, в общем, только в сапогах перейти. Ну, Игорь Александрович – единственный в сапогах, а такие весомые товарищи, килограмм под 80, без сапог. И он троих переносит на своей спине через этот в общем порядочный, метров 15, плес. Потом переезжает машина. И вот один, сидя у него на спине, в середине вот этой самой лужи, орет во всю глотку: «Я всем рассказывать буду, как я на профессоре Долгушине верхом ездил!». Я бы на месте Долгушина его тут же сбросил бы в воду – пусть бы он там покупался. Нет, Игорь Александрович его спокойно перенес, опустил на землю и говорит: «Ну, подожди, я на тебе тоже покатаюсь!». И все на том.

Он был постоянным победителем нашего весеннего отдыха по такому показателю как разнообразие добытой дичи. Другие выходили вперед по общему числу добытых птиц, но по видовому набору Игорь Александрович всегда был недосыгаем. Конечно, это

ему надо было делать по работе. Тем более, что за количеством он никогда особенно не гнался, но ему надо было увидеть, найти то видовое разнообразие, которое наблюдалось в данном месте – ну, например, на Чарынских разливах.

Когда не было охоты, мы стали встречаться значительно чаще за шахматной доской. Здесь у нас был очень долгий и принципиальный спор. Это всегда были очень интересные партии. О них я и сейчас с удовольствием вспоминаю. Потому что Игорь Александрович любил играть, как говорят шахматисты, со звоном: не потихонечку, академически, двигать фигуры, а уж если партия идет, то тут образуется два лагеря. И тут уж, проиграв или выиграв, но всегда в бодром настроении: ну, подожди, в следующий раз будет!..

И вот в заключение я хочу сказать только одно: счастлив я, что знал Игоря Александровича, и это чувство я сохраню навсегда.

В.П. Митрофанов
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Удивительный педагог и фронтовик*

Об Игоре Александровиче Долгушине можно очень много говорить. Все встречи с ним незабываемы. Это был, действительно, просто удивительный человек. Вот, помню, я вернулся с фронта, закончил заочно институт (до этого у меня был учительский, а потом я закончил педагогический здесь, в Алма-Ате) и вот преподавательница А.К. Крень на экзамене по зоологии посоветовала мне обратиться к Долгушину за советом о том, как можно приобщиться к научной работе. Ну, вот я прихожу к нему, я – учитель, завуч школы, у меня предельно загружено все время. Но я страстный охотник и мне хотелось работать по уткам. Он меня принял в институте, мы поговорили.

Любой другой, я думаю, отказался бы от руководства моей работой (действительно – предельная нагрузка на работе, в экспедиции выезжать не могу, только во время отпуска), но Игорь Александрович посоветовал мне поступить в заочную аспирантуру, дал список литературы для знакомства с предметом. Я несколько раз так с ним встречался, причем уже не в институте, а дома, в этом маленьком домике на улице Красина и Шевченко. Когда бы к нему ни пришел, он в любое время находил возможность поговорить с человеком, который только вот еще только пытается размышлять о научной работе.

И вот когда я поступил к нему в аспирантуру (он дал согласие быть руководителем), Игорь Александрович очень много внимания уделял тому, чтобы изыскать мне возможность для проведения полевых работ, учитывая мою школьную занятость. Очень большой интерес представляло тогда озеро Кургальджин. Мы с ним очень много сидели над методикой исследования, подробно был составлен план работы. Но, как оказалось, не все мы предусмотрели в самых первых набросках методики, что показали первые же сборы. Игорь Александрович решительно изменил методику в соответствии с первыми сборами, и это оказалось совершенно правильным.

И когда я возвращался из поездки, он очень внимательно смотрел мои дневники, и если только не хватало материала (он ведь тоже в тех местах работал), он представлял в мое распоряжение свои материалы. В общем, на каждом шагу я чувствовал его огромную поддержку и внимание. И когда я приступил к написанию диссертации, он очень коротко. Но предельно ясно посоветовал, как писать. Он говорил так: «Вот Вы пишете, излагаете факты. Так Вы старайтесь делать так, чтобы читающий, еще не зная

ваших выводов, пришел к тому же самому суждению». И это помогло мне сразу же оказаться на верном пути. И вот то, что было мною написано, первый вариант диссертации, Игорь Александрович буквально на каждой странице текста своим мелким убористым почерком карандашом писал свои замечания – и это мне помогло очень быстро довести текст диссертации до кондиции.

Он был большим человеком. И в то же время этого не чувствовалось в разговоре, когда с ним обсуждаешь какие-то вопросы: он с тобой разговаривает, как с товарищем. И вот это, вы знаете, так подкупало, и такая всегда была благодарность по отношению к нему, что трудно это даже выразить словами. Я, конечно, очень волнуюсь, потому что Игорь Александрович сыграл в моей жизни очень большую роль.

Его простота и доброта в каждом случае проявлялись предельно ясно. И вот мне вспоминаются такие случаи. Обычно я 23 февраля приходил в Институт зоологии и видел здесь Игоря Александровича в военной форме с нашивками о ранениях и с орденами. Вот чувствовалось, что эти 4 года, проведенные на фронте, очень волнуют его и навсегда остались в его памяти. Ну, мы, фронтовики, всегда понимаем друг друга. И было очень трогательно видеть, как относился к этому Игорь Александрович: в гимнастерке и сапогах на 23 февраля и 9 мая он был уже нашим фронтовым товарищем.

Для нас Игорь Александрович навсегда останется примером, но очень бы хотелось, чтобы и молодежь его знала и могла следовать примеру этого необыкновенного человека.

Б.В. Муханов
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Памяти Игоря Александровича Долгушина

Во время всесоюзных орнитологических конференций, а я участник всех таковых, в президиуме, среди различных групп коллег – орнитологов, можно было наблюдать за энергичным, высоким, сухопарым человеком – с густыми бровями и откинутыми назад волосами. Держался он всегда скромно, но докладывал решительно и свою точку зрения отстаивал бескомпромиссно. Моя грузинская коллега Любовь Михайловна Чинчаладзе познакомила меня с этим человеком: им оказался профессор Игорь Александрович Долгушин. После этого мы мило раскланивались с ним, иногда перебрасывались мнением о том или ином докладе... Как то раз Игорь Александрович довольно долго беседовал со мной относительно изучения птиц Кавказа. Но вот, IV всесоюзная орнитологическая конференция проводилась 1-7 сентября 1965 года в Алма-Ате. Я, среди других коллег, также получил приглашение, и наша маленькая грузинская делегация 30 не то 31 августа вылетела в Алма-Ату. Прилетели мы очень рано и, получив наш немногочисленный багаж, решили подождать в аэропорту до рассвета. Внезапно ко мне подошел кто-то и тронул за руку. Я оглянулся: это был Игорь Александрович, который, несмотря на рань, приехал в аэропорт встретить прилетевших «из-за тридцати земель» грузинских коллег... Мы были очень тронуты, а он извинился и попросил подождать еще пару минут: вскоре должны были прилететь коллеги из соседней республики. Мы в компании с Игорем Александровичем, уже радостные и оживленные, сидели на скамейке и делились новостями. Наконец прилетел один из коллег и Игорь Александрович, до того как устроить нас в гостиницу, повез нас всех к себе домой. Дома никого не оказалось. Мы сидели и говорили, говорили и оглядывались: помню всех нас поразила та скромность жилья известного ученого (к его личной скромности и человеческому обаянию мы уже привыкли!), в котором мы

находились, и подумалось: как все-таки мы все мало знаем друг друга и как порой неуютны такие крупные ученые (вспомнился Константин Алексеевич Юдин – почти всю жизнь ютившийся в подвале, другие коллеги ...).

А потом Игорь Александрович повел всех нас отведать знаменитого плова, велел принести плов нескольких сортов. За завтраком мы обратили внимание на то, что Игорь Александрович очень мало ест, а коллега Гоглашвили Георгий Соломонович даже пошутил насчет отсутствия аппетита. Никогда не забыть мне, как как-то уж слишком просто Игорь Александрович объявил нам: «Так у меня же осталась треть желудка, рак вырезали»... Нам всем стало не по себе, аппетит пропал, да и настроение испортилось, а Игорь Александрович как ни в чем не бывало, продолжал шутить, рассказывать интересные истории и всячески нас развлекать! Когда я, сидевший с ним рядом, как-то пробормотал сквозь зубы: как же это, Игорь Александрович?! Он сразу же ответил: пока живется – надо жить, добавил как-то задумчиво: а успеть надо многое...

Успел он многое: издал монографию «Птицы Казахстана», которая ничем по качеству не уступала знаменитой «Птицы Советского Союза», сплотил ряды казахских орнитологов, многое сделал для создания превосходной орнитологической коллекции, многое сделал для общесоюзной орнитологии, да и в таких «желторотых» как я тогда – оставил чувство большой доброты, искреннего уважения и удивления, да, удивления его скромности, мужеству, большим познаниям...

До V конференции Игорь Александрович не дожил... Все, кто знал и общался с этим необычайно скромным, мужественным человеком, крупным знатоком своего дела, своей науки – никогда его не забудет!

Р.Г. Жордания,
Тбилиси, Август 1988 г.

Воспоминания несостоявшегося орнитолога*

Несомненно, Игорь Александрович оставил удивительный след после себя. Это человек необыкновенный. Таких людей встречаешь на своей жизни мало. Мне довелось с ним дважды быть в экспедиции. И не только работать в институте, когда он был зам. директора и заведующим лабораторией, но и самое замечательное – что я ездила с ним дважды. Первый раз в 1955 году на Зайсан. В то время Игорь Александрович или защитил докторскую, или вот-вот должен был защищать – я уже и не помню. Ездили: Параскив, я, Игорь Александрович (начальник отряда) и еще был молодой парнишка Белослюдов, сын того Белослюдова, который занимался селевинией. Шофер был ничем не примечательный – разве что тем, что он совершенно не знал машины. Для того, чтобы поехать, он влезал в окно, потом мы закручивались изнутри и дальше двигались. И если кто из нас и был счастлив, то это Долгушин. Ехали мы на старой полуторке по северной стороне Зайсана, где не было ничего, даже поселков никаких.

Трудности были, очень много было трудностей. И одеты были плохо. А Игорь Александрович никогда не смотрел, как он был одет. Он одевался очень просто в экспедиции и поэтому нередко представлял собой странное по нашим временам явление: в каких-то белых тапочках, в белых брюках. Но и мы не отставали – ходили еле-еле прикрытые чем-то. Как начальник отряда он был внимательным человеком.

Я ехала с целью подучиться по птицам, но я оказалась настолько бестолковой в птицах, что это доставляло просто радость Игорю Александровичу. Дело в том, что он со своим орлиным взором просто потешался, когда я не успевала вообще рассмотреть птицу, которую он на лету мог определить до подвида. Но когда мы с ним копались в складах литературы, в старинных изданиях, затрагивали предшественников Диккенса, то

тут я уже могла с ним говорить если не наравне, то почти на равных... Находили какие-то истории религии и о чем только не говорили...

Я просто не понимала эту орнитологию. И мне было трудно понять его идеи про какого-то кулика, который населял когда-то берега древнего моря, а потом, после исчезновения самого моря, остался на этой сухопутной территории до наших дней. Я думаю, что орнитологи понимают, о чем речь. Но до меня так и не дошло.

Были очень любопытные моменты в этой поездке. Костя Параскив очень заботился об Игоре Александровиче. Тогда с желудком у него было плохо – его надо было постоянно кормить. Тут мы уж, конечно, прикладывали все усилия. И он нам за это был благодарен. Как я уже сказала, с орнитологией у меня ничего не получалось. Но то, что Игорь Александрович проявлял интерес к паразитологическим исследованиям, это совершенно несомненно. И когда мы приехали потом, Игорь Александрович остался этой поездкой, в общем, доволен. Были смешные моменты, были очень интересные. Ведь только в экспедициях человек может открыться в полной мере. Можно проработать 20 лет, и даже 30 лет в Институте, но не узнать человека так, как проехав с ним полтора месяца в экспедиции.

Вот, например, такие вещи. Когда Игорь Александрович в Ленинграде защищал свою кандидатскую диссертацию, он защищался с таким блеском, что ему подарили бинокль великого путешественника П.К. Козлова. Но когда началась война, Игорь Александрович этот бинокль сдал. А еще он рассказывал, что когда они освободили Прагу, то первое, что он сделал в этом практически разрушенном городе – разыскал Пражский университет. И там столкнулся с молодым человеком, который нес лоток, на котором были птицы – он их должен был определить. Это такая удача была для Игоря Александровича! Он определил этих птиц и своим каллиграфическим почерком написал все названия – до подvida, чем очень удивил собравшихся здесь молодых людей. Игорь Александрович был в старой шинели – а что такое в устах Игоря Александровича «старая» шинель, я представляю очень даже хорошо! Так вот он не только определил и написал, он прочитал им лекцию о развитии орнитологии в Советском Союзе. Я не знаю, был ли он потом связан с этими людьми, но я думаю, что это было очень интересно. Еще гремели залпы, еще шла война...

Если бы вы видели, как он радовался поискам новой книги, когда мы отыскивали в каких-нибудь кладовых или завалах Бунина старое издание или в букинистических магазинах покупали, ну вы знаете – он просто расцветал!. Это было его хобби.

Как человек он, конечно, был удивительный. И жизнелюбивый. Был такой момент, когда мы явились в Май-Капчагай. Но мы были такие ободранные, что нас постовой не пропустил. И тогда Игорь Александрович отрапортовал, кто он такой, и его пропустили немедленно.

А вот еще один случай остался в моей памяти. Мы приехали на Зайсан. И вы знаете, там оказался его товарищ с той самой батареи, с которой он прошел всю войну! И вот они всю ночь разговаривали, а я всю ночь слушала. То, о чем они говорили, он, может быть, и рассказывал кому-нибудь, но так, как они говорили между собой, – это было неповторимо!.. Оказывается, он был участником ряда таких ситуаций на фронте, которые вспоминаются только иногда. Вот, например, они вспоминали, как он получил орден Александра Невского. А сколько было еще других событий, за которые он не получал никаких орденов!..

Поэтому мне кажется, что Игорь Александрович навсегда будет в нашей памяти, если мы не будем думать о том, что он умер, а знать, что он был с нами. А вот если говорить словами Толстого Льва Николаевича, которого, между прочим, Долгушин очень хорошо знал и высоко ценил, то у него есть такие слова: «Люди очень похожи на арифметические дроби. У них в знаменателе – то, что человек сам о себе думает, а в

числитель – то, что он из себя представляет». Так вот, у И.А. Долгушина числитель был колоссальных размеров по сравнению со знаменателем.

Г.В. Ушакова (Кошечкина)
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Незабываемые встречи с Игорем Александровичем

Впервые я встретила с Игорем Александровичем еще в далеком 1957 году на первой зоогеографической конференции в г. Львове. Может быть потому, что это была одна из первых конференций, в которой я принимала участие или потому, что все мы были молодыми и жизнерадостными, а организация заседаний и экскурсий, которые проходили по наиболее интересным и живописным местам Закарпатья и Прикарпатья заслуживала самой высокой похвалы, но в памяти сохранилось все очень живо и ярко.

Я впервые увидела и познакомилась со многими выдающимися учеными нашей страны во главе с Георгием Петровичем Дементьевым. Большинство из них оказались удивительно простыми и доброжелательными людьми. Великолепный организаторский талант Ф.И. Страутмана проявился во Львове в полном блеске. Заседания проходили четко, выступления были краткими и информативными. «Климат» дискуссии был отличный. Некоторые регионы оказались хорошо представленными. Из Казахстана приехало несколько человек. Лидером «могучей Казахской кучки», в которую входили М.Н. Корелов, Е.И. Страутман, и другие, был И.А. Долгушин, хотя он держался скромно и не отличался разговорчивостью.

Мне очень повезло. В мир «великих» меня, вчерашнюю студентку, сразу же ввела Ангелина Михайловна Судилова, приехавшая во Львов вместе со мной из Черноморского заповедника, где она находилась в командировке. При первом знакомстве с Игорем Александровичем, которого А.М. Судилова назвала ведущим орнитологом Казахстана, меня поразили его большие черные глаза оставшиеся грустными даже тогда, когда он улыбался. Узнав, что я впервые попала в Карпаты и восхищена их красотой, он сказал: «... а у нас в Казахстане горы еще великолепнее. И природа почти не тронутая человеком, совсем дикая, особенно в Заилийском Алатау».

Мне понравился его доклад «Орнитогеографическое районирование Казахстана». По нему проходили оживленные прения. И.А. Долгушин подчеркивал резкую разницу в фауне лесостепи и степи, считая понятие «провинция лесостепи и степи» малообоснованным, не все присутствующие с этим согласились. Он умел тактично отстаивать свое мнение, но внимательно выслушивал и оппонентов. Помню, как Игорь Александрович аргументировал определением «гнездящаяся птица». Только нахождение гнезда или добыча самки с яйцом готовым к откладке подтверждают факт гнездования, - говорил он.

Во время экскурсий по Карпатам мы попали с Игорем Александровичем в одну машину. Он живо интересовался не только птицами, но всеми представителями животного мира неизвестного ему региона, включая земноводных, которых отлавливал на стоянках А.Г. Банников.

Игорь Александрович не принимал участия в шумных забавах Е.И. Страутмана, не сыпал анекдотами, но был внимательным и эрудированным собеседником. На банкете он произнес очень хороший тост в честь женщин – орнитологов. И позже, где бы мы с ним не встречались, он всегда тепло и тактично говорил о женщинах, не позволяя себе никаких вольностей. Игорь Александрович был настоящим мужчиной.

В течение многих лет он оставался таким же, как и при первом знакомстве. С признательностью вспоминал своих учителей, особенно А.Я. Тугаринова, горевал об безвременно погибшем на войне Л.М. Шульпине, которого я хорошо знала по рассказам А.С. Мальчевского – зав. кафедрой зоологии позвоночных Ленинградского университета. Вообще со многими Ленинградскими орнитологами И.А. Долгушина связывала настоящая дружба, особенно с К.А. Юдиным.

Очень трогало меня всегда его заботливое отношение к молодежи и вообще к коллегам. Я получила от него отзыв на автореферат диссертации как раз в день защиты. Кроме официальной бумаги Игорь Александрович прислал мне теплое и шутивное поздравление, которое помогло мне снять нервное напряжение и здорово подняло настроение. Как это помогло мне! Как я была благодарна Игорю Александровичу!..

Неутомимый исследователь, прекрасно знающий птиц Казахстана, в дикую красоту природы которого был влюблен всю жизнь, стал автором сводки «Птицы Казахстана». Первый том вышел в 1960 году. Я получила его в подарок от автора и очень горжусь этим.

Неумолимая смерть слишком рано вырвала его из наших рядов, но светлая память об Игоре Александровиче – замечательном человеке – навсегда останется с нами.

Т.Б. Ардамацкая,
Украина, 24 июля 1988 г.

Наставник молодежи*

Подумать только – прошло уже 17 лет, как нет Игоря Александровича с нами! Казалось бы, только-только он был среди нас. И мне, вспоминая его, хочется особо подчеркнуть ту роль, которую он играл (теперь принято так говорить) как наставник молодежи. Как он любил молодежь, как молодежь к нему шла! Это просто удивительно! Я не знаю другого такого ученого в нашей среде, к которому были бы настолько распахнуты все сердца молодых. И молодых ученых, и аспирантов, и кандидатов наук. Это был просто необыкновенный человек в этом отношении, в этом я уверена.

Ну и затем мне хочется, раз уж тут все вспоминают разные случаи, мне хочется тоже вспомнить один случай, который будет характеризовать еще одну сторону широкого круга интересов Игоря Александровича. Вот говорили, какой он был великий ученый, какой он был товарищ по футболу, по волейболу, по шахматам, по охоте, как он понимал литературу, книги. А мне хочется рассказать, как он понимал, как знал и как любил архитектуру города Ленинграда. В этом я убедилась в 1953 году.

Тогда мы были молодые – я только что кончила аспирантуру, Антонина Федоровна Сидорова, (тогда еще, по-моему, Кириенко была) и Аня Шиленкова – они были аспирантами в Ленинграде, а Игорь Александрович тогда проходил там докторантуру. И, несмотря на свою большую занятость, как он увлеченно и много рассказывал нам про Ленинград. Водил нас, да не просто говорил, кто построил, когда построил, по чьему проекту поставлен этот мост или скульптура, он еще и в стихах это говорил. Он знал прекрасно Пушкина, Лермонтова, и ни одно высокое произведение литературы и искусства не проходило мимо него. Он и нас к этому приобщил. Пожалуй, если бы не он, мы бы и не знали ничего про Ленинград.

И, конечно же, он был большой заводила в нашей компании. Особенно он любил, по-моему, заводить Иллариона Григорьевича [Галузо - АК]. Я помню, как он раскрутил Иллариона Григорьевича на ресторан «Астория»! И мы там чествовали Иллариона

Григорьевича за какой-то орден – теперь уже и не помню. Вот так коротко хотелось вспомнить то самое яркое, что запомнилось с тех лет.

А.С. Малиновская
Алма-Ата, 3 марта 1983 г.

Воспоминания и размышления об Учителе

Как трудно, оказывается, написать о человеке, которого не только хорошо знал, но и любил и уважал беспредельно! Может, именно это беспредельное уважение и мешает, а высокая степень ответственности порождает безотчетный страх перед возможной ошибкой. Вот уже более 40 лет собираюсь я написать о своем Учителе, и откладывать дальше некуда – впереди его столетний юбилей, который надо отметить достойно, а все попытки начать свои воспоминания по-прежнему кажутся неуклюжими и никуда не годными, слова – бледными и невыразительными, неподходящими для данного случая...

Москва, 18 августа 1959 года. Здесь, в цитадели науки, в здании Московского университета имени М.В. Ломоносова, открылась Вторая Всесоюзная орнитологическая конференция – первый в моей жизни настоящий научный форум (кто мог предполагать, что мне посчастливится быть участником всех последующих – вплоть до 12-й, уже не всесоюзной, а орнитологов Северной Евразии, состоявшейся в 2006 году в Ставрополе!). Тогда, в августе 1959-го, это был первый шаг в науку для меня и двух моих друзей – Игоря Кривицкого и Юрия Шибалева – выпускников Харьковского университета, направляющихся на работу в заповедники: Кургальджинский и Аксу-Джабаглы в Казахстане, Судзухинский – на Дальнем Востоке. Чтобы попасть на эту конференцию «проездом» к местам нашей работы, мы в один день, 17 августа, выехали из Харькова...

В президиуме конференции, которую открывал старейший орнитолог Советского Союза А.Ф. Котс, – цвет советской орнитологической науки, известные нам по сводкам и определителям птиц профессора Г.П. Дементьев, Н.А. Гладков, Л.А. Портенко, А.И. Иванов, Ф.И. Страутман. И среди них – незнакомое сухощавое лицо с густыми кустистыми бровями и острыми, живыми глазами. Фамилия Долгушин, которую в ответ на мой вопрос назвал сосед, тоже ни о чем мне не говорила – вот такими дремучими невеждами были мы, новоиспеченные специалисты... И сейчас, спустя почти полвека, я не могу понять – как можно было, едучи на работу в Казахстан и считая себя уже почти орнитологом, не знать этой фамилии? Может, потому что первый том знаменитой сводки «Птицы Казахстана» выйдет в свет только через год, а из орнитологов, кроме классиков (Северцова, Мензбира, Сушкина, Бутурлина и Зарудного) мы знали фамилии только авторов определителей, выходивших в Москве и Ленинграде...

Во всяком случае, мой первый учитель, руководитель и курсовой и дипломной работ по орнитологии профессор Илья Борисович Волчанецкий, который иногда в экспедициях «баловал» нас всевозможными рассказами, где фигурировали В.В. Станчинский, И.И. Пузанов и даже Л.А. Портенко, тоже не упоминал о Долгушине. Словом, никакого знакомства в Москве не состоялось, тем более, что все дни конференции, кроме первого, мне пришлось провести в городской больнице на Соколиной горе...

Месяц спустя, в сентябре 1959 года, уже в «чине» старшего научного сотрудника заповедника Аксу-Джабаглы, я прибыл в Алма-Ату для утверждения своей первой научной темы в Академии наук и Главном управлении по заповедникам. Виктор Васильевич Шевченко, мой земляк по Харьковскому университету (закончил его на 20 лет раньше) и предшественник по заповеднику Аксу-Джабаглы, при первой же нашей встрече напутствовал меня, что, если я хочу заниматься птицами, то должен попасть

именно к Долгушину. Иначе есть возможность оказаться вдруг специалистом по мышам или каким-нибудь иным млекопитающим, как это случилось с другим аксуджабаглинским зоологом Реджинальдом Полосухиным, гельминтологом по образованию, который вот уже два года изучает питание медведя. Этот «подарок» сделал ему Аркадий Александрович Слудский, заведующий лабораторией млекопитающих, очень энергичный и властный человек.

Получив от Виктора Васильевича описание внешности Слудского, я не без робости ступил под гулкий купол вестибюля великолепного здания Академии наук Казахстана на улице Шевченко, 28, и по длинным коридорам, минуя ковровые дорожки, пробирался вдоль стеночки, избегая встречаться с тучными лысоватыми мужчинами средних лет, как будто Аркадий Александрович мог уже в коридоре вычислить меня и разгадать мои замыслы. Наконец, мне показали комнату, в которой должен быть профессор Долгушин, и я с облегчением, но не без трепета, открыл ее дверь.

В небольшой комнате было изрядно накурено, и два человека за столом играли в шахматы. Один из них оказался тем самым незнакомцем из президиума конференции, а второй, как потом выяснилось, был Василий Федорович Гаврин. Не ожидая такой обстановки, я сбивчиво представился, попытался объяснить причину своего визита (явно не к месту, судя по обстановке) и тут же допустил беспактность, выразив радость по поводу того, что я наконец-то у орнитологов, избежав опасности стать териологом. Игорь Александрович, внимательно посмотрев на меня, спокойно сказал, что млекопитающие ничуть не хуже птиц и занятие ими не является чем-то постыдным. Смешавшись еще больше, я стал твердить, что я хочу заниматься только орнитологией, что я заканчивал кафедру у Волчанецкого, писал дипломную работу по птицам открытых пространств Крыма и Западного Кавказа... Мою бессвязную речь перебил Василий Федорович: «Ну ты, профессор, ты будешь играть – или мы бросим это дело?» - громко сказал он, обращаясь к своему партнеру, как будто меня тут и не было. Игорь Александрович ответил не ему, а мне: «Вот видите, нам тут не дадут поговорить. Приходите лучше ко мне домой вечером – я тут живу в 100 метрах, на углу Шевченко и Ленина. Вот адрес». Осмелев, я спросил его, а во сколько часов начинается у него вечер. Не задумываясь, Игорь Александрович тут же ответил: «До 6 я здесь, до 7 ужинаю, с 7 до 8 ругаюсь с женой – значит, приходите в 8». Так неожиданно легко, с шутками и прибаутками, состоялось это самое главное в моей жизни знакомство, и основное, что запомнилось, - простота и искренность этого человека. Забегая вперед, скажу, что в назначенные 8 часов он встретил меня, как давно знакомого человека, и буквально «заговорил» на любые темы, кроме орнитологии. Когда через 4 часа я посмотрел на часы, то не поверил, что уже полночь. Мне казалось, что мы беседуем не более получаса. И только наполненная до краев пепельница в виде большой гипсовой совы с распростертыми крыльями (я тогда тоже курил «Беломор») не оставляла сомнения, что часы не врут. Заметив мой взгляд, Игорь Александрович спросил, есть ли мне где ночевать, и предложил тот диван, на котором мы сидели. Получив ответ, что я остановился в гостинице «Алма-Ата» на Панфилова (совсем рядом), он сказал, что я могу оставить ему наброски программы своей темы, а завтра он скажет мне свое мнение. Когда я возвращался в гостиницу абсолютно пустыми ночными улицами тогдашней Алма-Аты, то поймал себя на мысли, что испытываю сейчас состояние влюбленности, намного более сильное, чем после самого яркого любовного свидания. Хотелось запеть или сделать что-то такое-эдакое, из ряда вон выходящее... Впоследствии я не раз после очередной беседы с Игорем Александровичем ловил себя на таком же приливе сил и жажды деятельности, а полгода спустя мне о том же поведал и мой друг Игорь Кривицкий...

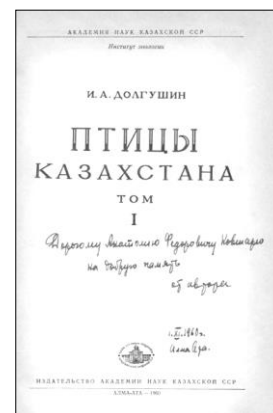
Так чем же так покори́л нас (позже выяснилось, что не только нас, а многих) этот с виду ничем не примечательный скромный человек с умными, внимательными глазами? На первый взгляд – своей простотой и естественностью. Даже внешне. За семь лет нашего знакомства я ни разу не видел его одетым «с иголочки». Казалось, он не придавал значения костюму и вовсе не заботился о том, как выглядит. И рядом с аристократичным Г.П. Дементьевым, элегантным В.Н. Скалоном, всегда модно одетыми А.К. Рустамовым или Ф.И. Страутманом, не говоря уже о Д.И. Бибикове или С.М. Успенском, он выглядел простолюдином, но ничуть не в уничижительном смысле этого слова. Свой простецкий внешний вид Игорь Александрович подкреплял и столь же простой речью, в которой не было места «красивостям». Однако при всей своей простоте речь его была правильной и, к слову будь сказано, он никогда не сквернословил. Часто И.А. любил повторять, что он «чалдон» и что гордится этим. Правда, говорилось это обычно полушутя и трудно было понять, насколько серьезно сам он относится к сказанному.

Не совсем вязалась с «чалдонством» та внутренняя интеллигентность, которая была ему присуща и выражалась в большинстве его жестов, поступков и во многом другом. Меня всегда восхищало это как пример самообразования и самовоспитания человека из средних слоев общества. И только сейчас, узнав подлинную генеалогию долгушинского рода, начинаешь понимать истоки этой интеллигентности, ее врожденные корни.

С первых же бесед с ним поражали его обширные познания во многих областях – например, в литературе. Как-то, освоившись в его уютном, хоть и прокуренном, кабинете в квартире на Шевченко 13, кв. 9 (теперь там какой-то офис), я в рассказах об Илье Борисовиче Волчанецком упомянул, как он в лесу на Кавказе читал нам наизусть поэму под названием «Бунт в Ватикане». Игорь Александрович сразу же достал с полки томик Алексея Константиновича Толстого, прочел мне вторую его поэму «История государства Российского» а заодно - и целую небольшую лекцию об авторе, его братьях Жемчужниковых и созданном их воображением Козьме Пруткове. Закончил лекцию он словами, что А.К. Толстой – самый остроумный русский поэт. На мой вопрос «а как же Пушкин?», он живо парировал: «А Пушкин – самый умный! Улавливаешь разницу?». И тут же последовал такой профессиональный анализ творчества Пушкина, что я рот раскрыл... Не желая сдаваться, я спросил: «Хорошо, а как же Лев Толстой?», на что получил тут же категоричный ответ: «Толстой гениальный, но не умный – это разные вещи». И дальше – обоснованные доказательства, что умный человек никогда бы не додумался до непротивления злу насилием... Это был блестящий урок, не пропавший зря, раз уж я помню его спустя 45 лет. К слову сказать, спорить с ним не было никакой возможности. Для этого надо было обладать такими же обширными познаниями и не менее сильной убежденностью в своей правоте.

При столь обширных и разносторонних знаниях, полученных, конечно же, путем самообразования (помню, с каким упоением он показывал мне архитектуру Ленинграда в одну из сентябрьских ночей 1962 года и подробно рассказывал историю чуть ли не каждого дома), Игорь Александрович всегда высоко ценил энциклопедичность знаний у других людей – например, у териолога Б.А. Кузнецова, познания которого в областях, далеких от зоологии, он считал поистине фантастическими. Очень живо рассказывал он о проводимых С.Н. Варшавским и другими учениками Тимофеева-Ресовского городских учетах численности, о которых много лет спустя поведал нам на страницах книги «Зубр» Даниил Гранин. И подкупало в его рассказах искреннее восхищение, без тени зависти. А обширные энциклопедические познания своего однокашника Валериана Семеновича Бажанова он оценивал со свойственной ему долей юмора: «Чего только нет в его голове! Представляешь, он до сих пор помнит, что такое кариокинез!».

Игорю Александровичу было чуждо позерство, а тем более самолюбование или чванство. Ни на одной из фотографий вы не увидите его в позе, предназначенной для фотографа или, как это часто бывает, - для потомков. Везде он естественный, занятый или беседой с кем-то, или своими мыслями, или поглощен тем, что в данный момент делает. Эта естественность располагала к нему людей – от коллег или крупных чиновников до молодых специалистов, вчерашних студентов, которые чувствовали себя в беседе с ним на равных. Да что в беседе! Всего год спустя после первой встречи я, работая в заповеднике, получил по почте только что вышедший первый том сводки «Птицы Казахстана» с трогательной авторской подписью И.А. Долгушина. Даже сейчас, спустя 47 лет, я считаю эту книжку одним из самых дорогих подарков. И сделан он был признанным главой казахстанской орнитологии 23-летнему юнцу, только начинающему свой путь. Как же было не влюбиться в такого человека?... Многие скажут: «Время было такое». Нет, не во времени дело, хотя всем известно, что времена действительно меняются. Даже в те времена знавал я немало людей, которые преспокойненько продавали свои книги и уж ни за что бы не подарили такую ценную книжку тому, кто не сможет ответить тем же...

Увлеченность и убежденность также являлись одними из главных свойств натуры Игоря Александровича. Именно они привели юношу Долгушина в Томский университет, они помогали ему в нелегких полевых условиях постигать природу и птиц Казахстана, а в тяжелые военные годы – выжить и победить. Увлеченность Долгушина проявлялась не только в профессиональной деятельности, а во всем, за что он брался. Трудно себе представить более увлеченного болельщика на футбольном поле! Как-то в один из моих приездов в Алма-Ату он предупредил, что сегодня мы птицами заниматься не будем: приехали индусы и будут босиком играть с казахстанской командой «Кайрат», поэтому вся лаборатория орнитологии идет на этот матч. Мне, проводшему на футбольном поле все школьные годы, казался удивительным интерес к футболу столь взрослого человека. Но, оказавшись рядом с ним на скамейке для болельщиков, я уже больше не удивлялся. За эти полтора часа было столько выкурено папирос, столько потрачено эмоций, а на следующий день в институте столько было споров и обсуждений... Не меньший азарт овладевал Долгушиным и на волейбольной площадке в обеденный перерыв. Мало кто из более молодых мог сравниться с ним в полной отдаче всего себя этой, казалось бы, мимолетной игре. Даже на экскурсии в Карпатах (во время Третьей орнитологической конференции), завидев на территории нашего лагеря волейбольную площадку, Игорь Александрович тут же принялся играть с молодежью в волейбол, чем и заслужил недовольство своих коллег, жаждавших приобщиться к столику с пивом. «Ну и шеф у вас – как пацан, в волейбол играет» сказал мне один из чиновников заповедного Главка. Через пару лет, когда я сказал об этих словах Игорю Александровичу, он ответил, что только благодаря упорной игре в волейбол прямо в госпитале ему удалось восстановить свои ноги после ранения на фронте – врачи предрекали ему пожизненную хромоту...

Эта убежденность была свойственна И.А. во всем – от профессиональных вещей (он всегда говорил, что вид – главная реально существующая единица в биологии, тогда как подвиды зачастую бывают плодом воображения ученых) до патриотических в самом высоком смысле этого слова. Родина, Отечество всегда были для него высшими понятиями, и четыре года военных дорог укрепили в нем эту веру на всю жизнь. Никаких шуток на эту тему он не принимал – от кого бы они не исходили.

Общеизвестно его расхождение на этой почве с Б.К. Штегманом, который высказал мысль, что, может быть, не так уж и плохо будет, если цивилизованные немцы завоюют Россию. Простить этой шутки (?) Игорь Александрович так и не смог никогда.

Эта внутренняя убежденность И.А. Долгушина породила умение убеждать в своей правоте других. Он мог одним немногословным выступлением склонить весь зал в свою пользу, не прибегая ни к каким особенным риторическим приемам – просто в силу своей внутренней убежденности и неопровержимой логики доводов. Помню, как в 1964 году мне в Главке заповедников Казахстана не хотели утверждать вторую тему после окончания первой. Начальник Главка В.А. Степанов бушевал: «Партия нацеливает нас на химизацию, а ты опять какими-то птичками заниматься собираешься. Не будет этого!». В этом же духе представил он мою тему и на расширенном заседании Казахского общества охраны природы, где собралось много людей, с нетерпением ожидавших второго вопроса – о передаче Наурузумского заповедника из Казглавохоты в ведение Комитета лесного хозяйства. Все они были готовы, чтобы поскорее перейти ко второму вопросу, поддержать отрицательное заключение начальника Главка, тем более что он закончил свою речь словами: «Мне стыдно за таких сотрудников, товарищи». Игорь Александрович, которого я упросил прийти на это заседание, скромно встал и за несколько минут разъяснил, что тема эта необходима не Ковшарю, а для орнитологической науки, так как только в арчовых лесах заповедника живет доселе неизученная гималайская синица и только орнитолог заповедника имеет возможность изучить ее размножение. Поэтому без постановки этой темы никак нельзя. Зал тут же проголосовал за утверждение темы!! И сам Степанов, очень уважавший Долгушина, согласился: «Ну, раз так, то это другое дело»...

В другой раз И.А. проявил это качество убеждать в письменном виде. Рукопись моей первой монографии «Птицы Таласского Алатау» значительно превысила те 25 печатных листов, которые были первоначально запланированы, и заповедный Главк наотрез отказался увеличить объем. Игорь Александрович, который редактировал эту рукопись и считал, что сокращать ее не стоит, написал на нее такой отзыв, что прочитавший его заместитель начальника Главка Ю.А. Смирнов сказал мне: «Ну и расписал он тебя! Будь уверен – пока я живой, книга выйдет, это я тебе обещаю». И слово свое сдержал.

Когда одного из орнитологов руководство Академии наук никак не хотело брать в Институт зоологии, несмотря на решение Ученого Совета Института, И.А. Долгушин пошел на прямой конфликт с самим президентом Академии, но своего добился. А когда второго сотрудника лаборатории незаслуженно обидели в республиканской газете, И.А. через Центральный комитат Компартии добился снятия этого обвинения, а заодно – и снятия с должности незадачливого журналиста. Это сочетание внутренней убежденности в своей правоте с умением убедить других – важнейшее качество И.А. Долгушина.

Пословица «Долго запрягают, зато потом быстро едут» характеризует русских как своего рода тугодумов, которым обязательно нужна раскачка. К Игорю Александровичу это ни в коей мере не относилось. Ему была свойственная молниеносность мышления, умение быстро оценить обстановку и принять единственно правильное решение. Этим его качеством широко пользовались хорошо знавшие Долгушина коллеги. Особенно ценил эту способность И.А. директор Института зоологии академик И.Г. Галузо, который, зная, что Долгушин работает по ночам, мог в экстренном случае приехать к нему рано утром домой, подняться с постели и получить нужный совет. Очень красочно рассказывала об этом супруга Игоря Александровича Людмила Андреевна Демченко: «Сколько раз я ему говорила – Игорь, как ты можешь директора института, академика, принимать в подштанниках». Но дело есть дело, и в большинстве случаев хмурых,

невыспавшийся Долгушин, выкурив натошак папиросу, все же находил наиболее правильное в данном случае решение. Это качество – одно из самых ценных в людях, а есть ситуации, когда оно решает все – например, на войне. И работавшие в нашем институте однополчане в день Красной Армии и День Победы не раз рассказывали о тех случаях на фронте, когда командиру батареи Долгушину это качество помогало принять правильное решение в бою. Это же подтверждают и боевые награды старшего лейтенанта Долгушина.

Внешне суровый Игорь Александрович был, в сущности, очень добр. Он никогда не брюзжал, не распекал сотрудников по пустякам, не создавал мелочной опеки, доверяя своим сотрудникам. И, надо сказать, что они платили ему тем же, искренне радуясь каждому его приходу. В этом плане очень показательной в 50-60-х гг. была разница в появлении на работе заведующих в двух братских лабораториях – териологии и орнитологии. Приход на работу Аркадия Александровича Слудского чаще всего слышно было по его звонкому фальцету, которым он распекал кого-нибудь из сотрудников. Остальные тут же бросались на рабочие места и усиленно изображали трудолюбие. Долгушинские же орнитологи только в его отсутствие и работали, в том числе и когорта лаборантов, которую возглавлял незаменимый Эвальд Федорович Родионов (в обиходе - Валентин), сам трудившийся практически непрерывно: в любое время его можно было застать за снятием шкурки с очередной птицы или за набивкой тушки. С появлением Долгушина все бросали свою работу (кроме Валентина, которому препаровка не мешала ни курить, ни разговаривать) и усаживались на излюбленный диванчик вокруг любимого шефа. Начинался перекур и «треп» на любые темы – от вчерашнего футбольного матча до текущей политики или предстоящей олимпиады. Попутно обсуждались и рабочие вопросы – что сделали сегодня, что надо успеть завтра и т.д. И только с уходом Игоря Александровича к начальству народ нехотя расходился по своим местам, чтобы продолжить начатую утром работу. По этим перекурам один из моих друзей дал меткую характеристику долгушинской лаборатории: «Прекрасный народ – и насчет поговорить-покурить и насчет нутра» (это намного точнее «морально-психологического климата»).

Лишь один только раз был свидетелем «бури», взломавшей эту идиллию. Придя на работу (обычно это бывало около 11 часов), Игорь Александрович только устроился на любимый диванчик и вынул папиросы, как вдруг заметил среди своих ребят лаборанта, которого уволил за обман и запретил ему появляться в лаборатории. Сверля злополучного парня глазами, которые стали колючими и черными, он громогласно выпалил: «А ты что здесь делаешь? Я же сказал, чтобы духу твоего здесь не было!». Парня как корова языком слизала, а в комнате стало так тихо, что стало слышно жужжание мухи. Впервые ребята молча разошлись и стали делать вид, что работают. Перекур был сорван, а сам Долгушин, закулив, ушел куда-то. Даже Валентин не мог припомнить другого подобного случая.

Игорь Александрович всегда готов был прийти на помощь. Часто занимал ребятам деньги, но делал это довольно оригинально: поскольку у самого их никогда не было, то брал у Валентина. Однажды, приехав в командировку в Алма-Ату, я в одном из магазинов увидел широкоугольный фотообъектив «Мир-1», предел моих мечтаний для съемки ландшафтов в горах. Но денег, естественно, не было, хотя и надо было всего 45 рублей. В лаборатории я с жаром рассказал Игорю Александровичу об этом чудо-объективе. «Ну и купи его» - сказал он, а услышав, что у меня нет денег, тут же обернулся к Валентину: «У тебя есть при себе 45 рублей?». На что получил стандартный ответ: «Конечно, есть, я же не профессор». Так был куплен объектив, прослуживший верой и правдой не один год, а сам эпизод во всех подробностях запомнился мне на всю жизнь. Спустя год, я снова оказался в затруднении: нечем было в условиях заповедника впечатывать латинские названия птиц в огромную рукопись монографии. Игорь

Александрович вынул из стола замечательную портативную машинку с латинским шрифтом и отдал ее мне на полгода. «Закончишь - привезешь» - только и сказал он. Такого рода поступки были вполне в его характере, он не видел в этом ничего особенного.

Для нас, младшего поколения, взаимоотношения между старшими были тогда чем-то вроде тайны за семью печатями. Знали, что Долгушин любит Гаврина и многое ему прощает, что он с большим почтением относится к Марии Алексеевне Кузьминой, с которой бок о бок проработал всю жизнь. В то же время далеко не простыми были отношения с Кореловым, которого Игорь Александрович постоянно защищал перед начальством, но нередко по тем или иным вопросам мнения их были противоположными. Конечно, они были очень разными людьми и на многое смотрели по-разному. Да и не могли они везде совпадать – сверхмедлительный Мстислав Николаевич и быстрый, молниеносный Игорь Александрович. Уже одной разницы в скорости реакции достаточно было для разногласий между ними. Но здесь проявилась еще одна замечательная долгушинская черта: ни разу за все время нашего знакомства я не слышал от него ни одного негативного слова в адрес своего коллеги. Уж не знаю, как там у них было между собой (о некоторых стычках случайно приходилось слышать от Корелова), но перед младшими эта тема Долгушиным ни разу не затрагивалась. Так же, как и тема взаимоотношений с М.Д. Зверевым, у которого Игорь Александрович еще подростком работал в экспедиции, а потом они даже опубликовали совместную заметку в сибирском орнитологическом журнале «Uragus». Как стало ясно только сейчас, после выхода в свет книги Т.Н. Гагиной «Жизнь и научная деятельность В.Н. Скалона» (2003), а также из присланных ею писем Долгушина Скалону, разногласия между ними были значительными. Тогда же, в 60-х гг., Игорь Александрович эту тему ни разу не затрагивал. Это было своего рода «табу». Зато с одним из своих однокашников по Томскому университету Александром Ивановичем Янушевичем, бывшим в 60-х гг. вице-президентом Академии наук Киргизии, Игорь Александрович общался часто. Не раз он приходил на работу особенно не выспавшимся и говорил: «Опять ночью приехал из Фрунзе этот возмутитель спокойствия»... Коллеги-орнитологи платили ему ответной любовью и уважением. Ни от одного орнитолога его поколения я не слышал ни слова порицания в его адрес – ни при жизни, ни после смерти. Зато все они охотно откликнулись на просьбу написать свои воспоминания о нем, что уже само по себе говорит о многом...

Все это – о Долгушине как человеке. А ведь написать хотелось об Учителе. Впрочем, едва ли не важнейшее для Учителя – быть самому Человеком с большой буквы, с которого ученики захотели бы брать пример. И в этом деле Игорь Александрович может служить образцом для подражания. Не только может, но и служил. Сами того не замечая, мы все, вольно или невольно копировали его слова, жесты, движения. Проявилось это наглядно только тогда, когда его не стало. Приехав в Алма-Ату в 1967 году уже навсегда, я долго не мог привыкнуть к тому, как невольно копируют Игоря Александровича все орнитологи, работавшие с ним достаточно долго – начиная с Марии Алексеевны Кузьминой и кончая Икаром Бородихиным и Юрием Грачевым. Слова, целые фразы, долгушинские жесты, интонации – все это не один год напоминало о нем, а исчезло только постепенно, с уходом каждого из этих людей (так и оставшись их неисправимыми чертами).

А были ли у Долгушина специальные приемы обучения своих учеников? Пожалуй, были.

Главным, на мой взгляд, был принцип: **учить, не поучая**. Это не каламбур и не игра слов. Многим из нас этот принцип, к сожалению, недоступен. Как часто мы, сами не замечая, не можем удержаться от поучительных интонаций, наставительного тона,

прямых указаний... А еще чаще просто делаем за своего подопечного его работу, что намного быстрее и легче, чем научить этому его самого.

Игорь Александрович предпочитал в живой и увлекательной беседе подвести вас к пониманию того, что в данном случае от вас требуется. Вот как, например, завершилось первое мое к нему дело по утверждению программы научной темы. Придя на следующий вечер за оставленной вчера программой, я выслушал следующее: «Прочитал. Неплохо. Вы хорошо знаете книгу Новикова о методике полевых зоологических исследований и очень добросовестно переписали из нее то, что нужно. А теперь надо основательно продумать все это применительно к вашим условиям – как Вы все это будете выполнять. Это второй этап работы над программой. Не удивляйтесь, все переписывают ее не раз». И вернул мне мою рукопись **без единой помарки**. Пристыженный и озадаченный, я два дня корпел в гостинице над переделкой программы. В результате услышал: «Вот теперь лучше». И только после этого пошли конкретные комментарии и пожелания.

Эта же манера – править рукописи рукой самого автора – была присуща Долгушину и при редактировании. Надо сказать, что это намного труднее и занимает гораздо больше времени, сил и нервов редактора, чем взять ручку и самому выправить текст. Но именно этот подход дает самые правильные результаты в деле обучения автора (примеров этого – множество и в художественной литературе – см. например, пособие «Теория и практика редактирования», М., «Высшая школа, 1980»).

А для того, чтобы расшевелить автора и сподвигнуть его на серьезную переработку своего текста (который каждому поначалу кажется идеальным), Игорь Александрович оставлял на полях краткие и хлесткие пометки типа: «Ого!», «Ну и ну!», а иногда и более пространные, в которых подтрунивал над особо неудачными текстами: «Не заказывал ли ты этого, случайно, в детский сад?». При этом он, по возможности, старался не обидеть автора и учесть его психологию (одному надо «дать на полную катушку», а другого стоит и пощадить, ему достаточно и намека). Так, рукопись одной из моих первых заметок я показал ему, когда мы были вместе в ЗИН'е в сентябре 1962 г. Он вернул ее мне с массой подобных заметок, а на второй день спросил у Марии Алексеевны Кузьминой, не слишком ли я переживаю по поводу его замечаний... Как правило, он был менее придирчив к первым опусам своих учеников, в отзывах на них отдавая предпочтение одобрительным интонациям. Но зато беспощадно критиковал последующие рукописи, если видел, что предыдущая «наука» не пошла автору впрок. То же касается и рецензий на рукописи любых других авторов, подготовленные к печати.

Примером может служить сохранившийся в долгушинском архиве отзыв на рукопись работы В.В. Шевченко «Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы» (1948). Он настолько интересен, что привожу его полностью, без сокращений:

«В работе дается краткая история орнитологического изучения заповедника Аксу-Джабаглы и список птиц с краткими систематическими и экологическими замечаниями. Представляя несомненный интерес, статья имеет и ряд недостатков. Главнейшие из них следующие.

1. При изложении истории изучения орнитофауны заповедника автором упущены работы первого директора заповедника Тризны, работы Шульпина зимой 1933/34 г. и его же работа в 1935 году. Вызывает опасение, что пропущены также и другие исследователи, работавшие в заповеднике и неизвестные мне. Это досадно, так как основные материалы по фауне птиц заповедника собраны именно Шульпиным; было бы легче примириться с пропуском С.А. Северцова, по существу ничего не давшего для познания фауны Аксу-Джабаглы.

2. Повидовые очерки перегружены совершенно излишними (в большинстве случаев) описаниями окраски, приведением размеров и т.п. Эти ссылки в огромном большинстве случаев можно совершенно сократить, оставив их только у №№ 1, 11, 12, 46 (часть), 130, 132 (часть).

3. Автор слепо следует Дементьеву (Определитель птиц СССР) в номенклатуре. Вряд ли правильно отнесение серой и черной ворон к одному виду. Точно так же правильнее было бы разграничить следующие виды: обыкновенного и седоголового щегла, пустынного и монгольского вьюрков, арчовую и большую чечевиц, обыкновенную и белошапочную овсянок, полевого и индийского жаворонков, обыкновенного и желтогрудого князьков, мельничка и горную славку, кеклика и европейскую каменную куропатку. При разграничении этих видов автору не пришлось бы запутываться в систематических дебрях, так как вещи стали бы на свои места.

4. Некоторые определения автора сомнительны уже не в номенклатурном плане, а по существу. По-видимому, неправильно определен подвид ворона (вероятно, не *ruficollis*, а *laurencei*), балобана (вероятно, не *cherrug*, а *saceroides*), сорокопута (вероятно, не *isabellinus*, а *phoenicuroides*). Определение до подвида проводилось на месте, по книгам, что невозможно: изучение географической изменчивости проводится теперь при наличии значительного количества сравнительного материала из разных мест ареала вида.

5. Приводимые автором названия птиц в работах Кашкарова и Коровина перегружают текст, делают его неудобно читаемым. Между тем, по существу они совершенно не нужны.

Указанные недостатки значительно снижают ценность всей работы и, во всяком случае, требуют тщательного редактирования. Так как автору не известны работы Шульпина в 1935 году, то сомнительными являются и его добавления к списку птиц. Несмотря на сказанное, работа все же заслуживает опубликования, но при очень тщательном редактировании. Вызывает недоумение, почему в сборник, посвященный Аксу-Джабаглы, не идет работа Л.М. Шульпина, дополнением к которой, по существу, является рецензируемая статья. С.н.с. Ин-та зоол., канд. биол. наук И.А. Долгушин».

К сожалению, эти справедливые и важные критические замечаний так и не были учтены, никакого «тщательного редактирования» сделано не было, и указанная статья вышла в свет в первом выпуске Трудов государственного заповедника Аксу-Джабаглы (1948) под редакцией П.Я. Деревягина и П.П. Полякова. Ботаническая статья в этом сборнике достаточно хорошо отредактирована П.П. Поляковым, что же касается орнитологической, то все указанные Долгушиным недостатки **исправлены не были**. Более того, статья содержит массу опечаток в датах (особенно в месяцах, указанных римскими цифрами), что вообще не дает возможности пользоваться ею без тщательной сверки с исходными данными.

Особо следует остановиться на последней фразе рецензии, касающейся работы Шульпина и выраженному недоумению, почему она не идет в сборник заповедника. Это – особая тема. Не все знают, что после окончания войны Игорь Александрович разыскал в Ленинграде вдову Л.М. Шульпина, погибшего еще в 1942 году, и буквально спас для науки бесценные дневники и рукописи покойного по птицам заповедника Аксу-Джабаглы, собранные во время экспедиционных работ 1933-1935 гг. Не ограничившись хранением этих материалов, Игорь Александрович приложил все усилия к их публикации, что в те годы было невероятно сложно. И все же в 1948 году (год написания приведенной выше рецензии!) в Известиях АН КазССР выходит статья Л.М. Шульпина по млекопитающим и пресмыкающимся Таласского Алатау, а затем, в Трудах Института зоологии (тт. 2, 6 и 15; 1953, 1956 и 1961 гг.) – серия продолжающихся статей под единым названием «Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы».

Последняя часть шульпинских материалов, посвященная воробьиным птицам (семейства: дроздовые, завирушковые, крапивниковые и ласточковые) была передана мне Игорем Александровичем для публикации во втором выпуске трудов заповедника (1965), где она и опубликована с небольшим введением, написанным Игорем Александровичем, в котором были и такие строки:

«Как и в Трудах Института зоологии АН Казахской ССР, рукопись подготовлена к печати И.А. Долгушиным, одним из друзей покойного, считающим себя в значительной мере учеником Л.М. Шульпина. По возможности в рукописи не сделано никаких исправлений (за исключением очевидных опечаток и небольшой стилистической правки; номенклатура автора также оставлена без изменений). Мы полагаем, что материалы и мысли Л.М. Шульпина представляют большой интерес, хотя и не всегда соответствуют воззрениям большинства орнитологов. Богатство фактического материала, ювелирная тщательность обработки и детальность изложения – особенность работы Л.М. Шульпина» (Труды государственного заповедника Аксу-Джабаглы, выпуск 2. Алма-Ата, 1965, с. 161).

И вспоминается мне, как осенью того же года на 4-й Всесоюзной орнитологической конференции в Алма-Ате Леонид Александрович Портенко позначкомил меня с мировым светилом орнитологии того времени американцем Чарлзом Вори, который, держа в руках упомянутые Труды заповедника, удивленно спрашивал – тот ли это Шульпин, который был широко известен в 30-х гг., а в 1940 г. написал книгу «Орнитология» и после этого не печатался...

Возвращаясь к редактированию И.А. Долгушиным рукописей своих учеников, я должен сказать, что при написании ими более солидных работ, чем простая заметка, Игорь Александрович старался оказать помощь уже на первых этапах, при составлении плана и структуры произведения. Так было в 1962 г., когда я впервые написал рукопись статьи объемом 64 страницы машинописи – «Об осеннем пролете птиц в истоках реки Арысь». Ознакомившись с рукописью, Игорь Александрович представил мне подробные соображения о том, как бы ее следовало построить. Кратко упомянув, что видовые очерки написаны на уровне, он дает свое подробное видение конструкции данной статьи: «Общая вступительная часть плохая. Думается, что она нуждается в коренной переработке во всем, и прежде всего – в самой композиции, в построении всего изложения. Куда более логичным был бы примерно такой планчик:

1. Вступление
2. Краткое географическое описание
3. Основные направления пролета и распределение по ним определенных групп птиц. Здесь же – о высоте пролета и т.д. Особо должен быть рассмотрен вопрос о значении хребтов и проходов между ними для птиц вообще и для отдельных видов. Надо попробовать увязать все это с величиной птиц, их летными возможностями, экологической специализацией и пр.
4. Характер пролета в зависимости от погодных условий – температуры, ветров и пр. Примерно то, что написано, но надо обязательно с количественными показателями. Иначе все как-то висит в воздухе. Не обязательно точные цифры, но хоть какие-то. Много и мало – хорошие слова, но 100 лебедей это много, а 100 жаворонков – мало! И цифры необходимы хотя бы самые что ни на есть приблизительные. Кроме того, 100 лебедей на пролете у низовьев Иргиза – не так уж много, но под Харьковом – масса. Словом, нужны цифры.
5. Повидовые очерки
6. Заключение. Обязательно. Что? Это – от тебя. Может быть, сравнение с другими местами, м.б. общая оценка этого места как пункта наблюдений за пролетом. И т.д., и т.п. Между прочим, не вредно было бы указать об изменении в составе пролетных птиц, сюда – то обстоятельство, что дрофа и стрепет тут ныне не летят. И т.д. Графика: 1). схема географическая – идет; 2) и 3) температура и ветер сами по себе

совершенно не нужны. Мы ведь не климатологи и на дьявола нам знать, что 15 сентября был сильный ветер и 20° тепла? Это нам само по себе ни к чему. Вот если бы на эти графики были наложены кривые пролета птиц, тогда все эти графики играли совсем другим светом и для орнитолога были бы полезны. Как их сделать – надо подумать. Но сложного в этом ничего не вижу».

И совсем уж не считался ни со временем, ни с усилиями Игорь Александрович, когда взялся за редактирование рукописи монографии «Птицы западной части Таласского Алатау» (название сократили уже позже, в издательстве) объемом 700 с. На меня, уже начавшего привыкать к его щадящему редактированию отдельных статей, теперь обрушился целый поток критики, замечаний, соображений (см. **рис. 2, 3, 4**).

Вдоволь «нахлебавшись» моего многословного текста, Игорь Александрович на шмуцтитуле раздела «Общая часть» (**рис. 2**) дал волю своим эмоциям. Начав с восклицания «Все это чертовски длинно! Пожалей нас, бедных!», он дальше излагает свои замечания по пунктам:

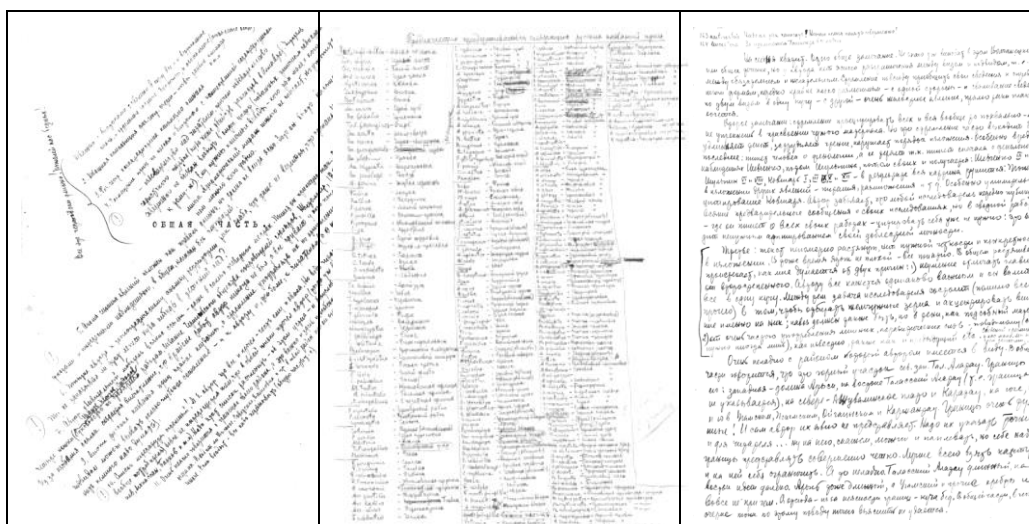

Рис. 2. Соображения по общей части

Рис. 3. Список предлагаемых русских названий птиц

Рис. 4. Критика общих разделов монографии

1. «Неважно с биотопами – свалено в кучу все: и вертикальные пояса и отдельные частные биотопы и аazonальные.
2. Неважная композиция физ-геогр. очерка – почвы раньше климата и пр.
3. Физико-географическая характеристика непомерно длинная.
4. Размещение птиц по поясам и биотопам с количественной характеристикой – издевательство над читателем, причем издевательство садистского порядка (куда хуже убийств таксистов в Алма-Ате!). Читатель совершенно не обязан входить в омут цифр (поданных типичным садистом к тому же). Ему нужны конечные выводы – кого там много, а кого мало. Арифметический мираж никого не спасает, но утопить в нем можно кого угодно.
5. Анализ сезонных явлений изложен, как правило, длинно, но не всегда ясно. Зато он богат насыщен фактами и интересными наблюдениями, в общем, написан без глупостей.
6. Попытка автора к зоогеографическому анализу территории так слаба, что даже не верится, что сделана Ковшарем. Ты не заказывал ли этот лепет куда-нибудь в детский сад?

7. Автор – удивительный любитель всяких ссылок – даже в самых очевидных местах. Пишет он примерно так: «Стол имеет четыре ножки (Иванов, Петров, Сидоров. Руководство по столярным работам. Издание Черниговского общества столяров, Житомир, 1889). Из-за обилия ссылок создается впечатление, что в районе работ автор никогда не был, а все сдувает у кого попало.
8. Многие русские названия птиц крайне неудачны и стремление употреблять их по отношению к подвидам может вызвать только глубокое сожаление – и к автору, и, тем более, к читателям (а о них тоже хоть немного надо думать).
9. Список литературы огромный! М.б. автор все это и прочел – честь ему и хвала. Но ведь читатель-то (и вообще потребитель) вовсе не интересуется тем, что в своей жизни прочел автор (тогда уж валяй: Тургенев, Мопассан, Барков и т.п.). Надо этот список расчленить – об этом устно – и, безусловно, сократить.
10. Очень неясно говорится о границах своего района, а это важно – и здесь, и особенно в повидовых очерках. Входит ли Высокое, Советское, Ванновка и пр. в твой район или он ограничивается иначе? Если входит – все надо переделывать».

Видимо, не будучи уверенным, что сказанного достаточно, Игорь Александрович на отдельном листе (**рис. 4**) расшифровывает эти замечания, добавляя к ним новые:

«На сегодня хватит. Одно общее замечание. Не знаю, уж виноват ли в этом Волчанецкий или общее течение, но у автора нет ясного разграничения между видом и подвидами, т.е. между обязательным и желательным. Стремление повсюду приобщить свои сведения к определенным формам, нередко крайне плохо различимым – с одной стороны – и сваливание сведений по двум видам в одну кучу – с другой – очень жалостное явление, прямо-таки плакать хочется. Второе замечание: стремление процитировать всех и вся вообще-то похвально – автора не упрекнешь в присвоении чужого материала. Но это стремление часто выходит боком, удлиняет текст, затрудняет чтение, нарушает порядок изложения. Особенно вредно последнее: пишет человек о фенологии, а ее теряет, так как пишет сначала о фенологических наблюдениях Шевченко, потом – Шульпина, потом – своих и получается: Шевченко III и IX, Шульпин VI и VIII, Ковшарь I, III, IX, X и XI. – в результате вся картина рушится. То же и в изложении других явлений – питания, размножения и т.д. Особенно умилительно цитирование Ковшаря. Автор забывает, что любой исследователь нередко публикует всякие предварительные сообщения о своих исследованиях, но в сводной работе – где он пишет обо всех своих исследованиях – цитировать себя уже не нужно: это выглядит ненужным афишированием своей доблестной личности. Третье: текст непомерно растянут, нет нужной четкости и конкретности в изложении. В то же время язык неплохой – все понятно. В общем растягивание происходит, как мне думается, от двух причин: **1)** неумение отличить главное от второстепенного. Автору кажется все одинаково важным, и он валит все в одну кучу. Между тем, задача исследователя состоит (помимо всего прочего) в том, чтобы отбирать жемчужные зерна и акцентировать внимание именно на них; навоз должен тоже быть, но в тени, как подсобный материал. **2)** от очень частого употребления лишних, паразитических слов: по-видимому (слово нужно иногда лишь), как известно, так же как и предыдущий, сведений о размножении у нас мало, мы не располагаем сведениями и т.д.»

В этих словах Учителя – целая программа для ученика, который действительно хочет овладеть премудростью написания научного текста, правильного и доступного для всех изложения результатов собственных исследований. Нигде больше – ни до, ни после – мне не приходилось читать подобного, и я безмерно благодарен Игорю Александровичу за эту науку, как и за многое другое, что он вложил в нас, своих учеников и последователей, которые и по сей день гордятся тем, что принадлежат к долгушинской орнитологической школе.

В заключение хочется сказать о том, что Игорь Александрович был великолепным рассказчиком, и в его лице мы потеряли прекрасного популяризатора науки. Сам он не раз говорил полушутя: «Вот выйду на пенсию и стану писать научно-популярные книжки», а однажды даже раскрыл свой замысел – написать о 7 чудесах Казахстана, в число которых входило озеро, в котором нельзя утонуть (где-то у западной оконечности Каратау), чудесная «кровавая» карагачевая роща (где под корой деревьев прятались полчища клещей, напившихся крови в грачиной колонии) и ряд других «чудес». Зная его умение увлекательно рассказывать, его прекрасный литературный язык, я не сомневался, что так и будет, что казахстанские школьники и взрослые рано или поздно получат эти замечательные книжки...

И вспомнилось мне, как в мае 1963 года, когда я в дождливый день в горах Таласского Алатау при Игоре Александровиче подскользнулся и сломал свое любимое ружье, он, как бы в утешение, рассказал мне, что когда-то в Каратау он завис на отвесной скале ущелья и при этом уронил с плеча заряженное ружье, а оно, падая, ударялось о камни прикладом и стреляло в его сторону... А чего стоил его рассказ о предприимчивом сибирском купце, который разорил какую-то западную туристическую фирму поставкой ей в огромных количествах эдельвейсов, скупая их за бесценок у своих крестьян (этот очень близкий вид произрастал в Сибири чуть ли не на огородах)... Нисколько не сомневаюсь, что в запасе у Игоря Александровича было немало таких историй.

У каждого из нас были и есть свои учителя. И не зря на Востоке почитание учителя считалось высшей добродетелью и даже сильные мира сего завещали похоронить их у ног учителя. Но особое счастье – встретить настоящего Учителя, у которого можно учиться всю жизнь. В этом нам, казахстанским орнитологам моего поколения, повезло. И я безмерно благодарен судьбе за это.

А.Ф. Ковшарь
Алма-Ата, 20 июля 2007 г.

О Долгушине

Знакомство с Долгушиным для меня произошло мало выразительно и очень «на ходу». В середине августа 59-го в Москве проходила 2-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Мы, трое харьковчан, вступая во «взрослую жизнь» и уже определив свои судьбы, уезжали на Восток. Шибает в Приморье, Ковшар и я – в Казахстан. В неведомые нам страны, но с четким обоснованием идеи. Лично моё решение ехать на работу в Казахстан было во многом обусловлено встречей с приезжавшим в Харьков по делам В.В. Шевченко, и рекомендовавшим, если получится, не раздумывать. Он и составил «протекцию», заочно представив нас Начальнику Главка Степанову, обо всём договорился, в связи с чем мы и получили уведомление о назначении на должности. Так и понималось: главные лица в этом неведомом мне Казахстане – Шевченко да Степанов.

Долгушин в моей судьбе возник как-то внезапно.

В коридорах биофака МГУ, во время перерывов между докладами, обычная толчея, встречи, «трёп», дым коромыслом. И мы, никого не знающие провинциалы, скитающиеся среди корифеев. Шумное столичное сборище, далеко не такое чопорное, каким оно оставалось в моей памяти после ленинградской конференции. Вон ринулись кланяться Дементьеву, а там толпятся около полярного Саввы Успенского. И с краю от толпящихся авторитетов мы, мальчишки, по дороге завернувшие в Москву на конференцию. Эдакое перепутье, ни с кем не знакомы, отираемся по углам. Даже

спросить о чём - то не у кого. Где кто, да и имена эти в основном неведомые, ничего о себе не говорящие.

Илья Борисович Волчанецкий, заметив меня, подозвал и подвёл к мало выразительному (на фоне столичных мэтров) высокому худому человеку, с каким то особо запомнившимся хмурым лицом. Как мне показалось, с растущими дыбом волосами, с пронзительным взглядом непонятого цвета глаз из-под огромных торчащих вперёд бровей. Но не злых, а скорее смешливых. Ввалившиеся щёки тянут дым из папиросины.

- Вот, Игорь Александрович, представляю Игоря Александровича. Едет в Казахстан, в заповедник работать. Орнитологом.

Долгушин, не выразив особых эмоций, одобрительно воспринял информацию, спросил, в какой заповедник. Услышав, что в Кургальджин, сказал, что там работы не початый край. И всё. Вроде знакомство состоялось, но впечатлений – никаких.

По части информированности о Казахстане, о его птичьих делах, о работающих в этой области людях, пробел у меня был большой. О казахстанской науке и о людях, являющих там орнитологию, да и зоологию вообще, представление было нулевое. Очень небольшой опыт работы с литературой ограничивался информацией о географических пространствах, которые были связаны со студенческими экспедициями - Крым, Молдавия, Карпаты, Урал. А Казахстан – некая «terra incognita», и не более. Толстые фолианты тогда ещё пребывавших во здравии орнитологических авторитетов – Дементьева, Гладкова, Портенко, других, составляли моё юношеское понятие «кто есть кто». А остальных было много, но определить значимость их было мне не с руки. В числе этих «остальных» был и неизвестный Долгушин.

А ведь однажды....

Волею судьбы, мне, студенту третьего курса, посчастливилось присутствовать (из гордыни, подмывает сказать «участвовать» в работе) на Первой Всесоюзной Орнитологической конференции.

Морозный февраль 1956 года. Ленинград. Помпезный конференцзал Академии. Доселе не виданная колоссальных размеров хрустальная люстра. Вот он, на чёрно-белой фотографии полувековой давности, цвет отечественной науки-орнитологии, участники Первой Всесоюзной конференции, посвященной памяти Мензбира. В первых рядах Портенко, чем-то озабоченный Гладков, в генеральском убранстве Павловский, не вмесившийся полностью в кадр Пузанов, за ним Кузякин. В одном ряду Кистяковский, Рустамов, Дементьев, Фёдор Страутман. Сейчас ещё по памяти вспоминаемые лица. В рядах дальних и вовсе мало известные мне тогда люди – Исаков, Штегман, Флинт. В правой части фотоснимка, где-то в ряду седьмом – восьмом, группка «азиатов». Кусочек Корелова, как и по жизни, мышкой, выглядывающая Кузьмина, Янушевич, в небрежной позе – Слудский, вписавшийся меж двух женских голов бровастый и сосредоточенный Долгушин. А в том же ряду, через проход – стайка нас, харьковчан. Были рядом, а знакомству суждено было случиться через годы.

Это уж, как говорится – не для протокола. Смутное чувство навеивает фотоснимок. Пустое дело вступать в дискуссию о бренности бытия, анализировать естественные процессы ротации народонаселения и законы демографии. Против природы нам никак. Но этот снимок полувекового прошлого.... Однажды жизнь собрала в огромный зал под хрустальные люстры много людей, разных и лицом, и характерами, но объединённых единой идеей, одними устремлениями. А по прошествии лет всматриваешься в знакомые лики и ужасаешься. Ведь все ушли. Почти! Ужасна масштабность. Это не переживание по поводу отдельных скорбных событий. Да, к нашему огорчению, уходят, но уходят по одиночке. Разные, талантливые и именитые. А тут на фотографии целое поколение отечественных орнитологов. Стихия времени смела **всех разом**.

Деловые отношения с Долгушиным складывались уже по приезду в заповедник.

Нам, Борису Абатурову да мне, новоиспеченным научным сотрудникам Кургальджинского заповедника, полагалась поездка в столицу для выработки и утверждения в Главке тем научных работ.

Ковшар, уже мал-мал освоившийся в Аксу-Джабаглы, в конце октября разразившись скандалом в связи с неписанием ему писем (а как писать? Почта за 100 км, неразбериха с делами, с жильём и устройством быта. Заповедник только-только создан, ни кола, ни двора. Определённый в качестве базы бывший поселочек нефтеразведчиков из нескольких плосккрытых мазанок, на первый взгляд, далеко не тот случай, когда добрые мысли рождаются), в подробностях изложив восторги о своём заповедном житье, об унылых горных ландшафтах, успехах в верховой езде, и неудачной стрельбе по уларам и бородачу-ягнятнику (КРАСНАЯ книга - документально подтверждено - письмо от 27.10.59 г., Ковшар, подпись разборчива), сообщил о том, что в середине сентября он уже пообщался с Алма-Атой, со Степановым и Долгушиным, произведшими на него неизгладимое впечатление.

Было завидно и обидно. Пока мы мазали глиной с навозом полуразвалившееся жильё, скупали у нефтеразведчиков всякий хлам, заготовливали на зиму кизяк для топки (в октябре-то уже и зима настанет), этот пострел Ковшар, имевший трёхчасовую приятную беседу с «железным мужиком» Степановым, а затем за выбором темы наговорился вволю с Долгушиным (выкурили при этом пачку папирос, сетуя ещё на плохую изученность птиц, ругая нашу полиграфию и печать - о чём только не говорили).

Нас в столицу не пускали. Директор Сагитов, до принятия под своё начало заповедника, руководил каким то КАРЛАГОМ в системе «Джезказганзолото», и все эти наши затеи ему были непонятны. К чему куда то ехать, тратить казённые деньги, везти нас за сотни километров к железной дороге? Абсурд какой то. Его бывшие подопечные никуда пожизненно не ездили, они «сидели» и долбили руду.

Несколько с задержкой, пришлось писать Долгушину: как быть? И из Главка директор получил распоряжение отправить с целью определиться с темами работ.

Долгая дорога из заповедника в Акмолинск – почти 300 км по настоящему морозу в кузове грузовика. Вершина цивилизации – поездом в Алма-Ату. Помнится некое событие, омрачавшее роскошь нашего цивилизованного бытия. Кроме своего утлого багажа, мы транспортировали огромнейших размеров неподъёмный чемоданище, в полцентнера весом. Отогревшись в поезде, чемоданище потёк. Кровавая река разлилась в нашем купе, перегородив проход в вагоне, что нас крайне шокировало. Правда, проводники выручили нас, поместив эту поклажу в подпольный ящик, где мороз быстро прибрал к рукам злополучный груз. В чемодане был конь, не целый, а конина, которую наш директор поручил оттранспортировать своему родственнику (а может и благодетелю, вытаскивавшему его из «мест исполнения и т.д.» в малопонятную сферу деятельности), представлявшему немало значимую фигуру в Министерстве Сельского хозяйства (заповедник и входил в эту систему). Тут-то постылое мясо и явилось поводом к посещению дома министерской персоны. Мы малость пообтёршись в обществе сельских, пахнувших овечьим жиром казахов, нежданно-негаданно оказались в обществе столичных, да и не простых. Встретили нас радушно, стол сервировали с претензиями, и впервые за месяцы дикой жизни мы побавились столичным застольем. Станный синдром. Привыкли со «своими» казахами, очень не совершенными в беседах на русском, разговаривать в громком разъяснительном режиме. И в разговоре за столом с чинными интеллигентными казахами не исчезало устремление говорить громко. Чтобы понятна была твоя мысль инородцу.

Начальник Главного управления заповедников и охотхозяйства, из бывших полковников, и с виду, да и по существу – был строг, даже жутковат. Высокий,

поджарый. Характером властный, сильный человек. Говаривали, что ногой двери открывает, хоть к министру, хоть в ЦК. Как рассказывал Долгушин, это не потому, что женат он был на какой то «очень» дочке какого то из цеховских казахских баев. Просто сам был непримирим к беспорядку и безделью. Но к науке относился трепетно. Внимательно выслушав, без давления, давал дельные советы, для решения всяких вопросов не гонял по замам. Руководитель в лучшем смысле слова.

Помню, как в связи с напряженкой в Кургальджинском, приехал, оценил степень недопонимания руководством задач заповедника, очень был доволен успехами «научников» (музей, коллекции, библиотека и т.п.), укрепил научный отдел. Впоследствии, освободив директора, руководство заповедником препоручил специалисту. В горькую годину ликвидации заповедника он приехал в Целиноград и договорился с Мацкевичем, председателем Крайсполкома, чтобы в угоду хрущёвскому приказу совсем заповедник не уничтожать, а преобразовать в заповедно-охотничье хозяйство, на базе которого впоследствии и был восстановлен заповедник с тем же названием – Кургальджинский. Тогда, приехав на «ликвидацию», он был очень огорчён событиями. Кто знает, может из желания по отечески поддержать меня «бывшего», он с большим чувством выразился, что наше «хозяйство», не в пример другим казахстанским заповедникам, находится в идеальном состоянии, почему ему очень досадно, что по чьему то недомыслию оно попало в пресловутый список. Уже поздно вечером, после совещания у Мацкевича, где был подписан меморандум о передаче, мы после ужина в ресторане «Ишим» вышли покурить, и грозный Степанов на каких то сентиментальных нотах, приобняв меня за плечи, с горечью высказался по поводу произошедшего.

Собственно говоря, у Степанова и происходили наши первые контакты с Долгушиным. В лаборатории мы с И.А. обсудили тему моей работы: птицы территории во всех отношениях интересной и очень приблизительно изученной. Состряпав программу, я и отправился к Степанову в надежде, что всё будет как задумано. Ан не тут то было! За день до этого Борис Абатуров был у А.А. Слудского в связи со своей темой по млекопитающим. Аркадий Александрович захотел познакомиться и со мною, и с моими планами. Слово по слову, и на вечер он пригласил нас к себе в гости. Честь не малая. Тем более Слудский, не обладавший долгушинской простотой и открытостью, как то сразу настораживал.

В беседе с нашим братом, молодыми начинающими сотрудниками заповедников, был он категоричен, держался с чувством превосходства. Ему была присуща эдакая «одесская» манера на собеседника наседать, грудь в грудь, и крутить пуговицу на твоём пиджаке. И вечер в доме А.А., несмотря на доселе не виданное угощение, мясо сайгака и некое потреблённое спиртное, оставил тягостное чувство. С Борисом все вопросы он решил ранее, и на данном этапе принялся за «новенького». На его вопрос о нашем союзе с Долгушиным, я рассказал об избранной теме, чем вызвал плохо скрываемое негодование, резкую критику и в адрес моего руководителя, и в мой. По его категоричному мнению, я должен буду заниматься проблемой «хищник – жертва». Я пытался возражать, дескать по жизни я орнитолог, кое чего по этой части понимаю, что завтра у Степанова мы будем с Долгушиным мой план рассматривать. Он стоял на своём.

Я пришёл в Главк чуть раньше чем Долгушин, и, зайдя в кабинет Степанова, обнаружил там Слудского. С виду был он чем - то встревожен, лицо в испарине, словно в гору шёл. Моё появление, судя по всему, прервало какой-то важный и неприятный для Степанова разговор. Я представился, сказал, что И.А вот-вот придёт. И это вот-вот внезапно свершилось. Долгушин, поздоровавшись со Степановым, кивнул Слудскому с некой миной удивления (оказывается, они незадолго до этого визита встречались, но А.А. оказался пошустрей). Разговор был короткий. Обо мне, о моей теме и о моём

руководителе, надо понимать, в «верхах» уже всё было решено. Поэтому, когда Слудский попытался объяснить бесперспективность фаунистической темы, Долгушин даже и не вступал в дискуссию, а Степанов, охладив пыл именитого учёного, очень обоснованно и просто поставил точку. Новый заповедник, информации ноль. Нужно думать об инвентаризации фауны, о летописи природы, о создании научной базы, о лице заповедника. Тут не до хитроумных изысков. Помнится, что обескураженный Слудский покинул кабинет по-английски, не прощаясь. В свою очередь И.А. взял со стола начальника Главка лист какой-то серо-зелёной бумаги и изобразил на ней свой вердикт:

«Главное Управление Охотничьего хозяйства и Заповедников.

Считаю необходимым утвердить тему «Фауна и экология птиц района Кургальджинского заповедника» и программу по ней, представленную И.А.Кривицким.

Доктор биологических наук ИА Долгушин. 9. II.1960. Алма Ата».

И размашистая, на треть ширины страницы неповторимая, внушающая почтение долгушинская подпись.

Я отнёс листик к машинистке и через пару минут принёс отпечатанную бумагу. Долгушин быстро её подписал и заторопился по делам, наказав вечером явиться к нему домой. Долгушинский листок – оригинал так и хранится у меня уже более 40 лет.

Главное Управление Охотничьего хозяйства и Заповедников.
Считаю необходимым утвердить тему «Фауна и экология птиц района Кургальджинского заповедника» и программу по ней, представленную И. А. Кривицким.
Доктор биологических наук (И.А. Долгушин)
9. II. 1960
Алма Ата.

С Валентином Александровичем недолго поразговаривали о жизни, о семье. Чувствовалось, он был доволен тем, что быстро сумел урезонить въедливого Слудского с его менторскими манерами. И было видно, что Степанов глубоко уважал Долгушина, мнение которого для него много значило. И.А. в своих симпатиях к Начальнику Главка был искренне взаимен.

И.А., как мне казалось, не был упрям в спорах, тем более, по разным мало значимым вопросам, - как бы предоставляя всякому иметь своё мнение. Но обладал поразительной непоколебимостью в то, во что верил. И в этом отношении для него не существовало полутонов, серого цвета. Был твёрд в своих оценках и суждениях.

В те небезызвестные, трудные для отечественной биологической науки дни, когда субъективные тенденции авангардистов от науки низвергали материалистические основы биологии, И.А. занял твёрдую, принципиальную позицию. И эта позиция обрела глубокие личные последствия. Известно, что в рядах лысенковской комарильи, по ту сторону баррикады, одну из наиболее значимых фигур представлял двоюродный брат Долгушина, Донат, ярый соратник Лысенко, известный генетик, работавший в Одесском институте генетики и селекции. На основе неприятия Долгушиным всего того, чем ознаменовалась лысенковщина, между братьями произошёл разрыв. И.А. вычеркнул брата из своей жизни, не имел с ним никакого общения, никогда о нём не упоминал. Другой случай...

Игорь Александрович обладал глубочайшим чувством патриотизма. Он был гражданином большой Советской страны, человеком державным. И как истинный патриот, с болью относился к факту нападения на нашу страну фашистов. С началом войны из западных и центральных областей Союза, была организована эвакуация на восток промышленных объектов, учреждений культуры и науки, населения. Что, кстати, возымело, хотя и непреднамеренное, но немалое положительное значение. Эвакуация в Алма-Ату центральных киностудий страны, ведущих научных, творческих коллективов

и деятелей искусства, оказала огромное влияние на развитие в Казахстане кинематографии, театра, науки и т.п. В целях «государственной безопасности», спешно и безоговорочно проходило выселение на восток неблагонадёжного контингента населения, в число которого попали и граждане немецкой национальности, независимо от их социального статуса и общественного положения. Акция эта, проводимая системой НКВД, имела конкретную цель – избежать пособничества фашистам, и носила соответствующий характер исполнения. Каким образом это коснулось немцев попроще, особый разговор. Знаю случай, когда из Москвы вывезли женщину, этническую немку родом из Заволжья, жену русского лётчика-испытателя, в это время пребывавшего на фронте, запретив вывезти малолетнюю дочь. Её, как и других таких же столичных дам, определили на поселение в аулы казахстанской глубинки, где судьба большинства из них сложилась трагически (тем более, с учётом их статуса потенциальных приспешников врага). Менее жестоко судьба обошлась с деятелями наук и культуры из «неблагонадёжных».

В Алма-Ату попал довольно известный уже по тем временам зоолог Б.К. Штегман (до войны широко публиковавший работы в зарубежных изданиях). Оказавшись в столь затруднительном положении, вскоре встретился с коллегой Долгушиным, который ещё не был призван в армию. Время военное, и И.А. поселил бедствовавшего Штегмана с семьёй в своей небольшой квартире. Жили одной коммуной. «С харчами было туго, и я по вечерам ходил с ружьишком по городу и стрелял грачей да ворон. Этим и кормились» (из рассказа И.А.). Вот они, истоки известных публикаций Штегмана о морфологии скелета вороновых. По вечерам под радиосводки Информбюро о не радующих событиях на фронте водили беседы. Немец напирал, было очень тревожно. И неожиданно Б.К. повёл успокоительные разговоры. Дескать, немцы культурная нация, завоеуют страну – к лучшему, заживём цивилизованно, и т.п. (обида была на власть, из Москвы сослали). Как рассказывал И.А.: «Стерпеть этого я не смог и выставил их из дому».

Меня всегда удивляло какое то затаённое отношение И.А. к личности В.В.Шевченко, милейшему человеку, нашему с Ковшаром опекуну по части вторжения в Казахстан, да и потом. Упоминания в разговорах о В.В. воспринимались с деланным невниманием, безответным молчанием. Не было для Долгушина Шевченко. Дело в том, что В.В. в первые же дни после освобождения Харькова был выслан в Казахстан по причине «сотрудничества» с оккупантами. Как и тысячи граждан, он оказался на оккупированной территории. Университетского преподавателя (кандидата наук) власти разыскали и определили на должность декана биологического факультета. Факультету так и не суждено было открыться. Но факт «согласия служить врагу» место имел (а кто о согласии спрашивал?), робкого характера интеллигент-учёный сопротивления не оказал. Так и вошёл в категорию лиц, которым держава выразила недоверие. Думается, что глубоко патриотичный Долгушин, не признававший полутонов, когда дело касалось такого понятия как честь Отчизны, через себя переступить не мог. Хотя вскоре профессор Шевченко был реабилитирован, в Академии пользовался заслуженным уважением коллег, и вроде бы не мог разумный Долгушин таить к нему, фактически пострадавшему, необоснованной злобы. Но в душе фронтовика–артиллериста червоточинка могла быть.

Игорь Александрович был сибиряком, немало гордился этим, иногда подчёркивая тот факт, что не одиночные личности, а целая плеяда видных зоологов выросла из одного и того же сибирского корня, что и он. Но, прожив большую часть жизни в Казахстане, искренне любил эту страну, был очарован её просторами, готов был доказывать каждому, что нет на земле края более благодатного и щедрого. Страна, которая стала не только предметом его биографии, но и всей сущностью его жизни.

Порою, с неким детским бахвальством, он подчёркивал, что всё-таки Казахстан по площади – семь Франций (то есть, знай наших!). Разнообразная природа бескрайних степей и заоблачных вершин этой страны ещё в молодые годы поразила воображение Долгушина и безгранично овладела его сердцем. В фразе, предварявшей главный труд своей жизни, И. А. отразил эту любовь: «Казахстан стал моей второй родиной, а его мир птиц - предметом постоянных стремлений, вечных поисков, радостей и страданий». Он знал Казахстан не только как учёный, но и постоянно глубоко к сердцу воспринимал все его проблемы. Искренно верил в свою не только причастность, но и ответственность за судьбу страны, за судьбу казахской науки, по сути дела, у колыбели которой он и был в те далёкие годы, когда в республике зарождалась академическая наука.

Будучи влюблён в Казахстан, он с глубоким почтением относился к казахскому народу, высоко ценил его самобытность, талант, одарённость. Восхищался национальными поэтами и певцами, деятелями революционного движения и учёными. Сокрушался, что не сложилось воспитать хоть одного крупного орнитолога – казаха, и говорил, что цель его жизни - искоренить этот пробел. Многонациональная Средняя Азия, и Казахстан в том числе, был той средой, где формировался долгушинский интернационализм. И для И.А. все народы были по-своему одинаково хороши. Но глубокая вера в творческие ресурсы казахского народа, мотив исключительности казаха, во всех его беседах просматривался непременно. Он говорил: «Среди истинных представителей среднеазиатских народов казах, не в пример узбеку, ленив и не блещет чистоплотностью. Но умён, любознателен, с творческой жилкой. Народ таит в себе огромный творческий потенциал».

По отношению к казахам, будем говорить, всякого положения, и министерского чиновника из управления заповедниками, и народного артиста из оперы, и академика, у него в лексиконе очень популярным было некое ласкательное «казачёк». Долгушин говорил: «Будешь в управлении, зайди к степановскому заму, смышлённый казачёк, он тебе растолкует, что делать с бумагами». Восхищаясь Сатпаевым, президентом Академии, его образованностью, интеллигентностью, он говорил: «На редкость толковый казачёк, деловой, разумный». Или в другой беседе: «Ты представляешь, каково быть президентом Академии в Казахстане? Пол республики – родня, если не больше. Знаешь как у казахов, все придут навестить такого знатного родственника, главного учёного страны. День и ночь будут ехать, месяцами. Когда же президенту устраивать приёмы, потчевать родню, ублажать аксакалов? Вот он и живёт в гостинице, пока привыкнут. Приедут, глянут – Ой бой! Плохо живёт президент, бедно, негде и погостить у него. Потолкуются, потолкуются казачки, да и съедут. Молва быстро разойдётся».

В общении с людьми, с коллегами на работе он никогда не проявлял признаков эдакой суетливой деловитости, не напрягал окружающих своей значимостью руководителя, профессора, видного учёного. Над всем разнообразием проявлений характера этого человека превалировала главная – простота. По своей сути очень **не прост** был Долгушин, но на миру он обезоруживал окружение своей доступностью, манерами, порою как бы бравирюя этим. Мало того, он, как бы исподволь, насаждал религию скромности, простоты и своим близким, ученикам. Чужды ему были помпезность и чиновничество. И мне кажется это немало воздействовало на судьбоносных персон, к которым он смело шел на приём для решения важных проблем. Не раскланиваясь и не объявляя от двери, что он Долгушин, доктор и сталинский лауреат. Не как проситель, а по делу. И персоны, по причине неадекватности поведения посетителя, сдавались без боя. Иногда, правда, он всё же сетовал: «виду у меня нет, вон

Васька Скалон, сам никакой, а бороду вперёд выставит, и ему всюду почтение. А я без бороды».

И не делал он различия между именитыми и человеком попроще.

Лето 1965-го. 4-я Всесоюзная орнитологическая. Окончилось заседание, дело к вечеру. Разомлевшие участники конференции толпятся на ступенях перед входом в Академию. И.А. Долгушин перехватывает меня, устремлённого к каким то личным свершениям. «Игорь, дуй ко мне домой, ключ под ковриком, знаешь. Там в коридоре в углу бутылки разные, побросай их в ванну и набери воды холодной. Жди, я скоро приду». Нужно сказать, что обстановка в доме профессора была предельно спартанская. И если в домах алматинских корифеев (например, Слудский, Корелов) тогда тоже отсутствовала стильная мебель и признаки особого комфорта (утопающие в зелени небольшие частные домики, крошечные комнатки, кабинетики в одно посадочное место), то квартира проживавшего в державном доме И.А. никогда особым комфортом не отличалась. От входной двери прямо – святая святых, кабинет с небезызвестным диваном, что там в других помещениях было, совсем неважно. Сам И.А. к быту как к таковому относился с прохладцей. Иногда сетуя на видимый разор в квартире: «Жена в экспедиции, а мне, видишь, дел невпроворот». Не помню, был ли в доме профессора холодильник. Если и был, то всё равно, только до краёв наполненная водой ванна могла осилить процесс охлаждения обнаруженного мною множества бутылок с вином.

С ворвавшимся в дом И.А. в тесноватой кухне мы наспех сдвинули в угол кухонный стол, нарезали хлеба, колбасы, вскрыли банки кабачковой икры. Что-то по части тарелок и не помню. К очень скорому появлению гостей было всё готово. Не смущаясь легко осязаемого беспорядка в доме, сославшись на отсутствие пребывающих в экспедиции домашних, И.А. согнал прибывших в кухню. В кухне набилось множество народу, до отказа. Кроме своих – Слудский, Гаврин, Корелов - и «заморские»: американский Вори, Иогансен из Швеции, ещё кто - то. Я порывался смяться, «ты куда, садись!». Сбились к столу тесной компанией (очень тесной) и душевно расправлялись с батареей бутылок вина, правда, в основном сухого. Галдёж стоял, непринуждённая обстановка. Темы для обсуждения были различные, но в основном общие - птичьи. Это при разноязычии. При том, что иноземцы по русскому никак не могли, а наши (в лучших традициях отечественной научной элиты) – по ихнему без всякого понятия. Весёлая компания засиделась допоздна. Потом провожали до гостиницы, на кухне разгребали последствия трапезы. Всё обыденно, как будто на этой кухне обычное дело принимать изысканное общество. По реакции хозяина - никакого стремления подчеркнуть значимость события. Ну, подумаешь, миллионер Вори.

Можно ли было предугадать в этот вечер, с этой весёлой компанией, что через год в этот дом войдёт страшная беда. Нам предугадать. И.А. о себе то всё знал, но верил в лучшее. «О себе писать не буду. О болезнях писать скучно. Словом, была операция, кончилась благополучно – всё. В остальном всё хорошо» (это сентябрь 64-го).

Обретя опыт общения с пишущим человеком, приходишь к мысли, что плохо, небрежно пишут люди внутренне мало состоятельные и плохо освоившие в школе азы чистописания. Я не беру в счёт медиков, это какая то религия, непонятные каракули – как отражение их сомнений о характере недуга пациента. Не все могут похвастать красивым подчерком, не все каллиграфы, но для учёного, делового человека – норма писать не только грамотно, но и красиво. Старшее поколение зоологов, в большинстве своём по этой части было безупречно. Нынешний юный коллега, отправляя несовершенно по форме депешу (бог с ним, с содержанием), не только оскорбляет

адресата и утомляет его расшифровкой текста, но и в сумме ставит под сомнение возможность дождаться ответа

Рукописи Долгушина – особая тема.

Переписка с коллегами, учениками, прочими корреспондентами, явно отрывая от разных научных дел, всё же для него была делом святым. «Письма писать – дело достаточно муторное. Посему сетовать на то, что кто-то кому-то не пишет, не приходится. Напротив, каждое письмо следует рассматривать как чудо и соответственно на это реагировать» (см. раздел «Переписка»).

Сколько благородства несли строки его писем, разных деловых бумаг и мелких отписок. Он не умел иначе. Ровный, понятный подчёрк, не требовавший мучительного разбирательства головоломок, часто позволяемых нами. Прочитывая его письма, другие бумаги, да и просто в разговоре, с удивлением отмечаешь, что отсутствуют в обиходе обычные для нас, вечно спешащих и небрежных, такие привычные сокращения – зам, пом, ред, рук. Всё это – полного написания. И не обидно «заму» да «пому», и принципиальное отражение интеллигентности, боязнь «укоротить» значимость человека.

И в это было вложено внимание, почтение к персоне, обратившейся с просьбой, за советом или с пожеланием добра по случаю праздника. Сетую на понятную занятость, он, тем не менее, не позволял себе оставить без ответа то или иное послание.

Дом Долгушина, в полном смысле слова, был открыт для всех. Под ковриком у входных дверей его незавидной «профессорской» квартиры всегда лежал ключ, которым могли воспользоваться, при нужде, многие. Бывая в А-Ате, нередко случалось заночевать у И.А., на старомодном потёртом диване под огромной, во всю стену картой Казахстана.

Чаще всего «заночевать» носило условный характер. Темы разговора перерастали одна в другую и превращались в бесконечный «трёп» (термин Долгушина) о разном. О поэзии вообще и о личности Шевченко (фамилию всегда произносил с ударением на первую Е), об экстерьерных показателях женщин (хотя и не был большим знатоком по этой части) и удивительных приёмах передачи казахами оперативной информации от аула до аула системой «кузун кулак» – длинное ухо. И только выкурив бесчисленное множество папирос, и выпив безмерное число чашек чая, вдруг переключались на разговор о деле. Как и что делать, какова главная концепция и логика написания статьи, и т.п. Уже давно рассвело, И.А. начинал провоцировать меня подремать, дескать ночь не спали, но я окрылённый, очищенный от сомнений и избавленный от чувства собственной никчемности устремлялся из животворной обители Долгушина в библиотеку, в лабораторию – творить.

По части сна. И.А. постоянно пребывал в состоянии недосыпу. Казалось, не было конца этому потоку молодых, да и разных дарований, жаждущих общаться. Днём это было мало возможно. Значит в ночь. А утром – служба. И.А. признавался: «Постепенно приучил начальство, что рано не прихожу. Думают, наверное, Долгушин чем-то очень научным занимается, работает. А я сплю». Обманул, дескать, начальство. И долгушинская улыбка во весь рот да смешливые глаза.

БУХГАЛТЕР. Байку про бухгалтера ещё, наверное, помнят соратники И.А., бывавшие с ним в «поле». При подобных обстоятельствах и я приобщился к мысли о завидной доле некоего бухгалтера. Существовал ли он в природе, этот гипотетический бухгалтер, в нарукавниках (чтобы рукава его единственного пиджака не вытерлись).

Надо думать, именно тот, о котором шла речь, являл собою некий сборный образ, отражавший тихую, малых страстей и риска жизнь, по установленному примитивному

«порядочку» и режиму. Придумал его И.А. из зависти. Бухгалтер чиненько вставал и, проведя курс надлежащих процедур, шел на работу к девяти. Это когда, проснувшись до рассвета, ненормальные орнитологи, уже успели обогатить, или ещё продолжали обогащать себя информацией из интимной жизни птиц, намордовались до чёртиков. Не задумываясь о несправедливости жизненной, памятуя, что каждому своё.

Мудрый Долгушин это понимал. Но завидовал бухгалтеру, который утром спал.

В конце 50-х – начале 60-х, в годы, когда зарождалась космическая эра, бухгалтер, как таковой, был фигурой не значимой. И кто мог завидовать этому субъекту, загнанному скудным житием, в утлом пиджачке, с завёрнутым в «Правду» скромным бутербродом, пожизненно обречённым причаливать к своему канцелярскому месту, натягивать нарукавники, и в 9 ровно приступать к трудовому процессу. Но зависть к судьбе бухгалтера, сильную и неизменную, Долгушин в душе таил.

Вставать рано И.А. не любил, потому что он ложился поздно, порой и тогда, когда брезжил рассвет. Он работал по ночам: «Привычка. Понимаешь, в доме дети всегда, и не поработаешь». А работал он обстоятельно, уже и утро пришло, когда он укладывался «ночевать». При каждой возможности норовил утром поспать подольше. Удавалось не всегда. «Служба» через дорогу. С одной стороны удобство, а с другой беда. Бегут сотруднички, разный прибылый люд, приученный к демократическим манерам «провинциального» профессора. Поди ты к московским ворвись в дом когда попало. Времени на сон хронически не доставало.

Ранний Гаврилов с солнышком влетал для решения очередных воробьиных проблем. Но Гаврилов, действительно, человек энергичный и рациональный, избегал переводить время на «плановое» спанье, поэтому норму сна добирал между делом, и мог спать сидя, стоя, наверное, даже на бегу. Пол минуты – и наспался. Так вот.

И.А. нагрязнул в Истембет, в посёлок заповедника, негаданно. Было начало лета. Не помню сейчас, но и народу то с ним было человека три, включая водителя тупоногого грузовичка. Цель поездки в наши края – разобраться, что там, на Тенгизе, как фламинго. В предыдущее лето колония, вроде, распалась по причине неудачно сложившегося соседства с космонавтами.

С вечера, вдоволь поболтав за чаем со «свежим», и таким ослепительным собеседником, стали устраиваться спать на крыше. По-казахски – крыша плоская, с едва уловимым скатом в разные стороны, традиционно глиной «крытая». В доме было нестерпимо жарко. Чуть не полуметровой толщины саманные стены днём всё равно нагревались, и от жары не спасали. Да ещё комар в дом набирался в изобилии. И мухи... «кара египетская». Короче, крыша. Побросав под бок чего помягче, разлеглись, потолковали, как всегда, «за жизнь», о непознанности мироздания и о россыпи звёзд над головами, в частности. Уснули.

Вроде и не спали.

Как полный ушат воды на голову:

-Товарыш Ихор! Товарыш Ихор! Встават! Встават!

Предупреждённый с вечера о нашей ранней поездке, неусыпный Егор Егорыч, сторож заповедника, так и не подолавший свой, на немецкий лад, выговор, стоит внизу под домом и во весь голос так неприятно орёт... А до восхода солнца далеко. Но предрассветный полумрак, едва уловимый несущий прохладу бриз, диктуют своё - подъём. Скрипя и чертыхаясь, слезли с крыши, наспех хлебнули чая с хлебом, загрузили в кузов пожитки. Утренние сборы короткие, жара объявится с первыми солнечными лучами, быстро, а дорога дальняя. Примостились в машине, поёживаясь от утреннего дискомфорта, когда всё вроде бы и хорошо, да что-то, всё равно, «плоховато».

Тронулись. Ободряющий ветер в лицо, ещё бесформенно серая степная дорога под колёсами и розовеющая кромка света у края горизонта. И тут, с чувством зависти, а

в то же время, и превосходства, лаконичная фраза Долгушина: - А бухгалтер то ещё спит! И далее, о его жизненной привилегии ЕЩЁ спать.

Когда мы, избравшие себе другую судьбу, несёмся неведомо куда, в такую то рань. Но, реабилитируя идею. Вот, на наших глазах происходит это неописуемой красоты таинство, рождение нового дня. Меняются краски, как бы оживает весь мир, вот-вот несмелым краешком выплывет огромное светило. Ещё не зримое из-за горизонта, оно уже осветило облачка на востоке. Красота. Кажется, никогда не насладиться этой картиной предрассветного утра, просыпающегося дня. Первобытное состояние души. Какая - то магическая сила управляет тобой, твоими чувствами, разумом. И какое то подспудное чувство жалости к тем, кто не может сейчас разделить с тобой это торжество рождения дня. А он, придуманный и охаяный нами бухгалтер, ещё спит, лишённый радостей, таких доступных каждому человеку.

ФИЛАТЕЛИЯ. Филателия, это, если серьёзно, то для людей обстоятельных и страстных. Я не знаю, увлекался ли И.А. когда-нибудь ранее собирательством почтовых марок. В качестве яростного коллекционера он предстал передо мною неожиданно. Постоянно с кем-то согласовывал «марочные» проблемы по телефону, назначал встречи, и негодовал, что Аркашка (Слудский) где-то подсуетился да дорогу перешёл...

Лаборатория вообще не была обойдена страстями. То все до единого мастерили пепельницы, из алебастра лепили некое подобие сов с распростёртыми крыльями, то нечто другое. Правда, в большинстве случаев, шедевров среди этих изделий не было. Но авторских восторгов и критики в адрес друг друга – хоть отбавляй. Из разных железяк точили ножи. И тоже, это захватывало всех. Ну, разве что Мстислав Николаевич [Корелов - АК] был глух к этим страстям.

Долгушин пепельниц не лепил (ему их сдаривали) и ножи не строил. Он коллекционировал марки. Марки собирал и Слудский, более энергичный и пронырливый, И.А. всё время чувствовал, что уступает первенство, и по этому поводу нервничал. Не помню, но, кажется, марочная эпидемия не обошла стороной и Гвоздева.

То, что мельком случилось просмотреть в сборах Долгушина, меня ничуть не взволновало. Так себе, простенькое всё. Начинающему коллекционеру нечем особенно было похвастаться. И я не преминул заметить, что являюсь владельцем более содержательной коллекцией, которая пребывает в Харькове. И.А. принял это сообщение с плохо скрываемым недоверием, оценив меня взглядом, каким взрослый человек смотрит на хвастливого мальчишку. А у меня в Харькове действительно была очень приличная коллекция советских марок, особо ценимых на филателистическом рынке. Именно которыми Долгушин и страдал.

Марки я собирал всю жизнь, сколько себя помню. Ещё в довоенное время, мне, семилетнему, отец покупал в киоске КОГИЗА (такая организация была, вроде Союзпечати) маленькие прозрачные конвертики, в которых просматривались желанные зубчатые прямоугольнички с изображениями героев стратосферы или павильонов Всесоюзной сельхоз выставки в Москве. Во время войны это не такое уж и большое моё богатство сгнуло, и только после войны, у меня школьника, огонь марочной страсти вспыхнул с невероятной силой. В то время скудного житья всё это подогревалось возможностями «рыночных отношений». Нужную марку у одноклассника можно было выменять на другую, менее нужную. Или на пёрышко для ручки, или на право соседа макать в твою чернильницу. Допустимо было пожертвовать конфетой – подушечкой из школьного «завтрака» (время было не сытое, и в школе была заведена система: каждому малюсенькая булочка и в немытую пригоршню несколько обсыпанных сахаром крошечных леденцов). Марку можно было выменять за немецкий нестрелянный патрон (ценная вещь, можно на трамвайные рельсы положить и бабахнуть), за хвостовик

артиллерийской мины. Светлой памяти, родители не сдерживали моих собирательских склонностей, и в те невообразимо трудные годы, мама из последнего выделяла мне некую толику денег, и я бежал на почтамт, где за стеклом на картонке красовались марки. Просовывал в окошко потный рубль и становился обладателем заветного прямоугольника с изображением ордена Суворова. А ещё многим маркам суждено было ждать, пока я разбогатею. Уже попозже коллекция обрела невиданную «подпитку».

Дело в том, что вернувшиеся с войны, разгромившие врага в его логове, наши соотечественники кой-чего из этого логова привезли. Генералы – автомобили, ковры, саксонский фарфор (эдаких танцующих барышень в юбочках из тончайшей прозрачно – дырчатой керамической ткани). Люд попроще - кто отрез на костюм, кто хром на сапоги, кто кружевные пенюары (невиданной красоты женские рубахи для сна, в которых наши не очень просвещённые дамы, нет-нет, объявлялись и на обществе, в театре, подбрасывая новые сюжеты для анекдотов). Было ли это странным, но отцы своему подростку за годы войны потомству в качестве подарков привозили марки. Причём марки в тех же серой грубой бумаги когизовских тетрадках, в которых их продавали в наших киосках до войны. Судя по всему, в период оккупации наших территорий, понимая ценность таких трофеев, немцы на складах, в магазинах гребли и отправляли в Германию бесценные советские знаки почтовой оплаты, которым суждено было вернуться в Союз.

Но во всех случаях эти подарки случились к месту. У одних моих сверстников они явились предметом обмена на нечто более путящее, у других бесцельно валялись дома. Одна из таких тетрадок с советскими марками, посредством всяких предпринимательских действий, досталась и мне. Сейчас трудно дать реальную оценку этому «мелочному» приобретению. Думаю, на сегодняшнем филателистическом рынке можно было бы стать человеком весьма финансово значимым. Ещё в 60-е годы серия из полудесятка «Всемирной спартакиады» тянула за 100 рублей. При тех-то деньгах – приличная сумма.

Тогда разговор о моей коллекции как-то и не повёлся. На нет и спросу нет.

Эдак через полгода, вернувшись из отпуска, я привёз из Харькова большущий альбом, где в соответствии с системой и правилами было наклеено (так раньше принято было) моё великолепное собрание довоенных «советов» (знатоки именовали советские марки). При первой же okazji в Алма-Ату, прихватив альбом с собой, и памятуя недоверчивый взгляд И.А. при сообщении о существовании некой коллекции, поспешил предложить возможность просмотра.

Это был шок. Уважаемый профессор застыл в недоумении. Неужели это всё наяву. Таких марок, думается, не имела вся Алма-Ата. О многих сериях И.А. только слышал. «Антивоенная», «Всемирная спартакиада», «Полярная», «Авиация», да и многое другое. В полном забытии, не отрываясь, листал страницы, машинально прикуривая одну за другой папиросы. Не было у И.А. слов выразить свои чувства.

Моё решение возникло внезапно. Я уже порядочно лет не открывал альбом, который, главным образом, занимал меня в школьные годы. Моя взрослость женатого человека, положение начинающего учёного, по службе - вроде бы руководитель в заповеднике, вообще не предполагали занятий ерундой. Но главное. Долгушин, обладавший потрясающей душевной теплотой, какой то благостной аурой, способностью обласкать и поддержать в минуту раздумий и сомнений, был человеком, которому постоянно хотелось сделать что-нибудь хорошее, отблагодарить его человеческое тепло (это не только моё к нему чувство, об этой любви к И.А. неоднократно слышал от других). И я, как-то неумело сообщил, что хотел бы подарить ему эти марки. Вот так, просто сейчас, из рук в руки.

И.А. был в смятении. Как же так, эдакую ценность? Он пытался убедить меня в безрассудстве моего поступка. Говорил, что так не бывает. В конце концов, сошлись на том, что к коллекционированию я нацело охладел. Так зачем, как небезызвестной собаке на сене, и т.д....Что-то такое было говорено.

Думаю, в эту ночь Долгушин не сомкнул глаз. А на следующий день он нанёс роковой удар в сердце Слудскому. Бедный, морально убитый (надо было знать Слудского, недостижимого лидера, ментора) Аркадий Александрович буквально влетел в лабораторию, где я что-то писал. Взволнованный, до невероятности расстроенный. Ходил вокруг меня, допытывал, а не осталось ли чего у меня в записках. Он так и не понял истоков произошедшего. Приехал пацан и отдал марки не ему, а Долгушину.

Но какая могла быть связь между этими двумя людьми? Я был счастлив от того, что принёс ни с чем не соизмеримую радость человеку, общение, пребывание рядом с которым воспринимал как божий дар, что не каждому смертному дано.

Человек, которого посещали разные страсти, И.А. был именитым болельщиком. Спортивным. Он «болел» за волейболистов, гордился тем, что Вася Ахтаев - самый высокий баскетболист в Союзе. Но больше всего его занимал футбол. Кстати, на футбольные матчи ходили Слудский, Гвоздев и прочий академический люд, убеждённый, что лучшая команда страны - алмаатинский «Кайрат». Как-то, будучи в командировке в столице, я сподобился вместе со всеми попасть на матч. В приказном порядке, никаких отговорок. Помнится, Василий Гаврин с нами был.

«Кайрат» с кем-то из серьёзных команд играл, и накал на трибунах был соответствующий. Откровенно говоря, я смотрел на «болеющего» Долгушина больше, чем на происходившее на поле. Он весь был там, в пылу борьбы, привставал с лавки, бил кулаками в колени, и беспрестанно дымил папиросинами. А в профиль! Яростный. Волосы торчащие дыбом, как-то вперёд. Здорово выдающиеся надбровные дуги с могучими бровями, выпяченные губы с папиросой, мешавшей кричать. Во всём – знак непримиримости. «Он весь, как божия гроза» (цит. Пушкина).

Выиграл «Кайрат». До ночи только и было разговоров о преимуществе казахстанского футбола над всяким прочим, другим, не казахстанским. Он знал всех футболистов команды поимённо (кстати, все они носили хохляцко-русские фамилии, в чём истинный интернационалист Долгушин усматривал некое знамение. Ведь и Тарас Шевченко, по его убеждению, был больше казахским поэтом, чем украинским).

И ещё о футболе. И.А. регулярно посещал два «необязательных» собрания. Первое - «брехаловка» футбольных болельщиков, что проходила в конференц зале Академии, где Долгушин был ведущим знатоком и спорщиком. Второе – в фойе университета, где по вечерам толпился филателистический люд.

Как-то, не договорившись точно о времени встречи, я под вечер заявился к нему домой. В щели двери для меня была записка с кратким текстом: «Игорь, приходи в конференц-зал Академии. Игорь». Благо это было через дорогу, я поспешил в Академию и робко заглянул в приоткрытую дверь, думая, что там проходит какое то совещание. Не тут то было. Там орал. Перед столом президиума, в первых рядах, стояли, сидели, кубились мужики, спорили, размахивали руками. Я пробрался поближе. Галдёж носил чисто дискуссионный характер. Выиграл «Кайрат» у кого-то, или нет. Мнения разошлись. Среди наиболее убеждённых сторонников выигрыша был Долгушин. Всклооченный, непримиримый.

Увидел меня, бросил пару реплик в толпу, и мы вышли. Далее, как я понял, следовало ещё одно мероприятие. Пройдя несколько кварталов, зашли в фойе Университета. Обширное полукруглое помещение было в полумраке (видно, хозяйева

экономили электроэнергию) и довольно замусорено. Здесь толпились люди как разного возраста, так и разной внешности. Усиленный акустикой помещения стоял гул. Филателисты, в отличие от футбольных болельщиков, были народом сдержанным и деловитым. Не спеша, перемещались, сбивались в кучки, расходились.

Появление И.А., высокого, в длинном старомодном пальто (на его худощавой фигуре – как бы с чужого плеча), моментально вызвало оживление. Здоровались, о чём то спрашивали. Он извлёк из кармана пальто кляссер с «обменом», появился повод для организации сделок. Пацанва школьного возраста также что то выискивала в профессорском «развале», приценилась, что то просила в долг до следующего раза. Долгушин был в своей стихии. Он набивал цену, сопротивлялся и торговался. Что то выменивал, кому то отдавал под честное слово, с деланной миной глубокой досады, что то отдавал безвозмездно неплатёжеспособным. Как серьёзно выглядел И.А. в этом разношерстном круговороте страстей, и как всё это было несерьёзно. Я в душе хохотал, наблюдая со стороны за этим шоу. Юморина, да и только. Все мальчишки, от мала до велика, звали его по имени–отчеству, а он их по именам. Ну, своя братва, да и только. Казалось, что этому представлению не будет конца, но местная охрана помещения, деликатно помаргивая и без того тусклыми лампочками, завершила встречу. Правда, пока ещё мы шли по улице, направляясь к пельменной, где предполагали перекусить, нас сопровождали знатоки, утверждая, что перфорация в восемь зубцов на марках серии чему-то не соответствует. И получили профессиональный отпор. Не на того попали.

Покovyряв вилокoй по скромненькой двойной порции неважнецких пельменей, разошлись. Я в гостиницу, он домой «примерять» вечерний улов в свой альбом. Это было до того, как И.А. стал обладателем моей коллекции.

Заслуженный, почётный, лауреат и т.п. и т. д., И.А. иногда не прочь был порадовать окружающих, представившись таким себе простаком, наивным, что вызывало немалый душевный восторг и у самого «исполнителя», и у его спутников.

Трудно передать словами сцены его торговли с пацанами на марочном сборище в Университете. Да блекнут описанные юмористами сцены торговли цыгана, продающего неговую кобылу бестолковому мужику. Тут и мимика, и жесты.

Или на той же футбольной брехаловке. Вытянув шею, наезжает на спорщика, вид свирепый. А в глазах смешинка. Оно ему, вроде, и не надо, какой ногой, левой или правой бил, да не забил. Но чего же не пободаться, коль случай выпал, и никто не осудит. Правда, по части «осудит» И.А. имел мощную защиту - равнодушие к молве.

Он приехал в Харьков с сыном на консультацию к врачу. Остановился у Волчанецких. Погостевал у всех. В один из дней я его увлёк на экскурсию по городу. Охи – ахи, город большой, интересного не мало. И Шевченко от Монизера, и первое в Европе монолитное высотное здание Госпрома. С целью ознакомления с «конъюнктурой рынка», забрели в Центральный универмаг. Большущее с колоннами четырёхэтажное здание в стиле послевоенного барокко. День не рабочий, народища в магазине тьма.

Равнодушно созерцая всякую универмаговскую дребедень, И.А. вдруг был чем то взволнован, казалось, до глубины души, ну не было в жизни более желанной вещи. Стельки для обуви. С горячей уверенностью: «У нас такое не продают!». Обыкновенные стельки, которых, наверное, и в алматинских магазинах полно. Но, известное дело, у себя в городе по магазинам профессор по занятости не ходил. Бойко протиснувшись сквозь толпящихся у прилавка зевак, он купил две пары, про запас. Он не мог нарадоваться покупке, рассматривал, ногтем ковырнул, проверяя прочность.

Покинув зал, по широкой лестнице, в сплошном потоке вверх–вниз двигавшихся посетителей, стали спускаться. И тут, пройдя две–три ступеньки, он уселся на четвёртую, прямо по центру лестницы, снял туфли, и деловито втискивая в них,

принялся примерять стельки. Не спеша, с непоколебимым спокойствием. Нарушенный поток слева и справа обтекал сидящего на ступеньках человека. Верхние, не понимая причины задержки, подталкивали нижних, те чертыхались, люди с интересом и удивлением рассматривали приличного вида человека, вроде не забулдыгу какого, пожимали плечами и хихикали. А он примерял обувь, как она ноге, новая стелька. Одной ноге, другой. Не спеша, зашнуровал туфли, встал, потоптался для верности, и мы двинулись в путь. Если б впервой, можно бы сгореть от стыда, и дурно подумать о человеке. Но уже более или менее зная Долгушина, я понимал, что это «цирк», эдакая демонстрация удали. «Вот такой я, желаю обнову примерить, и всё». Ему самому понравилось представление. Шутливо хихикнув, прошёлся в адрес толпы, дескать, не дают нормальному человеку свободного самоопределения. «А что особенного я сделал? Когда покупают вещь, то примеряют». Логично.

При мне происходила сцена, когда ошарашенный чиновник, после непродолжительного разговора с «придурковатым» профессором, удалялся из долгушинской квартиры пятясь задом, таким путём пытаюсь найти выход.

Известно, что И.А. ходил в лауреатах самой престижной в стране Сталинской премии. Сказать, что это его как-то занимало, так нет. История гласит, что И.А. был в числе зачинателей акклиматизации ондатры в Казахстане. Дело вроде пошло, но ондатра стала разрывать дамбы, разрушать рисовые чеки (как-никак, Южный Казахстан, корейцы, рисоводство), Деятельность учёных была признана вредительством, и не знаю, сживали они, или нет. Но, со временем, ондатра проявила себя с положительной стороны, и, как водится, держава это заметила, и всех причастных обласкала одной, Сталинской. Ну, а диплом и медаль с профилем вождя дали каждому.

Так вот в 60-е, в связи с развенчанием культа личности, кто то принял решение обозвать премию Государственной, и заменить прежние регалии на новые. Разослали лауреатам уведомления, куда приносить на обмен утратившие почёт и уважение знаки. Долгушин не понёс, было у него на это своё мнение. Вот и пришёл мало впечатляющий дядька, и в маленькой тёмной прихожей, повёл нравоучительный разговор о правильности и пользе рекомендуемого действия. И тут И.А. вступил в роль эдакого простака. Он ввёл его за порог кабинета, но не дальше. В лице деланное смятение.

«Да как же можно? Я уже к этому привык. А вы свое поменяли бы? Ах, у Вас нету? Значит, не поменяли бы! Да вон какой красивый диплом, и большущий. И медаль тоже ничего, Сталин там. А на новой, я видел, только веточка..., и дипломчик маленький, просто завалященький. Ни за что не стану отдавать. Да за свой большой, и за медаль, Вы знаете, сколько я у пацанов марок наменяю. Так что извините, всего доброго.

Дядька не смел сопротивляться, и спешно покинул дом ненормального профессора. Думаю, забежав за угол дома, он дал волю своим знаниям ненормативной лексики. А мы уж поржали вдоволь, хотя И.А. остался при своём: где это видано, большой и красивый почём зря менять на маленький³⁹.

И.А. Кривицкий,
Украина, Харьков, июнь 2005 г.

³⁹ К сожалению, систему, приславшую «дядьку», невозможно обвести вокруг пальца, и сейчас в семейном архиве Долгушиных нет большого и красивого диплома, а хранится маленький невзрачный с надписью «Государственная премия СССР III степени», выданный вместо красочного сталинского спустя 11 лет – в 1962 г. - АК

Крупный ученый и большой эрудит

Весной 1960 года меня пригласили на работу во вновь создаваемый при Институте зоологии Музей природы АН КазССР. С 1 апреля 1960 года я приступил к работе там, в должности младшего научного сотрудника. Заведовал Музеем, который имел статус лаборатории академического Института, Т.Н. Нурумов. Кроме меня, отвечающего за научно-просветительское содержание экспозиционного фонда Музея, в нем работали еще один младший научный сотрудник Р. Тугушева – экскурсовод, опытные мастер-бутафор Л.А. Майданович, мастер-скульптор И.М. Дергачев, лаборанты и препараты. Курировал всю научно-просветительскую работу Ученый совет Музея, который возглавлял Игорь Александрович Долгушин. Членами совета были крупнейшие ученые Казахстана академик Б.А. Быков, доктора биологических наук, профессора - В.С. Бажанов, В.С. Корнилова, доктор геолого-минералогических наук, проф. Н.К. Ившин.

Наряду с научной, я занимался работой, связанной с научным содержанием экспозиций Музея, посвященным популяризации эволюционного развития органического мира на примере материалов из Казахстана. В процессе каждой новой экспозиции, вопрос о ее создании согласовывался с Игорем Александровичем, после чего изучалась, как правило, большая по объему литература по ее содержанию в целом и применительно к материалам Музея. Данные изучения литературы и сложившиеся в процессе подготовки экспозиции представления о ней, обсуждались, уточнялись детали и др. с Игорем Александровичем. После этого вопрос о ее создании выносился на Ученый совет музея под его председательством. После всестороннего обсуждения содержания и деталей будущей экспозиции Ученый совет принимал решение на ее создание сотрудниками Музея или путем заказа в мастерских художественного фонда, обычно через долго сотрудничавшего с Музеем художника Н.В. Соловьева.

Заседания Ученого совета Музея под председательством Игоря Александровича проходили живо и заинтересовано. Вспоминается одно из заседаний, на котором обсуждалась экспозиция, посвященная схеме классификации животного мира, при этом В.С. Бажанов настаивал на том, чтобы класс рыб представлял на схеме рисунок сома. Не согласный с этим Игорь Александрович убеждает его: «Валерьян, ну зачем тебе этот сом? Это узкая специализированная форма. Для класса рыб больше подходят изображения судака, жереха или какого другого более похожего на рыб вида».

Результаты работы Ученого совета Музея, возглавляемого Игорем Александровичем Долгушиным, нашли свое отражение практически во всех, в большинстве своем уникальных экспозициях, каковыми являлись, в первую очередь, электрифицированные стенды, посвященные одноклеточным (простейшим) животным) *Protozoa*, геологической истории хребта и фауне позвоночных Заилийского Алатау в неогене и антропогене, местам находок остатков позвоночных и животных мезозоя и кайнозоя Казахстана, а также глубоко научно проработанных интересных экспозициях, посвященных филогенетическим связям животного и растительного мира, происхождению человека, наиболее характерным, ландшафтным растениям природных зон Казахстана. Всех их и некоторых других, к настоящему времени из Музея убрали.

Игорь Александрович помнится мне как крупный ученый, высокообразованный, прекрасный человек, большой эрудит и жизнелюб. Он хорошо знал русскую и не только русскую литературу, искусство. Любил шахматы и неплохо играл в них, увлекался охотой и был страстным футбольным болельщиком.

Шахматные баталии с участием Игоря Александровича проходили обычно во время перерыва в лаборатории орнитологии, которая размещалась тогда вместе с лабораторией палеобиологии в небольшом, так называемом, финском домике,

оставленном строителями главного здания Академии наук. На втором этаже восточного крыла самого здания размещались все остальные лаборатории Института, изучавшие позвоночных животных.

Наскоро перекусив или не перекусывая, я мчался во время перерыва из Музея природы в лабораторию орнитологии, где в это время обычно уже шла шахматная игра Игоря Александровича, чаще всего с Гавриным, а после выигрыша с каким либо другим сотрудником лаборатории или Института, в том числе и мной. Играть мне с ним приходилось и во время проведения шахматных соревнований в Институте.

Большим событием в футбольной жизни Казахстана стало выступление команды «Кайрат» в высшей лиге (классе А) розыгрыша первенства Советского Союза. Каждая встреча «Кайрата» с ведущими футбольными командами СССР (Динамо, Спартак, ЦДКА, Москва и др.) в Алма-Ате была праздником для болельщиков, в том числе и для Игоря Александровича. Группа болельщиков Института с Игорем Александровичем, в том числе, по заранее купленным кем либо из нас билетам на всех, занимала места на восточной трибуне Центрального стадиона. Игорь Александрович «болел» не очень бурно, но достаточно энергично, эмоционально переживая все острые моменты матча и даже после окончания его, во время возвращения со стадиона по домам. На следующий день после того, как станут известны результаты игр других команд, он живо и заинтересованно обсуждал положение «Кайрата» и других.

Вспоминается Игорь Александрович во время организуемых тогда в Институте, коллективных или обычных совместных с ним выездов на охоту. Выезжали в августе на открытие осеннего сезона на водоплавающую дичь на популярные тогда Солёные озера, которые теперь на дне Капчагайского водохранилища, а в октябре - на кекликов в Чу-Илийские горы. Особенно запомнил один из выездов на Солёные озера, когда мы с другом, будучи в отпуске, выехали туда среди недели за несколько дней до открытия сезона для того, чтобы заранее арендовать у егеря две лодки. Одну из них для себя, а вторую для Игоря Александровича с Валентином (Эвальдом) Родионовым из его лаборатории, которые приедут и приехали позже в канун открытия охоты. Незабываем тот летний вечер у костра на берегу озера, неспешный ужин со 100 граммами, теплая неторопливая беседа. Мы, и Игорь Александрович в том числе, не могли похвастаться богатыми трофеями по окончании той, как и другой памятной для меня охоты с его участием на кекликов в Чу-Илийских горах. Нельзя сказать, что Игорь Александрович не особенно интересовался результатами охоты, но он не огорчался тем, что они оказались не совсем такими, как ему хотелось бы. Для него был важен не столько результат, сколько сам процесс охоты.

Помнится Игорь Александрович во время мероприятий, проводимых в Институте по случаю общегосударственных праздников в качестве оригинального, остроумного тамады. Или его появление на работе 23 февраля и 19 ноября в День Советской Армии и День Артиллерии в шерстяной защитной офицерской гимнастерке и галифе с орденами Александра Невского и Боевого Красного знамени или Красной Звезды (точно не помню) на груди. Будучи человеком скромным, он, как и многие в то время, в обычные дни орденов и медалей или орденских колодок не носил.

Для меня, сравнительно молодого в то время человека, совместная работа и общение с Игорем Александровичем и палеонтологом доктором биологических наук Валерианом Семеновичем Бажановым, были временем получения от них знаний, равных получению второго университетского образования, касающегося музейного дела и некоторых общебиологических проблем.

П.В. Шилин,
Алматы, март 2005 г.

Игорь Александрович Долгушин как зоолог и путешественник

Среди казахстанских зоологов–фаунистов особое место занимает доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии Игорь Александрович Долгушин. Непреодолимая жажда знаний, любовь к природе и путешествиям, сочетавшиеся у него с большим трудолюбием, смелостью, точностью и честностью содействовали его научному росту; позволили завоевать заслуженный авторитет и выдвинули в число зоологов мирового класса XX ст. Заслуги И.А. могут быть по настоящему оценены лишь при сравнении условий его работы с условиями работы современных зоологов, имеющих в своем распоряжении средства, оборудование, транспорт и пр. Значительную часть своих путешествий он совершал на лошадях, верблюдах, а то и просто пешком.

Игорь Александрович Долгушин был зоологом широкого профиля. Будучи орнитологом он во время своих многочисленных поездок и экскурсий внимательно наблюдал всех животных, поэтому в его печатных работах мы находим сведения по систематике, географическому распространению, экологии и миграциям не только птиц, но также млекопитающих, пресмыкающихся и других представителей животного мира. Знавшие И.А. ученые характеризуют его как преисполненного любви к природе, доверчивого и доброго к людям, преданного научному поиску, трудолюбивого и энергичного оптимиста, а также страстного охотника. Несмотря на то, что И.А. был залуженным человеком (лауреат Сталинской премии, награжден многими боевыми орденами и медалями Отечественной войны), он сохранил уважение и любовь к людям труда, с которыми делил бесконечные тяготы и лишения в течение всей жизни.

Нельзя не отметить заслуги И.А. в деле подготовки высококвалифицированных зоологов, особенно орнитологов. Он воспитал десятки ученых. Обладая неисчерпаемой энергией, он поддерживал душевную бодрость товарищей по работе не только личным примером, но и своим прирожденным юмором. Мне вспоминается один из случаев.

В июне 1952 г. наш отряд работал в степи Бетпак-Дала. Дни стояли очень жаркие, а ночью температура падала ниже нуля. Как-то рано утром (в день дежурства по кухне И.А.) мы слышим зычный голос И.А. «Хватит дрыхнуть! Подъем! Завтрак готов!» Продрогнув до костей от холода, мы со страшными усилиями заставляем себя вылезти из спальных мешков и видим такую картину. Кругом все бело. Трава покрыта инеем. Пылают костер. В казанке шкварчит баранье сало для казахского национального блюда – баурсаков. И.А. снимает с казанка крышку и бросает в него нарезанные кусочки теста. Слышится легкое шипение и пыхтение, а затем неожиданно наступает ружейная канонада. Взрывы срывают крышку с казанка и из него с шипеньем вылетают брызжащие кипящим салом баурсаки. И.А. командует. «Ложись!» и падает в польнь, обхватив голову руками. Периодически он выглядывает из зарослей, а при очередном взрыве вновь ныряет в них.

Когда канонада закончилась, слышим – «отбой!» «Повар» встает, берет чайник, наливает все кружки и приглашает к завтраку. Смешно было видеть с кружками в руках людей, которые, раздвигая ботинками траву, собирали что-то, бросали в рот и запивали чаем. Позднее у местных казахов мы узнали причины состоявшегося фейерверка. Оказывается, тесто было замешано с хлебной содой на холодной воде, в результате чего при резком нагревании образовавшийся углекислый газ и вызвал взрывную реакцию.

Ученики И.А. Долгушина и все знавшие люди будут помнить его как Ученого, всецело преданного делу служения своему народу, честного труженика на ниве зоологической науки, талантливого организатора, доброго и отзывчивого человека.

*С.Г. Панченко,
Украина, Луганск, 29 мая 2006 г.*

“На заре туманной юности”

Орнитология XX века непредставима без научного наследия Игоря Александровича Долгушина. Большой и взыскательный учёный, учитель и любимец молодёжи, умный и проникательный рассказчик, неутомимый путешественник, очень доброжелательный и интеллигентный человек.

Так случилось, что точка отсчёта моего творческого пути связана с этим удивительным человеком. И произошло это более 40 лет назад. Валентина Александровна Бибикова, мой незабвенный учитель, попросила Игоря Александровича взять меня в экспедицию по Восточному Казахстану, которую он возглавлял. Это был первый год моего обучения в аспирантуре. Тогда я ещё не осознавала, что это путешествие будет оцениваться мною позже, как судьбоносное. Именно так. Ведь это было моё творческое крещение: первая научная экспедиция в моей жизни, точка отсчёта моей жизни в науке.

Объектом моей диссертации были клещи-краснотелки семейства Trombiculidae. В природе я их никогда не видела. И очень волновалась, найду ли, узнаю ли их. Авторитет Игоря Александровича был колоссальный. Это подогревало моё волнение ещё больше. Как бы не оплошать! Как бы оправдать доверие! Я чувствовала ужасную неловкость ещё и оттого, что в отряде были только мужчины: И.А. Долгушин, териолог Ю.С. Лобачёв, лаборанты Анатолий Погарский и Дамир Увайсов, работник типографии, шофёр и 2 собаки, спаниель и ирландский сеттер, тоже мужчины (!). И никого прежде я не знала.

Спустя месяц, к нам прилетел сын Игоря Александровича Алеша, семиклассник. Его появление изменило моё самоощущение в отряде к лучшему. Мужчин я почему-то сторонилась, а с ним мы быстро подружились. К тому времени он уже был хорошим стрелком и однажды убил даже летящего гуся. Как-то он сказал мне: “Хочешь, я поучу тебя стрелять?” Я согласилась. Это было, кажется, в Сауре. Утром все пошли в одно ущелье, а мы с Алёшей - в другое. Там он мне со всей строгостью преподавал первый и последний в моей жизни урок этого искусства. Вечером, за ужином Игорь Александрович сказал: “Создаётся впечатление, что мы здесь не одни, я слышал выстрел”. Мы с Алёшей не признались. Но больше ничего подобного не делали.

Мои тромбикулиды в течение первого месяца не попадались, доставляя мне этим невероятное страдание, которое я тщательно скрывала. Будучи проникательным человеком, Игорь Александрович всё видел, чувствовал и сопереживал. Однажды, находясь в палатке, я стала невольным свидетелем его разговора с кем-то из сотрудников: “Как же ей помочь? Я сам то не знаю этих клещей”. Через несколько дней появились зверьки с клещами. Потом я уже собирала их ежедневно. Как оказалось, дело было вовсе не в неумении их видеть, а в биологических закономерностях.

Мы уже тогда знали о тяжёлой болезни Игоря Александровича, но я не помню, чтобы он когда-либо заговаривал об этом или претендовал на какие-то особые условия для себя в поле. Как будто ничего не было. Всегда шутлив и бесконечно обаятелен. Более того, часто выполнял физическую работу, которую с его здоровьем делать не следовало бы. Помню, где-то в горах он вместе с нашими ребятами косил для лесничего траву. “Надо помочь” – сказал он. После этого я случайно увидела кровавые мозоли на его ладонях и предложила ему обработать их то ли спиртом, то ли иодом. Он согласился на эту процедуру скорее из-за галантности, а не из-за беспокойства за себя. Помню также, как однажды во время экскурсии высоко в горах он вместе с Погарским попал в снегопад. Спускаться было опасно и они, почти раздетые, отсиделись где-то под скалой. Вернулись продрогшие. И тоже, как будто ничего не случилось. Рассказывал с юмором.

Экспедиция длилась два с лишним месяца. Атмосфера в отряде всегда была доброжелательная. Но, конечно же, не обошлось и без курьёзов. Приехали мы в какой-то населённый пункт, по-моему, Зайсан. Игорь Александрович принёс почту, раздал нам письма. Мы уединились, кто где, и читали. Я залезла в кузов машины и читала свои письма. Погарский получил письмо от Татьяны (невесты) и переполненный счастьем полез в кузов и кинулся на меня. У меня же мгновенно сработал охранный инстинкт и я поцарапала его. Он спрыгнул с машины и побежал с криком к Игорю Александровичу: “Она же ненормальная! Я же просто так, от радости. Что я теперь скажу Татьяне?” Игорь Александрович подошёл к машине и произнёс серьёзно: “Кларисса, слезай”. Это прозвучало как смертный приговор. Ни жива, ни мертва, я спустилась с машины на землю. Мы отошли с Игорем Александровичем в сторону, и он мне сказал: “Продолжай в том же духе”. И снова все были счастливы.

Иногда меня «доставал» наш водитель. Комплексовал, видимо, немного, а отыгрывался периодически на мне. И сейчас как раз время немного рассказать о наших четвероногих участниках. Собаки слушались только своих хозяев, уставали во время экскурсий, но никого из нас не трогали. Правда, сеттер был, как мне казалось, не очень дружелюбным. Стоило чуть-чуть задеть его в машине, и он ворчал. Однажды я сидела в палатке и читала, а сеттер охранял спальный мешок своего господина Погарского. В это время у входа в палатку появился водитель и начал ёрничать. Терпение моё кончилось, я от отчаяния взглянула на сеттера и негромко произнесла: “Взять его”. И вдруг пёс сорвался с места и головой вытолкнул моего “мучителя” из палатки. Я обомлела со страха. Кто бы мог подумать! А водитель, сделав сальто, поднялся и побежал жаловаться Игорю Александровичу. Мне не известно, как они поговорили, но больше водитель не доставал меня, и мы доброжелательно относились друг к другу.

И мне бы хотелось закончить это воспоминание словами, сказанными мне любимым сыном Игоря Александровича, Алёшей. Во время одной из экскурсий он мне рассказал, что Игорь Александрович был в докторантуре в Ленинграде. И в одной из стенгазет там написали:

**“Но не таков у нас Долгушин. А каков он? Вот послушай.
большой учёный, фронтовик и настоящий полевик.”**

*К.А. Джанокмен,
Алматы, сентябрь 2004 г.*

Командир 5-й батареи 12-го противотанкового полка

«Дорогие товарищи! Помогите разыскать нашего боевого командира 5-ой батареи 12-го истребительно-противотанкового артполка. Может быть живой. Его фотокарточку, подаренную мне в годы войны (где-то 1944-1945 гг.), прилагаю к этому письму. На ее обороте его рукой написан довоенный рабочий адрес: Алма-Ата, ул. Кирова, 89, Казахстан, Академия наук, Игорь Александрович Долгушин.

После 45 летней давности хотелось бы, чтобы он отозвался. Как это дорого и ценно сегодня для каждого фронтовика. Может быть, у вас есть стенды своих работников-фронтовиков. Может быть, поможет и местная, республиканская газета, пусть отзовутся.

Командир огневого взвода 6-ой батареи, 12 ОЛОСОК (ордена Ленина, ордена Суворова, ордена Кутузова) истребительно-противотанкового артиллерийского полка 26-й ИШТАБР - Иванов Илья Иванович, 2 ноября 1990 года. Чувашская ССР, д. Уразлино».

[Письмо такого содержания пришло в Институт зоологии в конце ноября 1990 года. Адресату был послан подробный ответ о жизни и деятельности Игоря Александровича с приложением нескольких фотографий 60-х гг. и с просьбой прислать свои воспоминания о нем для книги воспоминаний. В ответ пришло письмо, содержание которого приводим ниже полностью, без правки - АК.]

Здравствуйте А.Ф.! С Новым годом!

Ваше письмо получил, но с ответом вышла задержка. Всё некогда. Очень сожалею, что Игоря Александровича нет в живых уже 24 года. Никак не предполагал, даже не верится. Да, человеческая жизнь устроена так, что подстерегает его что-то на каждом шагу. Передайте искренние соболезнования семье - жене его, Людмиле Андреевне, и Алексею от фронтового товарища Игоря Александровича – Иванова Ильи Ивановича.

Значит, опоздал я со своим письмом. Очень хотел поделиться своими мыслями, чувствами и воспоминаниями о тех суровых днях Великой Отечественной войны. И совместной службе в одном полку – в 12-м (отдельном) ордена Ленина, ордена Суворова, ордена Кутузова отдельном истребительно-противотанковом артиллерийском полку РВГК, да и сами также оказались награждёнными полководческим орденом – Александра Невского. Он командовал 5-й артбатареей, а я был командиром взвода 6-й батареи. Точно не могу знать, когда мы в одном полку стали служить, ведь я сам после ранения на р. Днепр в 1943 г. после госпиталя прибыл в данный полк и служил в нем почти 3 года. А на фронте все на передовой линии, в боях. Даже своего непосредственного командира – комбата, редко встречали. Он на НП, а ты на огневой позиции. Но был момент, когда мы близко познакомились, как человеком большой души. Знал я его до расформирования нашего полка и бригады. А в мае 1946 года все фронтовые друзья, товарищи разошлись по другим частям. Так следы боевых товарищей затерялись. До этого еще мы обменялись фотокарточками. Я прислал и вам его фото, автографом, с адресом прежней работы. Автограф я переписал сам с подлинника. Его фото я послал в Ленинград.

В 1990 году клуб «Поиск» учащихся средней школы № 400 разыскивали кавалеров орденов Александра Невского, и состоялась в июле месяце встреча в Ленинграде. Съездил. Хорошо провели дни этой встречи. Но знакомых из моего полка не встретил. Встреча состоялась в черте 750-летия невосской битвы в 1240 г. со шведами и победы новгородского князя Александра Ярославовича над шведами на Неве. По адресу, что на фото, и они могли заняться с поиском. Но я, к счастью, от вас получил сообщение о нем, хотя скорбное. Но что поделать.

Человек спокойной души и характера, толковый, таким я его запомнил и на груди два ордена. Большое спасибо за те фото Игоря Александровича, что прислали снятые в предпоследние годы его жизни. Орденом Александра Невского я тоже награжден за боевые подвиги 22 апреля 1945 – в Германии мы уничтожили окруженную сильную группировку немцев юго-восточнее Берлина. В этих боях участвовала не только наша батарея, но и другие батареи. Со всех сторон противника блокировали мы. Значит, и 5-я батарея Игоря Александровича участвовала, где мой взвод, и лично сам уничтожил 5 танков, 8 бронетранспортеров и 18 боевых автомашин с материальной частью и боеприпасами, до 150 немецких солдат и офицеров и взяли в плен 187 солдат и офицеров; отбито 3 контратаки пехоты силой до 2-х батальонов и танков противника. Командир батареи представил меня к присвоению Героя Советского Союза. Но дальше не пошло, а командир полка представил за это к ордену Красного Знамени, а командующий артиллерией 13-ой армии своим приказом наградил Орденом Александра Невского, и мой командир батареи тоже получил этого ордена. Так что вполне может быть, что и Игорь Александрович получил [свой орден Александра Невского - АК] за эти боевые действия. Вот таково было содержание наградного листа о моем награждении. Прислали из архива. Сам был большим любителем фотографировать, так что в период послевоенной службы так много фото. Но в моем фотоальбоме его фото не оказалось. Присланное Вами фото очень кстати, вспомнить боевого товарища. Присланное мною фото пусть у вас останется.

Высылаю и свое фото от боевого товарища военной поры Иванова Ильи Ивановича, сфотографирован в 1950 г. Германия. Сам служил по 1957 г., уволился, закончил заочно пединститут, работал военруком, учителем истории, директором средней школы. Сейчас – персональный пенсионер. Двое сыновей, кончили университет, имею внуков. Вот видимо все. Постараюсь поискать фронтовых товарищей. Но ответов еще нет.

И.И. Иванов
Чувашия, 2 ноября 1990 года

Памятные встречи

Мое знакомство с И.А. Долгушиным было коротким, но памятным. Я могу уверенно сказать, что оно оставило след на всю мою жизнь.

Далекий теперь уже 1961 год. Тогда, сделавши свои первые шаги в фотоохоте, я привез трофеи в Алма-Ату, и добрейший М.Д. Зверев представлял меня своим друзьям и знакомым – ученым и знатокам природы. Однажды он сказал:

- Сегодня я познакомлю вас с главой казахстанских орнитологов Долгушиным.

С некоторой неуверенностью и даже робостью шел я к известному ученому, а идти было совсем недалеко. На улице Шевченко мы вошли в квартиру на первом этаже, стены которой сплошь, даже коридор и антресоли, были уставлены книгами. Всюду, даже у потолка виднелись обложки и корешки книг. Причем стояли они вразнобой и вперемежку, художественные и научные, о птицах и о чем угодно другом. Из-за стола, заваленного бумагами и книгами, поднялся очень худой и высокий человек с жгучими черными глазами, смотревшими из-под нависших мохнатых бровей. Мне он показался суровым и даже мрачноватым, но едва он заговорил, как это впечатление сразу развеялось.

- Видел, видел ваши работы, похвально, вполне одобряю, - сказал он оживленно, хотя и несколько глуховатым голосом. - Как вам удастся так чисто работать? Удивительная четкость, да и позы у птиц удачные. У нас многие фотографируют, но так

не получается. То резкости нет, то затеряется птица в пятнах и тенях, да и мелко все выходит.

Моя скованность и робость пропали после первых же фраз профессора. Уже через несколько минут мне казалось, что мы давно знакомы и можем говорить о чем угодно. Несмотря на большую разницу в годах, оказалось, что мы хорошо понимаем друг друга. Почти сразу же выяснилось, что профессор кроме увлечения птицами любит смотреть футбол и собирает марки.

- Некоторые педанты из ученых осуждают меня за это, - сказал он с веселой улыбкой, - дескать, занимается профессор детством, время транжирит, а по мне так они настоящие сухари, коли дальше своего носа ничего не видят.

- Я объездил весь Казахстан, - рассказывал Игорь Александрович, - пожалуй, не осталось ни одного уголка в республике, где бы я не побывал. И знаете, что я вам скажу, есть в ваших краях одно место, ради которого я бы отдал и Алма-Ату и квартиру и все что имею. Называется Стафоркин кордон.

- Где же это? – поинтересовался я, так как сам еще плохо был знаком с Восточно-Казахстанской областью.

- В Калбинском Алтае, в Каиндинском бору.

Много лет спустя я побывал там и, бродя среди гранитных останцев и сосен, вспомнил слова профессора и согласился с ним. Да, он был прав. Здесь стоило пожить.

А тогда Игорь Александрович продолжал:

- Да, пожалуй, лишь футбол удержал бы меня. Не могу без футбола, - застенчиво признался он.

Потом он улыбнулся и сказал:

- Ну, это к слову, а если говорить серьезно, то надо написать многотомный труд «Птицы Казахстана». Это дело всей моей жизни. Вот напишу, тогда можно и в могилевскую. А сейчас никак нельзя. Взялся за дело, так надо довести его до конца.

Да, надо написать, надо, - сказал он задумчиво, нажимая на слово «надо».

Меня интересовали в комнате профессионала орнитолога многое. В первую очередь книги, чучела птиц. Заметив, что я пристально разглядываю хорошо сделанное чучело остроклювой птицы, Долгушин заметил:

- Друзья подарили мне на юбилей. Знают, черти, чем потешить старика. Птица эта, скажу я вам, осторожная до крайности и нелюдимая. Редко кто даже из орнитологов может похвастаться, что видел ее в природе. Называется волчок, а иначе малая выпь.

Разговор наш шел о природе, о человеческих привязанностях и увлечениях, но главным в нем были все-таки птицы. Птицами тогда я только начинал заниматься, знаний не было никаких, поэтому я с жадностью ловил каждое слово знатока специалиста. Мне казалось совершенно недостижимым счастьем путешествовать и изучать птиц да еще в свое рабочее время. Ведь мне, чтобы заниматься фотоохотой приходилось по крохам выкраивать свободное время. По воскресеньям ничто не могло удержать меня дома, я уходил даже когда болели дети.

- Ну, а как вы смотрите, чтобы перейти к нам на работу? – спросил Долгушин, словно угадывая мои мысли.

- Да я бы с удовольствием, - замялся я, - это моя мечта, да специальность не та.

- А кто вы, горный инженер? Невелика беда, - Игорь Александрович откинулся на спинку кресла. – Конечно, экскаваторы, птицы, разница есть, но было бы желание, а остальное приложится. Ведь в нашем деле даже не знания главное, главное - любовь, привязанность, увлеченность. У нас тоже не все дипломированные орнитологи. Родионов, например, портной. Прекрасный портной, а стал орнитологом и таким, что не хуже чем был портным.

Забегая вперед, скажу, что я всерьез потом вел переписку с намерением устроиться лаборантом в институт зоологии. Были, конечно, и сомнения, и Игорь Александрович как человек, знающий жизнь, это хорошо понимал. Легко ли было мне, уже обремененному двумя детьми, решиться на мизерную зарплату лаборанта.

Но это было потом, а тогда в 1961 году Игорь Александрович пригласил меня в экспедицию в Аксу-Джабаглы. Предложение было заманчивым, но у меня уже были другие планы, и лишь в 1964 году сумел я присоединиться к экспедиции лаборатории орнитологии в Заилийский Алатау.

Так получилось, что к этому времени наименее изученными птицами в Казахстане оказались обитатели высокогорий. В это было даже как-то трудно поверить, ведь высокогорья Тянь-Шаня находятся рядом с Алма-Атой, в каких-нибудь 30-40 километрах от города. Тем не менее, это было так. Предстояли интереснейшие открытия на Большом Алма-Атинском озере.

Ранним утром 19 мая 1964 г. мы, как и договорились, встретились с Игорем Александровичем на автобусной остановке. На худых плечах его был маленький рюкзачок, куртка висела мешком. Без приключений добрались до 1 ГЭС, дальше предстояло идти пешком. Мы свернули с дороги и стали подниматься по крутой тропинке, выходящей среди огромных елей. Шумела бурная речка Кумбелька, в густых ветвях попискивали невидимые московки и пеночки.

- Обратите внимание, - сказал Игорь Александрович, - в нижней части гор птиц было сравнительно мало. А вот сейчас с подъемом количество их будет резко возрастать. Да и птицы какие, одна другой редкостней!

Подтверждал его слова, с макушки высокой ели раздавалась удивительно звонкая птичья трель.

- Крапивничек! – с теплотой в голосе сказал Игорь Александрович. – Сам кроха, а поет громче всех.

Воздух становился все холоднее. Заснеженные хребты стояли совсем рядом.

- Красота-то какая! – сказал, остановившись, чтобы перевести дыхание, Игорь Александрович. – Наделил бог эти места такой красотой, что не только на Алма-Ату, на весь Казахстан бы хватило.

Поджарый и сухощавый, Игорь Александрович шел легко и свободно. Показывая рукой на небольшой домик, стоящий у дороги на склоне горы, он сказал:

- В этой избе метеоролога жил несколько сезонов Шнитников.

Я знал и любил книги Шнитникова еще с детства. По ним, да еще по книгам М.Д. Зверева я научился любить природу, их глазами я видел степи и горы Казахстана. - Между прочим, - продолжал мой спутник, - этот нигде и никогда не служивший человек в одиночку написал о птицах Казахстана больше, чем вся тогдашняя академия наук.

Мы поднялись на древний моренный вал, перегораживающий ущелье, и нашему взору открылся вид на озеро и на окружающие его горные вершины. Здесь стояла ранняя весна. Озеро еще не все освободилось ото льда, на солнцегревах цвели лишь первые подснежники - крокусы, гусиный лук, нежные примулы.

Наша экспедиция в составе 4 человек поселилась в пустующем домике на берегу озера и потекла такая жизнь, о которой я мог только мечтать. За озером виднелась величественная панорама гор, среди которых выделялись заснеженные громады пиков Советов и Озерный. В солнечные дни эти вершины дарили нас ослепительным сиянием вечных снегов, в дни ненастья с них спускался холодный липкий туман, вслед за которым шел нудный мелкий дождь или сыпалась снежная крупа. В такую погоду озябшие и промокшие мы собирались в домике погреться и, подбрасывая в печку еловый сушняк, слушали, как весело трещит огонь. Когда же выдавался погожий денек,

все участники экспедиции поднимались вместе с рассветом и расходились по горам, спеша использовать каждый час.

Обилие здесь птиц просто поражало. Быстро летело время, наполненное интересными наблюдениями. Каждый вечер Игорь Александрович задавал всем один и тот же вопрос:

- Рассказывайте, что кто видел, кто кого слышал?

Каждый вел записи, причем записных книжек не было. Были карточки на все виды птиц, в которых ежедневно отмечались все, даже малейшие наблюдения. Система, дисциплинирующая и удобная; Игорь Александрович строго следил за ее выполнением. Он лично просматривал едва ли не все карточки и строго журил нерадивых. Впрочем, таких не было.

После обмена мыслями по поводу виденного за день, разговор шел о чем угодно, но чаще всего он вращался вокруг птиц. Как-то Игорь Александрович рассказал:

- Был я недавно в нашем республиканском правительстве. Разговор шел о биологической науке, делал и я там сообщение о нашей работе.

Игорь Александрович сделал паузу, потом добавил: - Спросили меня там: «Скажите, а какое практическое значение имеют птицы?»

Профессор замолчал, и я, прервав молчание, в нетерпении спросил:

- Ну и что Вы им ответили?

- Что ответил? Конечно, мог бы я им напелсти о пользе птиц в охране лесов и о значении в охоте, да не стал я этого делать. Зачем оправдываться, вроде как орнитологи в чем-то виноваты. Сказал прямо: «Значение для хозяйства не имеют никакого, только эстетическое».

Таков был Долгушин: прямолинейно честен, не умевший, да и не хотевший кривить душой. А вопрос был задан вовсе неспроста. В то время Хрущев резко критиковал ученых, работающих в областях науки, не имеющих прикладного значения. В одном из докладов он с сарказмом воскликнул по поводу одного из орнитологов Белоруссии:

- Подумать только! Написал диссертацию «Размножение серой цапли».

Время текло незаметно и быстро. Каждый день приносил открытия, одно за другим находились гнезда птиц, но странно, несмотря на обычность, почему-то никак не могли отыскать гнезд арчового дубоноса и расписной синички. Почему-то ни у кого не было сомнений в том, что эти птицы обязательно должны были гнездиться в арче. Сам маститый ученый, вооружившись палкой, часами прочесывал целые гектары арчевников. Ему было явно тяжело, и я сопровождал его, стараясь облегчить труд. Игорь Александрович с азартом, не желая отставать от других, противился этому.

- Нет уж молодой человек, оставьте это удовольствие мне, - говорил он, шебурша палкой в кустах.

Он раздвигал ветви, наклонялся, вставал на колени. Бурча себе под нос:

- Куда же они запропастились, окаянные! Здесь же они, здесь.

Помогла случайность. Как-то наблюдая уларов, я сделал скрадок из арчовых веток. Уже вечером, собираясь домой, я задел головой за чудесное гнездышко, вплетенное в одну из срубленных мной веток. Вечером все признали в нем гнездо расписной синички. То-то была радость! И Долгушин радовался вместе со всеми, как ребенок.

Игорь Александрович по долгу службы время от времени вынужден был спускаться в город. Как-то в его отсутствие, видя как все члены экспедиции во время ужина набросились на сливочное масло, Родионов, бывший у нас кем-то вроде старшины, негромко заметил:

- Игорю Александровичу оставьте. От нашей пищи и здорового скрутит, не то, что больного.

Я ничего не знал о болезни Долгушина и спросил:

- А что с ним?

- Язва у него, - так же тихо ответил Родионов.

Зато сам Игорь Александрович никогда не жаловался и не говорил о своей болезни, а напротив, всегда шутил и был общителен. Лишь постоянная забота о том, чтобы успеть завершить труд всей жизни, написать «Птицы Казахстана», выдавало его беспокойство по поводу состояния здоровья.

Он был своим человеком в любом обществе, среди ученых и в окружении простых людей. Да и с первого взгляда его можно было принять за какого-нибудь колхозного бригадира или, например, за прораба на стройке. Он никогда не кичился своими знаниями и эрудицией. Едва ли не первым его другом был Родионов, простой лаборант, портной по образованию. Их связывала нежная дружба, основанная на общей страсти – любви к природе, птицам и к своему делу.

В 1965 году я опять был на короткое время в экспедиции на Большом Алма-Атинском озере. Зимой с Игорем Александровичем не переписывался и, приехав в Алма-Ату летом 1966 года, я сразу же пошел к нему домой.

Позвонил. Открыла измученная женщина, его жена. Меня она не узнала, спросила отчужденно и неприветливо: - Вам кого?

- Игоря Александровича.

- Игоря Александровича? – женщина смотрела на меня как-то странно.

- Да, - произнес я, чувствуя, что что-то не в порядке.

- Игорь Александрович болен, сильно болен.

Женщина захлопнула передо мной дверь.

Долгушину оставалось жить несколько дней.

С тех пор прошло много лет. Сейчас вспоминая и оценивая с высоты прожитого знакомство с Долгушиным, я думаю, что он был удивительно земным человеком. Пожалуй, это было главная его черта. Он не лишен был слабостей, присущих всем людям, но от большинства его отличала честность и преданность делу. Ему удалось написать лишь первую книгу «Птиц Казахстана», но его усилия по изучению птиц республики не пропали даром. Ведь остались его ученики и преемники, которые с блеском закончили труд всей его жизни.

А.Г. Лухтанов,

г. Зыряновск, декабрь 1988 г.

Наш дядя Игорь

Для меня, как и для всех моих сверстников «старого академического дома» Игорь Александрович Долгушин был соседом по квартире, отцом подружки Наташи, сослуживцем отца и мамы – просто дядя Игорь. Наш дом находился на пересечении улиц Красина (ныне Чокана Валиханова) и Шевченко и представлял собой старый купеческий дом, чудом уцелевший во время селевого потока 1921 года; в многочисленных его комнатах проживали семьи сотрудников Академии Наук – геологи (Ержановы, Чолпанкуловы, Бубенчиковы), ботаники – (Кубанские), но больше всего было зоологов (Долгушин, Кузьмина, Кулумбетов, Исакова, Пономарчук). Несмотря на плотную заселенность дома и многочисленную детвору двор был очень сплочен и дружен. В центре двора рос вяз, который и сейчас стоит при входе в Институт металлургии НАН

РК, за ним через арык располагался сад; у каждой семьи был небольшой земельный участок-огород, но все деревья были общими – урожай с плодовых снимали вместе и делили поровну.

На фронт в 1941 году ушло 11 мужчин, вернулось только 4; большинство населения послевоенного двора составляли женщины и дети. Вернувшиеся мужчины взяли на себя обязанность помогать семьям погибших. Помню дядю Игоря тех времен (1945 года), красивого, высокого, худого, в выцветшей гимнастерке, но всегда приветливого и смеющегося. Он был очень жизнерадостным и добрым человеком. В 1945 году во дворе было 5 первоклассниц и вот каждой из них дядя Игорь подарил тетради, такие роскошные, глянцевые тетради в клеточку, ручки, карандаши и счетные палочки. Мы все были в восторге от таких подарков! У дяди Игоря была прекрасная библиотека и научная и художественная, благодаря которой я познакомилась с Жюль Верном, О. Генри, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и многими другими писателями. Она была доступна для всех желающих.

Очень туго приходилось зимой, печки отапливались саксаулом, расколоть который женщинам было не под силу; так вот дядя Игорь был отменным лесорубом-дровосеком, а мы, детвора, растаскивали мелкие кусочки по своим сараюшкам. Расчисткой снега, смерзшегося льда также занималось мужское население двора во главе с дядей Игорем.

При простевии десятков лет я не перестаю удивляться, какой небывалой силой притяжения обладал дядя Игорь – ведь к нему буквально тянулись и стар и млад, со всеми он находил нужное *словообщение*, нужную нишу разговора; стоило только ему появиться на крыльце (сесть покурить) и аншлаг обеспечен!!!

Дядя Игорь любил спорт и сплачивал вокруг себя всю детвору. Проезжая часть улицы Шевченко была футбольным полем (квартира Долгушиных располагалась ближе всех к нему, зачастую мяч попадал в окна, но ни разу, ни дядя Игорь, ни Зоя Александровна - его мама, юных футболистов не ругали; а ул. Красина была игровой площадкой для лапты и волейбола. Дядя Игорь сам принимал участие в футбольных баталиях, нередко водил всех нас на стадион «Динамо» смотреть «настоящий футбол». До сих пор помню фамилию футбольных знаменитостей тех времен – братьев Бедрицких.

Когда родился Алеша, все девчонки считали за честь познакомиться с ним!

В начале 50-х годов семья Долгушиных переехала на новую квартиру (Шевченко угол Ленина, теперь Достык) совсем недалеко от старой; весь двор помогал переезду. Мы, дети, переносили главную ценность - *книги!*, а других вещей было совсем немного. Несмотря на перемену места жительства, дядя Игорь никогда не порывал связь со «старым двором» - и в праздники, и в горестные дни, если он не был в отъезде или в экспедиции, он всегда приходил к нам.

Он был прекрасным оратором и лектором: курс «Биология лесных зверей и птиц» в сельскохозяйственном институте собирал многочисленную аудиторию (приходили студенты и преподаватели на только лесфака, но и других факультетов), причиной этого были: огромная эрудиция, великолепное знание предмета, умение доходчиво донести суть до каждого слушателя.

И то, что спустя пол века, люди, знавшие Игоря Александровича, помнят и чтут его, говорит о том, каким удивительно прекрасным был наш дядя Игорь!

Т.Н. Салова (Грачева),
Алма-Ата, 28 марта 2006г.

Вспышки памяти

Первый раз я увидел Игоря Александровича Долгушина в квартире М.Н. Корелова в 1957 году. Мстислав Николаевич, знакомя нас, представил Игоря Александровича как орнитолога, не упоминая о его должности и звании. За вечерним чаем разговор шел на самые разные темы – футбол, шахматы, охота и т.п. От Корелова мы вышли вместе и Игорь Александрович по пути домой рассказывал о своих экспедициях и замечательных местах Казахстана. Такого рассказчика мне раньше встречать не приходилось... Позднее кое-где из этих мест мне удалось побывать, где-то нет. Но, рассказывая сам кому-то о них, я всегда старался, чтобы мой рассказ походил на рассказ Игоря Александровича...

* * * * *

Затем было несколько коротких встреч с И.А., но они особо ничем не запомнились. Более длительное общение с И.А. произошло на оз. Тенгиз в 1958 г., где я был временным лаборантом в орнитологическом отряде Д.И. Чекменева. Возвращаясь из экспедиционной поездки с Тургая, Игорь Александрович вместе с В.Ф. Гавриным, Э.Ф. Родионовым и Д. Увайсовым несколько дней провели в нашем лагере. В это же время рядом с нами была стоянка работников Фрунзенского зоокомбината, собравшихся отлавливать чаек для Зооцентра в Москве.

И вот, когда И.А. куда-то поехал по побережью озера, к нам пришел один из зоокомбинатовцев с вопросом: «А правда, что в этой машине уехал доцент?» (с ударением на «о»). И узнав, что это правда, очень расстроился, сказал, что никогда не видел живого доцента и что очень хотел бы на него посмотреть. Мы его успокоили, сказав, что доцент еще вернется и что он не просто доцент, а профессор, лауреат Государственной премии. Мужик обрадовался и стал ждать, хотя слова «профессор» и «лауреат» (видимо, незнакомые) не произвели на него особого впечатления – ему нужен был «доцент».

Но когда вернулась машина, и мы указали ему на И.А., одетого, как всегда в поле, в самую что ни на есть затрапезную (мягко сказано) одежду, то на лице бедолаги отразилось такое разочарование и недоверие, что нам пришлось его долго убеждать и клясться, что это и есть самый настоящий «доцент». Когда мы позже рассказали об этом И.А., он рассмеялся и сказал: «Вот прохвосты, так вы и деньги начнете на мне зарабатывать, показывая доцента по деревьям, которые мы проезжаем».

* * * * *

Запомнился эпизод, когда И.А. был на своей последней охоте, вернее, момент сборов на охоту. И.А. в это время уже был болен, знал об этом и говорил, что, возможно, охота его встряхнет, а то «совсем жрать не хочется». Поездка была на машине моего друга. Друг остался у машины и с чем-то возился под капотом, а И.А. помогал мне выносить вещи, причем делал это в таком темпе, поднимаясь на второй этаж, что когда на второй день мы вернулись, то пожилой сосед, видевший наши сборы, спросил о результатах охоты и задал вопрос: «А что за мальчик был с вами, который так быстро бегал по лестнице?».

* * * * *

Очень запомнился период сдачи отчетов по законченным темам. Это был уже мой второй отчет. Он был написан, но руководитель темы М.Н. Корелов продолжал находить в нем какие-то недостатки и рекомендовал переделывать текст. Иногда приходилось переписывать целые страницы. А срок заслушивания на Ученом Совете был все ближе и ближе. Естественно, что И.А. уже несколько раз спрашивал о готовности отчета. И вот, идя вместе с М.Н. Кореловым из лаборатории во двор института, около помещения дирекции встречаемся с идущим навстречу И.А. В этот

день я его в институте еще не видел. Первыми словами И.А. были: «Где отчет?», причем сказаны они были раза в 3-4 громче обычного и с таким металлом, что не знаю, как Мстислав Николаевич, а я их очень даже воспринял. Наш невнятный ответ, что вот-де осталось только-только то-то и то-то, потонул в громогласном: «Что вы мне голову морочите?! Отчет должен был быть готовым еще месяц назад!!!». Я думаю, что это было слышно по всей территории Академгородка. «Разговор» происходил в четверг или в пятницу. В понедельник отчет был готов.

* * * * *

Начало сентября 1962 года. Вдвоем с Игорем Александровичем мы едем в поезде через Москву на Львовскую орнитологическую конференцию. Скоро Москва. Раннее ясное утро начала осени. За окном – слегка всхолмленная равнина с перелесками, сжатými хлебными полями и лугами. Изредка проезжаем речки и овраги с прудами. То и дело мелькают деревни и деревеньки. Над некоторыми из них возвышаются колокольни церквей. Местами по низинам еще не разошелся утренний туман.

Игорь Александрович смотрит в окно и говорит: «До чего же красиво! Как я это все люблю. Ведь это я нарочно завожу Ваську» [В.Ф. Гаврина, который, приехав в Казахстан работать, был и оставался настоящим русофилом, а И.А. в разговорах и спорах отдавал приоритет Казахстану и не очень лестно говорил о России и ее природе, чем всегда вызывал бурную реакцию экспансивного В.Ф. - *ИБ*].

И через несколько секунд – опять: «Ну как красиво! Залюбуешься...»

И.Ф. Бородихин

Карачингиль, 4 сентября 2007 г.

Воспоминания об И.А. Долгушине

Основатель орнитологической школы Казахстана приехал в Алматы в 1931 г. В течение 35-х лет Игорь Александрович Долгушин совместно со своим тесно сплоченным коллективом упорно и настойчиво изучал не только богатую орнитофауну, но и пресмыкающихся, а также земноводных РК. Об этом свидетельствуют многотомные сводки «Птицы Казахстана» и книги: К.П. Параскива (Пресмыкающиеся Казахстана), К.И. Исаковой (Земноводные Казахстана). Он был соавтором «Атласа промыслово-охотничьего хозяйства КазССР» (1942), а также многочисленных статей.

Игорь Александрович не только подлинно уважал казахстанскую науку, но и обладал высокой гражданственностью, проявлял готовность к товарищеской взаимопомощи. Я остановлюсь на последнем пункте. В 1964 г. я подготовила к защите диссертацию на тему: «Обзор антропогенной фауны Казахстана». Валерьян Семенович Бажанов попросил Долгушина быть оппонентом. Игорь Александрович согласился. Он внимательно прочел мой автореферат и диссертацию. Много сделал замечаний, на мой взгляд, очень полезных. Затем он мне сказал: «что очень интересная работа, причем она для Казахстана первая. Тебя будут хвалить на защите, а дельные замечания я выписал для того, чтобы ты учла их при публикации книги».

В 1966 г. Игорь Александрович сильно болел, но, несмотря на это, он продолжал ходить на работу. С ним мы встретились возле Института геологии АН КазССР им. К.И. Сатпаева. Я спешила к Георгию Цараевичу Медоеву чтобы взять у него бандероль для передачи грузинским геологам. Он спросил, куда я иду? Я ответила, что к Медоеву и добавила, что завтра уезжаю на Всесоюзное совещание в Тбилиси. И.А. обрадовался, что я еду туда с докладом, и сказал, чтобы я успешно доложились. Затем, посмотрев на меня многозначительно, добавил: «всегда защищай казахстанскую науку». И это оказалась последняя встреча моя с Игорем Александровичем. Когда я вернулась из

Тбилиси, весь коллектив Института проводил его в последний путь. Я не поверила, что в расцвете лет жизни могут уйти такие люди как Долгушин.

Я с теплотой его всегда вспоминаю: когда листаю отзыв, написанный его рукой на мою диссертацию, и на дарственный оттиск, посвященный 50-летию со дня рождения В.С. Бажанова; когда рядом с ним сидела на Ученых советах и собраниях; когда читаю подписанное им удостоверение с краткой характеристикой о прохождении в 1952 году производственной практики в отряде П.М. Бутовского в зоне Сталинградского канала.

Нельзя забыть простого и гениального Игоря Александровича. Он наряду с полной отдачей науке сочетал в себе высокие моральные качества в воспитании молодых кадров и был настоящим наставником не только для меня, но и для других, которые любили казахстанскую зоологию и палеозоологию.

*Б.С. Кожамкулова,
Алматы, 2006 г.*

Большой ученый и интересный человек

Прошло более сорока лет с тех пор, как я познакомилась с очень интересным человеком и Большим Ученым – Игорем Александровичем Долгушиным. Такое знакомство остается к памяти в течение всей жизни. Я гидробиолог, однако, не только была знакома с ним, но волей судьбы и по доброте душевной Игоря Александровича некоторое время (в 1962-1963 гг.) работала в его лаборатории, обрабатывая гидробиологический материал, будучи аспиранткой Малиновской Александры Сергеевны, заведующей лабораторией гидробиологии Института зоологии АН КазССР.

Игорь Александрович, до фанатизма в хорошем смысле этого слова, был увлечен своей работой, соответственно такими же увлеченными были его сотрудники и ученики. Поэтому очень интересны были постоянно проводившиеся с сотрудниками лаборатории обсуждения актуальных проблем, нередко вызывая дискуссии и споры. Однако, теоретические и практические проблемы, которыми предлагал заниматься Игорь Александрович своему коллективу, как правило, принимались единогласно. В результате, и по сей день его ученики выполняют большую и интересную работу, о чем свидетельствуют их монографии, книги, статьи и воплощение их идей на практике.

Большой радостью для меня была фраза, сказанная в мой адрес Игорем Александровичем в период моей работы в лаборатории орнитологии: «У нас Вы пришли ко двору». Такие слова, услышанные мною от глубоко уважаемого ученого-орнитолога запомнились на всю жизнь. Коллеги Игоря Александровича не забывают его и по сей день, всегда вспоминая о нем с большим почтением и уважением. Память о Большом Ученом и Интересном Человеке - Игоре Александровиче - будет сохраняться, пока будут существовать наука орнитология и работающие в этой области специалисты.

*В.А. Киселева,
Алма-Ата, 10 сентября 2004 г.*

Низкой поклон от любителей птиц

К сожалению, с Игорем Александровичем Долгушиным я лично знаком не был и никогда с ним не виделся. Но за прекрасную книгу «Птицы Казахстана» ему низкий поклон от орнитологов и любителей!

*С.Д. Кустанович
Москва, 9 мая 1988 г.*

Удивительная отзывчивость

Личных встреч с Игорем Александровичем Долгушиным у меня, к сожалению, не было: он ушел из жизни в то время, когда я как орнитолог только становился на «ноги». Он запечатлен только на одном снимке в моем домашнем альбоме – сидящим в Президиуме Второй Всесоюзной орнитологической конференции (Москва, август 1959 г.) во втором ряду напротив Георгия Петровича Дементьева... И все же, несмотря на отсутствие личного знакомства, однажды он незамедлительно выполнил мою просьбу (направленную, между прочим, не ему лично). Дело в том, что как только вышел из печати первый том «Птицы Казахстана» (1960), я попытался найти его в магазине, но все попытки оказались тщетными. Тогда я решил обратиться в Алма-Ату, даже точно не помню, куда – в магазин «Книга - почтой» или в лабораторию орнитологии. В ответ получил по почте бандероль с первым томом книги «Птицы Казахстана». В нее было вложено письмо от Игоря Александровича, где он сообщал, что высылает означенную книгу, и интересовался, кто я такой, чем занимаюсь и зачем мне нужна эта книга. На это письмо я дал Игорю Александровичу соответствующий ответ и поблагодарил за книгу.

Судя по этому примеру, Игорь Александрович был не только специалистом высокого класса, выдающимся орнитологом, но и удивительно внимательным, отзывчивым и обязательным человеком, что дано далеко не каждому.

А.П. Кучин

Горно-Алтайск, 10 апреля 1988 г.

Неотразимое обаяние личности

Худой, высокий человек с острым взглядом из-под нависших бровей с азартом рассказывал об охоте на гусей на оз. Балхаше. Образность повествования подчеркивалась русским языком потомственного интеллигента и оттенялась вкраплениями чисто охотничьей, мягко выражаясь, терминологии. По рассказу легко было представить высоту пролета стай над морем тростника, трудности поиска трофея, красоту осеннего заката и вечерние посиделки у костра. Постепенно рассказ об охоте перешел на быт балхашских староверов. Меня кто-то отвлек, и поэтому не удалось до конца услышать версию Игоря Александровича о причинах гигантизма жен староверов и убогости телосложения их мужей. До сих пор не могу себе этого простить... Так я впервые увидел и услышал И.А. во время моего первого посещения лаборатории орнитологии осенью 1963 г.

В те давние времена я вел кружок зоологии на Республиканской станции юных натуралистов, а консультантом там был Эвальд Федорович Родионов. Это был замечательный человек, блестящий орнитолог и таксидермист, преданный помощник И.А. Он очень увлекательно рассказывал о жизни птиц и учил нас искусству таксидермии. Из его рассказов мы узнали о работе орнитологов, об экспедициях в бескрайние просторы Казахстана под руководством Игоря Александровича. Очарованный рассказами Родионова о романтике орнитологии, я старался присоединить свои экскурсии с юннатами к выездам Игоря Александровича. Иногда это удавалось. Так, в августе 1964 года наша скромная палатка «случайно» (конечно с подачи Родионова) оказались рядом с лагерем И.А. и его друзей на Соленых озерах в день открытия охоты. Первая охота - незабываемое событие в жизни начинающего натуралиста, какими были я и мои ученики в то время. Но если она сопровождается рассказами и пояснениями И.А. в вечернее время у костра, то это было неопишимо. И.А. был великолепным рассказчиком, при этом его повествования было не просто поэтическим рассказом о жизни птиц, а были наполнены глубокими знаниями о

предмете рассказа. Взрослые и дети были буквально загипнотизированы его импровизациями. Такие встречи, безусловно, оказывали большое влияние на молодых слушателей и в некоторых случаях, как показало время, определяли их профессиональный выбор.

В 1965 году мне удалось совместить две экскурсии с работой И.А. на Большом Алма-Атинском озере. В первом случае мы с юннатами долго шли на озеро и появились там лишь к обеду. Разместились мы в том же доме, где базировалась экспедиция. Я зашел к ним. Эвальд Федорович ждал И.А. и готовил к его приходу нежнейшие блинчики фаршированные мясом сурка. В это время у И.А. уже начались проблемы с желудком и Родионов, будучи отменным поваром, специально готовил ему легкую пищу. И.А. пришел уже ближе к вечеру. Лицо его было опалено высокогорным солнцем, глаза еще более запали, видно было, что он очень устал. Как-то отрешенно слегка попробовал предложенную пищу, закурил «Беломор» и начал рассказывать о проделанной за день работе. Он пол дня просидел у гнезда черногрудой красношейки в районе Красивой поляны, затем, увлекшись, поднялся вверх по ручью. Постепенно, в процессе рассказа вид его преобразился, пропала усталость на лице и мы все вновь попали под гипнотическое воздействие его рассказов. Я сидел и думал “Боже мой. Я же весь день был там и прошел мимо этой красоты”.

Несколько позже мне удалось побывать в отряде уже при закрытии полевого сезона. К вечеру к нам прибился какой-то студент с гитарой. Его пригласили к столу, он не долго ломался, воспользовавшись случаем, хлопнул пару рюмок водки и тут его понесло. Он начал орать под гитару песни Окуджавы и Высоцкого. Как оказалось, И.А. был очень хорошо знаком с творчеством этих поэтов. Некоторые песни он даже слегка подпевал. Постепенно, как-то незаметно за столом стали преобладать русские народные песни и их заводилой стал И.А. У него был прекрасный слух, знал он слова множества песен и всегда допевал их до конца. Кроме песен, он помнил арии многих оперетт, и мы хором пытались ему помогать, но большинство из нас кроме как “Сильва ты меня не любишь...” ничего не помнили. Исполняя указания И.А., уже после его кончины, я консультировался по поводу записи голосов птиц у профессора А.С. Мальчевского в Ленинградском университете. Алексей Сергеевич был другом И.А. и, вспоминая его, он также отмечал его неординарные певческие способности.

В начале апреля 1966 года я был принят на работу в Институт зоологии АН КазССР. И.А. в это время работал в основном дома и для обсуждения программы предстоящей работы мы с Э.И. Гавриловым пошли к нему. Маленькая комната, слева книжные шкафы, прямо письменный стол направо диван – служила И.А. кабинетом и спальней. На столе книги и рукописи, в центре располагалась большая гипсовая пепельница с изображением совы, заваленная окурками «Беломора». Честно сказать, этой встречи я побаивался, так как не совсем представлял своей будущей работы, а нужно было организовать биоакустическое отпугивание скворцов от виноградников юго-восточного Казахстана. И.А. и Э.И. начали активно обсуждать ход работ по написанию очерков в сводку «Птицы Казахстана», я же молча сидел в углу, ожидая своей очереди. В конце беседы И.А. как бы между делом протянул мне несколько листочков бумаги. Это была готовая программа моей предстоящей работы. Она была написана от руки, четким угловатым почерком и без единой правки. Видно было, что И.А. настолько глубоко продумал и четко представлял всю работу, что написал программу сразу «единым махом». До настоящего времени я бережно сохраняю этот труд, как первую и единственную программу работ, написанную мне руководителем. Потом мы долго обсуждали нюансы предстоящей работы, кабинет был наполнен клубами дыма от папирос. Разошлись мы лишь после напоминания Людмилы Андреевны, что И.А. пора отдыхать. В конце беседы я наивно спросил И.А., какие книги мне нужно прочитать,

чтобы лучше знать птиц. Опытный Э.И. начал подсмеиваться, а И.А. серьезно посмотрел на меня и сказал: «Я всю сознательную жизнь изучал птиц и до сих пор сомневаюсь в своих знаниях. Если тебе повезет, то жизнь научит, а книги здесь только помощники». С тех пор прошло уже более 40 лет и только сейчас я начинаю понимать глубину слов И.А. о том, что «...мир птиц – предмет... постоянных стремлений, вечных поисков, радостей и страданий» (Долгушин, 1960, с. 4).

А.М. Сема

Калининград, 3 октября 2007 г.

Традиция семьи Долгушиных

– Вставай, уже половина седьмого, – голос Мамаи окончательно разгоняет утреннюю дрему. Иду в ванную по коридорчику мимо кабинета Отца. За столом, перед раскрытым в осень окном сидит папа и пишет. Заглядываю через его плечо. Убористым мелким почерком исписаны отдельные листы формата ученической тетради «в клеточку». Громадная пепельница, в виде совы с трубкой в когтях, полна папиросных окурков. Он еще не ложился, работал всю ночь.

Спустя много лет, сознание до мельчайших подробностей воспроизводит эту картину осеннего утра из детства, когда все было правильно – рядом были Папа и Мама, когда путешествия с геоботаническими и орнитологическими экспедициями были обычным делом, когда школьное сочинение на тему «как ты провел лето» сводилось к простому перечислению увиденных летом географических областей и поселков.

В экспедициях Отец никогда не «воспитывал» меня, не было менторства и наставлений. Просто он относился ко мне как к члену коллектива и, зачастую, его требования далеко превосходили мои возможности. Он никогда не наказывал меня физически за шалости и провинности. Однако один случай врезался мне в память. Южнее Зайсана мы остановились на берегу небольшого озера, берега которого густо заросли камышом. На воде виднелась дичь, необходимая для пропитания отряда. Добывать пошли все, кроме водителя. Меня, тринадцатилетнего худенького мальчика, экипировали болотными сапогами 42-го размера, тулкой 12 калибра и 32 патронами в пояском патронташе. Продвигаясь в зарослях и утопая в прибрежной жиже, я естественно быстро выдохся и позволил себе вслух пожаловаться на усталость, за что немедленно получил сильную затрещину и был отправлен назад к экспедиционной машине. Помню щемящее чувство обиды за собственную слабость. С тех пор я не позволяю себе «ныть» по поводу усталости или испытываемого дискомфорта.

Для меня экспедиционные поездки стали школой жизни, научили находить свое место во взрослом коллективе, привили ни с чем не сравнимые навыки общения с природой и подходы к ее пониманию, заложили основы натуралиста и разумного охотника, не приносящего природе вреда. До сих пор окружающих удивляет моя способность быстро и точно ориентировать взгляд стороннего наблюдающего на тот или иной предмет, находящийся на значительном расстоянии, не прибегая к помощи указания руками. Это «наука» Отца. Полевая закалка помогла мне в нелегкой армейской жизни и до сих пор помогает при работе в командировках.

На празднование дня Советской Армии и Дня Победы Отец надевал армейскую форму, украшенную орденами и медалями. Меня переполняла гордость за родителя-орденоносца, но на все мои вопросы о войне он отвечал односложно, без удовольствия. Однажды мой школьный классный руководитель пригласил его провести беседу о героизме воинов в Великой Отечественной войне. Отец согласился. Устроившись на стуле за учительским столом, он посмотрел на притихший класс и сказал, что война -

страшное и дикое занятие и что лучше он расскажет нам о природе Казахстана. Рассказ длился два урока, потом мои однокашники просили продолжения, но наступил экспедиционный период, следующая встреча не состоялась.

Осенью 1964 года мы с Отцом смотрели очередной футбольный матч с участием алматинской команды Кайрат. При объявлении состава судейской бригады матча прозвучала фамилия Бабушкин. К сожалению, я не запомнил его имени, помню только Отец сильно волновался. После окончания матча мы спустились в раздевалки стадиона. Футбольный судья и Отец встретились как старые друзья и, не принимая возражений, Бабушкин был доставлен к нам домой. Оказалось, что Бабушкин был командиром одного из орудий артиллерийской батареи, которой командовал Отец. Мужчины выпивали и закусывали, говорили о фронтовых товарищах, перелистывали альбом военных фотографий, обсуждали свои действия в битве на Курской Дуге, при взятии Праги, о том, при каких обстоятельствах и за какие заслуги были получены Отцом ордена Красной Звезды и Александра Невского. В тот вечер я узнал о войне больше, чем за все время общения с Отцом, который не любил о ней вспоминать и рассказывать.

Игорь Александрович Долгушин как ученый, значимость его трудов, Казахстанская Орнитологическая Школа – осознание этих понятий пришло позже, уже после смерти отца благодаря удивительным людям, которые не только продолжили его дело, но и сумели пронести память о нем через годы.

Еще в 1967 году на встрече, посвященной годовщине кончины отца, собрались его товарищи и сотрудники лаборатории орнитологии. По просьбе моей Мамы они решили проводить дни памяти Отца в его день рождения 30 марта. Так родилась Традиция.

«Ребята», как ласково называла Мама сослуживцев и учеников Отца, непременно выезжали на весеннюю охоту и поставляли дичь к столу. Мама установила Порядок, который должен был безоговорочно исполняться всеми членами семьи. 30 марта подготовка и организация стола была обязанностью старшей сестры, а приведение в порядок памятника и встреча людей на кладбище входили в мою обязанность. Сегодня организацией стола занимаются моя жена и дочь, а делами на кладбище - я с сыном. На протяжении 40 лет порядок проведения Дня Памяти практически не изменился. Основное отличие в том, что путь от кладбища до накрытого в нашей квартире стола преодолевается теперь не на общественном транспорте, а в основном на собственных автомобилях.

30 марта, независимо от погоды, к 14 часам у могилы Отца собирались люди, имеющие непосредственное отношение к развитию казахстанской орнитологии – Мария Алексеевна Кузьмина, Евгений Васильевич Гвоздев, Эвальд Родионов, Эдуард Гаврилов, Анатолий Ковшарь, Юрий Грачев, Икар Бородихин, Анатолий Сема и другие. Добрая воля этих людей, которые были его учениками или сослуживцами, укрепляла основы Традиции проведения Дня Памяти И.А. Долгушина.

Здесь, у могилы, собравшиеся делятся воспоминаниями, рассказывают забавные истории из «полевой» жизни. В этот день у меня не возникает ощущение давящей скорби, Отец как бы присутствует рядом с нами. Становится понятно, что только благодаря памяти всех присутствующих, можно скорбь по умершему человеку заменить радостью общения живых.

Здесь же, на кладбище, семейству Долгушиных вручаются авторские печатные издания присутствующих с дарственными надписями. Книги выстраиваются на базе памятника рядом с принесенными цветами и неизменной папиросой марки «Беломор Канал». По старинному русскому обычаю распивается бутылка красного вина. В общую беседу орнитологов вплетаются песни больших синиц, черных дроздов и других птиц,

так как вокруг – настоящий лес, а погода за все 40 лет только два или три раза проливалась дождем; обычно же этот день бывает на удивление солнечным, весенним.

Дома, за столом, «ребята» рассказывают о выполненном в прошедшем году, делятся планами и тревогами по поводу будущего. Такие «отчеты» раньше адресовались Маме, но каждый член нашей семьи всегда чувствовал свою причастность к происходящему. Установленная процедура ежегодно соблюдается всеми присутствующими и сегодня. На памяти членов семьи Долгушиных все этапы издания книг «Птицы Казахстана» и «Красной Книги Казахской ССР», выпуска многочисленных монографий и статей в научных журналах и бюллетенях, сведения о подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций присутствующих, а также сетования по поводу возникающих трудностей с компьютеризацией, проблем с издательствами, отсутствием средств и т.п. Наша семья явилась свидетелем того, сколько сил и нервов потребовало сохранение лаборатории орнитологии и уникальной коллекции птиц, как организовывались и работали орнитологические стационары, как тяжело формировались бюджеты проводимых экспедиций, как привлекались иностранные инвестиции, и чего это стоило.

Проходят годы, но Традиция 30 марта – святой день для моей семьи. Многие ушли из жизни, уже никогда я не смогу обнять Маму, не смогу поспорить с сестрой, заглянуть в глаза дяде Вале (Э.Ф. Родионов), не услышу раскатистого смеха В.Ф. Гаврина и не улыбнусь в ответ на улыбку Марии Алексеевны Кузьминой, многие покинули Алматы по разным причинам, но Традиция продолжает жить. Основная заслуга в этом учеников Отца - Э. Гаврилова и А. Ковшаря. Эти увлеченные и открытые люди, энтузиазмом и профессионализмом сумевшие приобщить к орнитологии своих детей – являются стержнем Традиции и, оберегая ее, самостоятельно определяют круг лиц, участвующих в проведении Дня Памяти И. Долгушина.

Именно потому, что участниками Традиции являются люди или лично знавшие Отца, или вносящие значимый вклад в развитие казахстанской орнитологии, этот день особо значим и для моих близких. И моя супруга Надежда Капитоновна, и дети Екатерина и Кирилл знают Игоря Александровича Долгушина не только по печатным материалам, фотографиям и моим рассказам, но, что для меня очень ценно, они имеют возможность узнать о нем больше, по отзывам и воспоминаниям его учеников и товарищей. Наши дети с рождения были приобщены к Традиции, и мы с женой бесконечно благодарны «Ребятам» за воспитание в них гордости за их дедушку и бережного отношения к памяти о нем.

На протяжении последних лет в круг присутствующих на проведении Дня Памяти Долгушина входят Эдуард и Андрей Гавриловы, Анатолий и Виктория Ковшарь, Юрий Грачев, Икар Бородихин, Олег Белялов, Сергей Ерохов, Анатолий Левин. Каждое 30 марта выходит на телефонную связь из далекого Калининграда Анатолий Сема.

Все хранители Традиции Дня Памяти И. Долгушина за прошедшие годы стали родными для моей семьи. Мы с удовольствием посещаем дом Икара Бородихина в Куше, неоднократно пользовались приглашением Анатолия Федоровича Ковшаря посетить стационар на Большом Алматинском озере близ города Алматы. По приглашению «Ребят» я с удовольствием участвовал в праздновании 40-летия орнитологической станции Чокпак, совпавшего с 70-летием И. Бородихина.

Вся моя семья глубоко благодарна орнитологам за память о моем Отце, за сохранение Традиции проведения Дня Памяти Игоря Александровича Долгушина.

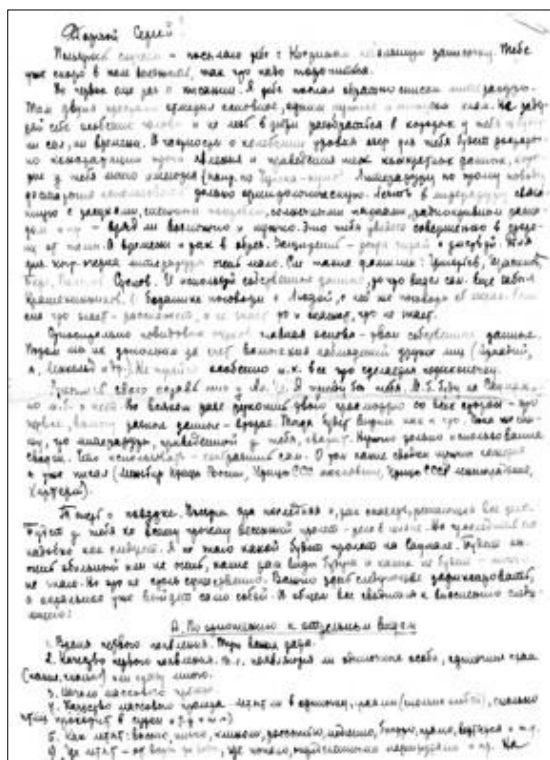
Алексей Долгушин
10 сентября 2007 г.

Переписка

Письма И.А. Долгушина к С.Г. Панченко, 1953-1964

Долгушин – Панченко (видимо, весна 1953) [письмо из Ленинграда в Алма-Ату]

«Дорогой Сергей! Пользуюсь случаем и посылаю тебе с Костиным небольшую записочку. Тебе уже скоро в поле выезжать, так что надо торопиться. Во-первых, еще раз о писании. Я тебе послал обратно список литературы. Там двумя крестами отметил основное, одним – нужное и минусом – хлам. Не задуряй себе особенно голову и не лезь в дебри, разобраться в которых у тебя не будет ни сил, ни времени. В частности, о колебании уровня озер для тебя будет достаточно констатации этого явления и приведения тех конкретных данных, которые у тебя лично имеются (например, по Чушка-кулю). Литературу по этому поводу достаточно использовать только орнитологическую. Лезть в литературу, связанную с засухами, снежным покровом, солнечными пятнами, радиоактивным распадом и пр. – вряд ли возможно и нужно. Это тебя уведет совершенно в сторону от темы. А времени и так в обрез. Защитишь - тогда читай и умствуй. Для геогр. очерка литературы очень мало. См. такие фамилии: Григорьев, Герасимов, Берг, Пальгов, Суслов. И используй собственные данные, то, что видел сам. Еще забыл Крашенинников. О ботанике поговори с Людой [Л.А. Демченко-Долгушина - АК], с ней же поговори об очерках. Если она что знает – расскажет, а не знает, то и скажет, что не знает.

Относительно повидовых [так И.А. называл видовые очерки, и мы не сочли себя вправе менять этот его термин - АК] очерков главная основа – твои собственные данные. Потом мы их дополним за счет включения наблюдений других лиц (Аркадий [А.А. Слудский - АК], я, Ленхольд и др.). Не пугайся особенно т.к. все это делается потихонечку.

Рукопись свою оставь мне у Ал. Я приду без тебя. М.б. буду на Саумале, по м.б. и нет. Во всяком разе рукопись твою просмотрю со всех сторон – это первое, включу

разные данные – второе. Тогда будет видно, как и что. Пока же скажу, что литературы, приведенной у тебя, хватит. Нужно только использование сводок. Что использовать – сообрази сам. О том, какие сводки нужны, я уже писал (Мензбир Птицы России, Птицы СССР московские, Птицы СССР ленинградские, Хартерт).

Теперь о поездке. Поездка эта последняя и, так сказать, решающая все дело. Будет у тебя ко всему прочему весенний пролет – дело в шляпе. Но проследить его надобно как следует. Я не знаю, какой будет пролет на Саумале. Будет он очень обильной или не очень, какие там виды будут и каких не будет – ничего не знаю. Но это не столь существенно. Важно здесь следующее зафиксировать, а остальное уже выйдет само собой. В общем, все сводится к выяснению следующего:

А. По отношению к отдельным видам

1. Время первого появления. Тут важна дата.
2. Качество первого появления. Т.е. появляются ли одиночные особи, одиночные стаи (какие, сколько) или сразу много.
3. Начало массового пролета.
4. Качество массового пролета. Летят ли в одиночку, стаями (сколько особей), сколько птиц проходит в сутки и т.д. и т.п.
5. Как летят: высоко, низко, клином, россыпью, медленно, быстро, прямо, вертятся...
6. Где летят – от воды до воды, где попало, определенными маршрутами и пр.
7. Где отдыхают – на берегу, на лужах, на пашнях, на степи, в тростниках, на льду, на полынях. И как отдыхают – долго, недолго (задерживаются на часы, на дни и пр.), кормятся или просто сидят, ухаживают за самками или нет.
8. Состав стай – только самцы, только самки, смесь
9. Время лета – день, утро, вечер, ночь и т.д.
10. Реакция на погоду и направление лета. Летят ли в ясную погоду, в пасмурную, в дождь, в снег, в ветер и пр. Не бывает ли обратного лета, т.е. отступления перед неблагоприятной погодой. Куда летят в основном (север, юг и пр.) и куда летят отдельные.
11. Что это – прилет или пролет? Иногда это видно сразу, а иногда понять не просто.
12. Питание на пролете.
13. Брачный цикл на пролете. Летит ли на самок своего вида, а также разных видов.
14. Конец пролета. Важно! Не так просто уловимо. Прилет в глаза бросается, но конец его заметить не просто. И в этом роде. Вопросов писать можно много, но достаточно и этого.

Второй раздел – Б. По отношению ко всей массе пролетных птиц – слагается из предыдущего, но не является просто суммой слагаемых. Дело в том, что зачастую определить птиц до вида не удастся. Иногда многого до вида не определишь. Особенно во время валового пролета даже днем, тем более ночью. Тут уж позволительно говорить вообще о пролете уток, куликов и подобных групп в целом. Очень важны количественные данные, хотя бы и самые приблизительные.

Достаточно хорошая инструкция по наблюдениям за птицами вообще и, в частности, за их пролетом имеется в книжечке Бутурлина «Что и как наблюдать в жизни птиц». Книжка эта вышла несколькими изданиями. Важно последнее, в котором приложена (в конце книжечки) инструкция для наблюдения над птицами в заповедниках (кажется, составлена Дементьевым и Гладковым). Найди у меня эту книжку (она в папке оттисков Бутурлина) и возьми ее с собой. В дороге прочитаешь (она написана хорошо), а

в поле она тебе послужит – будешь заглядывать время от времени. Ее можно и в кармане таскать, она по габаритам подходит.

Что тебе нужно уметь, чтобы хорошо пронаблюдать пролет. Прежде всего – различать птиц. Многое ты наострился уже, многому учишься у самой природы. Учить тут трудно, все это дается опытом и постоянным усовершенствованием способности наблюдать и видеть. Самое трудное то и есть в том, чтобы хорошо видеть. Этому надобно учиться, учиться и еще раз учиться. Обращай внимание на общий габитус птиц, на их посадку на воде, на характер их полета, на голос, на звук, производимый крыльями, на разнообразие повадок, походку, плавание, ныряние и пр. т.п. Все это важно и постепенно узнается.

Тебе нужно проследить за пролетом уток, гусей, лебедей, лысух, курочек, куликов, чаек. Желательно и остальное, во всяком случае, водное и околородное, а также то, что имеет значение для водных (в частности хищные птицы). Все это, Сережа, не так сложно, но требует большой заботы. Весна – страда у орнитолога. Тут брат и поспать и поесть иной раз некогда. Но чем больше у тебя будет наблюдений, чем больше сведений, тем для тебя лучше. Не поленишься, и все будет благополучно.

Теперь о сроке. Помнится, мы планировали весенний выезд до 1-го июня. Этот срок надо будет выдержать. Я не представляю совершенно денежных дел в Институте, но в крайнем случае надо пойти на то, что известный срок жить там без полевой нагрузки. Я думаю, ты там с голоду не вымрешь, а для дела это необходимо. Приедешь в А-Ата 1.VI. Я в это время буду там, в А-Ата, и мы двинем эту диссертацию вперед семимильными шагами. В общем, есть все основания надеяться на окончание и к сроку. Задержка может быть только с защитой. Это уже не от нас зависит.

О сборах. Особенно по этой линии не надсажайся, но возьми себе за правило делать не меньше двух птиц в день. Одну большую и одну маленькую или две маленьких. Обязательно надо собрать следующих птиц:

<i>Podiceps cristatus</i>	- 1 шт. В хорошем виде
<i>Podiceps griseigena</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Podiceps nigricollis</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Podiceps auritus</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Gavia arctica</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Ardea cinerea</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Ciconia nigra</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Botaurus stellaris</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Cygnus olor</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Cygnus cygnus</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Cygnus bewickii</i>	- 1 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Anser anser</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Anser albifrons</i>	- 3 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Anser erythropus</i>	- 3 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Branta ruficollis</i>	- 2 шт. –“ – В коллекции мало!
<i>Tadorna tadorna</i>	- 1 шт. –“ –
<i>Tadorna ferruginea</i>	- не надо. Хватит у нас. Вешай и общипывай
<i>Anas querquedula</i>	-
<i>Anas crecca</i>	- 1 Одного хорошего самца и хватит
<i>Anas clypeata</i>	- 1 Одного хорошего самца
<i>Anas platyrhynchos</i>	- 1 Одного хорошего самца
<i>Anas strepera</i>	- Не надо хватит
<i>Anas acuta</i>	- не надо хватит
<i>Anas penelope</i>	- 2 самец и самка или два самца. В коллекции мало!
<i>Netta rufina</i>	- 2 самец и самка. Отсюда интересно!

<i>Nyroca nyroca</i>	- 1 Отсюда интересно!
<i>Nyroca ferina</i>	- Не надо. Хватит
<i>Nyroca fuligula</i>	- 1 Одного хорошего самца
<i>Nyroca marila</i>	- 2 Отсюда интересно! У нас или нет или одна!
<i>Bucephala clangula</i>	- 2 самец и самка в хорошем виде.
<i>Clangula hyemalis</i>	- 2 Отсюда нужно. У нас очень мало!
<i>Oidemia fusca</i>	- 2 самец и самка. В коллекции мало!
<i>Oidemia nigra</i>	- 1 В коллекции одна !!!
<i>Oxyura leucocephala</i>	- 1 Одного хорошего самца
<i>Mergus albellus</i>	- 1 Одного хорошего самца
<i>Mergus merganser</i>	- 1 Отсюда любопытен.
<i>Fulica atra</i>	- не надо! хватит
<i>Rallus aquaticus</i>	- 2 Ищи!
<i>Crex crex</i>	- 1 Если попадетя
<i>Porzana porzana</i>	- 2 Ищи!!
<i>Porzana parva</i>	- 2 Ищи!!
<i>Porzana pusilla</i>	- 2 Ищи!!
<i>Grus grus</i>	- 1 Одного хорошего
<i>Grus virgo</i>	- 1 Одного хорошего
<i>Glareola nordmanni</i>	- 1 Хорошо бы. Больше одной не надо.

Список этот включает тех птиц, которых тебе надобно знать, и большинство которых тебе наверняка встретится. Меньшинство же – редкости или в том и ином отношении интересные вещи. Кроме того, может быть, попадутся и другие редкости – белый журавль, белый гусь, да и вообще черт его знает, что там может быть. В общем, считая, что ты будешь там апрель и май т.е. 60 дней с тебя причитается 120-130 шт.

<i>Squatarola squatarola</i>	- 1 шт. Очень важно!
<i>Charadrius morinellus</i>	- 1 шт. Одной хватит.
<i>Charadrius dubius</i>	- Не надо
<i>Charadrius alexandrinus</i>	- 1 шт.
<i>Charadrius asiaticus</i>	- 2 шт. Хорошо
<i>Vanellus vanellus</i>	- Не надо
<i>Chettusia gregaria</i>	- 1 шт. Нужно
<i>Arenaria interpres</i>	- 2 шт. Хорошо бы.
<i>Haematopus ostralegus</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Recurvirostra avocetta</i>	- Не надо. Хватит.
<i>Himantopus himantopus</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Numenius arquatus</i>	- Не надо хватит.
<i>Numenius tenuirostris</i>	- 2 шт. Ого! Редкость! У нас нет!!!
<i>Numenius phaeopus</i>	- 2 шт. Очень бы хорошо
<i>Limosa limosa</i>	- Не надо
<i>Limosa lapponica</i>	- 2 шт. Очень бы хорошо
<i>Limnodromus semipalmatus</i>	- 2 шт. Ого! Редкость! У нас нет!!!
<i>Terekia cinerea</i>	- 2 шт.
<i>Tringa hypoleucos</i>	- Не надо
<i>Tringa ochropus</i>	- Не надо
<i>Tringa glareola</i>	- Не надо
<i>Tringa nebularia</i>	- Не надо
<i>Tringa stagnatilis</i>	- 2 шт.
<i>Tringa erythropus</i>	- 1 шт.
<i>Tringa totanus</i>	- Не надо
<i>Philomachus pugnax</i>	- 3 шт. Для ранолечения
<i>Cracethia alba</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Erolia minuta</i>	- 1 шт.
<i>Erolia temminckii</i>	- 1 шт.
<i>Erolia alpine</i>	- 2 шт. Хорошо бы

<i>Erolia testacea</i>	
<i>Limicola falcinellus</i>	- 2 шт. Редок. У нас нет!
<i>Limnocyptes minuta</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Scolopax rusticola</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Capella gallinago</i>	- Не надо
<i>Capella media</i>	- 3 шт. Надо! У нас один!
<i>Phalaropus lobatus</i>	- Не надо
<i>Larus argentatus</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Larus canus</i>	- Не надо
<i>Larus ichtyaetus</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Larus minutus</i>	- Не надо
<i>Larus ridibundus</i>	- Не надо
<i>Chlidonias leucopterus</i>	- Не надо
<i>Chlidonias nigra</i>	- Не надо
<i>Chlidonias hybrida</i>	- 1 шт. Очень бы хорошо
<i>Hydroprogne tschegrava</i>	- 1 шт.
<i>Gelochelidon nilotica</i>	- 1 шт.
<i>Sterna albifrons</i>	- 1 шт.
<i>Sterna hirundo</i>	- Не надо
<i>Falco peregrinus</i>	- 1 шт. Ого!
<i>Falco cherrug</i>	- 1 шт
<i>Falco subbuteo</i>	- Не надо
<i>Falco columbarius</i>	- 1 Хорошо бы
<i>Accipiter nisus</i>	-
<i>Accipiter gentiles</i>	- 1 Хорошо бы
<i>Circus pygargus</i>	- Не надо
<i>Circus macrourus</i>	- Не надо
<i>Circus aeruginosus</i>	- Не надо
<i>Milvus korschun</i>	- Не надо
<i>Haliaeetus albicilla</i>	- Не надо
<i>Aquila chrysaetus</i>	-1 шт. Хорошо бы
<i>Aquila heliaca</i>	- 1 шт. Хорошо бы
<i>Aquila nipalensis</i>	- Не надо
<i>Aquila clanga</i>	- 1 шт.
<i>Buteo buteo</i>	- Не надо
<i>Buteo rufinus</i>	- Не надо
<i>Buteo lagopus</i>	- Не надо
<i>Circaetus gallicus</i>	- 1 шт. Все это очень бы хорошо
<i>Pernis apivorus</i>	- 1 шт. Все это очень бы хорошо
<i>Pandion haliaetus</i>	- 1 шт. Все это очень бы хорошо
<i>Bubo bubo</i>	- 1 шт. Все это очень бы хорошо
<i>Nyctea scandiaca</i>	- 1 шт. Все это очень бы хорошо
<i>Otus scops</i>	-
<i>Asio otus</i>	-
<i>Asio flammeus</i>	-
<i>Corvus corax</i>	- 1 шт. Надо!
<i>Plectrophenax nivalis</i>	- 2 шт. Надо!
<i>Calcarius lapponicus</i>	- 3 шт. Надо!
<i>Melanocorypha tatarica</i>	- 2 шт. Надо!
<i>Melanocorypha leucoptera</i>	- 2 шт. Надо!
<i>Motacilla flava</i>	- 2 шт. Надо!
<i>Panurus biarmicus</i>	- 1 шт. Надо!
<i>Acrocephalus arundinaceus</i>	- 1 шт. Надо!
<i>Acr. agricola</i>	- 2 шт. Надо!
<i>Acr. schoenobaenus</i>	- 2 шт. Надо!

129 шт.

Это даже и маловато. Привези все-таки больше. Всего не предусмотреть, на месте тебе будет виднее. Договорись с начальством о том, что будешь присылать посылки, и что на это нужны расходы (тара, пересылка и пр.). Помимо всякого оборудования имей с собой кряхалку и хоть пару чучелок (т.е. деревянных уток). Это весной здорово помогает. Остальное прочитаешь в книжке. Быть может, я на Саумале буду, но вообще это под большим вопросом.

От Тони и Ани тебе привет! От меня привет всем, всем! Жму руку! Ни пуха, ни пера! Твой И. Долгушин. P.S. Одновременно пишу Гвоздеву, в частности и о тебе».

Долгушин – Панченко 20 декабря 1953, Ленинград

«Сергей! Ты что же это, сукин сын, ничего не пишешь? Имей в виду, что я хоть и далеко от тебя, но все же интересуюсь твоими делами. Мы ведь уговорились, что ты будешь писать о своих делах, по крайней мере, один раз в месяц. А я вот тут болтаюсь уже черт знает сколько времени, а от тебя ни слуху, ни духу. Ну, раз ты сам не пишешь и ничего не намерен о себе сообщать, то я буду спрашивать с тебя. Сейчас же садись писать мне. И чтобы в письме был ответ на следующее:

1. Какие материалы тобой уже обработаны и какие остались.
2. Проявил ли ты фотографии и что из них вышло.
3. Определил ли содержимое желудков и до какой степени.
4. Вешал ли пух и перо.
5. Писал ли что либо, что именно и сколько написал.
6. В чем ты нуждаешься, кто тебе в чем помогает и кто нет.
7. Как и где ты работаешь
8. Читаешь ли мою библиотеку и как с этим идет дело.

Ну, а по пути напиши, как вообще идут дела в Институте и как у меня дома. Сержусь на тебя чертовски! И жду письма. Привет всем! Твой И. Долгушин»

Долгушин – Панченко, 20 февраля 1954, Ленинград

«Дорогой Сережа! Уже давно надо было написать тебе, но все как-то то да се. Наконец уже дело дошло до последнего срока и начинаю письмо тебе.

Во-первых, очень рад, что ты закончил повидовые очерки хотя бы в самом первом приближении. Не столь важно, что они оказались не совсем доброкачественными. И ты не бог, да и все мы не боги – с первого раза ни у кого ничего не выходило и не выходит. Сейчас, сколько я могу понять, ты их уже переделал или, во всяком случае, близок к завершению переделки. Вероятно, или очень близко к этому, вряд ли и эти очерки будут совершенными. Но, как бы то ни было, они уже лучше и, пожалуй, их уже не стоит особенно переделывать. Приедешь с новым материалом, будешь вставлять новые сведения - тогда все выяснится самому, успеешь переделать.

Во-вторых, о списке литературы. Я его внимательно просмотрел. Замечания следующие. Рукописи использовать, конечно, надо. Но ссылаться на это не стоит. Твой список открывает работа Долгушина и Кузьминой о птицах Казахстана. Ссылаться на нее не стоит. Работа не опубликована, сейчас устарела совершенно. Приводимые в ней данные используй просто, чтобы самому не искать, но ссылаться на нее не нужно. Используй также и мои данные по Кургальджину, но тоже без ссылок на рукопись – кстати, ее и нет, а есть выборки из дневника. Видимо, так же надо поступить и с рукописью Доброхотовой о Кургальджине (там, насколько я помню, интересного-то ничего нет). Если же посмотреть на твой список, то в нем кое-чего не хватает. Если уж говоришь о Кургальджине, то там нет работ Лаврова, также как нет и работы Владимирской и Меженного. А это – основные работы по Кургальджину, достаточно

богатые материалом. Первую ищи у меня на букву Л, м.б. в оттисках, а может быть в отдельной папочке с фамилией Лавров. Слово на букву Л. Вторая напечатана в сборнике ЗИН памяти Бианки, 1952 г. Где он у меня стоит – не помню. Но скорее всего стоит на букву К вместе с Козловой. Если не найдешь – попроси у Корелова, у него есть.

Далее. Сводку Птицы СССР, Пластинчатоклювые из Фауны СССР (Тугаринова), Птицы России Мензбира (Обязательно!!) и др. сводки использовать нужно обязательно. Технически это делается так. Садись ты писать, скажем, ширококлюску. В первую очередь, читаешь общую характеристику семейства у Мензбира, в пластинчатоклювых, в Птицах СССР. Потом так же читаешь характеристику рода, а затем видовой очерк. Что поразит твое воображение, что кажется нужным – выписываешь. Потом выбираешь материал из специальных источников, из частных работ. Все это выбрал. После этого садись писать очерк. Основу его составляют свои наблюдения все же остальное или пополняет их, или служит материалом для сравнения, сопоставления и т.п. Не пугайся, что надо читать характеристики общие, начиная с отряда, при каждом повидовом очерке. Это зато сильно помогает осмысливанию частного – вида – на фоне общего – высших систематических групп.

Будет очень хорошо, если ты проведешь сравнение разных водоемов – Чушка-куля, Саумал-Куля, Сассык-Куля и очерка у Бель-Карагана (и других), как в смысле их общей географии (химизма воды, характера растительности и пр.), так и в смысле качественного состава фауны и количественных показателей, - последние хоть в самом грубом приближении.

Вот все, что я тебе могу сказать отсюда. Ничего не могу поделаться, с далекого расстояния и советы б.м. далекие от реальности. Самое же главное следующее: когда будешь ехать в поле, - оставь свою рукопись у меня в папочке и поставь ее на букву П – Панченко. И там, где она, оставь письмо Корелову для передачи мне по приезду моем. Даже лучше не Корелову (он может уехать, как и Людмила), а Алексею Глебовичу [Соколов - АК]. Я ее разыщу и тогда уж посмотрю, как следует. Тогда, перед тем, как тебе садиться за окончательное оформление рукописи, все и у тебя и у меня выкристаллизуется достаточно. Мне представляется, что у тебя будет хороший материал. Многому ты выучился в поле, научишься и в кабинете. Помни, что не боги горшки обжигают. Все приходит в работе.

Вот и все основное. Ты еще не умеешь пользоваться людьми. Ты им что-нибудь рассказывай, спрашивай по частным вопросам. Любой тебе поможет. А ты всех просишь быть консультантами т.е. ставишь всех в какое то дурацкое положение. Все и шарахаются. Был консультантом – значит, не может быть оппонентом. И в этом роде.

Пока все Сережа. Пиши мне, - не сердись, что задерживаю ответы. Выезжать тебе нужно с таким расчетом, чтобы на месте быть числа 20 марта. Т.е. уже вот-вот. Жму руку и – ни пуха, ни пера! Привет всем! Твой И. Долгушин. Девушки шлют тебе привет!»

Долгушин – Панченко, 10 сентября 1956, Алма-Ата

«Дорогой Сергей! Во первых строках спешу уведомить тебя, что все благополучно: ты утвержден ВАКом в ученой степени кандидата биологических наук. В недалеком будущем кто-нибудь поедет в Москву и привезет твой диплом, о чем я тебе незамедлительно сообщу. Ты только держи меня в курсе своих адресных дел, о каждой перемене адреса сообщай. И вообще держи меня в курсе своих дел. Педагогика будет тебя, конечно, давить, но имей в виду, что это занятие такое – год от года будет легче. Так что не отчаивайся от первого года.

Очень и с тобой, и с Гавриным получилось хорошо. А то ведь у нас перемены большие: из научных учреждений АА право приема диссертаций осталось совсем у

немногих: у Мед Ин-та, Зоовет, КазГУ, С-Х, Ин-та геологических наук и еще у кого то. Все остальные ВУЗы и н.и. учреждения этого права лишены, в том числе и наш Институт. Это во-первых. Во-вторых, правила защиты совершенно изменены и главное то, что к защите допускаются только опубликованные работы. Одним словом, рогаток наставлено много. Но ты уже кандидат и тебя все это не касается. Я тут поднял страшную бузу и требую от всех и вся, чтобы писали в ВАК протест. Мало в ВАК – тогда в Сов.Мин.СССР и куда попало. Мне лишение нас права приема диссертаций больше, чем не нравится.

В остальном наша жизнь течет по-прежнему. Как и при тебе, я ковыряюсь с первым томом Птиц Казахстана. Начал уже писать 1-й вариант. Напишу несколько видов и пушу их по рукам для чтения, критики и крытики. Получив все это, буду переписывать уже набело, перепечатывать и пр. Думаю, что года через два этот том будет уже напечатан. Тогда немного отдохну и возьмусь за второй. Словом на пять лет занят по горло. Все остальные живы и здоровы и все, кому я о тебе говорил, шлют тебе привет.

Ну, дорогой Сережа, будь здоров и жизнерадостен, обучай там молодежь, да летом не зевай. Места у нас всюду привольные, знай, работай да не трусь. Жму руку и шлю привет твоему семейству! Всего доброго! Твой И. Долгушин»

Долгушин – Панченко, 21 мая 1958, Алма-Ата

«Дорогой Сережа! Извини пожалуйста, но так заматался со всякими делами, что совершенно одурел. Ни за чем не успеваю, все теряю – стар, стар, скоро на свалку пора.

Жизнь, тем не менее, идет более чем бодро. Все куда-то едут, от заседаний всяких можно голову потерять и т.д. и т.п. Ну ладно! Пиши, что будешь делать летом. И вообще пиши, не забывай старика. Привет жене и общим знакомым! Жму руку! Твой ИД»

Долгушин – Панченко, 8 декабря 1958, Алма-Ата

«Так давно не имею от тебя вестей, что даже не знаю, где ты и что с тобой. А не плохо бы тебе написать мне о своем житье, о работе нынешнего дня, о планах на будущее и т.п. Я жду. А сейчас вот в чем дело. Биолого-почвенный факультет Московского государственного Университет и Комиссия по охране природы АН СССР организуют чествование доктора биологических наук профессора Георгия Петровича Дементьева в связи с его шестидесятилетием и сорокалетием научной, педагогической и общественной деятельности. Юбилейное заседание состоится 24 декабря с.г. в 16 часов в Малой аудитории зоны «а» Биолого почвенного ф-та МГУ (Ленинские горы). Пишу тебе об этом так подробно потому, что Москва город такой, в котором каждый может оказаться неожиданно-негаданно.

О значении Г.П. для орнитологии и для организации орнитологических исследований в СССР говорить не буду. За одни «Птицы Советского Союза» можно ему при жизни памятник поставить. Было бы очень хорошо если бы ты послал приветственную телеграмму со всякими хорошими пожеланиями. Адрес Юбилейной комиссии таков: Москва, «В-234», Ленгоры, Биолого-почвенный факультет Московского Университета, Орнитологическая лаборатория. Как это можно сократить для телеграммы – понятия не имею.

Надеюсь на тебя! Твой И. Долгушин. Пиши! Жду! Привет жене!»

Долгушин – Панченко, 28 марта 1959, Алма-Ата

«Дорогой Сергей! Получил от тебя уже, кажется, два письма. Сначала о делах.

1. К Степанову пойду сам. Он крайне неохотно дает разрешения на научную охоту. Почему – неизвестно. Схожу на днях, у меня к нему накопилась немало дел.

2. В августе в Москве состоится 2-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Я, кажется, говорил тебе о ней. На всякий случай посылаю официальное сообщение. Она действительно так и будет, именно в те числа августа. Было бы хорошо тебе на ней побывать. Подумай об этом. В конце концов, надо тебе и мир посмотреть, да и себя показывать пора.

3. Вышел том «Ученых записок МГУ» по орнитологии. Если я тебе его не продал (у меня запас есть небольшой) то выписать его можно через «Книгу почтой» (в Москве). Надо это издание поддержать, из него может вырасти орнитологический журнал.

Кажется, дела все. Планы твои я одобряю, действуй. А с охотинспектором Вашим ты наладь дружеские отношения. Это очень важно. Вне зависимости от того, может или нет он давать разрешения на научную охоту, это все равно необходимо.

Мы тут съездили на весенний пролет и немного повеселились. В остальном все по старому. Ну, бувай здрав! Привет жене! Твой И. Долгушин»

Долгушин – Панченко, 27 декабря 1962, Алма-Ата

«Дорогой Сергей! Поздравляю тебя и все твоё семейство с наступающим новым годом! От всей души желаю всем вам здоровья, радости, счастья, успехов, веселья, смеха, света, тепла, солнца, огней – на весь 1963 год!

Все мы хотим, чтобы этот год был мирным и счастливым, чтобы он был полон жизнерадостности, чтобы не единое облачко не омрачало нашего существования. Мы этого очень хотим! А ведь это уже очень много значит – хорошо захотеть. Нас многие миллионы – неужели же желание наше – в отдельности капля, а в сумме могучий поток – не сбудется? Не может того быть!

На этом бы надо и кончить – не хочется омрачать новогоднее письмо. Но приходится. У нас большая трагедия: 25 октября, будучи в экспедиции, на озере Акжар, затерявшемся между низовьями Сарысу, Чу и Таласа, утонул Дмитрий Иванович Чекменев. Нелепейший случай, глупейшее стечение обстоятельств - и в результате мы лишились верного товарища, прекрасного полевого работника, только что вставшего на ноги и на твердую дорогу ученого.

В остальном все попрежнему. Пиши, не забывай о нас. Привет семье и всем знакомым! Твой И. Долгушин»

Долгушин – Панченко, 1 декабря 1963, Алма-Ата

«Дорогой Сережа! Не буду от тебя скрывать, что мне очень огорчителен был твой уход из Семипалатинска. Терять в Казахстане орнитологов, сам понимаешь, совсем дело не из приятных. Но что поделаешь, приходится мириться. Жизнь ведь штука сложная и не единой орнитологией жив человек.

Судя по твоему письму, жизнь в Луганске не плоха, а цены так меня просто потрясли. У нас все раз в 10 дороже – в этом роде, если не более. Ну, а с квартирой, так или иначе, все утрясется. Насколько я знаю обстановку в Луганске – и вообще в Европейской части Союза – с жильем и много лучше и много больше порядка, чем у нас. У нас тут лишь очень постепенно начинает налаживаться порядок в Алма-Ата. А в областных центрах по-прежнему полная вакханалия.

Посылку твою с кладками получили давно, как давно получили от тебя и письмо о переезде. Я потому и не писал ничего, что не знал, куда писать. Кладки твои на месте и

в полном порядке. Получили также выписки из дневников – за все большое спасибо! Нам сейчас очень нужны любые данные о птицах – это я думаю понятно.

С 3 томом чехарда ужасная. Никто еще не кончил писать, а многие просто и не начали. Очевидно, сдавать в печать будем только в конце 1964 г., а из печати выйдет только в 1965 г. В общем, все это еще очень и очень далеко.

Бажанов действительно собирался уходить: жена чувствует свое сердце слишком, а для Алма-Ата это не очень хорошо. Но не в Семипалатинск, а в Уральск, где сейчас организуется с.х. институт. После всяких разговоров – их было много – он, кажется, остается.

Тебе надо теперь завязывать связи с украинскими орнитологами, и вообще с соседями. На всякий случай сообщая несколько адресов.

Волчанецкий, Илья Борисович – Харьков, 22, Дом специалистов, кв. 63. Проф. Зав. кафедрой зоол. позв. ХГУ. Хороший человек и спец.

Кривицкий, Игорь Ал-др. Харьков, 58, Данилевского, 19, кв. 65. Наш парень, работал в Кургальдж. заповедн. Сейчас в Ун-те. Молодой, хороший парень.

Кистяковский, Ал-др Богданович. Киев, Артема, 51, кв. 14. Хороший специалист и человек. Работает в Ун-те. Основной автор Птиц Украины.

Воинственский Мих. Анатольевич. Киев, 9-го января, 20, кв.1. Хороший специалист, работает в Укр.А.Н.

Кроме того, в Полтаве живет Гавриленко – хороший старик, имеет великолепную свою коллекцию птиц. В Ростове живет Петров. А вообще на Украине орнитологов – пруд пруди! Постепенно тебе надо с ними наладить связей и выяснить, что там важно, как к этому приступить и т.д. А тогда уже видно будет, с чего именно и как начинать свою деятельность.

Насколько я знаю, в Луганске обретается Постникова Евгения Дмитриевна. И живет то она – или жила – на Обратной улице. Когда-то я вместе с ней учился в Томском Университете. Такая была девушка во всех отношениях средняя. Я ее уже почти и не помню, никогда не был с ней и в дружбе. Так, сокурсники. Но все же было бы интересно узнать, что она представляет собой сейчас. Наш курс был очень небольшой, всего человек 10. Из них трое сейчас доктора и профессора, одна видный работник карантинных организаций (энтомолог). Остальных растерял, в том числе и Казовскую (ныне Постникову). Недавно вот узнал, что она в Луганске. Посмотри на нее и, ежели случайно речь пойдет обо мне – дай ей высказаться. Ежели все будет нормально – передай от меня привет и рассказывай, что попало. В противном случае ладно и так.

Все мы живы и здоровы. Весь наш народ шлет тебе привет и пожелания благополучной жизни на новом месте! Привет от меня и Людмилы твоему семейству!

Будь здоров и благополучен! Пиши! Твой И. Долгушин»

Долгушин – Панченко, 30 января 1964, Алма-Ата

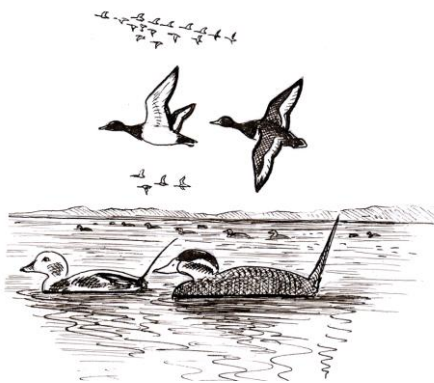
«Дорогой Сережа! Спасибо за письмо и добрую память. Ты меня так расшевелил, что я полез искать фотографии. Я не любитель сниматься, думал ничего не будет толку в этих поисках. Но нет, нашел. Это меня гоняли сниматься по поводу юбилея. Мне, стало быть, 50 лет. Можешь говорить, что теперь я старше и значительно солиднее и в этом роде. А на самом деле я только постарел, а в остальном что-то не меняюсь. Фотография с Людмилой относится тоже к 50-м годам, но точно не знаю, к какому времени. Да это и не существенно. В общем, фотографиями я тебя снабдил, теперь можешь ими маневрировать как хочешь.

Если ты в недалеком будущем получишь квартиру и будешь жить роскошно – настолько роскошно, что даже фотографией будешь заниматься – то к тебе будет просьба. Мы в фотографиях, всякого рода птичьих, ощущаем большую нужду. Надо нам

все: портреты птиц, гнезда, обстановку, птенцов и пр. т.п. Ежели у тебя будет что либо подходящее, это будет здорово. У нас тут нынче голод совсем особенный. По воробьиным и ракшевым фотографий мало. И, кроме того, в этом году мало денег и с оплатой рисунков будет туго. С Комаровым иметь дело, возможно, не придется, а рисунки – эрзацы очень бы не хотелось помещать: книгу испортить. Стало быть, надо нажать на фотографии, а их мало, почти нет. В общем, дела неважные.

3-й том пишется. Пишется туго, со скрипом, но пишется. О нем не беспокойся, за тобой экземпляр записан, не пропадет. Хотим этой осенью столкнуть его в РИСО и далее в издательство, но что из этого получится пока неясно.

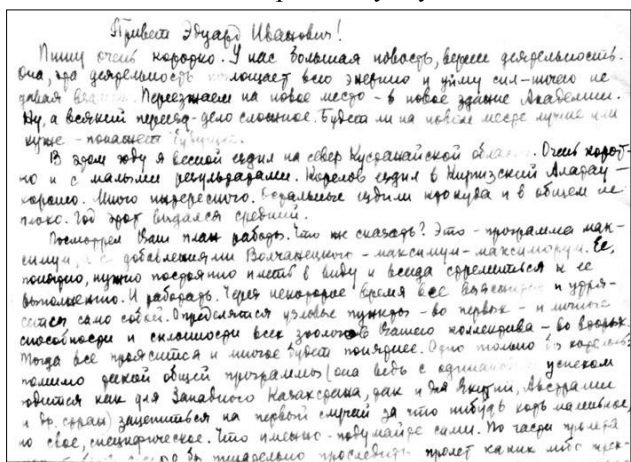
В прошлом письме ты писал мне о ценах на фрукты и овощи, и я искренне позавидовал. У нас в Алма-Ате жизнь по всем статьям, шикарная, но как раз не за счет фруктов и овощей. Ими магазины почти не торгуют (фруктами – совсем не торгуют), а на базаре все чертовски дорого. Зато насчет всего прочего у нас очень славно. Я только что вернулся из поездки в Сибирь. Был в Омске, Томске и Новосибирске. Вот там неважно, если не сказать больше. В этой поездке я поставил целью - отыскать хоть каких-либо своих соучеников по школе и разыскал троих. Двое из них доценты, одна только что защитила докторскую. А не виделись мы ни мало, ни много – 38 лет! Ну, конечно, немного изменились... Будь здоров Сережа! Привет супруге и Евгении Дмитриевне! Ей я напишу особо, придется извиняться: во время моего отсутствия пришло извещение об юбилее, а я приехал 27.01. Тут уж поздравлять поздно. Привет от Людмилы и всех орнитологов! Твой И. Долгушин».

Письма И.А. Долгушина к Э.И. Гаврилову, 1957-1958

Долгушин – Гаврилову (осень 1957 г.)

Привет Эдуард Иванович! Пишу очень коротко. У нас большая новость, вернее, деятельность. Она, эта деятельность, поглощает всю энергию и уйму сил, ничего не давая взамен. Переезжаем на новое место – в новое здание Академии. Ну, а всякий переезд – дело сложное. Будет ли на новом месте лучше или хуже – покажет будущее. В этом году я весной съездил на север Кустанайской области. Очень коротко и с малыми результатами. Корелов ездил в Киргизский Алатау – хорошо. Много интересного. Остальные ездили кто куда и, в общем, неплохо. Этот год выдался средним.

Посмотрел Ваш план работы. Что же сказать? Это – программа максимум, а с добавлениями Волчанецкого – максимум-максимум. Ее, понятно, нужно постоянно иметь в виду и всегда стремиться к ее выполнению. И работать. Через некоторое время все выяснится и утрясется само собой. Определяются узловые пункты – во-первых - и многие способности и склонности всех зоологов вашего коллектива – во-вторых. Тогда все прояснится, и многое будет понятнее. Одно только бы хотелось: помимо такой общей программы (она ведь с одинаковым успехом годится не только для Западного Казахстана, но и для Якутии, Австралии и др. стран) зацепиться на первый случай за что-нибудь, хоть маленькое, но свое, специфическое. Что именно – подумайте сами. По части пролета, может быть, стоило бы тщательно проследить пролет каких-либо трех-четырех видов. Особо тщательно. Например, такие виды, как краснозобая казарка, гуменник и что-нибудь в этом роде. То же относительно гнездовой биологии. Почему бы особое внимание не сосредоточить на таких «экзотах» и в то же время мало известных видах как кречетка, черный жаворонок, азиатский зук и что-нибудь в этом роде. Или из другой оперы – почему бы не попытаться определить значение долины Урала как некоего экологического русла для проникновения далее в зоны степи, полупустыни и пустыни ряда дендрофильных видов. Это на гнездовье (ну там дятлы, синицы, тетерев и пр.). И, продолжая эту же мысль, - значение Урала для пролетной дендрофильной птицы, оно же и во время продвижения зимой. Словом, что-нибудь свое, местное специфическое.

Волчанецкий как руководитель всего этого занятия не плох потому, что он немало ездил по тем местам и немало писал. Да и вообще-то он саратовец и с микробовцами знаком хорошо. Словом, он имеет свои положительные качества. Я его почти не знаю и с ним официально не знаком. Отзывы о нем как о полевом орнитологе средние. Но так он как будто ничего, во всяком случае, человек, по-видимому, славный. Это уже хорошо.

К слову сказать, для Западного Казахстана вполне годится такая книга как Мензбир «Птицы России». Очень бы не вредно вам ее иметь под руками. «Птицы Советского Союза», в общем, очень и очень хорошая сводка. Но там много авторов, и

отдельные ее разделы очень неравноценны. Во всяком случае, Мензбира нельзя забывать. Тогда бы Вы не спрашивали меня об оседлости крапивника. В Западной Европе он живет вполне оседло, но уже в центральных частях России во многих местах широко кочует. Ближе к Уралу (хребту) кочевки, видимо, правило. У нас гнездящиеся в Тянь-Шане кочуют очень широко – до Балхаша и т.д. и т.п. На вопрос «почему» ответить обычно трудно. О желнах и кедровках как товарищах по кочевкам – слышу первый раз. В чем дело – надобно смотреть на месте. Это может быть чем-то интересным, но может быть и случайным совпадением, зависящим от других причин, не симбиотического порядка.

Очень интересуюсь Вашими данными о турухтане. Если не затруднит – сообщите по подробнее. Каковы гнезда, птенцы и всяческие даты. Это бы надо в «Птицы Казахстана» включить обязательно. А это уж Ваше дело – хотите, давайте, хотите – берегите для себя. Мне многие сообщают разную такую разность и я, отбирая, конечно, включаю в текст – фамилия сообщившего указывается, это само собой.

О Вашем большом дятле сейчас ничего не могу сообщить, так как всё перевозится, и в этом кавардаке этого дятла искать и нет времени, да и не найдешь – всё навалено, всюду хаос. Я его смотрел и могу сообщить только одно – дятел как дятел, много у нас таких. Вот уже приедете – тогда смотрите на него, хотя он того и не стоит. Дело-то понятное: Вы определяете по Птицам Советского Союза или по одноименнику. К сожалению, определять по этим книгам тяжело и вероятность правильного определения невелика. Лучше раздобудьте «Птицы СССР», изданные Зоол. ин-том АН СССР. Вообще определители – дело очень трудное и хороших мало.

Для «Птиц Казахстана» я целиком закончил повидовые очерки по отрядам гагар, поганок, веслоногих, аистовых, фламинго, пластинчатоклювых, пастушковых и журавлей. Сейчас пишу общие главы и мучаюсь безмерно. Затем начнется составление карт, подбор рисунков, фотографий и пр. и т.п. М.б. к июню-июлю, а м.б. к осени надеюсь сдать в печать. Следующие тома пойдут легче. Есть уже опыт писанины, первое, и будут только повидовые очерки – второе.

Черношейная поганка? Очень уж известный вид – в одном Казахстане найдено около 500 колоний. Считаю в среднем по 50 гнезд в колонии... много. Конечно, тем не менее, это мало известный вид, но... словом, не знаю, что у вас там хорошего. Сборы двигаются – это всегда хорошо! Продолжайте в том же духе! Ни пуха, ни пера! Ваш И. Долгушин.

P.S. Письмо Ваше передаю Корелову, пусть отвечает на это и предыдущее (оно у него). Я думал, он давно уже написал Вам. Ваш ИД.

Долгушин – Гаврилову (2 мая 1958 г.)

Дорогой Эдуард Иванович! Уже давно Мстислав Николаевич передал мне Ваше письмо, но все как-то руки не доходили. Сегодня, пользуясь изобилием праздников, сел за письмо. Буду краток и остановлюсь только на главном.

1. И я, и Мстислав по два раза писали Вам, что добытый Вами дятел самый что ни на есть обыкновенный *Dryobates major*. Больше к этому ничего нового добавить не могу.

2. К сожалению, качество наших определителей таково, что ошибки в определениях неизбежны. Такая ошибка у Вас случилась с дятлом и, совершенно очевидно, с бурой пеночкой. Отсюда трудно сказать, что это за птица, но посмотрите ее еще раз. Если подмышечные у нее серно-желтые, то это пеночка.. Тогда смотрите крыло сверху. Если на нем никаких белесых полосок нет, то смотрите ноги. Если почти черные или вообще очень темные, то это *Ph. collybita*. Если же на крыльях есть полоски и ноги светлые, то это что-либо другое. Если же подмышечные не желтые, то это вообще не пеночка, а скорее всего бормотушка (*Hippolais caligata*).

3. Из рябков у Вас вероятнее всего встречается чернобрюхий рябок. Ну и саджа. Все они хорошо отличаются по крику. У саджи это благозвучное «тень-тень-тень» или «ке-ке-ке», у белобрюхого рябка – отрывистое горловое «ганг, ганг» - немного похоже на галку. У чернобрюхого голос сложный, с большим количеством «р».

4. Если на Челкаре есть *Larus genei*, то это очень интересно – одно из наиболее северных его находений. Постарайтесь добыть шкурки. Тут тоже возможна ошибка – легко спутать с *L. ridibundus* (у этой последней осенью голова белая). Нужно тщательно смотреть пятна на больших махах и их конфигурацию.

5. Фифи и черныш в степях крутятся всегда. Как, впрочем, и многие другие кулики. В большинстве это половозрелые товарищи (у большинства куликов половозрелость наступает на третьем году жизни), но часть – явно половозрелые. О гнездовании куликов в степях написано много, но вопрос этот не решается локально. В одном месте так, в другом может быть и иначе. За всем этим нужно смотреть тщательно, на месте. Гнездование турухтана, например, после Ваших наблюдений, можно считать доказанным. И это очень интересно. Продолжайте в том же духе, набирайте побольше данных, подкрепите их сборами – будет очень хорошо. Такие вещи очень ценны, куда ценнее всяких залетов. О гнездовании черныша на земле не слыхал, но ведь мало ли чего мы не знаем? А с куликами, утками и чайками будьте сугубо осторожны. Нахождение их летом, токовые полеты, пение, попытки к спариванию, даже совокупление – ничего не значит все это. Это странные птицы. Доказательством гнездования у них служат только гнезда с яйцами, пуховики и нелетающие молодые (это, впрочем, и у всех птиц, но у этих групп особенно).

6. Относительно находки скалистой овсянки (*Emb. buchanani*) где-то у Федосенко. На пролете почему бы ей и не быть в ваших краях. Федосенко... фамилия это не география, но, в общем, это где-то у вас в ваших краях. Она гнездится в Мугоджарах и на пролете может быть западнее.

Об оргвопросах. В чумной системе интересуются птицами мало. Собственно интерес имеется только к двум категориям птиц. Первая – хищники (включая сюда сов и ворон), т.е. птицы, поедающие грызунов. Вторая – норники. Это, стало быть, *Oenanthe oenanthe*, *Oe. deserti*, *Oe. isabellina*, а в Монголии такие как *Pyrgilauda* и т.п. Но, как и везде, есть начальство. А начальство бывает разное. Иное начальство относится к изучению птиц благосклонно или хотя бы терпимо. А иное – не переносит. Это уж как кому повезло. Будь Вы на Аральской станции, там Варшавский во многом бы Вам помог. Он бы Вас и поддерживал, он бы многому и научил бы. А так очень трудно.

Места у вас замечательные, в орнитологическом отношении близкие к terra incognita. Исключение – долина Урала, по которой вышли работы Дубинина (Труды Института леса АН СССР, т. XVIII, 1953 и т. XXXII, 1956). Так что там можно добыть очень хорошие и совершенно новые данные. Особенно по междуречью Волга – Урал, а также к востоку от Урала. Места эти мне не известны, они от нас далеко, но Корелов там был и представление о тамошней фауне имеет. Как бы ни сложились у Вас обстоятельства – собирайте как можно больше материала. Писать успеете. С этим торопиться нечего. Вы уже сейчас сильнее, чем были год назад. Сильнее потому, что у Вас материала больше, Вы богаче. Копите это богатство, набирайте силу. Что главное?

Первое – ведите старательно записи. И предварительно обрабатывайте их. Т.е. зимой разносите свои наблюдения на отдельные листы, отведенные для каждого вида. Второе – собирайте коллекцию. Все ошибки потом можно будет легко и просто распутать: определить коллекцию можно мигом. Желательно все же, чтобы избежать ошибок, уже сейчас определять коллекцию.. Если у Вас есть возможности пересылать добытых птиц для определения, то это можно сделать как у нас, так и в Ленинграде или Москве. Выбирайте сами. Лучше всего это (определение) могли бы сделать в

Ленинграде Иванов, Портенко и Юдин; в Москве – Гладков и Чельцов-Бебутов; у нас все равно все делается кучей народа. У нас это можно было бы сделать так: мы бы проверяли определения и или отсылали птиц Вам обратно или сообщали определения – это уж как Вы захотите. То, что ошибки у Вас есть, это очевидно. Иначе и быть не может – не ошибается только тот, кто ничего не делает. За сим! Ни пуха, ни пера! Ваш И. Долгушин. 2.V.1958. Алма-Ата.

Долгушин – Гаврилову (2 октября 1958 г.)

Обитателю приуральских степей привет! Рад был получить Ваше письмо и узнать, что Вы по-прежнему собираете птиц. Это хорошо. Ну, а о плохом – в конце письма.

О некоторых Ваших вопросах и вообще по письму.

1. Очень занятно гнездование турухтана. Постарайтесь проследить за этим как можно тщательнее. Никакого мирового открытия тут нет, но это просто очень хорошо и полезно. Уже имеющиеся данные было бы крайне желательно оформить в виде небольшой статейки. Напечатать ее можно у нас – это займет примерно год. Если это кажется долго, то пошлите в Зоологический журнал. В Природу не надо, там ее пустят в подборку и она потеряется. Но желательно мне ее сперва посмотреть и приглядеть.

2. За каменным воробьем тоже надо смотреть. Это тоже любопытно. Где-то у вас – северная граница распространения его. Всякие данные о ней из Вашего района ценны.

3. Погоньш свистит так, как Вы пишете (фьють-фьють). Но это так пишется, а как это слышится неизвестно. Во всяком случае, определять птицу по описанию крика буквами не берусь. И Вам не советую так определять птиц. Уж лучше потерпеть, а потом, когда все выяснится, то все эти свисты приплюсовать хозяину. Им может оказаться и не погоньш.

4. Белошекая крачка в природе не похожа ни на *Chlidonias nigra*, ни на *Chlidonias leucoptera*. Она скорее похожа на *Sterna* – и по характеру полета и по фигуре. Да она и не очень черная в природе. Ну, а от *Sterna hirundo* она отличается, как небо от земли. В общем, если Вы ее увидите, то сразу поймете, что это новая для Вас птица. Раз не видели – значит у Вас ее нет.

5. Самок *M. lutea* и *M. flava* может, сумеет отличить А.И. Иванов (Ленинград). Он очень хорошо знает всю эту группу. Молодых же наверняка не отличит и он. Я же не отличу и самок, знаю, что Гладков тоже не отличит (хотя он и возился с ними порядочно) – в общем, это дело гиблое. Смотрите самцов, черт с ними, с этими капризными дамами.

Об остальном – шилоклювках, усатых синицах, желтоголовых трясогузках и пр. – писать не буду. Все это должно быть и есть, что и хорошо.

Теперь чуточку ударимся в область психологии. Не нравится мне, что у вас какой-то пессимизм стал развиваться. Милый человек! Смотрите на жизнь трезво и умеете видеть в ней не только негативную ее сторону. Негатив в жизни всегда есть – жизнь полна всякой всячиной и складывается постоянно далеко не идеально. Но если в ней видеть только темные стороны, то ей пра, лучше сразу вешаться. Вы посмотрите на позитив. Вы живете в стране почти неизвестной и каждый день, каждый час видите то, о чем человечество и не знает. Вы капиталист, миллионер, богач! Вы обладаете возможностью ездить и собирать материал, наблюдать то, чего еще никто не видел и, более того, уже никто и не увидит. Ибо это сегодня, а завтра будет уже что-то иное, то да не то. Все это ценности и ими надо пользоваться. Вы молоды, вся жизнь у вас впереди. Набирайтесь сейчас опыта, смотрите во все глаза, наострите все ваши чувства. Вы один (я имею в виду, что жены и детей пока нет) и свободны от тысячей житейских забот. И это по-своему – для определенного отрезка жизни – ценность. Вы говорите, что

будущее ужасно – в крайнем случае, одна статейка. Почему? Я сидел в дельте Или на заготовительном пункте Союзпушнины два года. Принимал пушнину, рассчитывался с охотниками, организовывал бригады и при этом голодал (1933 год!). И ничего. Я жив. На основе собранного материала – именно там – написал кандидатскую диссертацию. Попутно провел обследование мест, пригодных для запуска ондатры – в результате получил Сталинскую премию. Итог, в общем утешительный. А птицами я занимался попутно. Транспорта не было никакого. Я пешком хаживал до Алма-Ата (обратно приплывал на лодке).

Все это вовсе не значит, что я ратую за то, чтобы обязательно остаться в «чуме». Нет, почему же! Если появится возможность работать именно орнитологом, это будет для Вас, понятно, лучше. Но и сейчас не плохо. Во всяком случае, лучше, чем если бы Вы сидели в Воронежском заповеднике и сотый раз считали бобров.

В общем и целом – смотрите на жизнь трезво, не сгущайте темных красок, умеете и старайтесь видеть в ней хорошее, пользуйтесь тем, что есть. Словом – будьте оптимистом!

Пожалуй и хватить. Разве что похвастаться немного. Нынче судьба сделала мне отличный подарок. Был я на озере Тениз (к юго-западу от Акмолинска, где окончательно впадают реки Нура, Кон и Кулан-Утмес). И там нашел колонию фламинго. Да и не колонию, а колоньичу! Гнезд в ней около 25-30 тысяч. Стариков вокруг несколько десятков тысяч, м.б. и все 100 тысяч. Молодых, наверное, около 10-15 тысяч; очевидно, в этом году гнезда были заняты не все, т.к. фламинго откладывают от 2 до 4 яиц. Собрали, что смогли: старых птиц (чучела, шкурки, скелеты), молодых (чучела, шкурки), яйца (вырыли между гнездами из песка – видимо, утерянные птицами или сдутые ветром из гнезд), гельминтов. Одного малыша приволокли в Алма-Ата – он жив по сей день, обитает сейчас в зоопарке. Сделал и фотографии, но они, как на грех, вышли плохо. Но для себя вполне подходяще. Вот такие дела. Я за этой птичкой гонялся немало и к этому Тенизу подлазил с разных боков. Старался попасть и на Челкар-Тениз (в низовьях Иргиза и Тургая) и на Жаман-Аккуль (в низовьях Джиланчика). Ну и вот – не прошло и 20 лет и на тебе... Все это не опишешь, но зрелищные восприятия и вообще всякие эмоции на этой колонии были совершенно исключительные.

Ну, хватит, а то начну хвастать и дальше. Там ведь на Тенизе были и гнезда пеликанов, и колонии хохотуний, и колонии черноголовых хохотунов, и колонии чеграв... да мало ли там чего было! А я ведь был не только на Тенизе!

Ни пуха, ни пера! Пишите! Ваш И. Долгушин. 2.Х.1958. А-Ата.

Долгушин – Гаврилову (8 декабря 1958 г.)

Привет обитателю степных просторов Казахстана! Не думайте, что я отвечаю на Ваше письмо. До этого еще не дошла очередь. Сейчас же пишу вот по какому делу.

Биолого-почвенный факультет Московского государственного университета и Комиссия по охране природы АН СССР организуют чествование доктора биологических наук профессора Георгия Петровича Дементьева в связи с его шестидесятилетием и сорокалетием научной, педагогической и общественной деятельности. Юбилейное заседание состоится 24 декабря с.г. в 16 часов в Малой аудитории зоны «А» Биолого-почвенного ф-та МГУ (Ленинские горы).

Говорить о значении Г.П. как орнитолога и о его значении как организатора орнитологических исследований в СССР вряд ли нужно. За одни «Птицы Советского Союза» ему можно было бы памятник поставить.

Хотелось бы, чтобы в хоре приветствий слово казахстанцев звучало в полную силу. Посему думаю, что Вам надо бы послать телеграмму, содержащую приветствия и добрые пожелания. Адрес Юбилейной комиссии таков: Москва В-234, Ленгоры,

Биолого-почвенный факультет Московского университета, орнитологическая лаборатория. Как это сокращается для телеграмм – не ведаю.

Пишу все по этому поводу, вплоть до часа заседания, потому что Москва такой город, в котором каждый может оказаться неожиданно-негадано. Надеюсь на Вас!

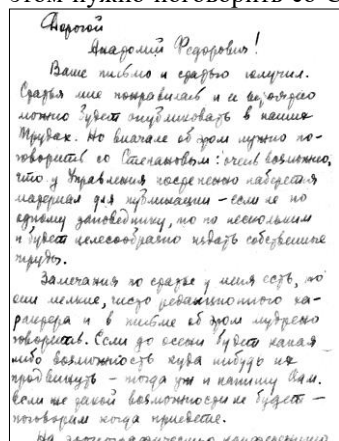
Что касается прочих дел, то «ужо» буду писать Вам специальное письмо. Пока же – всего доброго! От Вас жду писем! Ваш И. Долгушин. 8.XII.1958 г. Алма-Ата

P.S. Само собой разумеется, что крайне желательно известить всех Ваших товарищей и организовать поток приветствий Г.П. на полную катушку. ИД.

Письма И.А. Долгушина к А.Ф. Ковшарю, 1960-1966

Долгушин – Ковшарю, 15 мая 1960 г.

«Дорогой Анатолий Федорович! Ваше письмо и статью получил. Статья мне понравилась и ее вероятно можно будет опубликовать в наших Трудах. Но вначале об этом нужно поговорить со Степановым: очень возможно, что у Управления постепенно

наберется материал для публикации – если не по одному заповеднику, то по нескольким и будет целесообразно издать собственные труды. Замечания по статье у меня есть, но они мелкие, чисто редакционного характера и в письме об этом мудро говорить. Если до осени будет какая-либо возможность куда-нибудь их продвинуть – тогда уж и напишу Вам. Если же такой возможности не будет – поговорим, когда приедете.

На зоогеографическую конференцию Вам надо приехать обязательно. Доклада делать не надо. У нас их заявлено 250 и все равно будем отсеивать. Больше чем наполовину. Я думаю, что надо будет написать от имени нашего Оргкомитета специальное письмо Степанову и одновременно в Ваш заповедник. Это будет сделано через несколько дней.

Такова официальная сторона дела. Но суть заключается вот в чем. На конференции Вы прослушаете много докладов. Хотя всего и не упомнишь, но все-таки голова чем-то обогатится. Это во-первых. Затем – на конференции Вы увидите уйму народа, в том числе и всякого великого. Посмотрите их (важно!), кое с кем познакомитесь – это тоже важно. Это во-вторых. В-третьих – увидите и услышите и не великий народ, но народ, работающий и думающий в сходных областях науки. От этого в голове могут завестись всякие идеи, и их можно будет тут же провентилировать с этими же самыми людьми. Не на заседаниях, а в кулуарах. Кулуары очень важны, часто – важнее, чем заседания. В-четвертых, после и перед конференцией можно будет поговорить о делах. Лучше после конференции: перед ней будет сутолока и вряд ли устроители (в том числе и я) способны будут что-либо воспринимать. Словом, приехать необходимо и сделаем здесь все возможное, чтобы эту поездку организовать. С организацией этой конференции уже и сейчас голова кругом идет, а еще ничего и не началось. В общем, ждите официального письма о желательности Вашего присутствия на конференции. Жму руку и – ни пуха, ни пера! Ваш И. Долгушин, 15.V.60, Алма-Ата.»

Долгушин – Ковшарю, 5 апреля 1961 г.

«Дорогой Анатолий Федорович! Зима прошла. Посему садитесь сейчас же за окончание статьи по зиме в Аксу-Джабаглы. Если там нужно что добавить, изменить,

переделать и дополнить – все сделаете сами, я на Вас вполне полагаюсь. Статью эту посылайте по адресу: Москва И-75, 2-й Останкинский пр. 6, кв. 7, Вячеславу Федоровичу Ларионову. Сейчас в Москве собираются 4-й и 5-й сборники «Орнитология», вертит всем этим делом Ларионов. Полагаю, что они напечатают относительно быстро, во всяком случае, быстрее, чем где бы то ни было.

Весна у нас нынче очень странная. Утка прошла как-то незаметно, и в общем никто почти ничего не убивал и не видел. Я за 4 дня убил 16 штук, Корелов 15, Коробкин 14, Фадеев 6, Рыбалкин 2, Зайцев 0 – таков итог охоты. 4 дня!! У остальных граждан еще хуже: убивали в день по 3-2-1-0. Пишите, как дела. От всех наших привет! Ваш И.Долгушин. 5.III.1961 [описка в месяце - АК]. Алма-Ата»

Долгушин – Ковшарю, 20 декабря 1961 г.

«Дорогой Анатолий Федорович! Заметку о *Rhodopechys* присылайте нам. В недалеком будущем начинается комплектование очередного сборника наших «Трудов», там ее, вероятно, можно будет тиснуть.

За Вами фиксирую пару докладов для конференции: 1) Осенний пролет птиц в верховьях реки Арысь (бассейн Сырдарьи) и 2) К экологии птиц высокогорных поясов Западного Тянь-Шаня. Думаю, что такие заголовки будут подходящи. Тезисы докладов посылайте во Львов. Если мой двойной тезка все еще в Харькове, то передайте ему, что от него жду тематику докладов, а его самого – здесь. Абатуров уже здесь. Объем тезисов минимальный, вероятно около трех, *maximim* четырех страниц машинописи. Изворачивайтесь, как можете. О чечевичнике в статье пишите подробнее – птица наидостойнейшая!

Ну вот и все о делах. У нас все по-прежнему. Уж если Вы начали просматривать птиц Аксу-Джабаглы, то надо их посмотреть и у нас, в ЗИНе и в ЛГУ – все это в основном сборы Шульпина, примерно около 500 шт. Кроме того, имейте в виду, что рукопись Шульпина о птицах Аксу-Джабаглы находится у меня и доступна для всеобщего обозрения и использования. Второй том Птиц Казахстана потихонечку спихнули в издательство и надеемся издать его в будущем году. В недалеком будущем начинаем подбирать материалы для 3-го тома, куда войдут всякая ракушеобразная (в старом смысле слова) и часть воробьиной компании. Всего, видимо, будет 4 тома, в три что-то не влазим. В работе над 3-им томом ждем помощи от всех казахстанцев, в том числе и от Вас. В основном, кажется, все. Увидите Илью Борисовича – передавайте от меня большой привет ему и всей его семье! Желаю хорошо отдохнуть! С наступающим новым годом! Ваш И.Долгушин, 20.XII.1961, Алма-Ата».

Долгушин – Ковшарю, 27 апреля 1962 г.

«Дорогой Анатолий Федорович! План просмотрел, остался доволен и высылаю Вам оба экземпляра. За задержку прошу извинить – в марте ездил, а приехав, был буквально раздавлен работой. Сейчас «окно» дня на два. Скоро обещают дать корректуру, и тогда – прощай, жизнь! Теперь сообщаю о Falke. Успенский прислал мне письмо, которое передаю. Главный редактор «Der Falke» - Kurt Gentz. Он очень заинтересован, чтобы в журнале участвовали советские орнитологи. В какой-то мере Gentz стремится конкурировать с «J.f.Ornitologie», особенно теперь, когда этот журнал стал издаваться не в Берлине, а в Бонне. Журнал печатает материалы по экологии, фаунистике, зоогеографии и даже морфологии. Gentz хочет быть на конференции во Львове. Перевод статей с русского на немецкий для них не составляет труда (буквально из письма – надо полагать, что им можно писать по-русски). Требования к фотографиям обычные и, в связи с плохой бумагой – высокие (издательства всегда требуют фотографии 13x18, отпечатанные на белой глянцевой контрастной бумаге). Особенно интересуются статьями о редких, малоизученных и экзотических (в представлении

немцев) видах или местах, иллюстрированные соответствующими фотографиями. Адрес редактора и издательства: Herrn Kurt Gentz, Redaction «Der Falke, Berlin C2, Littenstrasse 79a, DDR». Вот и все о Falke.

Почему-то обстоятельства сложились так, что Коновалова я не видел. Очень сожалею об этом, но теперь уже поделаться, очевидно, ничего нельзя. Виделся с ним Корелов – вероятно, замолвил о Вас словечко, он это понимает, а с Коноваловым они очень старые знакомые. Аксу-Джабаглы посетить мне, видно, не судьба. Разве что где-нибудь в августе. Сейчас никуда не еду. Причин две. Первая – «Птицы Казахстана». Бросить их я просто не имею права. Вторая – болезнь Валентина. У него находят чахотку, и ехать ему никуда нельзя. Таким образом, основные граждане ехать не могут, и отряд наш развалился, не успев начать действовать. А в Аксу-Джабаглы я постараюсь вырваться после окончания Птиц. Это, вероятно, будет в августе. М.б. это удастся совместить с поездкой на конференцию – дней на 5 заскочить в заповедник. По пути так сказать. Ежели поеду, то помимо всего прочего запасусь какими-либо бумагами от Степанова. Вероятно, это будет нужно – принимая во внимание характер директора и вообще. Вот такие-то дела. Не очень-то веселые, но что поделаешь? Относительно «Известий» с Шульпинскими гадами и млеками дело мало надежное, но что-либо постараюсь сделать. А гадов Параскива и Исаковой достать можно. Когда приедете сюда – напомните мне. Это как-нибудь сделаем. Икару все передал. За сим! Ваш И. Долгушин. 27.IV.1962. Алма-Ата».

Долгушин – Ковшарю, 1963 г. (приписка к рассылке информации о начале подготовки 3-го тома «Птиц Казахстана»)

«Дорогой Анатолий! Ехать пока никуда не собираемся, приезжай смело. И желудка волоки с собой, попробуем тут что-нибудь устроить. Относительно тематики – самое лучшее – что-либо в продолжение старой темы. Арчевники хорошо по многим пунктам: 1) это, по-существу, продолжение старого; 2) комплексное исследование хорошо и для начальства, да и по существу. По крайней мере, можно будет поднатореть и в ботанике и, сколько можно, в энтомологии. В общем, это неплохо. Ждем тебя тут. Статья о высокогорье включена в наш сборник, а он (сборник) сдан в издательство. Привет всем родным и знакомым! Твой И. Долгушин».

Долгушин – Ковшарю, 14 сентября 1964 г.

«Дорогой Анатолий! Получил от тебя уже несколько писем, но по разным причинам ответить сразу не мог. Сейчас окончательно вхожу в силу и постепенно начинаю отписываться. Писем для ответа за лето накопилось пропасть, когда отпишусь и не знаю.

Внимательно просмотрел краткий план «Птиц западной части Таласского Алатау. Он кажется мне вполне приемлемым, как и сама тема. Быть может, следовало бы пункт 4 пустить в конец, после эколого-географического анализа. Т.е. сделать так, чтобы зоогеография в значительной степени основывалась на экологических данных.

Что же касается плана повидового очерка, то он в значительной мере определяется: 1) имеющимся в распоряжении материалом и 2) общей целью работы. Предлагаемый тобою как будто должен устраивать и то и другое. Однако как это на самом деле – сказать трудно. Необходимо написать около 10 таких очерков – сразу выявится многое и все будет гораздо яснее. Ведь помимо «полных» видов, т.е. таких, которые и гнездятся, и пролетают и т.д., будут виды краткие – например залетные. Для них – т.е. только залетных, только пролетных, только зимующих и т.д. план должен быть совершенно иной. Все это совсем не так просто придумать и все это куда лучше выясняется в процессе составления очерков. Но в первом приближении твой план может быть принят, дальше будут уже коррективы.

Относительно перечня коллекционных материалов. При печатании работы это выкидывается, но по соображениям иным – экономии бумаги и пр. В рукописной работе это совершенно необходимая вещь. Дело это не трудное, работа чисто механическая.

Относительно Богачева ничем не могу помочь, так как не знаю, где он находится. Надо бы тебе постараться узнать это у ташкентских жителей. Богачев фигура достаточно заметная и ташкентские энтомологи (да и вообще зоологи) должны бы знать, где он и что с ним. Наши энтомологи от собственно среднеазиатов достаточно далеки и вряд ли что знают, но ташкентцы должны знать обязательно. А так, зря ума, таскаться в Душанбе – смысла мало. Богачева там может и не быть, а без него вряд ли кто сможет тебе помочь в разыскивании желудков.

В недалеком будущем Икар будет в твоём районе по поводу пролета и ловушки. Ловушку строить будем обязательно, но надо это все обдумать достаточно серьезно. Дело это большое и проваливаться с ним нельзя никак. Поэтому лучше немного помедлить, потеряв время на отмеривание, нежели резать, не подумавши. Словом, надо действовать по пословице: 7 раз отмерь, один раз отрежь. Ловушку крайне желательно сделать работающей на две стороны, а это требует особой внимательности.

Относительно твоего приезда сюда. Лучше всего тебе приехать в ноябре. В октябре меня, всего вероятнее, не будет, остальные еще не утрясутся, как следует, после лета. А ноябрь уже настоящий рабочий месяц. Желательно, чтобы у тебя было уже порядочно законченных (хотя бы в первом приближении) повидовых очерков. Чтобы было что посмотреть и как-то реагировать.

У нас как будто все благополучно. Лето в смысле рабочем прошло хорошо. Мне только обидно до слез – самое хорошее время ушло на больницу. Сейчас я о ней начинаю забывать, но вообще-то все это чувствуется до сих пор и вероятно еще будет чувствоваться полгода или около того. В остальном все хорошо. Ну, будь здоров! Привет семейству и всем знакомым. Ждем – лучше всего в ноябре. Твой И. Долгушин. 14.IX.1964»

Долгушин – Ковшарю, 10 января 1966 г.

«Дорогой Анатолий! Буду писать тебе длинное письмо с разными соображениями и вопросами. Прежде всего, сообщаю, что я вплотную сел за твой труд. Начал с повидовых очерков и за три дня дошел до хищников. С повидовых очерков начал для того, чтобы вначале получить полное представление о материале, о фактической части. Тогда легче будет работать и в общих делах. Но коль скоро ты спрашиваешь о зоогеографии и о количественных показателях, скажу свое мнение об этом.

С зоогеографией, мне думается, для успеха дела условием № 1 должно быть полное изгнание всякого лукавого мудрствования. Твой район в этом отношении чудесен именно тем, что о нем никогда ни у кого не возникало ни малейших сомнений, никогда он не был дискуссионным. И надо этим хорошо пользоваться. Это типичный Западный Тянь-Шань – об этом все писали и это положение ни у кого не вызывает – и не вызывало – никакого сомнения. Как же изложить свои по этому поводу соображения? По-моему, это дело не хитрое. Состоит оно из позитива, из негатива и некоторых дополнительных соображений. Из чего состоит позитив? Примерно вот из чего.

1. Наличие эндемиков. По птичьей линии их немного, но и одна *flavipectus*, как там ее ни считай, стоит многого. Из млеконов – *Marm. menzbieri*, тоже не баран начихал. Много насекомых, но это иное дело.

2. Наличие в фауне многих видов южного профиля. Они или находят здесь северную границу распространения, или кончаются где-то неподалеку. Это *Otus brucei*, *Strix aluco* (твой подвид), *Apus melba*, *Acridotheres*, *Coccothraustes* (твой подвид), *Chloris*, *Emberiza stewarti*, *Alauda gulgula*, *Cal. acutirostris*, *Certhia himalayana*, *Parus rufonuchalis*,

Terpsiphone, Muscivora ruficauda, Microcichla, Irania. И в этом роде. Виды эти разного профиля, но они общие с южнее расположенными территориями и не идут (или лишь немного заходят) к северу. Все это роднит твой район с Гиссаром и прочим, отличая его от наших гор. Из млеков – *Micr. carruthersii*.

3. Все эти виды разные и по ареалам и по экологии. Роднит их юг, южное присхождение. Тут можно посмотреть, по каким биотопам они проходят к северу (а некоторые распространяются сейчас, на наших глазах) и всякое такое. И далее отметить и расшифровать то положение, что наличие в твоём районе разных поясов и биотопов обусловило сложное сочетание видов и, в конечном счете, обусловило богатство фауны.

Далее – негатив:

1. Чуть ли не полное отсутствие фауны водоемов – всяких уток, куликов и пр., за исключением эврибионтов (вроде огаря) или сильно специализированных форм (вроде оляпки). 2. Отсутствие многих южных видов, которые имеются в горах Таджикистана и иных (вроде кустарниц, *Chaimarrornis* и т.п.), в том числе и эндемичных для Памиро-Алая (лучше Гиссаро-Дарваза). 3. Отсутствие многих видов, гнездящихся в ельниках Тянь-Шаня или вообще свойственных Центральному, Северному и Восточному Тянь-Шаню. Их порядочно (*Surnia, Regulus, Aegithalos, Loxia* и т.п.). Это главным образом северные виды. 4. Отсутствие видов центрально-азиатского происхождения, которые имеются в Восточном, Центральном и Северном Тянь-Шане – типа серпоклюва, *Leptorocile*.

Далее идут всякие соображения – почему это-то есть, а этого нет. Попроще! Не надо забираться слишком в дебри и привлекать для объяснения очевидного ледниковый период и орогенез. Многое и так, просто по-человечески, понятно. Все это кончается человеком и его влиянием на фауну. Еще одно: этот раздел не надо называть зоогеографией. Что-нибудь вроде «особенности распространения», «закономерности распространения», в этом роде. По-моему, все будет достаточно прилично и по существу. Всю главу можно сделать без единой ссылки на авторов, но вначале надо указать, что всем этим занимались великие умы – Северцов, Мензбир, Сушкин, Дементьев, Штегман... - имя им легион! И что ты их всех очень ценишь, что они очень умные и правильные и что у тебя получается вот так.

О количественных учетах писать мне трудно. Я еще все это не освоил. Ясно мне лишь одно: цифры по Кузнецову – сырые. Из них должны быть сделаны выводы – краткие, четкие, основательные. Цифры же могут пойти как иллюстрация где-то на задах. Не обязательно в приложении, но где-то в тени. А у тебя они только, остального нет. Но повторяю: этого я еще не проходил толком и более подробно напишу потом.

Я, стало быть, прочел повидовые очерки до хищников, захватил уже и часть их. По этому поводу есть два вопроса, которые надо разрешить.

1. Точные границы района. В том виде, в котором они даны у тебя, они ничего не говорят. Надо знать их совершенно точно – если не для других, то хотя бы для себя и для меня. Из-за неясности границ никак нельзя понять, что к чему, так как ты одинаково легко пишешь и о Новониколаевке, и о Казгурте, об Аксу и Чимкенте, о Джабаглы и Угаме... все это плохо. Бери карту, какую ни на есть, на ней нарисуй границы твоего района и пришли мне. Иначе получается чепуха.

2. У тебя есть известная путаница с видом и подвигом. То ты в одном очерке разбираешь сразу два подвида, то вдруг каждый подвид по отдельности. Есть неувязки и в латыни, но это еще наплевать. Хуже по существу: нет у тебя четкого представления о том, что вид – это единственная реально в природе существующая биологическая единица. В 999 случаях из 1000 она отграничена достаточно резко от остальных подобных же единиц. А этот один случай из 1000 либо действительно что-то из ряда вон выходящее, либо просто плод недостаточности наших знаний. Подвиды же – совсем

другая песня. Это некоторый показатель географической (или, иногда, иной) вариабильности вида. Плюс – нездоровое стремление ряда граждан войти в науку, описав что-либо новое, и после этого отойти в толпу синонимов, которые все будут обязаны приводить и тем тебя обессмертвить (словечко – ух!). По существу в любой биологической работе нужно иметь дело с видами: при этом далее должны отмечаться отличия географические (подвидовые), экологические, популяционные и какие угодно иные – уже внутри вида. К сожалению, с легкой руки Клейншмидта (читай – врага науки) пошло в ход антиматериалистическое и, прежде всего, антидарвиновское учение о Formenkreis. Оно достаточно пышные плоды дало и на нашей ниве. В результате мы уже почти потеряли понятие вида в орнитологии – это обстоятельство более чем печально.

Сказывается все это и у тебя. Но, насколько я понял, все это можно выправить – было бы твое согласие и доброе желание. Конкретно об этом вот что. У тебя есть следующие виды, где приходится иметь дело с двумя подвидами: *Rallus*, *Falco peregrinus*, *F.cherrug*, *Cuculus canorus*, *Caprimulgus europaeus*, *Corvus corone*, *Sturnus vulgaris*, *Oriolus*, *Carduelis caniceps*, *Alauda arvensis*, *Eremophila alpestris*, *Motacilla alba*, *Motacilla citreola*, *Motacilla flava*, *Anthus campestris*, *Anthus trivialis*, *Sylvia curruca*, *Oenanthe deserti*. Это те случаи, когда в одном признаваемом тобой виде есть два подвида. Выходишь ты из положения по разному. О двух подвидах *Rallus*, *Corvus corone* и еще о ком-то даешь два очерка. О *Sturnus vulgaris*, *Falco peregrinus* и др. – один и в нем как-то разбираешься в подвидах. Уже получается нелогично и нарушено единообразие.

Зато ты совершенно не упоминаешь о видах или подвидах, которые надо было бы рассмотреть. Таковы *Erythrina grandis*, *Acrocephalus stentoreus* – может и еще какие. Но, в общем, случаев этих не так много и, как мне думается, справиться с ними будет достаточно легко. Для этого предлагаю принять следующие исходные положения.

1. Вне зависимости от чего бы то ни было принять за основу изложения вид. В случае наличия резких подвидов, с очень различной к тому же экологией, изворачиваться по обстоятельствам.

2. Некоторые из твоих видов разделить на два, что сразу избавит от многих хлопот. Это следующие: *Corvus corone* – *Corvus cornix*, *Motacilla alba* – *M.personata*, *S.curruca* – *S.althaea*. Это то же, что уже сделано тобой по отношению к *Coturnix coturnix* (+*C.japonica*), *Aq.nipalensis* (+*Aq.rapax*), *D.leucopterus* (+*D.major*), *Corvus corax* – *C.ruficollis*, *Carduelis carduelis* – *C.caniceps*, *Buc.mongolicus* – *B.githagineus*, *P.indicus* – *P.domesticus*, *Emb.citrinella* – *E.leucocephala*, *Emb.bruniceps* (+*E.melanocephala*), *Alauda arvensis* – *A.gulgula*, *C.cinerea* – *C.acutirostris*, *Mot.flava* – *Mot.feldegg*, *P.flavipectus* (+*P.cyanus*), *L.collurio* – *L.phoenicuroides* – *L.isabellinus*, *Turdus atrogularis* (+*T.ruficollis*). Надо бы еще и *P.bokharensis* отделить от *Parus major* (в качестве *P.cinereus borharensis*), но это дело твое и это не каплет. А два вида надо посмотреть: *Er. rhodochlamys* – *Er. grandis*, *Acr.arundinaceus* – *Acr.stentoreus*. Словом, при принятии тобой двух этих условий все остальное без особых хлопот преодолимо.

Вот и все относительно всяких принципиальных вопросов. Дальше идут вопросы частные, уже порядка технического.

1. стр.15, коростель. Размер стаек Шевченко. Сколько штук – 2-5-10-100??
2. стр. 16, журавль. Боюсь, что вклейка сделана неправильно: к чему относится 14 апреля (к какому году?) остается непонятным.
3. стр.23, перевозчик. Нужна численность – сколько пар на 1 км реки или как там. Сравнение с малым зуйком (о численности которого ничего не говорится) ни то ни сё.

4. стр. 40, горлица. Надо придумать лучшее сравнение трепещущей в воздухе при склеивании ягод жимолости. Как жаворонок – неудачно, ерунда (где ты видел жаворонок, клюющих ягоды налету?). Надо другую птицу.
5. стр. 42, египетская горлинка. Надо количество дворов в Новониколаевке.
6. серая куропатка. Шапошников... нужны цифры.
7. стр. 63. о питании кеклика... пропуск.....Кузьмина,1962. Нужен текст.
8. стр.69-70. Нет веса балобанов и вообще как-то все это мало понятно, требуются разъяснения. Разве *saceroides* северный подвид?
9. стр. 95-100. Линька перепелятников. Читая эти 5 страниц, можно умереть. Что ты все разобрал по перышкам – честь тебе и хвала. Но читателю плевать на твою кухню, ему подавай жаркое. Надо какие-то хорошо изложенные, четко сформулированные выводы из твоей работы с перьями. Их можно пояснить немногими примерами, а если есть какие-либо открытия, тогда и развернуться. Я тут ничего поделывать не могу, это надо тебе самому.
10. стр.102, полевой лунь. Ничего не понял! Встречен один раз, потом – Шульпин указывает, потом Бийликуль, потом – значительный пролет и по всей вероятности... ну и мура! Переделай по людски и пришли.

Вот и все, а отредактировано 100 страниц. Ты вот плачешь – труд написан плохо и т.п. Ничего подобного! Он написан честно – уже это его огромное достоинство. В нем масса всякой интереснейшей всячины – не так это часто по нынешним временам. Изложение у тебя хромотает по двум... даже трем причинам: 1) из-за неумения отделять главное от второстепенного. Ты излагаешь все подряд, а так делается лишь в исключительных случаях, обычно излагается уже какой-то результат обработки, результат отбора фактов, их просеивания через сито... словом, не всегда излагается все. Пример – пролет перепелятника. Его у вас там пропасть, видишь его каждый день несколько раз, иной день – и 100 раз. Ты это все пытаешься изложить, но тут даже ты спасовал, уж больно много всего. Но спасовал ты лишь частично и видно, что тебе это очень горестно. А в других случаях, в общем, совершенно таких же по существу и только меньших по количеству, ты дуешь все подряд и... и это очень утомительно и далеко не всегда нужно. 2) из-за большого количества слов-паразитов и даже фраз паразитического толка. Особенно надоедает: «по питанию этого вида сведений у нас мало», «по размножению этого вида мы располагаем лишь небольшим количеством фактов», «по линьке в наших руках был очень небольшой материал» и т.д., и т.п. Неужели ты думаешь, что если читатель увидит вскрытие одного августовского желудка, так он будет считать, что о питании этого вида у тебя даны исчерпывающие сведения? Не бойся, все разберут – где мало, а где много, народ пошел ушлый. 3) происходит из-за твоей излишней, чрезвычайной честности (как говорил один наш шофер Леня Калмыков – «сильно хорошо – тоже нехорошо»). Цитируешь ты всех и вся и всюду, надо ли это или не надо, нужно это или не нужно, полезно это или вредно. А бывает и так и этак, в каждом отдельном случае по разному.

Но зато есть у тебя одно достоинство, совершенно неоченимое и в наше время не такое частое: все, что написано – понятно. А отсюда и переделай что либо, поправить, заменить слово, истребить тавтологию и пр. – раз плюнуть. Я рукописей в своей жизни прочитал не меньше, чем ты перепелятников видел. Есть такие, где понять совершенно ничего невозможно, а печатать нужно (бывают такие обстоятельства). Вот и крутишься...

Теперь о будущем. Когда я просмотрю повидовые очерки и начну смотреть общую часть – буду требовать у Степанова твоего вызова сюда дней на 10. Иначе не обойдешься, так как сколь ни хороши письма, но много в них не скажешь. Я ведь многое исправляю (! так мне кажется), кое-что переделываю, изменяю и т.п. Все это может быть

и хорошо, но, во-первых, это еще не доказано (иной раз м.б. лучше, а иной – и хуже), а во-вторых, - автор ты и ты будешь отвечать за свое писание перед человечеством. Стало быть, я предлагаю такую-то редакцию, а ты ее утверждаешь – тогда все в порядке – или не утверждаешь – тогда надо искать что-то другое. Словом ты на определенном этапе будешь абсолютно необходим. Своевременно о твоём затребовании я напишу. Срок надо такой, чтобы и тебе он был удобен, или, во всяком случае, не выбивал тебя из колеи. Думаю, что это будет примерно через месяц, возможно, несколько раньше.

И далее еще о будущем. Диссертация получится вполне на уровне. Стало быть, надо думать об экзаменах. Вот приедешь и наводи всякие справки, доставай программы.

Ну, за сим, а то рука моя писать устала. Привет Тамаре и другим знакомым. Твой И.Долгушин, 10.I.1965 г. [описка – 1966 г. - АК], Алма-Ата».

Долгушин – Ковшарю, 22 января 1966 г.

«Дорогой Анатолий! Степанов обнадежил меня, что ты будешь в Алма-Ате к 19 января. Но прибыл один Коновалов. Это очень жаль. Буду теперь вытаскивать тебя, так как дело не терпит отлагательства. Повидовые очерки я закончил. По этому поводу есть кое-какие общие соображения. О них писать не буду – это долго и утомительно, лучше обговорим все при встрече. Частные вопросы пишу, так как по этому поводу тебе придется ворошить записи (м.б. еще что-то – в каждом случае по разному). Один раз я тебе уже написал несколько вопросов и частично получил на них ответ. Продолжаю разговор дальше с тем, чтобы ты приехал во всеоружии.

Стр. 112, стервятник – разве джурчи – юрточник?

Стр. 126, курганник – Коровин наблюдал – число и месяц?

Стр. 133, скопа – лучше выбросить

Стр. 136, сплюшка – вес, нужен пол

Стр. 143, кукушка – что-то очень мал вес – 43,75 г. 145 вес не годится (месяц? пол?)

Стр. 145, глухая кукушка – лучше выбросить

Стр. 146, козодой – «пение начинается в середине мая...в середине апреля... поют» - что-то не то»

Стр. 149 и раньше, козодой. Совершенно непонятно, почему приводятся три подвиды в заголовке. Нужны пояснения по систематике. Отсюда не годится вес и линька

Стр. 163, стриж – о времени гнездования (нет логики)

Стр. 170, серая ворона – нет содержимого желудков

Стр. 175, грач – «В то же время (март) встречаются и зимующие здесь одиночки, которые задерживаются до апреля, а иногда и до мая». Как это ты ухитрился определить, что именно эти одиночки здесь зимовали?

Стр. 182-183, сорока – нет содержимого желудков

Стр. 193, альп.галка – видимо, пропущено содержимое второго желудка

Стр. 201, скворец – нет содержимого одного желудка

Стр. 204, розовый скворец – питание изучено, и источники не приведены

Стр. 210, иволга – самкоподобные (!?) особи

Стр. 229, коноплянка – где третье гнездо?

Стр. 239, *Serinus* – совершенно непонятно описание акта

Стр. 247, *Rhodopechys* – садизм, требует обобщения и пояснения

Стр. 260 – кем добыта *Er.rubicilla*?

Стр. 292-293, домовый воробей – какая-то ерунда с распространением

Стр. 329, полевой жаворонок – ералаш с желудками

Стр. 348, 350, 351 – надо разделить наблюдения над *M.alba* и *M.personata*

Стр. 357, желтая трясогузка – нет даты веса молодой *M.f. thunbergii*

Стр. 371, пищуха – стайка. Это что? 50 штук или 100? Или 2-3?

Стр. 381, лазоревка. Давай описание роста и развития птенцов. Плевать я хотел на то, что это где-то написано Ковшарем. Мне тут подавай, на то и сводка.

Стр. 398, буланный сорокопут – нужен пол добытого 20.III.1964

Стр. 406, свиристель – вес?

Стр. 406, серая мухоловка – надо переделать, т.е. переписать, написать заново

Стр. 427, инд. пеночка – выводок в 4 особи. Это молодые только или все?

Стр. 459, рябинник – придется заменить

Стр. 460, деряба – нужен нижний предел гнездования

Стр. 461, деряба – (посл. строка) «голубые светлофиолетовые» - м.б. глубокие?

Стр. 489, каменка – надо привести данные о численности 26 и 33 гг., а не ссылаться на

Шульпина

Стр. 497 – окончание пролета – вероятно, дат не нужно

Стр. 514, чернушка – годы изданий Войткевича и Попова

Стр. 528, красношейка – по существу ее надо писать заново полностью, а не отсылать читателя куда-то. Необходимо улучшить таблицу и истребить 4-5, 9-7.

Стр. 532, варакушка – так все-таки ты варакушку видел или нет – судя по хвосту

Стр. 550, крапивник – без тебя не обойтись. Я хотел бы понять твои мысли и их толково изложить. То, что написано, лишено элементарной логики, попросту говоря – чушь несусветная.

Стр. 576, скалистая ласточка – стоит ли валить сюда подобную мелочь (вверху страницы).

Хоть и не хотел я говорить об общих соображениях по работе, но осталось место и время и кое-что скажу. Первое: очень жаль, что ты показывал эту работу готовой и теперь уже трудно ее переделывать, да и ни к чему. Это потому, что она пойдет и так, но кое-что в ней лучше бы переделать. В общем – диалектика. Но вот некоторые ее разделы желательно было бы изменить (все это о повидовых очерках, остальное еще пристально не смотрелось). Здесь следующее. Во-первых, не всегда есть логика. Тут, очевидно, сделать что-либо трудно: надо просто поправлять в каждом отдельном случае. Во вторых – некоторые сведения просто не нужны. Это, например, приводимые размеры крыла и всего прочего (хвоста, клюва). Я проверил видов с десяток – размеры укладываются в те пределы, которые приводятся в любой сводке. Зачем же они? Точно так же вызывает сомнение нужность приводимых размеров семенников: 70% а то и больше из них сентябрьские и иные, когда их по существу нет или вроде того. Зачем они? В третьих, совершенно неясно, нужно ли с такой подробностью описывать линьку (Корелов считает, что все сведения о линьке надо вычеркнуть). В четвертых, необходимо истребить ненужную латынь. Если ты пишешь, что там-то растет шиповник, и в скобках ставишь *Rosa* sp., то от этого никому легче не становится. То же, если ты пишешь *Sarabidae* вместо того, чтобы написать жужелицы. От этого умнее никто не становится, а труднее становится всем. В пятых, обилие частных сильно затемняет общее. В частности о желудках и их содержимом. Много анализов и нет обобщения – получается какой-то набор сырых фактов. Читать трудно. То же – о весовых данных.

Конструктивные предложения: 1) написать небольшой раздел по питанию, куда дать анализ всех желудков. В повидовых очерках давать суть и очень кратко. 2) написать небольшой раздел о весе птиц и туда, как приложение, дать весовые данные. В повидовых очерках остаются вес птенцов и яиц – все. 3) в анализах желудков сократить латынь до минимума. 4) продумать о линьке – нужна ли она всегда? М.б. оставить только у отдельных видов? И т.д. Приезжай, обговорим. В понедельник пойду тебя вытребовать. Привет Тамаре. Твой И. Долгушин. 22.I.1966. А-Ата».

Письма И.А. Долгушина к Л.С. Степаняну, 1960-1964

Долгушин – Степаняну, 5 декабря 1960 г.

«Дорогой Лео! Письмо будет состоять из трех частей – деловой, извинительной и лирической. Вначале о делах.

1. *Passer ammodendri* никто из нас никогда толком не смотрел. Уже только поэтому никаких претензий по поводу описания новых подвидов ни я, ни Корелов (а тем более остальные) иметь не будем. М.б. напротив – нужен наш материал? Пиши, соберемся с силами, преодолеем извечную лень, глядишь, и вышлем.

2. Что не был на конференции... конечно нехорошо. Я бы выругался, ну да ладно. Сам потерял больше всех, вот и наказание. Доклад прислать не поздно, но желательно на тему ... сколько помню там насчет высокогорной фауны и в тезисах все было интересно и хорошо. Что-либо другое проталкивать будет труднее. А об экологической расе – особенно. М.б. это лучше в орнитологический сборник? Но если что-нибудь – присылай, разберемся. Кажется, о делах все. Доклады принимаем до 15.01.61. Друзьям скидка, но самая малая.

Далее следует часть извинительная. Она вся в одном пункте. Получил я оттиски, вытряс их. Вижу мне и Мстиславу с надписью. И еще двум гражданам без надписи. Я тут же раздал их Кузьминой и ... и Гаврину. Решил, понимаешь ли, что это на мое усмотрение. А потом уже обнаружил приписку о том, что один из оттисков надо было передать Слудскому. Но делай, что хочешь – кладу голову на плаху, хочешь казни, хочешь милуй – но обратно у Гаврина отбирать оттиски не буду. Виноват! Я виноват! А он то причем? Казни меня. Кстати – с орнитологической точки зрения Гаврин более достоин...

Уф... Чувствую гнев твой, но ничего поделать не могу...

Меня очень растрогало твое высказывание о «Птицах Казахстана!» Но насколько я понимаю пока тобой прочитано только «от автора». Но скажу по секрету: во всей этой объемистой книге хорошо написано только «от автора», да и не все, а только первая страница. Ну, а остальное, если бы были возможности, я не прочь бы попробовать переписать заново. Но на это ни сил, ни возможностей нет. А тут надо скорее писать второй том. А что до души... душа, как известно, - пар. Однако наш век назывался совсем недавно веком пара и электричества... Без пара жить трудно, а с птицами иметь дело без души мне кажется и совершенно невозможно. Кто-то сказал: нет огня, огня любви чудесней! М.б. электротехникой можно заниматься без любви (хотя, с моей точки зрения, и такому занятию грош цена), но уж орнитологией – никак. И орнитологи, мне думается, все влюблены в свою науку, в птиц, в природу, в мир, в солнце, в жизнь. М.б. их иногда и захлестывают всяческие мелочи жизни, м.б. у них есть разные человеческие слабости (любовь к деньгам, к карьере и т.д. и т.п.), но все равно – где то в основе есть любовь орнитологическая. Я беру, конечно, орнитологов, а не случайные наносы жизни – они есть всюду, без них никуда не шагнешь. Посему не вижу причин для выделения себя из «массы». Орнитологи народ хороший! Ну, а в общем – спасибо! М.б. в твоих словах и есть «сермяжная правда» или какой либо кусок ее.

Вот и лирическая часть закончена. На этом буду кончать. Передай от меня привет всем знакомым. Желаю тебе всяческих успехов! Будь здоров! Твой И.Долгушин. 5 декабря 1960 г. Алма-Ата»

Долгушин – Степаняну, 2 января 1962 г.

«Дорогой Лео! Какие могут быть граковские разговоры о диссертации? Будешь защищать и защитишь – все. Подумаешь мне тоже, в переживания ударился! У всех переживания. Ну, а рефераты пришли. Их надо прислать в нашей корпорации

четвертым: 1) Долгушин И.А., 2) Корелов М.Н., 3) Гаврин Вас.Фед. и 4) Кузьмина Мар. Алексеевна. По всей вероятности меньше, чем три отзыва не получишь. Т.е. вероятность 75% - чего же более?

Большое тебе спасибо за сведения о гнездах. Что сможем, постараемся всунуть в сводку, хотя много вероятно не удастся. Все ведь у нас считается конченным и таскать из издательства для дополнений и изменений... можно, но в меру. Но вот беда. По стариковской своей никчемной памяти забыл я место, в котором происходят находки всех гнезд. Помню, что где то очень недалеко от границ Казахстана, км в 15. А надо поточнее. Географически – реки и озера, горы и леса – дабы это все можно было найти на географической карте. И для этой же цели – область, район, города, села, деревни. Словом чтобы было понятно, где все это происходит.

Наша «могучая кучка» продолжает жить. Я тут собирал народ и проработал свое сочинение «как писать сводку по птицам Казахстана». Было споров порядочно, народ разумный и каждый по своему думает. В общем, молодцы. Кое где вправили мне мозги, кое-где я им. В итоге – ничья, ведущая к победе. Следующий этап – собираю молодежь (которые тоже будут писать) и им все объясняю, но уже не в порядке обсуждения, а в порядке принуждения. В общем, принимаю меры к облегчению редакторской деятельности. А то ух! С этим вторым томом я помаялся изрядно, а придется маяться и того более. Ну, ничего, смелым бог владеет. Мечтаю привезти его на орнитологическую конференцию во Львов – м.б. это и удастся.

В остальном – живем! Проводили старый и встретили новый годы. Стали старше на год. Т.е., как нас учат заповеди диссертанта, если мы и не стали умнее, то уж ленивее – безусловно. Ну и это хорошо. За сим! Хотя и поздновато, но поздравляю с новым годом! Жму руку! Готов написать любой отзыв на автореферат, в том числе и ругательный. И.Долгушин. 2 января 1962 г. Алма-Ата»

Долгушин – Степаняну, 19 января 1963 г.

«Дорогой Лео! Наверное, надо уже писать Суренович, но я думаю, ты простишь старику фамильярность: старперам все кажутся мальчишками долго, долго.

Твои вопросы разрывают мое сердце на куски. Ей-пра! Во первых, о Балхаше и всяких прочих планах. А во вторых, о твоей статье об экологических расах. Отвечаю совместно и самым неутешительным образом. Сейчас в нашей Академии – как вероятно и во всех прочих Академиях – совершенно неподходящее время для каких-нибудь твердых разговоров о чем бы то ни было. Это касается планов на ближайшее и дальнейшее будущее, это касается всяких экспедиционных дел, это касается издательства и вообще всего ... вплоть до нашего существования в качестве Института. Обстановка сложная. Нас тут мучают всевозможные комиссии, мы заполнены какими то слухами, отовсюду идут самые противоречивые сведения, а где-то – видимо в Совете Министров СССР – ретивые чиновники готовят проекты о реорганизации, слиянии, разукрупнении, ликвидации, восстановлении и еще о чем-то. А мы ... мы живем б. или м. по-прежнему. Ждем и ... и даже духом не падаем. Какая-то уверенность в своей счастливой звезде.

Итак о печатании ничего не скажу, хотя почти наверняка можно предсказать летальный исход сборнику по зоогеографии. Что же касается Балхаша то тут сложнее. У нас теперь нет ихтиологов, они отошли куда то к ВНИР, ВНИОРХу и еще чему-то. И перестали ездить к нам. Давно уже никого из них я не вижу – после Львова и Москвы никого не видел. Однако вот немного постоупимся и приступлю я к переписке с этими организациями кому бы они ни подчинялись и как бы не назывались. Ведь люди то там остались прежние, связь с ними все равно наладится и все это можно будет как то проверить. Но только нужно некоторое время – какое, понять трудно. Сергею Павловичу [повидимому, Наумову - АК] от моего имени можешь передать примерно

следующее: в том положении, в каком сейчас находится Казахская Академия Наук, мне было бы нечестно говорить о чем угодно с твердостью. Через некоторое время все так или иначе утрясется, тогда посмотрим. Но я не виноват: не мог же я предусмотреть во Львове всех грядущих событий. С.П. вероятно представляет нашу ситуацию и поймет.

Относительно Эдика Гаврилова. Хотя он бывает у меня постоянно, адреса его я не знаю. Институт Защиты Растений находится хотя и в современной черте города, но по существу за городом, во всяком случае, где-то у черта на рогах. А он там и работает, и живет. Имя и отчество его – Эдуард Иванович Гаврилов. А воробьев ты можешь послать хотя бы и мне. А лучше пока придержи, я скажу Эдику, и он сам тебе все сообщит. За эти годы он сделал с воробьем хорошую работу, уже кончил диссертацию и опубликовал, наверное штук 10 (или вроде этого) работ по воробью + несколько статей по другим делам. Парень способный и толковый. Ну, а о гибридах воробьев я ему и тогда не поверил. Когда то я смотрел в Ташкенте воробьев, которых Зарудный считал за гибридов. Полагаю, что ничего в них гибридного нет, думаю, что нет гибридов и у Эдика. Это очень сомнительная операция – гибридизация у *P. indicus* и *P. domesticus*, и я в нее плохо верю.

Несмотря на всякий шум вокруг нас, мы потихонечку начали сочинять третий том или, вернее, вообще писать то, что осталось. Видимо будет еще пара томов, так как в один мы не влезем. Кое-что написала Кузьмина, пишет Корелов, начал потихоньку писать я. Гаврин пока занят отчетными делами, Бородихин тоже. Намечавшийся в авторы отдельных разделов Чекменев погиб – трагическая для нас история, последствия ее еще неизвестно как на нас скажутся.

В общем все живы и здоровы и, несмотря ни на что, смотрим на жизнь оптимистически. Чего и обитателям Москвы желаем! Жму руку! Привет всем! За сим остаюсь. И. Долгушин. 19 января 1963. Алма-Ата».

Долгушин – Степаняну, 24 мая 1963 г.

«Дорогой Лео! Немного все поутряслось. И хотя и по сей день остались всякие неясности, но тучи над нами постепенно расходятся, и временами выглядывает солнце. Надолго ли это, временное ли это затишье, затишье ли перед бурей или на самом деле наступила штилевая погода? Кто знает!

А суть вот в чем. Несколько дней назад я видел ихтиологическое начальство как Балхашское, так и Зайсанское. И разговаривал с ними относительно тебя. Смысл их ответа был таков. В принципе это очень даже здорово: кто-то будет работать с птицами – ихтиофагами и при этом ему не надо ни копейки платить, а возить человека попутно, а в некоторых случаях даже и специально – почему бы и не возить. Это в принципе. Но относительно этого года они не очень восторженны. Во-первых, пока будет идти переписка и всякая организационная ерунда, время гнездования пройдет. Птицы будут болтаться и пр. Можно, стало быть, зацепить лишь осень. Словом в этом году, по их мнению, вряд ли что путное можно будет сделать. Но приехать и посмотреть для того, чтобы наметить план на будущий год, ознакомиться и с людьми и условиями – это смысл имеет. Вот такая песня. Адреса их я постараюсь достать завтра. И тогда ты им сам напиши. Насколько мне помнится, ты был более заинтересован в Зайсане. Я в этом плане с ними и говорил. Нажимал на Зайсан. Об остальном – спишешься с ними сам. Люди предупреждены и для них это не будет неожиданностью.

Относительно твоей просьбы о бородаче. Это фантастика, понятно. Просто чудо. Но я верю в чудеса, кто его знает, может и такое случиться? Буду иметь в виду. Конечно, не обещаю. Впрочем, если бы я тебе сказал, что завтра пойду и достану бородача, то ты бы мне все равно не поверил бы.

Поздравляю с утверждением в кандидатах! Хотя от степеней и званий умнее не становишься, но они не лишние. Я иногда жалею, что не служу в армии. Я бы из кожи вон вылез, но обязательно бы прополз в генералы – разве что меня расстреляли бы раньше за дезертирство. А в гражданской нашей серой жизни дезертировать некуда – раз, генералов нет – два. Скучно!

Будь здоров. Привет Сергею Ивановичу! Твой И.Долгушин. 24 мая 1963. Алма-Ата»

Долгушин – Степаняну, 30 января 1964 г.

«Дорогой Лео! Относительно сведений по птицам. Жулдус нам подходит. Это очень близко от нашей границы. Настолько, что можно экстраполировать – хоть разумно, хоть неразумно. Ну, а Сыр-Дарья и Кызыл-Кумы и тем паче. Это уже истинно наша земля.

Относительно Кызыл-Кумов. Насколько помню из твоих рассказов, наиболее интересно там было с добычей *Geocichla* и с распространением скотоцерки. Это уж ты смотри сам и присылай в том случае, если не думаешь нигде публиковать. А то как бы греха не вышло. И еще одна просьба. Ежели будешь сообщать о скотоцерке, то припиши немного о повадках. Я эту птицу знаю только по кратким за ней наблюдениям в Кара-Кумах (у Репетека и в других местах). Был я там недолго, осенью, а главное – больше 30 лет назад. В общем все позабыл и представляю ее плохо. Как ни хорошо описана она у Зарудного, а все-таки не лишне иметь впечатление другого глаза. Как она прыгает, летает и пр. Как пищит и т.д. Как какает не надо: это воистину великолепно описано у Зарудного. И еще одна птица занимает меня - *Sylvia mystacea*. Я ее вообще никогда не видел. А писать о повадках птицы, которой не видел, более чем плохо. Ежели ты с ней встречался – напиши, что сможешь. Буду весьма признателен.

Надеюсь, что поездка на Аму-Дарью состоялась и ты полон новыми впечатлениями. Жалею, что Аму-Дарья к нам не относится и от твоей поездки мы никакого презента иметь не будем.

Ты пишешь, что не знаешь, где печатать свои труды, а между тем Орнитология № 6 осталась без твоей фамилии. По моему, в этом издании можно печатать. Мне даже приходила в голову мысль написать рецензию на все шесть номеров сразу. Да боюсь. Надо бы очень похвалить (это для дела необходимо), а я собьюсь на недостатки и перехвачу через край. А этого не нужно. Как бы там ни было, а издание это очень нужное и честь и хвала Ларионову за его энергию, энтузиазм и пр. Недостатков много, но они, полагаю: 1) изживутся и 2) хорошего много больше, чем плохого.

Я предполагаю в феврале-марте быть в Москве. Думаю на какой-либо субботе сделать доклад [имеется в виду заседание МОИП в здании Зоологического музея МГУ - АК]. Название для него у меня готово: «наши затруднения». Ну а раз есть название, остальное найдется. Доклад хочу сделать не столько может быть хорошо, сколько интересно. Думаю о нем много и в основном уже все придумал. Осталось его написать (хочу обставить дело серьезно). И напишу. В Москве буду мало, в основном буду в Ленинграде, где надобно посмотреть кое-каких птиц и порыться в книгах.

У нас положение скверное. В прошедшем году мы должны были закончить 3-й том. Не кончили. В этом году порешили лечь костыми, но написать многое. И осенью сдать его – этот распроклятый том – в печать. Помимо текста (с которым плохо) весьма противно обстоит с рисунками. Денег ныне очень мало и вряд ли можно будет иметь дело с Комаровым. Придется, наверное, довольствоваться суррогатами, что весьма не хочется. Думаю по этому поводу пойти к высочайшему нашему начальству, кинуться в ноги, зарыдать в голос и просить малую толику воспомоществования. М.б. что и выйдет. Буду бить себя в грудь и, одновременно, припадать к ступням начальства.

А в остальном – все хорошо! С нетерпением жду от тебя данные по птицам! Привет всем, всем! Твой И.Долгушин. 30 января 1964. Алма-Ата

P.S. Неотправленное тебе письмо что то не попадает мне в руки. Я его вроде не выбрасывал, не пойму, где оно. Впрочем я сейчас еще не разобрался – только что вернулся из Сибири – поездка отпускная, семейно-дружественная. И.Долгушин».

Долгушин – Степаняну, 17 февраля 1964 г.

«Дорогой Лео! Я становлюсь чертовски аккуратным: пообещав тебе выслать неотправленное письмо, я это делаю не в три года (как это положено), а менее, чем через год. Прогресс заметный.

Теперь о некоторых вопросах делового порядка. Во-первых, – большое тебе спасибо за сведения. Понемногу их присылают оттуда и отсюда. Неизбежно что-то собирается. Так кое-что и соберется. По твоим заметкам два вопроса: 1) у *Parus bokharensis* сказано – ур. Мортук, 2-5 мая, самост. молодые. Нет ли тут ошибки на месяц? Вроде по всему остальному получается, что в Мортуке ты был 2-5 июня. 2) Приводятся веса для ремеза и назван он *Remiz pendulinus*. По милости современных систематиков это название ныне ничего не значит (как говорил поэт: «латынь из моды вышла ныне»). Тут и *coronatus*, и *macronyx* – два живущих на СД подвида (или вида??). Они отличаются, помимо всего прочего, и размерами и, безусловно, по весу. Уточни, пожалуйста.

Остальное хорошо. Сведения по Жулдусу жду с нетерпением. Всякие цифры были бы очень хороши (вес яиц, птиц, размеры гнезд – 0!!!). Но м.б. это очень тебя замучит. По себе знаю, что значит произвести выборку из записей. Так что если это очень трудно... В общем смотри сам.

Мы недавно (относительно – осенью прошлого года) сдали в печать сборник. Сейчас в него ничего не вставишь. Да откровенно тебе сказать не вышло бы и раньше. Там три статьи наших сотрудников (Гаврина, Кузьминой и Корелова). А все остальное – будущие диссертанты, которым надо печататься во что бы то ни стало и которых мы должны всячески продвигать в печать. Сборник вышел объемом больше, чем нам было дано. Словом мы отказали куче народа, в том числе такому маститому ученому, светочу нашей эпохи, Долгушину. Наверное бы не сумели ничего сделать и с твоей статьей.

Относительно бородача здорово! Замороженный бородач – это уже почти фантастика (полная фантастика оставляется для живого). Корелов как-то его встречал и рассказывал, что в основном бородач состоит из желудка. Напиши ему, он сообщит подробности.

С «Орнитологией» ты ссоришься зря. Надо отдать должное Ларионову – он это молодцом вертит дело. О содержании выпусков можно было бы сделать очень много замечаний. Но ведь что без греха? Кто не делает ошибок, просмотрев и т.д. А все-таки здорово: за 58-63 годы 6 выпусков. Т.е. в среднем ежегодно один выпуск. Чего ни говори, а в условиях нашей действительности это очень и очень здорово! А что Ларионов сам себя похвалил – это ничего. Когда там дождешься похвалы от других! Это, в конце концов, мелочь. Все-таки многое издалось, собираются много издавать и в будущем. Конечно, многое можно было бы не печатать – есть разная шушера – кое в чем Ларионов напел лаптей и т.д. Все это так. Но без этого не бывает сделано ни одно дело. Не останавливаясь на всем прочем, скажу только: ссориться с «Орнитологией» не надо. Напротив: надо всячески везде и всюду поддерживать это издание. Ежели орнитологи будут вести раскольничью политику – будет нехорошо. И так нас норовят притеснять. Надо сбиваться в кучу. Как в известной сказке, где ломают веник – целый не выходит, а по прутику – запросто.

Нам тут очень и очень не понравилась рецензия Флинта. Т.е. не совсем так. Рецензия – бог с ней. Автор написал, что думал, это дело его. Но вот редакция сделала неладно. Каждая рецензия должна отвечать определенным требованиям. Во-первых и в основных, – она должна указать точные библиографические данные: ежели авторов несколько, то как распределен между ними материал и пр. А тут «Птицы Казахстана», а кто их написал? Кого там автор ругает, кого хвалит? Ничего этого понять нельзя – у книги нет ни авторов, ни, на худой конец, редактора. Это, понятно, большое упущение именно редакции. Она должна знать правила. А отсюда и второе качество рецензии: она не направлена ни к кому, она толкует так, что и как придется. Народ тут, наши авторы, сильно разозлились, хотели даже коллективное письмо в редакцию написать. Но потом я решил, что это ни к чему – напишу уж лучше один я. С меня взятки гладки, а авторам еще жить да жить.

Посылаю тебе неотправленное ранее письмо. М.б. оно ныне имеет интерес лишь исторический, а м.б. ты и далее будешь в этом плане действовать? Все осталось по старому. Будешь если писать – можешь сослаться на меня. Даже если все за давностью и позабыто – и то ничего. Народ там хороший и ко мне весьма расположенный.

У нас огромная беда: умер наш президент. В его лице мы потеряли не только большого ученого, крупнейшего организатора науки, государственного деятеля и пр. т.п., о чем пишут газеты. Мы потеряли хорошего человека, истинного нашего друга и заступника. В немалой степени своей, в общем безмятежной, жизнью мы обязаны Каньшу. Теперь ждем всяких бед. И они, кажется, уже начинаются. И это тогда, когда еще нет нового президента. А что будет, когда появится новая фигура? Ничего и в половину Сатпаева здесь нет, да и вообще такие люди не часто рождаются. Это ведь целая эпоха в развитии науки в Казахстане. Теперь будет что-то другое и особенно хорошего я не жду. Знаем: кибернетика, энергетика, большая химия и малая зоология.

Ну да поживем – увидим! Будь здоров! Ожидаю письма. Привет всем, всем, всем!
Твой И.Долгушин. P.S. Надеюсь быть в Москве около 15 марта. 17 февраля 1964.

Долгушин – Степаняну, 3 октября 1964 г.

«Дорогой Лео! Спасибо за присланные произведения. Кызыл-Кумские похождения прочел с удовольствием, хотя и знал о них раньше. Бородача описал хорошо, но почему-то не упомянул об одной особенности – он ведь, по существу, состоит из одного желудка. Это, вероятно, тоже адаптация своеобразного порядка – благодаря крупным размерам желудка и его способности к растягиванию чуть не на всю полость тела, бородач способен заглатывать всякие там ребра и прочую крупную кость. Штегмана лягнул умеренно и это хорошо: он все же работает. А экологические наблюдения просто не для него – не тянет. Каждому свое, как видно. Бородач еще что! Вот сыч – образец ученой юмористики. Я, собственно, ничего смешнее и не читывал. Но написано красиво и даже убедительно (как и о бородаче).

А вот что у Штегмана, кажется, действительно хорошо, так это определитель птиц СССР. Похоже, хороши и определительные таблицы. Случай после Плеске беспрецедентный!! Жаль только, что основной замысел издания – дать карманную книжку – не удался. Слишком много птиц в СССР, если даже при телеграфном стиле изложения книжку в карман не положишь. А если и положишь, то взмокнешь от тяжести, да и карманов не напасешься. Но, в общем, книжка хорошая.

Второй определитель – московский – тоже очень хорошо издан. Таблицы для определения тут много хуже, чем у Штегмана, но кое в чем московский определитель даже лучше ленинградского. В общем, появление этих определителей следует считать большим делом – это, безусловно, крупный вклад в развитие отечественной орнитологии. Частные ошибки – чепуха, не в них дело.

А вот то, что никак ленинградцы не могут сговориться с москвичами по двум очень существенным вопросам – весьма досадно. Первое – система. У одних система Вэтмора, у других – международной комиссии с исправлениями ГПД. Как видно этот вопрос надо решать. Иначе будет какая-то ерунда, чересполосица и кроме вреда ничего не будет. Нелепо, конечно, начинать систему с куриных, место которым явно где-то в середине системы. Столь же нелепо совать сов в гущу ракшеобразных. И т.д. Несчастливая *Erythropygia* суется то к славкам, то к дроздам. И все это делается так, неизвестно почему, без каких бы то ни было исследований, без всяких обоснований. Собственно, почему я, серый азиатский мужик, должен верить на слово Вэтмору или Дементьеву? Я готов поверить кому угодно, но прошу это как-то обосновать, привести какие-то доводы за и против. Ей-ей Портенко мне в этом отношении более симпатичен со своим истерическим выкриком: долгохвостая синица – вовсе не синица! Тут хоть какая-то попытка к обоснованию своего взгляда. Таково первое обстоятельство. Повторяю, что оно очень досадно. По существу центральные научные учреждения и наши лидеры должны при изменении системы это чем-то обосновать. И не ссылками на Вэтмора, как это сделали ленинградцы. Вэтмор для меня (и любого другого) не авторитет. Не авторитет потому, что его система тоже представляет декларацию без всяких обоснований. А этого с меня уже довольно.

Второе – разнотой в русских названиях птиц. Пора уже приходиться к твердым единым русским названиям, выработанным в результате тщательного продумывания и хорошей, деловой дискуссии.

Приятно, что наши вожди сильно полевели и надежда сделать из них настоящих большевиков науки, оказывается, не потеряна. Один отказ от чрезмерно широких видов чего стоит! Все-таки во всем нужна мера. Можно, конечно, всех птиц разделить на несколько видов – скажем на 4: бескилевые, пингвин, собственно птица и колибри. И сделать тысяч 40-50 подвидов. Все можно! Но тогда зачем, собственно, нас в ВУЗах учат дарвинизму (творческому и иному), зачем мы вокруг понятия вид толчем воду в ступе путем нужных и ненужных, полезных и вредных дискуссий? Зачем ищем критерии – хотя бы и биохимические? Зачем мучаемся над проблемой hiatus'a? И вообще, зачем думаем об эволюции? Не лучше ли свалить все в кучу и сознаться в своем бессилии. Ну. А тут замечен небольшой сдвиг в сторону разума. Сдвиг очень еще небольшой, но... лиха беда начало! По-человечески все это понятно. У Шарпа было 24000 видов, многие из которых не тянули даже на хороший subspecies. В качестве реакции видов стало 8000 – в их числе и ни в какие ворота не лезущие. Теперь, по прошествии некоторого времени, м.б. довольно длительного, все утрясется и будет видов тысяч 10-15. Это, вероятно, будет близко к истине. Приятно видеть как виды *Calandrella leucophalea* и *S. acutirostris*, *Erythrura rhodochlamys* и *Er. grandis* и т.д. Ну, а фазанов подождем. Скоро и о них кто-нибудь скажет словечко. Как и о многих других.

Мне чертовски хочется в этом году быть в Москве и поговорить примерно об этом. Хотелось бы собрать побольше народу и дать волю своему языку так, чтобы молчать присутствующим было совершенно невозможно. М.б. это и выйдет, хотя поездка в Москву ныне у нас стала проблемой очень трудной.

Пару слов о наших делах. «Птицы Казахстана» замерзли. Почему-то они не пишутся. Вся надежда на зиму. Зато, что касается разных для них материалов, то этот год можно отнести к числу достаточно удачных. Удалось собрать хорошие материалы по гнездовой биологии *Mycerobas*, *Leptopoeile*, *Calliope pectoralis*, *Prunella atrogularis*, *Pr. fulvescens*, *Erythrura rhodochlamys*, *Phoenicurus erythronota*, *Ph. coeruleocephala*, *Phylloscopus inornatus*, *Ph. viridanus*, *Oreopneuste indica*, *Serinus pusillus*, *Parus songaras*, *Turdus viscivorus*, *Regulus*, *Leucosticte nemoricola*, *Loxia* и еще о каких-то. Много гнезд (180 в итоге) в том числе 20 обитаемых (и около 50 необитаемых) *Mycerobas*, 30

черногорлой завирушки, 10 *Leptopoeile* и пр. Много данных о сроках насиживания и выкармливания птенцов, много прелестных фотографий, есть немного и кинокадров. Словом, получена солидная поддержка по видам, о которых и писать то было нечего. Упомянутое – плоды трудов Гаврилова, Родионова и меня. Что-то надо сочинять и по этому поводу. Это ужасно! Писать из нас никто не любит и не умеет, все это придется делать с натугой, часто из-под палки и вообще – жизнь препротивная штука! Но ничего, будем мужаться, помня, что смелым покоряются моря.

Резали мне нынче пузо и выкинули большую часть желудка. Язва говорят. Ну, им виднее, эскулапам. А я что-то совсем было начал собираться к предкам. А теперь раздумал. Жизнь все-таки уж очень хороша, даже учитывая неприятности по линии писания всяких трудов.

В основном наши новости все. Есть, конечно, и еще многое. Вот завтра собираюсь ехать на охоту и отстреляться «от пуза». Это, кто знает, м.б. моя лебединая будет песня по части охоты. По двум причинам – по моему возрасту и по количеству дичи, по которой можно стрелять, – два. А тут думаю дня за 4 выпалить патронов 250 и убить ... ну это уж кто его знает. Раньше на 250 патронов полагалось у меня 83 утки. Ну, а ныне наш герой стал уже не тот! Ну да посмотрим.

Привет всем! Жму лапу! Твой И.Долгушин. 3 октября 1964. Алма-Ата»

Долгушин – Степаняну, октябрь 1964 г.

«Дорогой Лео! Посылаю несколько извещений, прошу их художественно оформить и вручить кому следует – главным образом народу вашего МГПИ. В Москву одновременно посылаются извещения Судиловской, Винокурову, Ильичеву, Чельцову, Исакову, Кузякину, Якоби, Банникову, Кучеруку. Вроде и много, но уж больно кишлак большой. Докладчиков предупреждай, что доклады идут демонстрациями, значит, нужны заголовки и что показывать. Ждем! Привет всем! Твой И.Долгушин».

Долгушин – Степаняну, октябрь 1964 г.

«Дорогой Лео! Спешу сам и осведоми, кого сможешь. Ныне тираж дают только по заказам, а их не было и дело будет дрянь. О *Loc. luscinioides* учту. О всяких наших делах напишу «ужо». Привет всем! Твой И. Долгушин

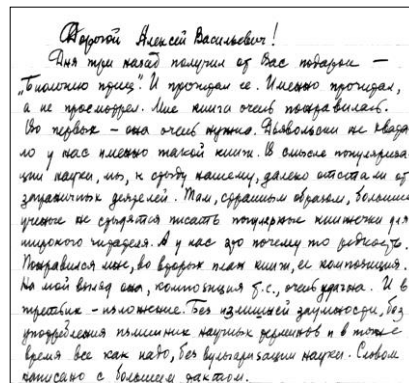
Информация о выходе трудов Института зоологии.

P.S. Нашли больше десятка гнезд *Mycerobas*, 4 гнезда *Leptopoeile*, 3 гнезда *Calliope* и много разной другой разности. ИД»

Письмо И.А. Долгушина к А.В. Михееву, 1961

Долгушин-Михееву (12 марта 1961)

Дорогой Алексей Васильевич! Дня три назад получил от Вас подарок – «Биологию птиц». И прочитал ее. Именно прочитал, а не просмотрел. Мне книга очень понравилась. В-первых – она очень нужна. Дьявольски не хватает у нас именно такой книги. В смысле популяризации науки мы, к стыду своему, далеко отстали от зарубежных деятелей. Там, странным образом, большие ученые не стыдятся писать популярные книжечки для широкого читателя. А у нас это почему-то редкость. Понравился мне,

Дорогой Алексей Васильевич!
Дня три назад получил от Вас подарок –
«Биологию птиц». И прочитал ее. Именно прочитал,
а не просмотрел. Мне книга очень понравилась.
Во-первых – она очень нужна. Дьявольски не хватало
у нас именно такой книги. В смысле популяризации
науки мы, к стыду нашему, далеко отстали от
зарубежных деятелей. Там, странным образом, большие
ученые не стыдятся писать популярные книжечки для
широкого читателя. А у нас это почему-то редкость.
Понравился мне, во-вторых, план книги, ее логичность.
На мой взгляд она, «Биология птиц», очень удачна. И в
предисловии – поистине. Без излишней занудности, без
упоминания типичных научных речений и в то же
время все как надо, без вульгаризации науки. Словом
написано с большой тактностью.

во-вторых, план книги, ее композиция. На мой взгляд, она, композиция т.е., очень удачна. И в-третьих – изложение. Без излишней заумности, без употребления излишних научных терминов и в то же время все, как надо, без вульгаризации науки. Словом, написано с большим тактом.

Я заранее знаю, что найдутся граждане и будут говорить – это не так надо было написать, а здесь есть фактические погрешности, а здесь ... и т.д. И они будут, вероятно, во многом правы. И я, если бы писал, то кое-что – например, раздел о перелетах - написал бы не так... Но я не пишу, не пишут и другие, а Вы написали по-своему и в общем хорошо – спасибо! А ежели кто другой напишет иначе – и ему спасибо скажем. Побольше надо популярных книг, хороших и разных. В общем, поздравляю Вас с удачным творением. И надеюсь - это не последнее.

Мы тут всем скопом корпим над вторым томом «Птиц Казахстана». Дело хотя и движется, но столь медленно, что страх обурекает. Все сроки мы уже пропустили. Окончательно халтурить не хочется, а иначе быстро не выходит. Все таки еще не потеряли надежды сдать в этом году в печать. Если не 1 августа (так по плану), то вообще в этом году. Ну да это видно будет. Привет всем знакомым москвичам! Жму руку и желаю успеха! Ваш И. Долгушин. 12.III.1961 г. Алма-Ата.

Письма И.А. Долгушина к И.А. Кривицкому, 1961-1965

Долгушин – Кривицкому, 5 апреля 1961 г.

Дорогой тезка! С получением этого письма садись за стол и дописывай свою статью о зимующих у вас птицах с включением данных этой зимы. Следи за планом изложения строго, сначала его составь детально, а потом сочиняй. Надеюсь, что ты справишься с этим делом и посему мне этого посылать не нужно. Посылай по адресу: Москва И-75, 2-й Останкинский пр. 6, кв. 7. Вячеславу Федоровичу Ларионову. Сейчас в Москве собирают 4-й и 5-й сборники «Орнитологии». Думаю, что они напечатают относительно быстро, во всяком случае, быстрее, чем где бы то ни было.

Над Тенизом на вертолете летают киношники, мечтающие снять картину о фламинго. Если водная ситуация у них такая же, как в прошлом году, то им будет туговато. Живут они в Акмолинске, в гостинице «Ишим». Фамилия режиссера Жадан, Анатолий Макарович, администратор – Якобсон (женщина). На Тенизе они будут вертеться б. или м. все лето и желательно завести с ними связь. Народ они хороший, хотя и несколько бестолковый – как всякие деятели искусства. Жадан – интересный человек вообще. Весна у нас ныне северная, малопонятная, т.е. утки как-то толком не было и народ мечется в ее поисках, но не находит. Мы ездили на свои места (прекрасные), пробыли 4 дня и вернулись почти ни с чем. Убили: Зайцев 0, Рыбалкин 2, Фадеев 6, Коробкин 14, Корелов 15, Долгушин 16. Плачевно! В других местах и вовсе народ ничего не убивает. Пиши, как дела и вообще. Привет тебе и Борису от всех наших Твой ИД.

Долгушин – Кривицкому, 11 ноября 1962 г. [это и следующие письма - в Харьков]

Дорогой тезка! По поводу твоей основной просьбы об исследователях Кургальжина напишу несколько позднее. Сейчас для этого у меня нет ни сил, ни времени, ни настроения. У нас большая трагедия: перед моим приездом в конце октября утонул Дмитрий Иванович Чекменев. Его искали, но найти не могли. Сейчас еще раз

поедем его искать, и организацией этой поездки я и занят. Одновременно приходится говорить с его женой и всякой родней, устраивать какие-то прочие дела – одним словом, я выбыл из жизни дней на 10-15. А потом займусь ответом на твое письмо. Это довольно просто, но требуется посмотреть кое-что и вообще. Так что уж извини за задержку.

Кургальджинским районом тебе, понятное дело, надо продолжать заниматься и доводить все до конца. Но только, вероятно, не озерными птицами (они будут постольку - поскольку), а птицами суши. Водяная тварь дело очень специфическое и может тебя

Дорогой Игорь!
По поводу твоей основной просьбы об исследовании Кургальджинского района напишу тебе только позднее. Сейчас для этого у меня нет ни сил, ни времени, ни настроения. У нас большая трагедия: перед нами предост, в конце октября, в оксидеции, уточни Дмитрий Иванович Семенин. Его планы, но найти не могли. Сейчас еще раз передаю его планку и организацией этой поездки я и займусь. Одновременно приходится говорить с его женой и всякой родней, устраивать какие-то прочие дела – одним словом, я выбыл из жизни дней на 10-15. А потом займусь ответом на твое письмо. Это довольно просто, но требуется посмотреть кое-что и вообще. Так что уж извини за задержку. Кургальджинским районом тебе, вероятно, надо продолжать заниматься и доводить все до конца.

просто заесть. Ее надо привлечь только в плане фаунистическом – раз - и в плане ее взаимоотношений с землей (полеты на хлеба и прочее). Во всяком случае, надо бы тебе прислать мне программу для «консультации». Сильный упор надо сделать на изменения фауны в связи с распашкой целины, всякими ползающими и иными лесонасаждениями, появлением поселков и вообще с деятельностью человека. И дело не только в моде, а в том, что это действительно важно.

По Кургальджину из наших работали Гаврин и Чекменев. Но Гаврин работал по водяной птице и совершенно не трогал степь как

такую, а Дмитрий возился с чайками, фламинго и прочими птицами Тениза. И то и другое – дела очень специфические и тебя, как мне кажется, особо не затрагивают. Но подробнее об этом после. Дней через 10 по получении этого письма вышли мне программку и напоминание – я смогу ответить тебе тогда быстро. Сейчас же нет. А напоминание пришло обязательно: я могу закрутиться так, что из головы вылетят всякие разные дела, в том числе и это. Я очень боюсь позабыть многое, в том числе и очень важное. Словом, напомни обязательно. Привет всем харьковчанам, Гале – особенно! От Алексея привет и опять-таки особенно Гале. Твой И. Долгушин, 11.XI. 1962 г.

Долгушин – Кривицкому, 24 декабря 1962 г.

Дорогой Игорь! Сперва коротко о наших событиях. О Дмитрие ты знаешь. Искали его и до меня, ездил искать и я. Не нашли. В связи с этим есть осложнения с установлением пенсии – т.е. не осложнения, а задержки всякие, юридические зацепки и т.п. Потихонечку боремся. Заедают всякие комиссии, которые, в связи с общей реорганизацией, подняли хвост трубой и развернули кипучую деятельность. Все это мешает жить, т.к. отнимает уйму времени и нервов. Теперь отвечаю на твои вопросы.

Территория. Твою территорию не столько трудно ограничить, сколько трудно назвать. Но это не должно тебя особенно смущать: название не столь важно, сколь содержание и, в конце концов, оно придумается. Район работ мне представляется охватывающим низовья К-У [Кулан-утмеса - АК], Кона, Нуры и к югу от Тениза. И притом суша. Именно суша. Это существенное обстоятельство. Большинство народа шлепало там по воде. Оно, с одной стороны, и правильно. В воде там многое - и охотхозяйство и все прочее. И суша всегда пасовала перед водой и оставалась в тени. А между тем она не менее важна, а в свете преобразований на целине – тем паче. Это раз. А два – то, что если тебе хвататься за воду, то там и потонуть недолго, это дело совсем

иное и притом крайне сложное. Да и материал ты соберешь куцый и, в конце концов, не будет ни суши, ни воды. В сушу, понятно, входят и поймы, а также пашни и вообще человек.

План. Как будто норма. История исследований, экол-геогр. очерк, повидовые. Гнездование, пролет, зима, деятельность человека. Понятно, что впереди – какое-то введение, а позади – заключение, нечто вроде обсуждения результатов.

История. Без нашей помощи не обойдешься, это верно. Но не бойся – помощь эта будет. Доводи все дело до 1936 года, дальше жди. Жди терпеливо и валяй повидовые очерки. Вообще начинать писание надо с повидовых очерков. Это самое трудоемкое и самое нудное дело – оно требует много пота и мало фантазии. Все остальное веселее.

Упор. Весь гвоздь твоей работы будет заключаться в выяснении изменений в фауне под воздействием человеческой деятельности. Это существенно и с практической стороны и крайне важно и интересно с теоретической. Сложившийся в течение тысячелетий и более того степной фаунистический комплекс на наших глазах рушится. Рушится он неизбежно. Об этом склонны плакать многие, но так ли это необходимо? Превращение бескрайней целинной ковыльной степи – безусловно, прекрасного ландшафта – в хорошо возделанные поля с утопающими в зелени благоустроенными поселками, с высокой культурой земледелия, с толковым севооборотом, с лесными защитными полосами (где они нужны), с фруктовыми садами, огородами и прочим – черт возьми, чем все это плохо? Вся Хохландия, или половина ее, сделана в этом роде и все это не так плохо. И вместо степного фаунистического комплекса, состоящего из 10-15 видов птиц, на смену приходит фаунистический комплекс культурного ландшафта, неизмеримо более богатый и, пожалуй, привлекательный. Всякие там соловьи, зяблики, славки, пеночки и пр. А степной комплекс остается в резерватах, заповедниках и т.п. – для показа потомству. Ничего, жить можно. В рассуждениях о всем этом – рассуждениях, основанных на фактах, на своих наблюдениях, – очень много ценного, интересного, важного.

Итог: о названии сейчас не заботиться, оно, уж, придет само собой; территорию ограничить низовьями Нуры, К-У, Кона и степями с юга от Тениза; с водой не связываться; напереть на деятельность человека (не забывая и обо всем другом), с историей пока подождать. Малой территории не бояться – она, поди, не меньше Харьковской области или вроде того. Истории ждать терпеливо, но ей-богу она будет. Только не торопи. Тогда напишем и о Фоминой, и о Крафте, и обо всех других. Их ведь много, этого шатающегося по земле люда.

Ты мне писал, что, вероятно, будешь иметь возможность приехать и еще подсобирать материал. Это было бы очень хорошо! Было бы желательно лучше посмотреть степи к югу от Тениза и степи в низовье Нуры – раз, а также уже распаханые степи. Надо бы посчитать на них разных пичужек и посмотреть, что из этого выйдет в сравнении с целиной. Могут быть поучительные цифры. Ну и просто побольше материала – лучше дело. Но для этого, повторяю, гони повидовые очерки. Тогда увидишь, где у тебя чего мало или совсем не хватает, и на что надо нажать. Вот и все. Поздравляю с новым годом! Желаю всех благ! Все наши хлопцы шлют тебе привет! Гале – огромный привет от меня и еще более огромный от Алексея. Он ее часто вспоминает. Привет всем знакомым харьковчанам. Твой И. Долгушин. 24.XII.1962. Алма-Ата.

P.S. Относительно сведений о птицах. Нам нужны голые факты о: 1) точках гнездования; 2) датах прилета, пролета, отлета; 3) о зиме; 4) о гнездах. Все – телеграфным языком. Сведения нужны о всех ракшеобразных (в широком понятии – удодах, дятлах, стрижах, кукушках, козодоях и пр.) и всех воробьиных. Ждем их.

Присылай по мере возможности – чтобы это тебя не давило, но и не чухайся. Сообщи, какие есть фото – для нас наиболее важны фото гнезд.

*Долгушин – Кривицкому, 1963 г. Притиска к информации о подготовке III тома
[Текст информации: Уважаемый _____!]*

Отдел птиц Института зоологии Академии наук Казахской ССР в настоящее время работает над составлением III тома сводки по птицам Казахстана. Совершенно очевидно, что чем больше в этой сводке будет данных о распространении и экологии птиц – притом самых современных или, во всяком случае, самого недавнего прошлого – тем эта сводка будет ценнее.

Мы обращаемся к Вам с просьбой сообщить имеющиеся в Вашем распоряжении данные о распространении (особенно на границах ареалов), гнездовании (с конкретными данными о находках гнезд), пролете и т.п. у птиц любого из районов Казахстана. В III томе будут содержаться очерки о птицах из отрядов кукушек, козодоев, ракшеобразных, удонов, дятлов, стрижей и воробьиных. Одновременно просим помочь нам в подборе иллюстративного материала – фотографий и рисунков птиц, их мест обитания, гнезд, птенцов, поедей и т.п. Фотографии нужны только казахстанские. Мы надеемся на благоприятный ответ.

По поручению коллектива авторов III тома «Птиц Казахстана», зав отделом птиц – И.А. Долгушин]

Игорь, выручай! Присылай какую ни на есть мелочишку, сугубо гнезда и даты. И еще: срочно шли альбиноса. С ног сбились – найти не можем. Место для него забронировано, хотя сборник и сдан в издательство. Когда-нибудь потом объясню, почему долго не писал. Привет Гале и всем родным и знакомым! Твой И.Долгушин

Долгушин – Кривицкому, 24 апреля 1963 г.

Дорогой Игорь! Письма писать дело достаточно муторное. Посему сетовать на то, что кто-то кому-то не пишет – не приходится. Напротив, каждое письмо следует рассматривать, как чудо и соответственно на него реагировать.

Наша жизнь течет странно. Был очень длительный и довольно мучительный период реорганизации. Для нас он, кажется, кончился относительно благополучно. Но м.б. это только кажется и современное состояние есть просто затишье перед бурей с громом и молниями. Поживем – увидим. Пока тихо. Потом начался период заседательской сутолоки по всяким поводам, часто – и просто без повода. Сейчас и это несколько затихло. Потом начался совершенно особый период лично для меня. Тело Дмитрия в конце концов прибило к берегу. Я ездил за ним. Операция мало веселая – в милиции, больнице и прочих местах быть было радости мало. Потом надо было его одеть, заколотить в оцинкованный гроб и доставить в Алма-Ата. А там хоронить. Словом, веселого тут мало вообще, а если добавить море слез с разных сторон, мышиную возню всяких сволочей-родственников (из них половина – какие-то сектанты, четверть сильно православные, а четверть просто сволочи), то и вовсе невесело. Наконец, похоронили и переключились совсем в другую сторону – на торжества. Гаврилов защищал диссертацию. Защитил хорошо, понятно, выпили. И даже более – зело напились. Это было 19 апреля. А 20-го в 2 часа дня я уже был во Фрунзе, где отмечался юбилей Янушевича. Там я выступил как представитель нашего института и, как верный сын казахского народа, учил киргиз тому, как надо произносить подобные речи, как обыгрывать преподносимые подарки, и прочим премудростям проведения юбилея. Вот так и течет жизнь: с похорон – на юбилей, с юбилея – на диссертацию и обратно. В общем, месяца три уже прошло, как я ничего по- существу не делаю, но все

время занят – часто по горло! Какие уж тут письма! Матери и дочери не пишу, что уж говорить о других. Разве что-нибудь очень деловое.

Наша капелла живет по внешности по-прежнему. Все так же кто-то и куда-то собирается ехать. Так же суетятся, так же не прочь сразиться в шахматы и сходить на футбол. Все как будто так же. Но это лишь внешняя сторона. А на самом деле все гораздо хуже. На самом деле никто никуда не едет по тем или иным причинам. Я – потому, что не пускает директор, Корелов – потому, что купил дом, Гаврин – потому, что его выгоняют с квартиры и т.д. Это во-первых. Во-вторых, никто ничего не делает. Опять таки по разным причинам. В третьих – настроение у всех несколько пониженное. Это результат двух первых обстоятельств, бытовых неурядиц, реорганизационных дел и ходящих в связи с этим слухов и т.п. Но, в общем, живем! И не особенно тужим. Вот такие наши дела.

Теперь о твоих. В кратком изложении твоего доклада усмотрел некоторые неясности. Во-первых, не ясно – идет ли речь только о гнездящихся птицах или о птицах вообще всяких. Общая цифра – 200 видов – показалась мне подходящей к цифре гнездящихся, но, пожалуй, великовата. 36 видов тем более много для открытой степи. А сравнивать было бы желательно по числу гнездящихся видов. В них все-таки соль т.к. если рассматривать всех птиц, то ведь не чечетки же и снегири будут источником заселения лесополос, а славки и прочие, гнездящиеся в долинах и их кустарниках пичужки. Общая мысль о том, что степь бедна, безусловно, верна; верно и то, что богатство фауны степной зоны в целом создается за счет обитателей интразональных включений. М.б. цифры есть смысл пересчитать на гнездовую фауну, а прочие указать – так и так мол. В изложении есть непоследовательность, местами и просто нехорошо (вроде: способны расширять ареал своего распространения! Ареал и есть область распространения). Словом, я быстренько написал что-то. Читать не буду, а прилагаю на твое усмотрение. Далее комбинируй, как хочешь, и быстро посылай по адресу: Москва К-9, Герцена 6, Зоологический музей МГУ, Владимиру Георгиевичу Гептнеру. Он предоргкомитета и в его руках все эти дела. Я ничего не знаю и ничем не ведаю. Желательно (но не обязательно) бумажку от Х.Г.У. с указанием: посылается доклад, т.е. краткое его изложение (слова «тезисы» избегай!) для такой-то конференции. Если ХГУ будут канючить – напиши подобную бумажку сам: вот, дескать, краткое изложение доклада, который я имею желание и могу сделать на Зоогеографической конференции в Ташкенте.

Мы в Ташкенте будем как-то представлены. Как – еще не ясно, но будем. М.б. и доклад кто-нибудь сделает. Но вообще все заняты другими делами и о Ташкенте что-то никто не думает.

Ковшарь, если бросит сейчас Аксу-Джабаглы, сделает, понятно, ошибку. ДВК – журавль в небе. Ничего сладкого там нет, все, как и везде. Птицы там замечательные, люди же, как и везде, всякие. И ничего еще не известно, что и как. В Аксу же все налажено. И хоть дир у них не ахти, но он трусоват, а начальство ныне стало напирать на науку. Материала у Ковшаря тьма, но он что-то робок стал. Поговаривает о том, что на диссертацию у него не хватит и т.д. Будешь ему писать – напиши, что эту дурь ему из головы надо выкинуть. Я у него все собираюсь быть, но человек предполагает, а располагает... уж и не знаю кто.

Кургальджин пиши. 50 страниц по ворону, конечно, много. Стало быть, что-то одно из двух: или у тебя нет твердо продуманного плана повидовых очерков, или пишешь ты разбросанно, расплывчато, длинно. Или и то, и другое. Планчик для повидовых очерков надо очень и очень продумать – семь раз отмерь. Оттиски вручу, ничего неудобного в этом нет. Спасибо за фотографии! Они очень славные и навевают всякие воспоминания.

Вот, кажется, о делах и все. Передавай привет Гале и всем домашним, всему дому Волчанецких, Майе Абрамовне и всем студенткам и студенту, которые были у нас на практике. Алексей шлет привет тебе и особо – Гале. За сим! Твой И.Долгушин. 24.IV.1963. Алма-Ата.

P.S. Твой доклад посылаю в одном экземпляре. Тебе хватит, а это на случай, если потеряется. Посылай Гептнеру быстрее! И.Долгушин.

Долгушин – Кривицкому, 27 января 1964 г.

Дорогой Игорь! Вернулся из небольшого вояжа по Сибири. Был в Омске, Томске и Новосибирске. Поездка носила характер посещения родственников и друзей (некоторых из друзей, соучеников по школе, я ухитрился не видеть 38 лет!). И вот теперь отписываюсь от многих пришедших до отъезда и во время поездки писем.

Во-первых строках – огромная тебе благодарность за сведения по пичужкам. Все очень хорошо и замечательно! Большое спасибо за выручку в бою! Третий том постепенно подвигается вперед, хотя и совсем не так быстро, как хотелось бы. Но уж тут ничего не поделаешь, выше головы не прыгнешь. Все-таки надеюсь, что в августе этого года (или вроде этого) столкнем этот проклятый том в РИСО и далее. На это надеюсь, а что выйдет – знает один бог (которого, говорят, нет – кто же тогда знает?..).

Думаю в феврале-марте побывать в Москве и Ленинграде уже с исключительными научными целями. Посмотрю кое-каких птичек, поговорю с народом, провентилирую кое-какие свои мыслишки. Думаю, между прочим, поднять бунт в области систематики. Во всяком случае, шишек мне надают. В чем – в чем, а в этом я уверен неукоснительно. Ну, а я шишек никому давать не собираюсь, но немного заставлю многих пошевелить мозгами.

А в остальном – все хорошо. Мои здоровы, в том числе и Алексей. Лаборатория живет обычной жизнью. Ребята трудятся и треплются – как обычно. Футбола нет, о нем сейчас нет и разговоров. Охоты тоже нет, но о ней потихонечку поговариваем – скоро март, пора подумывать. Ну и т.д. и т.п. Ну, еще раз – спасибо! Будет время, настроение – пиши. Привет Гале и всем твоим родичам, помнящим меня, всему семейству Волчанецких и всем другим знакомым харьковчанам! В частности, вероятно, уже кончающим студентам, которые были у нас, и Майе Абрамовне. За сим! Жму руку! Твой И.Долгушин. 27.I.1964.

Долгушин – Кривицкому, 1964 г. Приписка к информации о сборнике:

[*Текст информации:* «В ближайшем будущем выходит из печати сборник «Охотничьи птицы Казахстана» (Труды Института зоологии АН КазССР, т. 24). В сборнике печатаются статьи: Гаврина (шилохвость), Тюреходжаева (о размножении фазана на Сырдарье), Чекменева (о колониальных птицах оз. Тениз), Ковшаря (о высокогорных птицах Таласского Алатау), Грачева (о зимней фауне птиц дельты Или), Пославского, Постникова и Самарина (о зимней фауне птиц Северного Прикаспия и Мангышлака), Ленхольда (об изменениях фауны птиц Караганды), Корелова (о расселении южных форм птиц в Тянь-Шане к северо-востоку) и др. Тираж книги **крайне ограничен**, желающим приобрести ее необходимо срочно выписать сборник. Объем сборника 14 листов, примерная стоимость 1 руб 20 коп. Адрес для заказов: Алма-Ата, Шевченко 28, Издательство АН КазССР»].

Дорогой тезка!

Со сборником нашим плохо: тиража почти нет (так уж получилось), надо торопиться с заказами – книга скоро исчезнет, потом ее не достанешь. Извести всех интересующихся.

Об аспирантуре нужно следующее: 1) твое письмо-запрос в Институт (наш) о возможностях; 2) в нем, помимо прочего, надо указать, что вступительные экзамены тобой сданы – как и почему; 3) указать, что тема казахстанская, кургальджинская; 4) что ты работал в Казахстане и собрал материал; 5) ориентировочные анкетные данные; 6) просись в аспирантуру без отрыва от производства; 7) возможность тебе ездить к нам на консультации и пр. С отрывом в этом году вряд ли что выйдет, а без отрыва – почему бы и нет? Привет Гале и всем общим знакомым! Твой И. Долгушин.

Долгушин – Кривицкому, 14 сентября 1964 г.

Дорогой Игорь! Длительно не отвечал на твои письма по трем причинам. Основная причина – лень. Вторая – действительно туго с временем. И третья – хотелось написать тебе что-то вразумительное по поводу аспирантуры.

О себе писать не буду. О болезнях писать скучно, но почему-то необходимо. Словом, была операция, кончилась благополучно – все. В остальном все хорошо. Много делается, того больше надо сделать. Материала это лето дало уйма, надо его как-то переваривать. И вообще всякие дела и делишки.

Об аспирантуре. Был я в управлении аспирантурой, был и у нашего директора и еще у кого-то. В результате тебе следует прислать на имя директора Института зоологии академика АН КазССР Галузо И.Г. заявление с просьбой зачислить тебя в аспирантуру без отрыва от производства. В этом же заявлении указать, что экзамены приемные тобой сданы. По этому поводу, очевидно, должна быть справка какая-то. Места аспиранта по орнитологии действительно нет. Но есть недобор по другим каким-то специальностям – отсюда и все выводы. Я как-то не совсем ясно представлял себе, какие такие выгоды от того, что ты будешь числиться аспирантом-безотрывником и сидеть в Харькове. Оказывается, при некоторой ловкости выгода может быть. Именно: можно требовать время (вроде дополнительного отпуска) на свою работу, можно поехать в поле под предлогом нужд диссертационной работы и в этом роде. Так что м.б. в этом деле и есть некоторый смысл. Полагаю, что диссертационная тема будет по степному Кургальджину? Одновременно с заявлением в аспирантуру пришли мне письмо о своих соображениях по диссертации. Это важно, надо ведь это как-то обсуждать. Ну, вот и все о делах.

Жду от тебя ответа и заявления со всеми необходимыми документами. Как правило, в аспирантуру принимают с 1 октября, но бывают всевозможные исключения. А ныне с аспирантурой совсем не плохо, так как безотрывникам никаких денег не платят, руководителям тоже. А бесплатно можно иметь и аспиранта. Ну, вот и все. Привет Гале и другим твоим домочадцам, Волчанецким и всем харьковчанам, помнящим меня. Твой И. Долгушин, 14.IX.1964. Алма-Ата.

Долгушин – Кривицкому, 26 мая 1965 г.

Дорогой Игорь! Очень давно собирался написать тебе, но проклятая текучка так заедает, что нет никакой возможности с ней справиться. Однако дела не терпят откладывания на слишком долгие сроки. И хоть по-прежнему куча дел, по-прежнему нет никакого настроения писать письма, но ничего не поделаешь – надо.

Итак, ты аспирант Института зоологии Академии наук Казахской ССР. Это положение дает тебе какие-то права и налагает на тебя какие-то обязанности. Ты интересуешься – какие? На это я тебе отвечаю следующее. Аспирантура в СССР всюду одинакова. Посему обо всем, что тебя об аспирантуре интересует, можешь узнать на месте. Достань где-нибудь Положение об аспирантуре, найди какого-нибудь чиновника, ведающего сей отраслью – и тебе все будет ясно. Так что ничего тебе по этому поводу я писать не буду, не будет по этому поводу писать тебе и Институт.

А вот о другом писать надобно. Все сводится к трем пунктам: 1) дела чисто казенные, всякая официальщина; 2) настоящие дела, наука так сказать; 3) свидания наши. Все это как-то нужно по хорошему утрясти. Начнем с казенных дел. Всякие подробности узнай на месте. Но самое главное заключается в том, что необходимо составить План аспирантуры, наметить тему диссертации и составить ее план. План аспирантуры необходим. Форму его, я думаю, достанешь в университете на месте. Главное в нем: а) сроки сдачи экзаменов; б) выезды для сбора материала; в) выезды к научному руководителю; г) работа над диссертацией. Если мне не изменяет память, аспирантура без отрыва от производства имеет срок 4 года. На этот срок и надо рассчитать план. В нем надо предусмотреть все вышеуказанное. Экзамены желательно запланировать на первые два года. Теперь их три, а раньше было четыре. Но это все равно. Это философия, язык и экзамен по специальности. Язык – по твоему выбору, но по современности наиболее желателен английский. Философия всюду одинакова. Об экзамене по специальности узнай, как это принято в университете. Тут все по-разному с ума сходят, а я не возражаю против любого варианта. Философию и язык можно сдавать где угодно; специальный предмет, вероятно, тоже, но наиболее желательно – у нас. Итак, это ты запланируй более или менее разумно и с некоторым запасом. За сдачу раньше срока никто ругаться не будет, а с опозданием сдачи всегда какие-то сумятицы.

Выезды в поле надо также отразить в плане, учитывая все свои и иные возможности. Это в основном придется обдумывать тебе самому. Запланировать надо, очевидно, только поездки в теплое время года. Думаю, что зимой таскаться по нашим степям не имеет особенного смысла. А вот летом и в пролетное время, вероятно, необходимо.

Выезды в Алма-Ата запланировать также нужно. Вероятно, правильнее всего планировать их следом за полевыми – в первые годы, и уж особо – в год заключительный. Т.е. съездил в поле, заехал в Алма-Ата – и улепетьваешь к дому. А вот когда будешь уже писать, то и при начале и при конце этого занятия видеться со мной будет необходимо.

Работа над диссертацией планируется как обработка материалов – раз, и писанина отдельных разделов диссертации – два. Все это надо распланировать.

Тему диссертации надо сформулировать коротко и ясно. А план диссертации необходимо составить подробно: это очень полезное занятие, т.к. помогает самому яснее представить – что и как необходимо доделать. Итак, жду от тебя два документа: 1) план работы аспиранта (или как там по казенному он называется) и 2) план диссертации с названием самой темы. [«Ландшафтно-экологические особенности орнитофауны юга Целиноградской области» - так выглядит впоследствии предложенное И.А. Долгушиным и его рукой вписанное в «План работы аспиранта» название диссертации И.А. Кривицкого - АК].

Теперь о науке. Экзамены – дело чисто казенное. Их, в конце концов, сдают все и ничего мудреного в них нет. Но у каждого руководителя есть свои «пунктики», которые он, по силе возможности, требует от своих сподручных. Есть они и у меня. Их немного и для человека с университетским образованием они не представляют ничего особенного. Первое, чего я требую от всех, меня окружающих, это знание систематики. Не казенное, а на самом деле. Т.е. человек должен иметь свое собственное суждение о виде как основной единице биологической систематики. Именно свое мнение. Нужды нет, если оно расходится с общепринятым или с моим. Пусть только человек его выработает себе сам, как-то его сможет аргументировать и т.п. С вида все начинается и им, в конечном итоге, все кончается. О виде написаны горы книг как нашими современниками и у нас и за границей, так и нашими предками – у нас и за границей опять-таки. Выбери, что хочешь и вырабатывай собственное суждение, подходящее для тебя, аргументированное

тобой, обоснованное примерами и т.п. Коль скоро вид есть понятие общебиологическое, ограничиваться лишь орнитологическими постулатами невозможно. Ну и т.д. и т.п.

Второе очень близко к первому. Необходимо знание эволюционной теории в самых разнообразных ее течениях – начиная от примитивнейшего ламаркизма и кончая наимодернистскими генетическими представлениями. Не забывая при этом, что сколь ни велики умы человеческие и сколь ни разительны успехи современной науки, столь мощные умы, как Дарвин, рождаются редко.

Собственно и все. А отсюда и некоторые практические выводы. Скажем, о критерии вида – морфологическом, географическом, экологическом, генетическом, биохимическом и т.д. м т.п. Или о hiatus'е между видами. Или о ходе эволюции – постепенном или скачкообразном, с примерами орнитологического свойства. Вопросы видодробительства или, напротив, видообъединительства. И многое другое. Словом, мне хотелось бы, чтобы обо все этом ты думал.

О диссертации. Я не очень ясно представляю себе объем твоего материала. Что у тебя есть конкретно – куча ли гнезд со сроками размножения, результаты их учетов, сведения по фенологии или что другое. Об этом ты мне коротенько напиши в связи с будущими выездами на место. Надо хорошенько обдумать, на что именно обратить внимание, а что более или менее считать собранным. Вот будешь составлять план диссертации - и сам увидишь, что и как. Но мне надо знать все это не для казенного употребления, а по существу. О наших свиданиях тоже хорошенько подумай. Они ведь могут быть и не только в Алма-Ата, а скажем и в Москве. Там я так или иначе буду бывать. Сообщи, чем и в какое время ты занят сейчас и что предполагается в дальнейшем. Может быть что-либо можно сообразить и по этой линии. Обо всем этом хватит. Жду казенные бумаги и твое обстоятельное письмо.

Немного о нас. В общем, мы живем неплохо, но только сейчас неудачный период жизни у меня. Совершенно замучила подготовка конференции. С ней уйма хлопот по разным линиям и как все это выйдет – совершенно не известно. Но как-то выйдет, теперь уже деваться некуда. Много помогает мне Гаврилов, который теперь работает у нас. Сейчас Кузьмина, Гаврилов и Родионов сидят на Алматинском озере (2500 м) и смотрят во все стороны. В прошлом году мы понаходили там много гнезд разных хороших птиц (*Leptopoeile*, *Mycerobas*, *Erythrina rhodochlamys*, всяких *Prunella*, *Phoenicurus*, *Calliope pectoralis* и других). В этом году, полагаем, будет не хуже. Пока у ребят около 50 гнезд, но еще не вечер. В прошлом году нашли в общем 180 гнезд, в этом году их будет, вероятно, больше. Икар должен в июле поставить ловушку для отлова пролетных птиц, но пока дело движется слабо. С писанием «Птиц Казахстана» дело движется с большим скрипом и не знаю, почему. Но медленно до ужаса. Хуже всего дела у меня, потом у Корелова, потом у Икара. Относительно благополучно у Гаврилова и Кузьминой. А есть еще Гаврин, про которого вообще никто ничего толком не знает. Словом, все очень плохо. Ну, а в общем не унываем, хотя по-настоящему и должны бы... Твой ИД, 26.V.1965, ААта.

Долгушин – Кривицкому, 1964 г. Притиска к информации о подготовке III тома

Дорогой Игорь! Поработай во славу отчизны. Прилагаемые извещения нужно оформить и довести до соответствующих граждан г. Харькова. Надеюсь на тебя. Предупреди, что все харьковские доклады идут демонстрациями – стало быть, им нужны заголовки и что вешать или ставить. Ждем гостей и тебя обязательно! Привет всем. Твой И.Долгушин. P.S. Программу действий давай!

Долгушин – Кривицкому, 30 ноября 1965 г.

Дорогой Игорь! Уже порядочно времени тому прошло, как на Ученом совете рассматривали твою программу и план работы. Все утвердили без каких бы то ни было изменений. Так что все, что надо будет делать в дальнейшем, можно делать совершенно казенным способом. В связи с этим прошу тебя написать мне, что отсюда нужно тебе: выписки из протоколов или что там. Постараюсь все сделать... в январе. Декабрь явно пропадет за всякой чепухой вроде отчетов, планов, смет и пр. Словом пиши, а главное – действуй по части писания диссертации. Дело идет к тому, что надо уже думать об оформлении всего этого занятия.

Не могу сказать, чтобы твое сообщение о Мите Волчанецком было особенно весело. Черт знает что! Такой хороший парень, уже взрослый человек – и надо же! Илье Борисовичу я ничего писать не стал. Что тут писать? И не сообразишь...

У нас тут что-то ужасное. Все пишут отчеты, всё требуется сегодня, в лучшем случае – завтра. Сметы режут безжалостно совершенно. Как это все будет, как пойдет дело в 1966 г. – понять ничего невозможно. Ну да как-то жизнь пойдет – так или иначе.

Я был в Югославии. Поездка была очаровательной! Этакий подарок судьбы на старости лет. Пересекли Юлийские Альпы, были в Истрии на Адриатическом море, в коем купались, знаю, что такое Белград, Загреб, Любляны, Блед, Горица, Копре, Пула, Кочевье. В общем, было очень хорошо. Обратная сторона медали такова. В возне с конференцией, издательством и поездкой в Югославию истрачено 3 месяца и 300 рублей. Первое надо возмещать ночами, а второе – получая зарплату. И то и другое не очень приятно.

Материалы конференции вышли – в книжке 450 стр. Заказы направляйте Биолого-почвенному факультету МГУ – издание заказное, принадлежит МГУ. Наши все здоровы, но деятельность всех не ахти на какой высоте. Привет Гале и всем знакомым! Твой ИД.

Письмо И.А. Долгушина к И.Г. Галузо о «Птицах Казахстана»

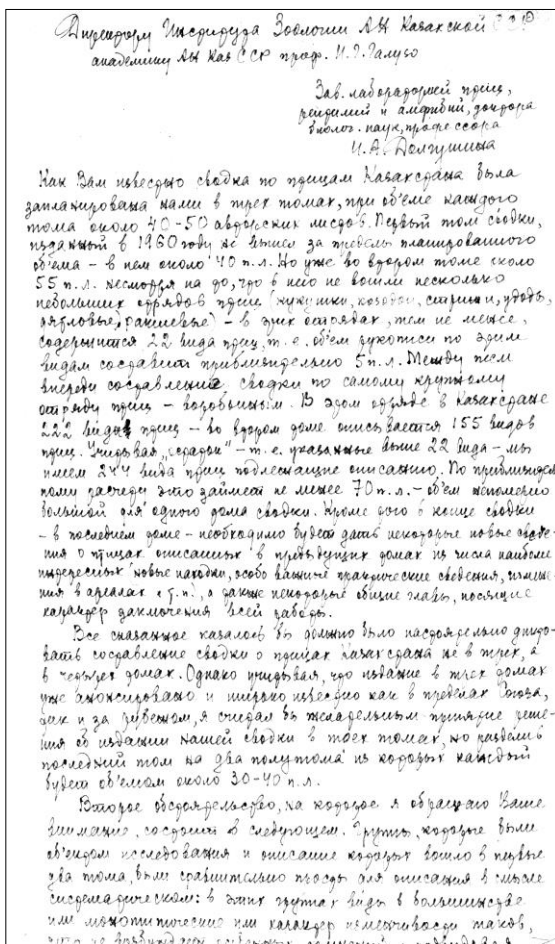
Директору Института зоологии АН Казахской ССР
Академику АН КазССР, профессору И.Г. Галузо

Зав. лабораторией птиц, амфибий и рептилий,
доктора биол. наук, профессора
И.А. Долгушина

Как Вам известно, сводка по птицам Казахстана была запланирована нами в трех томах, при объеме каждого тома около 40-50 авторских листов. Первый том сводки, изданный в 1960 г., не вышел за пределы планированного объема – в нем около 40 п.л. Но уже во втором томе около 55 п.л., несмотря на то, что в него не вошли несколько небольших отрядов птиц (кукушки, козодой, стрижи, удода, дятловые, ракшевые) – в этих отрядах, тем не менее. Содержится 22 вида птиц, т.е. объем рукописи по этим видам составляет приблизительно 5 п.л. Между тем впереди – составление сводки по самому крупному отряду птиц – воробьиным. В этом отряде в Казахстане 222 вида птиц – во втором томе описывается 155 видов птиц. Учитывая «остатки» – т.е. указанные выше 22 вида – мы имеем 244 вида птиц, подлежащих описанию. По приблизительному расчету это займет не менее 70 п.л. – объем, непомерно большой для одного тома сводки. Кроме того, в конце сводки – в последнем томе – необходимо будет дать некоторые новые сведения о птицах, описанных в предыдущих томах из числа наиболее интересных – новые находки, особо важные практические сведения, изменения в ареалах и т.п., а также некоторые общие главы, носящие характер заключения всей работы.

Все сказанное, казалось бы, должно было настоятельно диктовать составление сводки о птицах Казахстана не в трех, а в четырех томах. Однако, учитывая, что издание в трех томах уже анонсировано и широко известно как в пределах Союза так и за рубежом, я считал бы желательным принятие решения об издании нашей сводки в трех томах, но разделив последний том на два полутома, из которых последний будет объемом 30-40 п.л.

Второе обстоятельство, на которое я обращаю ваше внимание, состоит в следующем. Группы, которые были объектом исследования и описание которых вошло в первые два тома, были сравнительно просты для описания в смысле систематическом: в этих группах

виды в большинстве или монотипические или характер изменчивости такой, что не возбуждает сомнений, а подвидовая систематика, как правило, достаточно проста. Исключение составляют по существу только отряд хищных птиц и отдельные виды из других групп. Совершенно другая ситуация будет при составлении сводки по воробьиным птицам. Внутривидовая изменчивость в этой группе птиц очень сложна и, несмотря на большое количество исследований (а может, именно поэтому) подвидовая систематика очень запутана. Надобно сказать, что и надвидовая систематика. Т.е. отнесение того или иного вида к определенному роду, а в некоторых случаях – и к семейству, далеко не всегда выяснена. Короче говоря, если в первых двух томах сводки речь шла в основном о сведении в одно целое данных о географическом распространении и экологии отдельных видов, а вопросы систематики стояли на втором плане, то при составлении сводки по воробьиным положение резко меняется. В целом ряде случаев придется проводить настоящее исследование, прибегая к ревизии существующих взглядов и т.п. Все это потребует большой затраты труда и времени, а также совершенно неизбежных поездок в центральные хранилища коллекций, часто – на длительное время.

Между тем авторский коллектив сводки значительно расширяется, и в него войдут сотрудники с еще очень малым опытом, а то и совсем без опыта работы в области систематики. Делается это мною совершенно сознательно – настоящим специалистом в зоологии может быть только тот, кто «понюхал пороху» в основе основ. Будут, конечно, трудности, но без них не может быть сделана никакая работа.

Учитывая все сказанное, я прошу вас взвесить все «pro» и «contra» и обсудить вопрос о продлении срока по составлению сводки «Птицы Казахстана». Нужно сказать, что в настоящее время я имею много отзывов на первый том сводки. Прежде всего имеются рецензии в печати. В СССР мне известны две рецензии – одна в журнале «Охота и охотничье хозяйство» и вторая – в издаваемом МГУ сборнике «Орнитология». Кроме того, есть рецензия в «L'Oiseau et la Revue Française d'Ornithologie», в «Journal fuer Ornithologie» и в датском орнитологическом журнале. Все эти рецензии, хотя и содержат некоторые критические замечания, но в целом очень высоко оценивают первый том нашей сводки. И мне не хотелось бы сбиваться на поспешность и тем испортить столь хорошо начатое.

Перед советскими учеными партия ставит задачу – занять ведущее положение в мировой науке по всем основным направлениям. Орнитология – не ведущая отрасль науки и наша сводка не есть основополагающий труд. Но, насколько я могу судить, начата она хорошо и, во всяком случае, вызывает к себе уважение и служит в какой-то мере развитию науки в целом и поднятию нашего престижа – в том числе и за рубежом.

Еще раз обращаясь к Вам с просьбой внимательно обсудить вопрос о сроках составления сводки, со своей стороны заверяю, что как мною, так и всеми сотрудниками лаборатории птиц, амфибий и рептилий будут приложены все силы как для того, чтобы закончить сводку как можно скорее, так и для того, чтобы выполнить ее высококачественно.

Доктор биологических наук, профессор

Долгушин

25 марта 1962 г.

Публикации

Список научных работ И. А. Долгушина

1927 год

Долгушин И.А., А.С. Марковский. Московка (*Parus ater* L.) в Омском округе//Uragus, 1927. № 2. С.4.

Долгушин И.А. Рецензия на 7 орнитологических работ (Шухова, Лаврова, Рузского)//Uragus, 1927. № 2. С. 27, 28;

Долгушин И.А., Марковский А.С. Белокрылый клест (*Loxia leucoptera bifasciata*) в окрестностях Омска//Uragus, 1927, № 4 (кн. 5). С. 27.

1928 год

Долгушин И.А. Марковский А.С. Нахождение пеночки-желтобровки (*Phylloscopus sibilatrix* Vechst) в окрестностях Омска//Uragus, 1928, № 2 (кн. 7). С. 8.

Долгушин И.А. О кольцевании птиц//Uragus, 1928, № 3, 4. С. 25.

1929 год

Долгушин И.А. Хищнический промысел водоплавающих птиц в Барабинской степи//Uragus, 1929, № 2. С. 17, 18;

Долгушин И.А., М.Д. Зверев. Окольцованные птицы//Uragus, 1929. №2. С. 20.

Долгушин И.А. Хищнический промысел водоплавающих птиц в Барабинской степи//Охота и природа, 1929. № 21. С. 23.

Долгушин И.А. М.Д. Зверев. Кольцевание уток в Сибири кольцами БЮН//Листки биостанции юных натуралистов, № 20. С. 316-318..

1932 год

Долгушин И.А. Охотничье хозяйство Чуйского района. Рук. (Казохотсоюз). 72 с.

Долгушин И.А. О возможностях заготовок песчанок в Чуйском районе. Рукопись для: СНК КазССР, 11 стр.

1934 год

Долгушин И.А. Места, пригодные для выпуска ондатры на территории Балхашской ПОС. Рукопись для Каззаготпушнины, 22 с.

Долгушин И.А. Солонгой в дельте Или//Бюлл. КазФАН СССР.

1936 год

Долгушин И.А. О возможностях акклиматизации ондатры в Кургальджинском районе. Рукопись для Каззаготпушнины, 17 с.

Долгушин И.А. Об организации заповедников в Прибалхашье. Рукопись для Управления по заповедникам, 85 с. (соавт.: А.В. Афанасьев, П.П. Поляков).

1937 год

Долгушин И.А. О возможности акклиматизации белки в Баян-Аульском районе. Рукопись для Казпотребсоюза. 21 с.

1938 год

Долгушин И.А. Из результатов орнитологических исследований в Центральном Казахстане//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1938, т. 47, № 4. С. 289-295.

1939 год

Долгушин И.А. К орнитофауне низовий реки Чу//Изв. КазФАН, серия зоол., 1939, № 1. С. 43-47.

Долгушин И.А. Рецензия на работу Спангенберга и Фейгина. (Птицы нижней Сыр-Дарьи)//Изв. КазФАН СССР, сер. зоол., 1939, № 1. С. 125.

Долгушин И.А., М.А. Кузьмина Рецензия на работу З. Сатаевой (Смена сезонных аспектов авифауны по Ташкенту и его окрестностям)//Изв. КазФАН СССР, сер. зоол., 1939. № 1. С. 125.

1940 год

Долгушин И.А. Материалы по фауне птиц Павлодарской обл. Рук., 72 с.

1941 год

Долгушин И.А. К орнитофауне Даурской степи//Природа и соц. хоз-во, кн. VII. ч. 2. М. С. 367-373.

Долгушин И.А. Фауна птиц низовий реки Или. Рукопись дисс. на соискание ученой степени канд. биол. наук. Алма-Ата, 1941. 320 стр.

Долгушин И.А., М.А. Кузьмина. Птицы Казахстана. Вып. I, 186 стр. Рук.

1947 год

Долгушин И.А. Об эндемизме степной орнитофауны Казахстана//Сб. аннотаций научных работ Казахского ун-та, 1947, вып. 1.

Долгушин И.А. Об эндемизме степной орнитофауны Казахстана//Вестник АН КазССР, 1947, № 6 (27). С. 42-45.

Долгушин И.А. Пеганка в Казахстане и возможности использования ее пуха//Вестник АН КазССР, 1947, № 1/2 (22/23). С. 83-85.

Долгушин И.А. Материалы по фауне птиц Северного Прибалхашья и Казахского нагорья//Изв. АН КазССР, № 36, серия зоол., 1947, № 6. С. 69-99.

Долгушин И.А. К орнитофауне Зайсанской котловины (нахождение *Anser indicus* на оз. Зайсан)//Изв. АН КазССР, серия зоол., 1947, № 7. С. 138..

1948 год

Долгушин И.А. Нахождение египетской цапли (*Bubulcus ibis* L.) на Мангышлаке// Изв. АН КазССР, серия зоол., 1948, № 7. С. 129-130.

Долгушин И.А. О фауне птиц полуострова Мангышлак//Изв. АН КазССР, № 63, серия зоол., 1948, вып. 8. С. 131-160.

Долгушин И.А. Дополнения к списку птиц Казахстана [нахождение малого кроншнепа и чернопегой каменки]//Изв. АН КазССР, серия зоол., 1948, вып. 8. С. 220.

Долгушин И.А. Список птиц Казахстана//Изв. АН КазССР, № 43, серия паразитол., 1948, вып. 5. С. 133-156.

Долгушин И.А. Исследования по наземным позвоночным в Казахстане за 30 лет//Изв. АН КазССР, серия паразитол., 1948, № 5. С. 125-132.

Долгушин И.А. Об экологической дифференциации близких форм воробьев юго-восточного Казахстана//Охрана природы, 1948, сб. 5. С. 130-136.

Долгушин И.А. Рецензия на работу Б.А. Кузнецова «Млекопитающие Казахстана»//Зоол. журнал, т. XXVII, 1948, вып. 6. С. 572 - 574.

1949 год

Долгушин И.А. Миграции птиц в Казахстане//Изв. АН КазССР, серия биол., 1949, № 1. С. 71-82.

1950 год

Долгушин И.А. Рецензия - В.Н. Шнитников. Птицы Семиречья//Вестник АН КазССР, № 6.

1951 год

Долгушин И.А. К фауне птиц Каратау//Изв. АН КазССР, № 105, серия зоол., 1951, № 10. С. 72-117.

Долгушин И.А. Об акклиматизации ондатры в Казахстане//Вестник АН КазССР, 1951, № 5. С. 27-34.

1952 год

Долгушин И.А. Животный мир Казахстана//Очерки по физической географии Казахстана. Алма-Ата, 1952. С. 452-476.

1953 год

Долгушин И.А. Животный мир Казахстана//БСЭ, т. 19.М.,1953. С. 326.

1955 год

Долгушин И.А. Основные закономерности распространения птиц в Казахстане. Рук. дисс. на соискание уч. степени, д-ра биол. наук. Л., 1955. 1050 с.

1957 год

Долгушин И.А. Орнитогеографическое районирование Казахстана//Мат-лы к совещ. по вопр. зоогеогр. суши. Львов, 1957. С. 34-36.

Долгушин И.А., Страутман Е.И. На целинных землях//Охота и охотн. хоз-во, 1957, № 5.

Долгушин И.А. В.С. Бажанов (к 50-летию со дня рождения)//Изв. АН КазССР, сер. биол., Алма-Ата, 1957, вып. 2(14). С. 91-92.

Долгушин И.А. Сорок лет зоологической науки в Казахстане//Наука в Казахстане за 40 лет Советской власти. Алма-Ата, 1957. С. 329-344.

Долгушин И.А. К истории формирования фауны птиц Казахстана//Изв. АН КазССР, серия биол., Алма-Ата, 1957, № 2(14). С. 3-14.

Корелов М.Н., Долгушин И.А. О путях формирования фауны птиц городов//Природа, 1957, № 12. С. 102, 103.

Долгушин И.А. О распространении и экологии двух видов зуйков. Рук, 12 с.

Долгушин И.А. О путях формирования фауны птиц зональных степей Евразии. Рук., 25 с.

1958 год

Долгушин И.А. О средиземноморской фауне и средиземноморской подобласти //Проблемы зоогеографии суши. Львов, 1958. С. 85-89.

1959 год

Долгушин И.А., Чекменев Д.И. О фламинго на озере Тенгиз//Тез. докл. 2-ой Всесоюзн. орнитол. конфер. Ч. 2. М., 1959. С. 74-75.

Долгушин И.А. Основные очаги формирования фауны птиц зональных степей Евразии//Тез. докл. 2-ой Всесоюзн. орнитол. конфер. Ч. 3. М., 1959. С. 26-27.

Долгушин И.А. Орнитологические исследования в Казахстане//Тез. докл. 2-ой Всесоюзн. орнитол. конфер. Ч. 3. М., 1959. С. 121-122.

1960 год

Долгушин И.А. Деятельность человека и ее значение для фауны в различных географических зонах//Мат-лы конфер. по вопросам зоогеогр. суши. Алма-Ата, 1960.

Долгушин И.А. О фламинго на озере Тенгиз (Центральный Казахстан)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1960, т. 13. С. 125-132.

Долгушин И.А. Зоологические исследования в Казахской ССР (1920-1960)//Наука Советского Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 456-466.

Долгушин И.А. Птицы Казахстана, т. I. Алма-Ата. С. 3-470.

Долгушин И.А., Слудский А.А. Из результатов орнитологических исследований в Центральном Казахстане//Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН АН СССР. Л., 1960, вып. 9. С. 67-72.

1962 год

Долгушин И.А. Отряд кулики//Птицы Казахстана, т. II, с. 40-245.

Долгушин И.А. Отряд чайки//Птицы Казахстана, т. II, с. 246-327.

Долгушин И.А. Отряд голуби//Птицы Казахстана, т. II, с. 328-367.

Долгушин И.А. Отряд рябки//Птицы Казахстана, т. II, с. 368-388.

1965 год

Долгушин И.А. Пернатая дичь//По охотничьим просторам Казахстана. Алма-Ата, 1965. С. 122-154.

Долгушин И.А. Рациональная эксплуатация и охрана пернатой дичи в Казахстана//Вопросы охотн. хоз-ва СССР. М., 1965. С. 121-123.

Долгушин И.А. Об изученности экологии птиц СССР//Современные проблемы орнитологии. Фрунзе, 1965. С. 209-222.

Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф. О гнездовой биологии арчевого дубоноса//Новости орнитологии, Алма-Ата, 1965. С. 79-81.

1967 год

Долгушин И.А. Рецензия на книги: Н.А. Гладков, Г.П. Дементьев, Е.С. Птушенко, А.М. Судилова. «Определитель птиц СССР». «Высшая школа». М., 1964. А.И. Иванов и Б.К. Штегман. «Краткий определитель птиц СССР», «Наука». М.-Л., 1964//Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 393-395;

Долгушин И.А. Рациональная эксплуатация и охрана пернатой дичи в Казахстане //Les Rapports du 7-e Congres des Biologistes du Gibier, Beograd, 1967. С. 501-502.

1968 год

Долгушин И.А. О распространении и биологии горной чечетки//Новости орнитол. Казахстана. Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 15-18.

Долгушин И.А., Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф. О гнездовой биологии арчевого дубоноса в Казахстане//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 19-31.

Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф. Гнездовая биология расписной синички в Заилийском Алатау//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 32-40.

Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф. О биологии арчевой чечевицы в Заилийском Алатау//Орнитология, 1968, вып. 9. С. 149-157.

Dolgushin I.A., Gavrilov E.I., Rodionov E.F. The Biology of the White-winged Grosbeak (*Myserobas carripes*) in Kazakhstan//Journ. of the Bombay Nat. Hist. Soc., 1968, 65, 1. P. 105-119.

2003 год

Долгушин И.А. Материалы к авифауне Саура, Манрака и Чиликтинской долины//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 61-72.

Долгушин И.А. О составлении «Птиц Казахстана»//Selevinia-2002. Алматы, 2003.

2004 год

Долгушин И.А. Орнитологические наблюдения в Павлодарской области летом 1939 г.//Труды Института зоологии, том 48. Орнитология. Алма-Ата, 2004. С. 38-84.

* * * * *

Рецензии на монографию «Птицы Казахстана»

Pierre Pfeffer//L'Oiseau et la Revue Francaise D'Ornithologie, 1961, Vol. 31, 2;

G. Mauersberger//Journal fur Ornithologie, 102, 1961, Heft1, s. 107;

Hans Johansen//Vogelwelt, 1961, Jg. 82, Heft 4.;

В.Е. Флинт//Орнитология, вып. 4, М., 1962. С. 471-473;

В.Е. Флинт//Орнитология, вып. 6, М., 1963. С. 502-503;

Л.С. Степанян//Зоол. журнал, 1974, № 9, с. 1434;

А.И. Янушевич, И.А. Абдусалымов//Изв. АН КазССР, серия биол., 1975, № 6;

А.К. Рустамов//Вестник АН КазССР, 1976, № 2.

* * * * *

Долгушин Игорь Александрович (о нем):

Дементьев Г.П., Корелов М.Н., Гладков Н.А.//Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 387-388.

Корелов М.Н.//Новости орнитологии Казахстана [Тр. Ин-та зоол. АН, т. 29]. Алма-Ата, 1968. С. 5-14.

Кривицкий И.А., Ковшарь А.Ф., Гаврилов Э.И.//Изв. АН КазССР, сер. биол. 1978, № 3. С. 83-85.

Ковшарь А.Ф.//Казахская ССР, т. 3. Алма-Ата, 1989. С. 197.

Ковшарь А.Ф.//Selevinia, 1993, № 1. С. 95.

Ковшарь А.Ф.//Географы XX века на казахстанской орбите. Алматы, 1998. С. 56-57.

Ковшарь А.Ф.//Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век. Алматы, 2003. С. 63-72.

О СОСТАВЛЕНИИ "ПТИЦ КАЗАХСТАНА" (И.А. Долгушин, 1962)⁴⁰

Из истории создания 5-томной сводки «Птицы Казахстана»

Более 60 лет прошло со времени первой попытки обобщения всех сведений о птицах огромной территории Казахстана и 42 года - со дня выхода в свет первого тома сводки «Птицы Казахстана» (1960), признанной одной из лучших фаунистических монографий среди республик бывшего СССР и получившей в 1978 г. заслуженную награду – Государственную премию Казахстана. В 1941 г. И.А. Долгушин и М.А. Кузьмина закончили рукопись 1-го тома, которая была набрана в типографии, но в связи с начавшейся Великой Отечественной войной набор был рассыпан. Сохранился только один корректурный оттиск (187 с).

К нему приложен листик, на котором рукой Игоря Александровича написан подробный «Порядок описания вида», несколько отличающийся от реализованного впоследствии. Так, после первых двух пунктов «русское, казахское и латинское название» и «главнейшие синонимы» шел третий – «местные названия (русские, казахские, других национальностей)». Пункт «повадки» имел подробную расшифровку (голос, характер полета, бега, плаванья, ныряния, лазанья, способ добывания пищи, степень осторожности, степень общности), а «замечания по систематике» стояли в конце, перед пунктом «хозяйственное значение».

Заметно иной по сравнению с изданным десятилетия спустя пятитомником была и направленность содержания самих очерков книги, о чем свидетельствует следующий отрывок из краткого предисловия: «Основной упор в книге сделан на изложение материала об образе жизни птиц и в меньшей мере – о распространении их в пределах Казахстана. Общее распространение дается лишь в самых грубых чертах, систематика же почти не затрагивается. В основном книга рассчитана на читателей средней подготовки, краеведов, преподавателей средних учебных заведений, актив охотников и других лиц, в той или иной степени соприкасающихся с птицами в природе; *научным работникам, возможно, эта книга также принесет некоторую пользу* (курсив мой – А.К.)». Достаточно сравнить сказанное выше с блестяще написанными самим И.А. Долгушиным видовыми очерками в опубликованном через 20 лет первом томе, чтобы увидеть, какой огромный путь был пройден автором за эти 20 лет.

Очень интересны подробные объяснения И.А. Долгушина, почему термин «образ жизни» в данной рукописи употреблен вместо становившегося уже тогда модным термина «экология». В том же предисловии он пишет: «По нашему мнению провести знак равенства между значениями этих слов нельзя. Задача экологии – изучить процессы взаимодействия между организмом и средой, выяснить реагирование организма на те или иные воздействия окружающей среды. На сегодняшний день дать экологические очерки жизни отдельных видов птиц нам не представляется возможным. Поясним сказанное примером. Если мы говорим, что такая-то птица откладывает от 3 до 8 яиц, то здесь не будет ничего экологического. Если же мы, исследуя этот вопрос более глубоко, сможем сказать, от каких причин колеблется число яиц в кладке, то тогда мы уже будем иметь дело с экологическим решением вопроса...»

Через 20 лет, выпустив самостоятельно первый том сводки, Игорь Александрович столкнулся с таким объемом материала, что для продолжения издания понадобились соавторы. Ими стали старые соратники – Мария Алексеевна Кузьмина и Мстислав Николаевич Корелов – а также поселившийся в Казахстане относительно недавно, но чрезвычайно работоспособный и прекрасный знаток водно-болотной и боровой дичи Василий Федорович Гаврин. Вместе они осилили объемистый второй том сводки, посвященный 158 видам из 7 отрядов и заключающий в себе 779 типографских страниц. Редактирование текстов всего трех авторов (а неизбежность дальнейшего расширения авторского коллектива уже тогда стала очевидной) было настолько нелегким трудом, что И.А. Долгушин пришел к выводу о необходимости написания некоей хорошо продуманной инструкции, следуя которой, авторы писали бы тексты, максимально схожие по своей структуре и поддающиеся редакторской правке, без тотального переписывания их редактором...

⁴⁰ Впервые опубликовано в журнале «Selevinia» (2002) – к 40-летию со дня написания – с предисловием «Из истории создания 5-томной сводки Птицы Казахстана»

В результате появился составленный И.А. Долгушиным «документ внутреннего пользования», известный среди авторского коллектива под названием «Инструкция» и позволивший продолжать работу над сводкой еще в течение почти 8 лет после преждевременной смерти ее создателя и вдохновителя. Весь этот документ выполнен в духе Игоря Александровича, в присущем ему разговорном стиле, когда для достижения максимальной выразительности можно пренебречь некоторыми нормами языка и даже употреблять такие выражения, как «подкуп», «шантаж», «ласка» и «побой» в непрямом, а иносказательном смысле, усиливающем то или иное обсуждаемое положение. Поэтому мы сочли возможным опубликовать текст без купюр – в таком виде, в каком мы пользовались им многие годы... - *А.Ф. Ковшарь* (Selevinia, 2002).

* * * * *

План повидовых очерков известен. Он очень прост, но, как показывает практика, нуждается в детальном разъяснении порядка написания отдельных разделов, а также отдельных чисто технических приемов. Прежде всего, авторам необходимо провести предварительную работу. Она очень скучна и длинна, зато после того, как она проделана, само писание занимает немного времени, экономит силы и энергию. Эти мероприятия следующие.

1. Еще до ознакомления с литературой нужно составить себе список основной литературы с указанием автора, фамилия и инициалы, броского слова или двух, которые бы конкретизировали название работы и год ее издания. Образец прилагается. К этому основному списку прибавляются работы, имеющие значение для данной группы птиц.

2. На бланковой карте Казахстана основные авторы наносятся на тех местах, которых касается их работа. Здесь же наносятся некоторые постоянно упоминаемые в литературе пункты (которые с трудом находятся на карте) – например, Ямышевский, Чиликтинская долина, Новенское и т.д. В дальнейшем такая карта будет чрезвычайно облегчать работу по написанию распространения в Казахстане, хода весеннего пролета, размножения, отлета и других разделов.

3. Для каждого вида составить лист с графами примерно такими же, как у нас в каталоге, и еще некоторыми. Графы будут такие: дата, место, пол, возраст, вес, крыло, плюсна, клюв, примечания. Сюда будут заноситься данные с этикеток коллекций наших и других, которые удастся просмотреть. Одного листа для вида не хватит - сделать их столько, сколько понадобится.

4. Для каждого вида составить лист; или несколько - это в зависимости от почерка - с графами: весенний пролет, осенний пролет, гнездование, распространение, зимовки, пища, повадки.

На этом подготовка заканчивается. Необходимо только, чтобы все эти материалы хранились в папках. Их должно быть не меньше двух. В одной будут лежать список основной литературы, упоминавшаяся карта и листы просмотра коллекций. Во второй - листы с графами о пролете, размножении, пище и прочем. Это все, может быть, выглядит смешно, но все это очень существенно.

После проведения этого первого этапа технической работы следует второй, очень длительный и напряженный и также технический - этап подготовки к написанию. Он сводится к следующему - по пунктам плана.

1. Русское название Необходимо выбрать русское название для описываемого вида. Как правило, их всегда существует несколько. Источники для выбора названий - народ и литература. В ряде случаев в народе существуют названия, которых или нет в литературе или они в ней почему-то не употребляются, но являются по существу наиболее правильными. Пример - красnobаш. Такие названия могут быть встречены и в дальнейшем. Далее литературные названия. Основные источники русских названий - Мензбир, Птицы России; Птицы Советского Союза; Птицы СССР; Сушкин - Птицы

Алтая; Сушкин - Птицы Средней Киргизской степи. Все имеющиеся названия нужно тщательно проанализировать, посоветоваться со всеми и выбрать одно. Ни в коем случае нельзя идти по пути двойных названий! Если все названия дрянь - а такие случаи обязательно будут - надо изобретать свое название - это уже дело ответственное, но зачастую необходимое.

2. Латинское название Примерно то же самое. В основном надо следовать Сушкину - тем названиям, которые употребляются им в "Птицах Алтая". Опыт убедил меня в том, что в толпе латинских названий, в хаосе синонимов, Сушкин разбирался лучше всех других, обычно у него и представление о виде как биологической и таксономической единице лучше, чем у всех других. Следует смотреть также Птицы Советского Союза и Птицы СССР - как более новые (но отнюдь не более правильные) источники.

3. Синонимы. Синонимов, как правило, существует очень много. Нам следует приводить только те, которые приняты как основные названия в «Птицах СССР», "Птицах Советского Союза" и в "Птицах России" Мензбира. Остальными синонимами можно пренебречь без всякого ущерба для дела. Синонимы нужны лишь в том случае если принятое нами название расходится с указанными источниками и требуются они для того, чтобы читатель мог навести справку и понять, что и как.

4. Описание. Делается в таком порядке:

а. Самец в брачном наряде

б. Самка в брачном наряде

в. Самец в другом перье

б. Самка в другом перье

в. Молодые птицы

г. Размеры - если надо отдельно по полу и возрасту, если не надо - общие.

Размеры даются в таком порядке: крыло, хвост, плюсна, клюв. В некоторых случаях тот или иной размер может быть упущен.

д. Вес. Дается по месяцам, начиная с января и до декабря. Вес дается именно по нашим экземплярам. Веса даются решительно все, пусть их будет хоть тысяча. Порядок приведения веса: (Тарбагатай, самец, 480 г; Зайсан, самка, 550. Февраль: низовья Тургая, самцы (8) 450 - 520, среднее 482, самки (II) 330 - 460, среднее 404; окрестности Алма-Аты, самец, 420 и т.д. Веса приводятся для вида, не принимая во внимание подвидовую систематику.

е. Яйца. Дается описание окраски яиц, расположения пятен и т. п. Затем размеры: длина, поперечник. Затем вес. Т.е. так: яйца белые, скорлупа шероховатая, без блеска. Длина яиц 38-42, поперечник 22 - 26 мм. Вес яиц: Тарбагатай, 40 -45 (среднее по кладке в 4 яйца - 42,5 г); Джунгарский Алатау, Сарканд, 39-48 (среднее по 84 взвешиваниям, 19 кладок, - 41,2 г) и т.д.

ж. Подвиды. Как правило, о подвидах говорится примерно в таком плане: образует много подвидов (разными авторами принимается от 8 до 11). Из них в Казахстане встречается два: (латынь) гнездится на западе Казахстана, в долине Урала и его притоков, ... (латынь) гнездится в хребтах Тянь-Шаня и его предгорьях. Или так: образует два подвида, оба они встречаются в Казахстане. (Латынь) гнездится повсюду в нашей республике, «латынь» встречается у нас только на пролете, исключительно в западных районах.

3. Систематические замечания. Этот раздел надо по возможности избегать писать вообще. Разработка систематики и не паша задача, а главное она нам, как правило, не под силу т.к. мы не имеем хороших сравнительных материалов. Но в некоторых случаях этого невозможно будет избежать - тогда надо писать как можно короче и основательнее. Кто смелый – пишите.

Одно небольшое, но существенное замечание. Помните и заучите: размеры даются в метрических мерах и пишутся общепринятыми сокращениями, а именно: метр - м, сантиметр - см, миллиметр - мм, километр - км, грамм - г, килограмм - кг. Точки после этих сокращений не ставятся (кроме конца фразы). Так делается описание, на этом оно заканчивается.

5. Распространение. Общее распространение дается очень кратко, но так, чтобы всякий мог понять, где гнездится данный вид и где он зимует, а в некоторых случаях - и где он пролетает. При описании распространения надо прежде всего понять, что для данного вида является ведущим и где находится основная область его гнездования и зимовок. Необходимо также совершенно ясно уяснить себе северную, южную, западную и восточные границы гнездовой области. Зная все это - писать уже легко. Начинать описывать распространение надо, с начала, т.е. с основной области распространения вида. Так зяблик, как вид западный, в Сибирь проходит узкой полосой и вскоре там кончается. Его распространение надо начинать писать с запада. Напротив, распространение бурой пеночки, вида восточного едва доходящего до Казахстана, надо начинать описывать с востока и кончать западом. При описании распространения хорошо уясните себе то, что Азия - огромный материк, а Европа б сущности не столь уж большой полуостров Азии. Поэтому не сбивайтесь на такой путь, что при описании распространения в Европе будете перечислять Англию, Ирландию, Шотландию, Бельгию, Голландию, Швейцарию и т.д., а в Азии скажете коротко - от Урала до Тихого океана. Так пишут европейцы, но так не могут писать жители Казахстана.

О зимовках писать подробно не нужно, достаточно указать, что зимует в экваториальных частях Африки или в юго-восточной Азии, Австралии и на островах между Азией и Австралией. Этого в общем достаточно.

6. Распространение в Казахстане. Один из ответственных разделов нашей сводки. Здесь все наше и мы несем ответственность за каждый звук, за каждую букву.

Основа для писания распространения в Казахстане - личные сведения автора, опросные данные (о них позже), сведения из литературы и коллекционные материалы. При написании этого раздела прежде всего необходимо самым тщательным образом ознакомиться со всеми материалами и ясно представить себе распространение вида в Казахстане на гнездовье, во время пролетов и на зимовке. Все время надо иметь перед глазами карту Казахстана, большую и бланковую, на которую наносить условными знаками (они, я думаю, всем уже известны) распространение вида. Перед писанием распространения в Казахстане надо твердо уяснить, не проходит ли в Казахстане какая либо граница у данного вида - южная, северная, восточная, быть может, северо-восточная и т.д. Эту границу надо изучить с особой тщательностью и, если надо, то постараться добыть о ней дополнительный материал. Далее для всех районов надо получить хотя бы приблизительное представление о численности вида - на гнездовье, во время пролетов, на зимовке. Само же написание достаточно просто. Ведется оно опять таки для южных видов - с юга, для западных - с запада, для восточных - с востока и т.д. Ссылки на литературные, опросные или другие источники в этом разделе надо по возможности избегать. Мы даем распространение, как оно есть, и в сущности невелика заслуга скажем Долгушина, что он увидел черного жаворонка в окрестностях Павлодара, или Чекменева, увидевшего его у Атбасара, равно как и Сушкина, увидевшего его у Карабутака. Ссылки на литературные (и иные) источники, вообще говоря, следует давать в следующих случаях 1) кто-то утверждает, что вид гнездится там то, а это очень сомнительно. Словом сомнения в правильности - повод для ссылки; 2) совершенно новые данные, значительно расширяющие ареал вида - это уже какое-то открытие и автор его должен быть известен; 3) возможны ссылки на источник при определении границы гнездования; 4) ссылки на сведения по численности вида - в тех случаях, если

речь идет о точных учетах и вообще цифрах или если сведения по численности новые или, наконец, сведения по численности сомнительные. Следует оперировать в основном географическими понятиями, избегая административных.

Вот, в сущности, все по этому разделу. Повторяю - это один из наиболее ответственных разделов нашей сводки. Необходимо хорошее знание географии Казахстана и отдельных географических понятий. Для того, чтобы представлять минимум географических познаний рекомендуется прочесть и хорошенько понять эколого-географический очерк фауны птиц Казахстана из 1-го тома (стр. 22-62).

7. Местообитание. Географическое распространение пишется, оперируя географическими понятиями, и пока еще неясно - где же распространена птица. Закончив писать распространение, следует описать те условия существования, те биотопы, в которых гнездится, кормится, на которых держится во время пролета и на зимовках птица. Это тоже соответствующий раздел - ответственный потому, что мы должны его написать правильно. Когда вы будете читать литературу, вы увидите как плохо, неточно, а часто и неправильно описывается местообитание птиц. Будут и другие случаи: где-то птица живет в таких условиях, а где-то совсем в других. Все это уложить в краткое описание не просто, но можно. Все, что было выше, так или иначе, пишется сравнительно легко. Несмотря на всякую ответственность и прочее, все это дела ясные. Дальше хуже.

8. Повадки птицы. В этом разделе должно быть дано описание птицы в том виде, в каком мы видим ее в природе, должны быть описаны ее повадки - способы передвижения, голос, характер добывания пищи, степень общности, осторожности и пр. Здесь должно быть указано, какого размера и какой окраски - не по перышкам, а так, как это мы видим в общем, в поле. Здесь же дается описание песни словом дается полевой портрет птицы со всеми нужными подробностями. Для пишущего этот раздел наиболее трудный - именно здесь чаще всего не хватает данных и еще чаще не хватает слов, нет нужных слов, все какая то ерунда. Выясняется, что ни пишущий и никто из окружающих не знают, как птица летает, как она передвигается по земле, как она ловит добычу - и это о самых обычных птицах, которых все видели тысячи раз. Описание голоса - мучительнейшая операция. Все эти "кли-кли", "тюр-тюр" и т.п., в общем, чепуха, а описать пение огромного большинства птиц сколько-нибудь вразумительно почти невозможно. Поэтому всем требуется отныне записывать все это в поле - иначе ничего не получится. Описывать надо тщательнейшим образом все, все решительно и многократно.

Необходимо все это записанное проверять с другими людьми, лучше всего с совершенно неискушенными в деле наблюдения птиц. Помните, что именно к этому разделу прилагается рисунок птицы. Худо будет если на картинке нарисовано одно, а написано нечто совсем другое. Литература тут много помогает. Такие прекрасные наблюдатели, как Зарудный и Сушкин, ухитрились подмечать многие интересные и важные подробности поведения птиц; великолепны описания повадок у Мензбира. Много ценного бывает в разделе "полевые признаки" в "Птицах Советского Союза", бывают ценные замечания в Птицах СССР, часто многое можно найти у разных людей.

Но, в общем, это хотя на первый взгляд и простой, но на самом деле очень трудный раздел.

9. Пища. Заключением раздела повадок должно быть описание приемов добывания, схватывания, заглатывания и пр. пищи и отсюда - естественный переход к составу кормов. Здесь, прежде всего, нужно указать в кратких чертах на основные черты состава кормов, дабы было ясно но, что птица в основном питается насекомыми и их личинками или, напротив, зернами и т.д. А затем приводятся конкретные данные по

питанию в Казахстане. Этим всем чересчур увлекаться не надо, но и оставлять сведения за бортом - тоже не надо.

10. Весенний пролет. Начинать писать нужно после того, как в голове уже сложится определенная картина пролета и главное - основное направление пролета. Писать надо начинать с начала, т.е. с того места, где птица появляется прежде всего, и постепенно вести птицу до конца.

Чаще всего начинать описание пролета надо с общих сведений о направлении пролета, об основных путях и прочее. После этого идет переход к изложению конкретных сведений о пролете в различных географических пунктах. Обычно дело начинается Голодной степью или Мангышлаком и кончается Петропавловском и Павлодаром. Но это далеко не всегда и вообще тут нужно попытаться, чтобы в изложении не исчезла логичность. Заканчивается описание пролета обычно сведениями о том, как летят птицы - одиночками, стайками, большими стаями, на какой высоте, днем ли, ночью ли, когда отдыхают и т.д. Но, в общем, план изложения пролета вольный, многое зависит от вида и от количества сведений. Нигде не забывать о численности, давая о ней сведения хотя бы самым приблизительным образом.

11. Размножение. Самый ответственный раздел сводки. В распространении мы отвечаем за каждый звук, за каждую букву, а в этом мы отвечаем за каждую четверть звука и за каждую четверть буквы. И именно поэтому в этом разделе все подтверждается ссылками на источник (литература, опрос, свои данные, коллекционные материалы). В этом разделе приводятся сведения о всех найденных в Казахстане гнездах и выводах птиц с указанием места, даты, степени насиженности, возраста птенцов и т.д., и т.п. Пугаться большого объема этого раздела не следует: как правило, дело ограничивается нахождением в Казахстане двух-трех, редко десяти и лишь в исключительных случаях - многих гнезд.

Раздел начинается с описания того, как птица приступает к размножению после пролета - скоро ли или, напротив, через значительный интервал, что при этом происходит (песни, поведение и пр.), затем - где избирается место для гнезда, как и где строится гнездо и что оно собой представляет. Далее о кладке - сколько яиц, каждый день или как там. Все это пишется в вольном стиле и без конкретных данных. Далее в этом же стиле описывается процесс насаживания, указывается его срок и пр. Здесь же можно написать и о птенцах, их кормлении, сколько они остаются в гнезде и т.д. Пока еще никаких казахстанских фактов нет.

А затем следуют конкретные данные о гнездовании в Казахстане. Опять таки западные виды начинаются с запада, южные с юга и т.д. Берется какой-нибудь ограниченный район - скажем, долина нижней Сырдарьи - и приводятся все имеющиеся для нее по данному виду сведения. Потом следующий район и т.д. Всюду ссылки на источники, самые что ни на есть точные!

Внизу заключеньце. Из приведенного материала видно, что в Чимкенте эта птица гнездится в марте, а в Петропавловске в августе. На юге Казахстана число яиц в среднем 6, а на севере 18. Молодые у Алма-Аты летают в апреле, а у Семипалатинска в сентябре. Здесь могут быть и рассуждения, почему это так и всякое такое. И в общем потихонечку-помаленечку и дело приходит к тому, что птицы вылетают из гнезд, и начинается какая то их жизнь, предшествующая отлету - а затем и отлет. Повторяю: раздел этот самый ответственный в сводке. Легко сказать, что птица здесь гнездится - это все и говорят, почему попало. Но совсем не то получается, когда коснешься доказательств - их на 70, а то и 100%, оказывается, нет. Для писания этот раздел один из самых легких. Здесь требуется лишь большая аккуратность - никакая неряшливость, небрежность здесь не допускается.

12. Осенний отлет. Все, что было сказано о весеннем пролете, следует иметь в виду здесь, только в обратном порядке проходит само явление, да сроки, как правило, более растянуты. Если при описании весеннего пролета важное значение имеют даты первого появления птиц, то здесь, напротив, - даты последнего наблюдения.

13. Зимовки. После всего сказанного вряд ли требуются особые пояснения.

14. Особые явления в жизни вида. Касаются немногих птиц. Из прошлого - например залеты саджи, т.е. массовые ее вылеты. В будущем, например, - розовый скворец с его переменной мест гнездования и прочим, с его налетами далеко от области гнездования в места массового размножения саранчовых и т.д. Могут быть и у других видов. Таких случаев немного, но они существенны и описываются для каждого вида индивидуально.

15. Практическое значение Не надо размазывать. Огромное большинство птиц полезно и их следует охранять - мысль об охране птиц надо проводить очень настойчиво. Исключения - т.е. вредные птицы - столь редки. Но на них тоже надо заострять внимание.

* * * * *

Бот и все по писанию видового очерка у ПОЛНОГО вида, т.е. у вида, который в Казахстане гнездится и достаточно обычен. Но будет уйма исключений, которые, в общем, сводятся к следующим группам.

А. Птица в Казахстане только зимует – скажем, чечетка. Тут план изложения примерно такой: распространение гнездовое общее, область зимовок в общих чертах, зимовки в Казахстане (распространение подробно, с указанием крайних точек - на юге ли, на севере, на востоке, западе), местообитание зимнее и пролетное, портрет птицы, и далее начинается все с осеннего пролета (с появления в Казахстане), потом образ жизни зимой и уход из Казахстана. Численность - само собой.

Б. Птица в Казахстане только пролетает. Опять таки - распространение гнездовое общее, область зимовок, пути пролета в грубых чертах, пролетные места в Казахстане подробно (численность), пролетные местообитания, портрет птицы. И далее пролет весной и пролет осенью - как обычно.

В. Птица залетала один - два или немногим больше раз. Здесь распространение общее, область зимовок, пути пролета грубо. Места и даты встреч в Казахстане с указанием источников (здесь - обязательно). И после этого - портрет птицы. Могут быть рассуждения - они, впрочем, могут быть везде.

Г. Птица указана для Казахстана, но это враки. Здесь - по обстановке. Иногда следует написать все, т.к. хоть она и не найдена, но это пока, а вообще найдется. В иных случаях этого совсем не пишется, а в характеристике семейства или рода указывается: В Казахстане встречаются четыре вида. Кроме того, таким-то указан такой-то вид, но это враки и все. Это все - по обстановке.

Могут быть и иные случаи, которые в эти рамки не укладываются.

СОСТАВЛЕНИЕ ТАБЛИЦ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПТИЦ

Всем вам хорошо известно, что таких определительных таблиц, по которым без промаха можно было бы узнать, что это за птица, почти нет. Очевидно это совсем не потому, что составлявшие их граждане прохвосты или шутники и намеренно вводят всех в заблуждение. Отнюдь нет. Все дело в том, что составить определительную таблицу

очень трудно, а в некоторых случаях и почти невозможно. Но это нужно. Т.к. время у нас есть, то следует проделать следующее. Взять в коллекции всех представителей того рода, для которого нужно составить определитель, в следующем составе: 1) двух самцов весенних; 2) двух самок весенних; 3) двух самцов линяющих; 4) двух самок линяющих; 5) двух самцов осенних; 6) двух самок осенних; 7) двух молодых птиц. В некоторых случаях (например, у овсянок) нужно взять еще птиц в переходном наряде. Все виды раскладываются на столе в определенном порядке и начинаются поиски признаков. Эти признаки могут быть в размерах, в окраске, в форме крыла, в наличии вырезов на махах, в строении когтей (в частности когтя заднего пальца), в форме клюва (иногда это видно глазом, но размеры ничего не дают - качественные отличия, трудно характеризуемые арифметикой, так как дело идет об очень сложных геометрических фигурах) и т.д., и т.п. Предусмотреть все это нельзя. И вот на основании всяких соображений составляется таблица для определения. После того, как она составлена, следует ее сравнить с существующими. Источники определительных таблиц такие: Птицы СССР, Птицы Советского Союза, Бутурлин и Дементьев, Мензбир Птицы России, Хартерт и другие, более частные - Птицы Украины, Птицы Армении и т.д. Здесь ни одна блоха не плоха. Дело трудное, но необходимое и благородное. В конце концов надо ведь составить такие таблицы, по которым можно было бы действительно определять птиц.

Таблицу для определения семейств воробьиных птиц будут составлять Корелов и Долгушин независимо друг от друга - потом сравним и посмеемся. Таблицы для родов - отвечающие за семейства.

Характеристики

отряда - воробьиных будет написана, об этом беспокоиться нечего.

Семейств писать надо кратко, но не очень. В воробьиных это величина эквивалентная отряду в прочих птицах и соответственно ее надо писать.

Рода - кратко.

В общем, надо оглядываться на первый том, допуская от него отклонения в ту или иную сторону, в зависимости от обстоятельств.

Некоторые общие вопросы

1. Не забывайте, что в России до 1917 г. существовал так называемый старый стиль. В XX веке он отстает от нового стиля на 13 дней, в XIX веке на 12, далее - на 11 и т.д. Поэтому наблюдения 1885 г., сделанные 15 мая, по новому (принятому сейчас) стилю будут сделаны 27 мая, а наблюдение сделанное 15 мая 1912 года - 28 мая. Заграничная литература всегда пользуется новым стилем.

2. Выучите сокращения, принятые для метрических мер.

3. Если Вы делаете ссылку на кого-нибудь, то запомните правило: если упоминаемое лицо идет в прямом тексте, то необходимы его инициалы, если же оно заключено в скобки, то инициалы не обязательны. Например: 28 мая 1898 г. П.П.Сушкин (1908) наблюдал пролет и т.д. (инициалы обязательны). Если же : эта птица наблюдалась на пролете 28 мая 1898 г. (Сушкин,1908) - инициалы не обязательны.

4. Избегайте ненужной учености и излишней латыни. Например, следует совершенно исключить из обихода такие слова как биотоп, станция, популяция и т.п. А от того, что Вы напишете сзади слова шиповник *Rosa* sp., ничто не меняется. Латынь служит для облегчения и уточнения, а вовсе не для красования ею.

5. Месяцы пишутся словами - апрель, август, декабрь, а не IY, УШ, XII.

6. Стремитесь к обоснованным обобщениям всюду, где это возможно. Но бойтесь навязчивых идей, построенных на шатких основаниях или, еще хуже, - на домыслах.

7. Всюду должен быть такт и чувство меры. В сводке - особенно. Нигде не надо ничего размазывать, но нигде ничего не надо безумно сокращать.

8. Уважайте своих предшественников. Они сделали свое дело, как умели, - честь им и хвала. Даже если они сделали это не так, как сделали бы мы или, во всяком случае, как это хотелось бы нам. Мы живем в другую эпоху и об этом нельзя забывать.

9. Недопустимая вещь сокращение одного из авторов. Спангенберг и Фейгин в одинаковой мере доблестны, так же как Исмагилов и Васенко, Бибииков и Корелов, Долгушин и Слудский и т.д. Обычно здесь играет роль алфавит, а не наличие достоинства или недостатка.

10. Относительно полные списки литературы имеются у наших старших товарищей. Огромное подспорье в работе - разноска. Кроме того, существует огромная орнитологическая литература - тут каждый плавает по своим способностям и возможностям.

11. Очень важны опросные данные. Опыт показывает, что получение этих данных - дело очень трудное, часто и невозможное. Для получения этих данных хороши все средства - ласка и побои, подкуп и шантаж, дружба и ненависть и т.д. Эти сведения чрезвычайно важны потому, что они относятся к настоящему или к очень недавно прошедшему времени, тогда как данные литературы - к давнему, часто - очень давнему.

Постепенно уже определился перечень лиц, от которых можно получать такие сведения. Эти лица следующие:

Институт зоологии: Долгушин, Корелов, Гаврин, Кузьмина, Чекменев, Бородихин, Родионов, Слудский, Страутман, Исмагилов, Капитонов, Поле, Савинов Е., Фадеев, Берштейн, Митяев, Бажанов, Мариковский, Бирюков, Кузнецов, Савинов П., Гвоздев, Сидоров, Евдаков, Якунин, Панин, Белокобыленко, Бутовский, Коробкин, Федосенко, Афанасьев А.В., Афанасьев Ю.Г.;

Чумники: Бибииков, Касаткин, Бондарь, Стогов, Бурделов; **КазГУ:** Руфим; **Или:** Грачев; **Стазра:** Гаврилов; **Аральцы:** Варшавский, Шилов, Гарбузов; **Караганда:** Ленхольд; **Зеренда:** Маракшин; **Семипалатинск:** Панченко; **Яманка:** Пославский; **Кургальджин:** Кривицкий; **Аксу-Джабглы:** Ковшарь; **Москва:** Винокуров; Дубровский, Лобачев, Гибет, Осмоловская, Формозов, Чельцов-Бебутов.

12. Фотографии надо подбирать уже сейчас, причем вообще по всем воробьиным - т.е. думать не только о себе, но об общем деле. Из сторонних граждан хорошие фотографы Гвоздев, Исмагилов, Сидоров, Евдаков, Кривицкий, Панченко, Ковшарь, Дубровский. Самим надо снимать и побольше, и получше. Одновременно надо думать о рисунках, в частности о рисунках к определительным таблицам. О Комарове будем думать немного погодя сообща.

Комментарии

Айбасов Хазыр Айбасович (1930-1976). Энтомолог, специалист по чешуекрылым, преимущественно ночным. После окончания в 1952 г. Казахского государственного университета им. С.М. Кирова работал младшим научным сотрудником в лаборатории энтомологии Института зоологии АН КазССР.

Ардамацкая Татьяна Борисовна (г.р. 1926). Кандидат биол. наук, известный орнитолог, участница всех Всесоюзных орнитологических конференций, начиная с Первой (Ленинград, 1956). Много лет проработала в Черноморском заповеднике и на Азово-Черноморской орнитологической станции (Украина). Первый президент Украинского общества охраны птиц (Українське товариство охорони птахів).

Бажанов Валериан Семенович (1907-1984). Доктор биол. наук, профессор – основатель палеозоологической школы и организатор палеобиологических исследований в Казахстане. После окончания Московского университета (1930) и нескольких лет работы в Оренбурге и на Камчатке, он с 1936 по 1971 г. исследовал ископаемую фауну (преимущественно млекопитающих) Казахстана, работая по очереди в Алматинском заповеднике, КазГУ им. С.М. Кирова, Институте зоологии, Усть-Каменогорском педагогическом институте. Вместе с Б.А. Белослюдовым он по сборам В.А. Селевина описал новый вид млекопитающих – эндемика Казахстана – *Selevinia betpakdalensis*.

Банников Андрей Григорьевич (1915-1985). Доктор биол. наук, профессор, крупнейший герпетолог и териолог Советского Союза. Заведовал кафедрами зоологии в Московском пединституте им. Потемкина и в Московской зооветеринарной академии, был вице-президентом Международного союза охраны природы (МСОП). В Казахстане и Средней Азии бывал неоднократно с 1948 г., когда руководил экспедицией МГПИ по Джунгарскому Алатау. Основным объектом его исследований были пресмыкающиеся и крупные млекопитающие (целью последнего посещения Казахстана в июле 1982 г. было знакомство с состоянием стада барсакельмесских куланов, выпущенных в 1982 г. на северном побережье Капчагайского водохранилища).

Белопольский Лев Осипович (1907-?). Доктор биол. наук, профессор, лауреат международной премии им. Гёте, присужденной в Швейцарии за активную деятельность в области изучения и охраны природы»; крупный специалист по морским птицам. Основатель и первый директор Биостанции Зоологического института АН СССР в Рыбачьем на Куршской косе Балтийского моря.

Бибиков Дмитрий Иванович (1916-1997). Доктор биологических наук, профессор, один из крупнейших в мире специалистов по суркам и волку. В Казахстане Д.И. Бибиков работал с 1950 по 1970 г. в Среднеазиатском противочумном институте (Алма-Ата), где многие годы заведовал зоологической лабораторией. Он первый высказал мысль о связи каменки-плясуньи с очагами чумы, опубликовал ряд статей по этому виду и совместно с М.Н. Кореловым одну орнитогеографическую работу – по Тарбагатаю.

Бородихин Икар Федорович (г.р. 1936). Орнитолог. В лаборатории птиц Института зоологии Икар Федорович работал в 1960-1972 и 1973-1976 гг. За первые четыре года собрал большой материал по птицам города Алма-Аты и опубликовал книгу (1968). В эти же годы, по поручению Главного управления заповедников и охотничьего хозяйства, занимался акклиматизацией птиц в Алма-Ате (большая синица, майна, египетская горлица). В 1964 г. был командирован И.А. Долгушиным на биостанцию Рыбачье для изучения опыта постановки ловушек для птиц и в 1965-1972 гг. реализовал этот опыт при создании Чокпакского орнитологического стационара. Участвовал в написании очерков для 3-5 томов сводки «Птицы Казахстана». В 80-х гг. создал питомник по разведению в неволе соколов и других хищных птиц (ныне – питомник «Сункар»).

Бутовский Петр Михайлович (1907-1989). Кандидат биологических наук, крупнейший в Казахстане специалист по рукокрылым, всю жизнь проработал в Институте зоологии Академии наук Казахстана. Был близким другом И.А. Долгушина.

Быков Борис Александрович (1910-1990). Академик НАН РК, доктор биол. наук, профессор, заслуженный деятель науки Казахской ССР. Крупнейший ботаник Казахстана, много лет возглавлял Институт ботаники, автор многих фундаментальных монографий, в т.ч. «Геоботаника» (1978), «Доминанты растительного покрова СССР», тт.1-13 (1960-65).

Варшавский Сергей Николаевич (1909-1995). Доктор биологических наук, профессор, старейший казахстанский орнитолог и териолог, ветеран противочумной службы, лучший знаток птиц Приаральских пустынь и Арало-Каспийских степей. После 1960 г., перейдя на работу в знаменитый институт «Микроб», он жил в Саратове, но и оттуда постоянно охватывал маршрутами своих экспедиций Западный Казахстан.

Велижанин Андрей Петрович (1875-1937). Орнитолог и краевед. Как коллектор участвовал в экспедиции проф. В.В. Сапожникова в Семиречье и Туркестан (1902), где произвел значительные сборы птиц, впоследствии определённые и опубликованные Г.Э. Иоганzenом (1909). Во время поездок по Юго-Западному Алтаю, Калбинскому нагорью, Сауру и Зайсанской котловине в 1905-1911 гг. собрал значительную коллекцию птиц, обработанную Г.И. Поляковым (1915, 1916). Ему принадлежит первое описание гнезд и пуховых птенцов азиатского бекасовидного веретеника (Велижанин, 1913). Расстрелян по ложному доносу в 1937 г. в Барнауле и только в 1959 г. реабилитирован.

Велижанин Глеб Андреевич (1905-1937). Сын А.П. Велижанина, получивший от него знания в области орнитологии и таксидермии, обучавшийся в Томском университете вместе с И.А. Долгушиным и другими известными зоологами. Опубликовал 15 работ. Расстрелян вместе с отцом в 1937 г. Реабилитировано посмертно в 1959 г. Об отце и сыне Велижаниных имеется ряд публикаций, сведенных воедино в работе Н.Н. Березовикова и С.В. Старикова (Казахстанский орнитологический бюллетень - 2005).

Воинственский Михаил Анатольевич (1916-1996). Крупный украинский советский орнитолог, один из авторов 6-томника «Птицы Советского Союза», в котором написал пищух и синиц. Доктор биологических наук, профессор, много лет заведовал лабораторией орнитологии Института зоологии им. И.И. Шмальгаузена (Киев).

Волчанецкий Илья Борисович (1895-1980). Доктор биологических наук, профессор, почти полвека заведовавший кафедрами зоологии позвоночных в Саратовском (1925-1935) и Харьковском (1935-1974) университетах. Он был учеником самого М.А. Мензбира (закончил МГУ в 1918 г.) и принадлежал к плеяде ученых, проложивших мост между современной зоологией и временами П.П. Сушкина и А.М. Никольского, с которыми был знаком лично. Автор очерков о жаворонках и славках в знаменитом шеститомнике «Птицы Советского Союза» (тт. 5 и 6, 1954). Птицами

Западного Казахстана Илья Борисович занимался несколько сезонов во время работы в Саратовском университета и по результатам этих работ опубликовал большую фаунистическую статью, до сих пор являющуюся основным источником наших знаний о состоянии орнитофауны Волжско-Уральского междуречья в 20-30 гг. XX столетия. Был одним из постоянных «поставщиков» орнитологических кадров для Казахстана (В.В. Шевченко, В.Л. Шевченко, Б.В. Наглов, И.А. Кривицкий, А.Ф. Ковшарь, А.П. Гисцов, Е.М. Белоусов и др.).

Гаврилов Эдуард Иванович (г.р. 1933). Доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии Казахстана (1978) за участие в 3-5 томах сводки «Птицы Казахстана». В прошлом аспирант И.А. Долгушина, с 1966 по 1990 г. заведовал лабораторией орнитологии Института зоологии АН КазССР и возглавлял миграционное направление в орнитологии в т.н. Срединном регионе (Средняя Азия и Зап. Сибирь).

Гаврин Василий Федорович (1918-1975). Известный охотовед и орнитолог, один из авторов сводки «Птицы Казахстана», кандидат биологических наук, лауреат Государственной премии Казахстана (1978). В 50-х гг. был аспирантом И.А. Долгушина, затем до 1964 г. работал в долгушинской лаборатории, занимаясь водоплавающими, а после ухода поочередно возглавлял ВНИИОЗ (г. Киров, ныне Вятка) и Центральную научно-исследовательскую лабораторию Главохоты РСФСР (Москва).

Гагина Татьяна Николаевна (г.р. 1925). Доктор биол. наук, профессор, зав. кафедрой зоологии Кемеровского университета. Известный советский орнитолог, специалист по птицам Восточной Сибири. После окончания Иркутского университета (1949) работала в Иркутском сельскохозяйственном институте (1951-1966 и 1968-1975), в Кемеровском университете работает с 1975 г. В Казахстане работала в КазПИ им. Абая с 1966 по 1968 г., когда кафедрой зоологии заведовал профессор В.Н. Скалон.

Галузо Илларион Григорьевич (1899-1977). Крупнейший паразитолог Казахстана, академик НАН РК, доктор биологических наук, профессор. Был директором Института зоологии АН КазССР в 1951-1967 г.

Гвоздев Евгений Васильевич (г.р. 1918). Академик НАН РК, доктор биол. наук, профессор. Крупнейший паразитолог Казахстана и бывшего СССР. Многие годы был директором Института зоологии (1971-1988) и вице-президентом Академии наук Казахстана (1976-1990), способствуя развитию орнитологии и вообще зоологии в республике (в частности, завершению публикации сводки «Птицы Казахстана»).

Грачев Владимир Александрович (г.р. 1926). Кандидат биол. наук, с 1994 г. проживает в Алтайском крае (Россия). С 1949 г. вел наблюдения за птицами – сначала в Алматинской области, затем – в Аральске; с 1959 г. был очным аспирантом И.А. Долгушина, затем 12 лет работал на опорном пункте ВНИИОЗ в дельте реки Или и столько же – на озере Алаколь, где собрал обширные материалы по орнитофауне, в значительной мере вошедшие в сводку «Птицы Казахстана».

Грачев Николай Ильич (1911-1943). Работал в орнитологической лаборатории Казахского филиала АН СССР (Алма-Ата), неизменный спутник в экспедиционных поездках И.А. Долгушина и муж М.А. Кузьминой. Погиб на фронте.

Грачев Юрий Николаевич (г.р. 1936). Сын Н.И. Грачева. Проработал в Институте зоологии с 1962 по 2000 г. За это время объехал в экспедициях практически всю территорию Казахстана. Занимался различными группами птиц, но в основном куриными, продолжив цикл работ по ним, которые проводила его мать – Мария Алексеевна Кузьмина - в течение 30 лет. Особенно много работал Ю.Н. над изучением биологии кеклика, завершив эти работы публикацией книги «Кеклик» (1983) и очерка по этому виду в сводке «Птицы СССР. Курообразные. Журавлеобразные» (Л., 1987).

Дементьев Георгий Петрович (1898-1969). Доктор биологических наук, профессор, член многих зарубежных академий и орнитологических обществ.

Общепризнанный глава советской орнитологии на протяжении трех десятилетий в середине XX ст. Руководитель авторского коллектива и ведущий автор знаменитого 6-томника «Птицы Советского Союза» (1951-1954), который был удостоен Сталинской премии.

Демченко Людмила Андреевна (1917-1992). Жена И.А. Долгушина, принимавшая активное участие в судьбах его учеников, особенно после 1966 г. Известный казахстанский ботаник, автор работ по флоре ряда пустынных и степных районов Казахстана. Работала сначала в Институте ботаники АН КазССР, затем – многие годы главным геоботаником Центральной комплексной экспедиции Казгипрозема.

Джанокмен Кларисса Алексеевна (г.р. 1938). Доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории энтомологии Института зоологии Академии наук Казахстана (ныне – ДГП РГП, МОН РК).

Долгушин Александр Васильевич (1848-1885). Дед Игоря Александровича. Революционер-народник. Был осужден и приговорен сначала к каторжным работам, затем отправлен в Петропавловскую крепость и в Шлиссельбург, где и скончался [см. очерк в настоящей книге].

Долгушин Алексей Игоревич (г.р. 1950). Сын И.А. Долгушина. Почётный монтажник Республики Казахстан. Работает советником президента АО Компании «Монтажспецстрой». Проживает в г. Алматы, имеет сына Кирилла и дочь Екатерину.

Долгушин Василий Фомич (1814-1897). Прадед Игоря Александровича. Дворянин. В 1881 г. – статский советник. Енисейский губернский прокурор в г. Красноярске. После ареста сына Александра был лишен дворянства, пенсии, чинов и званий [см. очерк в настоящей книге].

Долгушин Донат Александрович (1903-1995). Академик ВАСХНИЛ, доктор биологических наук, профессор, известный генетик. Двоюродный брат И.А. Долгушина, о котором он упоминает в своей автобиографии (публикуется в настоящем издании).

Долгушин Фома (около 1789-около 1820). Прапрадед И.А. Долгушина.

Долгушин Юрий Александрович (1896-1989). Писатель. Двоюродный брат И.А. Долгушина, о котором он упоминает в своей автобиографии.

Долгушина Софья Васильевна (1869-1942). Дочь статского советника, прокурора Енисейского окружного суда, сестра Александра Васильевича Долгушина. Родилась в 1863 г. Арестована 13 ноября 1881 года в Красноярске по обвинению в оказании содействия побегу из Красноярской тюрьмы 23 октября 1881 г. ссыльнокаторжного Владимира Евгеньевича Малавского. Пользуясь особыми льготами как дочь прокурора, она, посещая в тюрьме брата, познакомилась с Малавским и передала ему шнур и пуговицы, нашив которые на арестантский костюм, он сделал его похожим на форму тюремных надзирателей и был пропущен из тюрьмы часовым. Кроме того, приискала и указала Малавскому квартиру, где он укрывался после побега. 7 июля 1882 г. переведена на попечение родителей с учреждением за ней гласного надзора полиции на пять лет. Освобождена от него в 1884 г. Жила в Красноярске, была учительницей гимназии.

Долгушина (Пинина) Наталья Игоревна (г.р. 1938). Дочь И.А. Долгушина. Работала инженером на одном из ленинградских заводов, сейчас на пенсии. Проживает в Санкт-Петербурге. Имеет дочь Марию (1964 г.р.) и взрослую внучку Таисию (1987 г.р.).

Досжанов Турганбай Нурланович (г.р. 1928). Доктор биологических наук, профессор, академик НАН РК. Энтомолог, специалист по мухам-кровососкам. Длительное время заведовал лабораторией арахно-энтомологии, был зам.директора и директором Института зоологии АН КазССР (МОН РК).

Жордания Реваз Гивич (г.р. 1934). Известный грузинский орнитолог, кандидат биологических наук, лауреат Государственной премии Грузинской ССР, участник всех Всесоюзных орнитологических конференций.

Зверев Максим Дмитриевич (1896-1996). Народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии Казахстана, член Союза писателей Казахстана. Прежде чем полностью посвятить себя литературной деятельности, в 20-30-х гг. занимался изучением птиц в Восточной и Западной Сибири, а в 40-х гг. – в Алматинском заповеднике и Алматинском зоопарке. Автор научных публикаций по птицам. Руководитель одной из первых научных экспедиций молодого И.А. Долгушина в Западной Сибири, соавтор одной из публикаций И.А. Долгушина в журнале «Uragus» (1929, о кольцевании птиц).

Иванов Илья Иванович – фронтовой товарищ И.А. (см. воспоминания). После выхода в 1957 г. в отставку закончил заочно пединститут, работал учителем истории, директором средней школы в Чувашии.

Иогансен Ганс Христианович (1897-1973). Доктор биологических наук, профессор. В 20-30-х гг. работал в Томском университете. Один из организаторов Сибирского орнитологического общества и журнала «Uragus», в котором нередко печатался. Автор большого числа работ о птицах Сибири на русском и немецком языках: самая крупная посвящена фауне гнездящихся птиц Салаирского кряжа (1935). В 40-60 гг. проживал в Дании, но регулярно приезжал в Советский Союз как участник научных конференций.

Исмагилов Муса Исаевич (1911-1991). Доктор биол. наук, профессор, в 1970-1988 заведовал кафедрой зоологии КазПИ им. Абая. Териолог. Однако в самом начале своей научной деятельности, работая научным сотрудником Барсакельмесского заповедника на Аральском море, М.И. занимался исследованием птиц и опубликовал ряд работ по орнитологии. В 50-х гг. попутно с изучением грызунов вел наблюдения над птицами пустыни Бетпак-Дала.

Киселева Вера Андреевна (г.р. 1930). Кандидат биологических наук, гидробиолог.

Ковшарь Анатолий Федорович (г.р. 1937). Доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии Казахстана за участие в написании и редактировании последних томов сводки «Птицы Казахстана». Научную деятельность в Казахстане начал в 1959 году в заповеднике Аксу-Джабаглы под руководством И.А. Долгушина, который был также редактором его монографии «Птицы Таласского Алатау» (1966). В 1980-1995 гг. заведовал лабораторией проблем охраны диких животных Института зоологии АН КазССР, а в 1995-2007 гг. – лабораторией орнитологии того же института. В 1982-1991 гг. был председателем Казахстанского отделения МОИП, в 1993-2001 гг. – Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, с 2002 г. – президент Союза охраны птиц Казахстана. Учредитель и редактор издаваемого с 1993 г. казахстанского зоологического журнала «*Selevinia*» (с 2003 г. - ежегодник). Составитель книги «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век» (2003), материалы которой широко использованы при составлении настоящего комментария.

Кожамкулова Балдырган Сералиевна (г.р. 1932). Кандидат биологических наук, палеобиолог. Ученица В.С. Бажанова и В.С. Корниловой. После отъезда В.С. Бажанова в Усть-Каменогорск в 60-70-х гг. заведовала лабораторией палеобиологии Института зоологии АН КазССР.

Козлова (Пушкарева) Елизавета Владимировна (1892-1975). Доктор биол. наук, ученица академика П.П. Сушкина и жена известного путешественника П.К. Козлова, автор объемистых томов «Фауны СССР», посвященных куликам. Елизавета

Владимировна была, пожалуй, самой крупной орнитологиней XX века и лучшим знатоком авифауны Центральной Азии. За классическую монографию «Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби» (1930) Географическое общество СССР присудило Е.В. серебряную медаль.

Корелов Мстислав Николаевич (1911-1996). Кандидат биологических наук, лауреат Государственной премии Казахстана за участие в сводке «Птицы Казахстана», он был последним представителем старшего поколения орнитологов, положивших во главе с И.А. Долгушиным начало казахстанской орнитологической школе. Выпускник САГУ (ныне Ташкентский университет), где господствовала кашкарская экологическая школа, Мстислав Николаевич в 1937 г. переезжает в Казахстан, где работает сначала в Алматинском заповеднике (1937-1941), а затем, с 1946 г. и до конца своей трудовой деятельности - в Институте зоологии Академии наук Казахстана. Он был основным, после И.А. Долгушина, автором 2-5 томов сводки «Птицы Казахстана», ответственным редактором 3 и 4 томов. Именно Корелову принадлежит наиболее развернутое описание состояния казахстанской орнитологии в очерке «Роль И.А. Долгушина в развитии орнитологии Казахстана», опубликованном к 60-летию И.А. Долгушина (1968).

Котс Александр Федорович (1880-1964). Известный ученый-эволюционист. Он – создатель, хранитель и бессменный директор знаменитого Дарвиновского музея в Москве. Ученик академика М.А. Мензбира, он летом 1902 г. принимал участие в экспедиции в Минусинский край, руководимой будущим академиком П.П. Сушкиным. Заслуги Котса перед отечественной орнитологией столь велики, что именно ему было предоставлено почетное право открыть 2-ю Всесоюзную орнитологическую конференцию (1959).

Крень Александра Константиновна (г.р. 1913). Кандидат биологических наук, зоолог-териолог, жена известного казахстанского териолога В.М. Антипина. Преподавала в КазПИ им. Абая (до 1948 г.), затем вместе с мужем переехала в Кызыл-Орду, а после этого – в Новосибирск, где также преподавала зоологию в пединститутах.

Кривицкий Игорь Александрович (г.р. 1935). Кандидат биол. наук, доцент Харьковского университета (Украина), составитель справочника «Орнитологи Украины» (2000). Птицами Казахстана занимался с августа 1959 по май 1962 г., работая СНС и зам. директора (одно время - директором) созданного в 1958 г. Кургалджинского заповедника в Акмолинской области; впоследствии несколько раз кратковременно посещал эту территорию как заочный аспирант И.А. Долгушина. В 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Птицы южных степей Целиноградской области (эколого-фаунистический анализ)». Опубликовал около 40 статей, коллективную монографию (1985) и популярную книжку «Казахстанская целина и птицы» (Харьков, 1999, 87 с.).

Кубыкин Рудольф Александрович (1937-2001). Известный казахстанский герпетолог, работал в лаборатории орнитологии Института зоологии АН КазССР. Оказал большую помощь при записи на магнитофон воспоминаний о Долгушине многих зоологов в 1983 и 1988 г.

Кузнецов Борис Александрович (1906-1979). Доктор биол. наук, профессор. В 1930-1956 гг. заведовал кафедрой пушного товароведения Московского пушно-мехового института (МПМИ); в 1956-1979 гг. был заведующим кафедрой зоологии и дарвинизма Московской с/х Академии им. К.А. Тимирязева. Крупный советский териолог и охотовед, автор книги «Пушно-меховое товароведение в СССР» (1932, 1941, 1952), лучшего определителя млекопитающих СССР (в соавторстве с Н.А. Бобринским и А.П. Кузьякиным), выдержавшего два издания (1944, 1965), а также книг «Звери Киргизии» (1948), «Млекопитающие Казахстана» (1948) и ряда монографий по охотоведению.

Кузнецов Валентин Васильевич (1923-2006). Кандидат биологических наук, палеонтолог (рептилии). 40 лет проработал в лаборатории палеобиологии Института зоологии АН КазССР (МОН РК).

Кузякин Александр Петрович (1915-1988). Доктор биол. наук, профессор, в течение 30 лет (1952-1981) возглавлявший кафедру зоологии Московского областного педагогического института (МОПИ) им. Н.К. Крупской. Крупный орнитолог, териолог и энтомолог (лепидепторолог), систематик и эколог; В 1951 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Рукокрылые Средней и Северной Палеарктики». На 4-й Всесоюзной орнитологической конференции (Алма-Ата, 1965) была создана Всесоюзная общественная комиссия по выработке русских названий птиц. Председателем комиссии был избран А.П. Кузякин, членами – И.А. Долгушин (от орнитологов Казахстана и Средней Азии), Л.А. Портенко (Ленинград), В.Ф. Ларионов (Московский университет) и И.В. Измайлов (от орнитологов Сибири и Дальнего Востока). О работе этой комиссии нам не раз приходилось слышать от И.А. Долгушина, который вел на эту тему оживленную переписку с А.П. Кузякиным. На следующей 5-й Всесоюзной орнитологической конференции (Ашхабад, 1969) А.П. Кузякин доложил о результатах работы комиссии в докладе «О русских названиях птиц» и получил одобрение участников конференции:

Кузьмина Мария Алексеевна (1910-1986). Ветеран казахстанской орнитологии, ведущий специалист по экологической морфологии куриных птиц, кандидат биологических наук. Выпускница Ленинградского университета, М.А. была ученицей Л.М. Шульпина, а с 1933 г., приехав в Казахстан, стала самой последовательной ученицей И.А. Долгушина, вместе с ним написала первый вариант «Птиц Казахстана» (1941), затем была одним из ведущих авторов пятитомника «Птицы Казахстана» (1962-1974), за участие в котором удостоена звания лауреата Государственной премии Казахстана. Основное направление своей научной деятельности М.А. завершила выпуском монографии «Тетеревиные и фазановые СССР» (1977), переизданной в 1992 г. в Вашингтоне.

Кумари Эрик Вольдемарович (1912-1984). Ведущий орнитолог Эстонии. Доктор биологических наук, профессор, член-корр. АН Эст.ССР, заслуженный деятель науки ЭССР. До 1938 г. носил фамилию Ситс. С 1942 по 1945 год Эрик Вольдемарович прошел офицером Советской армии фронтovou путь от Великих Лук до Курляндии. После войны много лет руководил сектором зоологии Института биологии АН ЭССР. В 1955 г. создал Прибалтийскую комиссию по изучению миграций птиц, председателем которой являлся до конца своей жизни. В том же году он создал Комиссию по охране природы Эстонии и также был бессменным ее председателем. Автор более 550 научных и популярных работ.

Кусов Владимир Николаевич (г.р. 1916). Доктор биологических наук, профессор, специалист по клещам-орнитодоринам. Всю жизнь проработал в Институте зоологии АН КазССР (Алма-Ата), ныне пенсионер.

Кустанович Семен Давыдович (г.р. 1921). Доктор медицинских наук, полковник медицинской службы. Орнитологией занимался как страстный коллекционер птичьих гнезд и яиц. Интересовался также вопросами фауны и экологии птиц, орнитogeографии, охраны птиц. В 60-70 гг. несколько раз посещал степной Казахстан и высокогорье Тянь-Шаня. В 1982 г. по поручению президиума Московского Общества Испытателей природы (МОИП) совместно с М.Д. Зверевым и А.Ф. Ковшарем организовал в городе Алма-Ата Казахстанское отделение МОИП, просуществовавшее 10 лет (в 1992 г. на его базе было создано Казахстанско-Среднеазиатское зоологическое общество).

Кучин Алексей Петрович (г.р. 1924). Доктор биол. наук, профессор. Всю жизнь проработал в Горно-Алтайском пединституте, много лет заведовал кафедрой зоологии

этого пединститута. Занимался вопросами фауны и орнитогеографии, экологии и охраны птиц Алтайского края. Автор книги «Птицы Алтая» в двух частях (Барнаул, 1976, 1982).

Лавров Сергей Дмитриевич (1884-?). Родился в Омске (в автобиографии писал, что из дворян). Закончил Казанский университет. До 1930 г. работал в Омской академии сельского хозяйства и лесоведения. После 1930 г., когда часть академии (лесоводов) перевели в Красноярск, следы его пребывания в Омске теряются. Не исключены и политические причины его исчезновения из науки. Данные о дате и месте смерти пока не известны. Автор ряда орнитологических работ, в т.ч. – по фауне птиц оз. Чаны (1927, 1928, 1930), Тениз-Кургальджинскому озерному бассейну (1929), озеру Зайсан и окрестным степям (1922), по птицам окрестностей Омска (1925). Первый наставник в орнитологии школьника города Омска И.А. Долгушина.

Ларионов Вячеслав Федорович (1903-1975). Доктор биологических наук, профессор – основатель ежегодных выпусков сборника «Орнитология» (выходит с 1958 г.) и эталонной коллекции птиц мира на кафедре биогеографии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Левит Алтар Вениаминович (г.р. 1920). Кандидат биол. наук, паразитолог (простейшие). Всю жизнь работал в Институте зоологии, в 1992 г. эмигрировал в Израиль.

Ленхольд Виктор Александрович (1896-1991). Орнитолог-любитель. С 1942 по 1982 г. он проводил регулярные наблюдения над птицами Караганды и ее окрестностей. Знакомство с И.А. Долгушиным помогло поставить эти наблюдения на научную основу. В научных журналах и сборниках вышли несколько статей и заметок, многие наблюдения В.А. Ленхольда использованы в капитальном 5-томном издании «Птицы Казахстана». В.А. подготовил объемистую рукопись под общим названием «Птицы Караганды», которая до сих пор ожидает своего спонсора.

Лухтанов Александр Григорьевич (г.р. 1934). Писатель-натуралист, фотоохотник и орнитолог-любитель. После окончания Казахского горного института в Алма-Ате (1957) вплоть до выхода на пенсию (1990) работал маркшейдером-геодезистом на свинцовом комбинате в г. Зырянске. Наблюдения за птицами регулярно проводил с 1960 г. в долине р. Бухтармы, а с 1971 г. в летние сезоны выезжал в экспедиции в Зайсанскую котловину, где собрал интересный материал, который опубликован лишь частично.

Максимова Александра Павловна (г.р. 1928). Кандидат биологических наук, паразитолог (гельминтолог). Всю жизнь проработала в лаборатории паразитов птиц и рыб Института зоологии АН КазССР под руководством акад. Е.В. Гвоздева.

Малиновская Александра Сергеевна (1917-2004). Кандидат биологических наук. Гидробиолог. Много лет руководила лабораторией водных животных Института зоологии АН КазССР, несколько лет работала в Президиуме Академии наук Казахстана.

Мальчевский Алексей Сергеевич (1915-1985). Доктор биологических наук, профессор, несколько десятилетий заведовавший кафедрой зоологии Ленинградского (Петербургского) университета. Крупнейший российский орнитолог, автор капитальных монографий «Гнездовая жизнь певчих птиц» (1959) и «Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий» (1983), а также прекрасных научно-популярных орнитологических книг – «Орнитологические экскурсии» и «Кукушка и ее воспитатели». В Средней Азии работал в 1936 г. - в составе экспедиции Ленинградского университета обследовал Ферганскую долину. Был так наз. «кумом» И.А. Долгушина (вместе с К.А. Юдиным и В.А. Поповым).

Мантейфель Петр Александрович (1882-1960). Кандидат биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Основоположник московской школы охотоведения, создатель научной и учебной дисциплины «Биотехния». В 1924-

1936 г., будучи зам. директора по науке Московского зоопарка, руководил знаменитым КЮБЗ (Кружок юных биологов зоопарка). В 1929-1936 гг. профессор, а с 1936 по 1956 г. – зав. кафедрой биотехники и биологии промысловых животных МПМИ. Изучив биологию размножения соболя, создал отрасль звероводства – «соболеводство». Основные труды «Соболь» (1934), «Зайцы СССР» (1935) и др.

Мекленбурцев Роман Николаевич (1905-2002). Патриарх среднеазиатской орнитологии, проживший весь XX век и вступивший в век XXI-й. Родился Роман Николаевич в 1905 г. в городе Копал в Казахстане. В 1931 г закончил САГУ - Среднеазиатский государственный университет (Ташкент) и до 1975 г. преподавал на кафедре зоологии позвоночных своего Alma mater. С 2000 г. проживал в городе Магнитогорске (Россия). Р.Н. Мекленбурцев - автор фундаментальных научных работ по фауне, систематике, экологии, зоогеографии птиц региона Средней Азии. Будучи преемником и продолжателем дела Н.А.Зарудного, Р.Н. Мекленбурцев внёс неоценимый вклад в исследования орнитофауны Средней Азии, на территории которой совершил многочисленные экспедиции, а за многие годы работы в Ташкентском университете воспитал многочисленных учеников и по праву считается основоположником научной орнитологической школы в Узбекистане.

Митрофанов Валерий Петрович (1932-2001). Доктор биол. наук, профессор, зав. кафедрой зоологии и ихтиологии КазГУ. Ведущий ихтиолог Казахстана, автор монографии «Карповые рыбы Казахстана» (1973). Основной автор и составитель 5-томной сводки «Рыбы Казахстана» (1986-1992), которая подвела итоги 100-летних исследований.

Митяев Иван Дмитриевич (г.р. 1928). Доктор биологических наук, профессор. Энтомолог, крупнейший в регионе специалист по цикадовым. Много лет руководил лабораторией энтомологии Института зоологии АН КазССР.

Михеев Алексей Васильевич (1907-1999). Доктор биологических наук, профессор, почетный президент Московского орнитологического общества, более 40 лет проработавший на кафедре зоологии и дарвинизма МГПИ им. В.И. Ленина, на заседаниях Ученого Совета которого в 70-80-х гг. защищали кандидатские диссертации большинство орнитологов младшего поколения из региона Средней Азии и Казахстана. Автор многих вузовских учебников, среди которых: «Полевая практика по зоологии позвоночных» (в соавт. с А.Г. Банниковым, 1956), «Биология птиц» (1960, 1996), «Определитель птичьих гнезд» (1975, 1981, 1996) «Перелеты птиц» (1971, 1981) и др. Начало орнитологической деятельности А.В. связано с Северным Казахстаном: в 1932-1933 г. под руководством А.Н. Формозова он изучает водоплавающих птиц на оз. Чаны и на озерах только что созданного Наурзумского заповедника: результаты этого исследования опубликованы в выпуске трудов заповедника (1936).

Муханов Борис Васильевич (г.р. 1921). Кандидат биол. наук, много лет заведовал лабораторией методики преподавания биологии в Академии педагогических наук Казахстана. Был первым аспирантом И.А. Долгушина (1948-1950 гг.).

Панин Виктор Яковлевич (1929-2005). Доктор биологических наук, профессор, выдающийся казахстанский паразитолог, много лет возглавлявший паразитологические лаборатории Института зоологии АН КазССР (МОН РК). Его капитальный труд «Трематоды дикроцелииды мировой фауны» (1984) вошел в золотой фонд гельминтологической литературы.

Панченко Сергей Григорьевич (г.р. 1928). Кандидат биологических наук, доцент, заведовал зоологическими кафедрами в Семипалатинском (1956-1963) и в Луганском (1963-1992) педагогических институтах. Второй аспирант И.А. Долгушина (1951-1954).

Параскив Константин Петрович (1914-1959). Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории птиц, амфибий и рептилий Института зоологии АН КазССР. Ведущий герпетолог Казахстана, автор монографии «Пресмыкающиеся Казахстана» (1956), неоднократный спутник И.А. Долгушина в экспедициях. Руководителем его диссертационной работы, защищенной в 1954 г., был И.А. Долгушин.

Поляков Петр Петрович (1902-?). Кандидат биологических наук, известный казахстанский ботаник, специалист по систематике тополей и сложноцветных. В молодости был хорошим футболистом и близким знакомым И.А. Долгушина.

Портенко Леонид Александрович (1896-1972). Доктор биологических наук, профессор, крупнейший советский орнитолог ленинградской школы, фаунист, систематик и зоогеограф, автор ряда монографий и определителей по птицам СССР. С 1926 по 1972 г. Л.А. Портенко проработал в центральном зоологическом учреждении страны – ЗИН АН СССР. Среди 163 печатных работ Л.А. Портенко – такие крупные монографии как «Птицы СССР» из серии «Определители по фауне СССР, издаваемые Зоологическим институтом Академии наук СССР» (1954, 1960). Особого упоминания заслуживает «Atlas der Verbreitung Palaearktischen Vogel», издаваемый Л.А. Портенко вместе с немецким орнитологом Эрвином Штреземанном с 1960 по 1971 г. И, наконец, совершенно особая заслуга Леонида Александровича перед отечественной орнитологией – именно он в годы Великой Отечественной войны в блокадном Ленинграде сохранил бесценное сокровище, знаменитую орнитологическую коллекцию ЗИН АН СССР (об этом рассказывал нам И.А. Долгушин). Был оппонентом при защите И.А. Долгушиным кандидатской диссертации.

Родионов Эвальд Федорович (1926-1992). Выдающийся казахстанский таксидермист, создатель замечательной зоологической экспозиции Музея природы Казахского национального университета им. Аль-Фараби. В годы войны служил в армии, после демобилизации работал железнодорожником, портным. Встреча с И.А. Долгушиным определила дальнейшую судьбу Э.Ф.: в марте 1953 г. он поступает препаратором в лабораторию птиц, амфибий и рептилий и в следующие 15 лет участвует во всех крупных экспедициях лаборатории. Без всякого преувеличения Эвальд, которого И.А. звал не иначе как Валентин, был правой рукой Долгушина в лаборатории – не только таксидермистом, но и хозяйственником, руководителем всего лаборантского персонала и главным доверенным лицом во всех самых сложных делах. Это была настоящая дружба, основанная на полном взаимопонимании и доверии. Не случайно вскоре после того, как И.А. не стало, Эвальд Федорович перешел из лаборатории в Казахский университет, где и проявил себя как выдающийся таксидермист и настоящий художник по созданию диорам.

Рустамов Анвер Кеюшевич (1917-2005). Крупнейший туркменский орнитолог, академик Академии наук Туркменистана, доктор биологических наук, профессор. Много лет был ректором Туркменского сельскохозяйственного института и заведующим кафедрой охраны природы. Непременный член оргкомитетов большинства всесоюзных орнитологических конференций и основной организатор 5-й, проходившей в Ашхабаде в 1969 г. Автор многочисленных научных трудов о птицах пустынь, в т.ч. монографии «Птицы пустыни Кара-Кум» (1954) и второй части сводки «Птицы Туркменистана» (1958) а также главный организатор авторского коллектива сводки «Птицы Средней Азии», первый том которой вышел в 2007 году, уже после его смерти.

Сабурова Нина Сергеевна (г.р. 1938). Правнучка Софьи Васильевны Долгушиной (сестры деда И.А. Долгушина), следовательно, троюродная племянница И.А. Долгушина. Она составила родословную рода Долгушиных и познакомилась с ней всех нас в 2004 г. Об этой ветви Долгушиных (Рябининых-Сабуровы), проживающих в

Петербурге, не знали, по-видимому, ни Игорь Александрович, ни Зоя Александровна (по крайней мере, до 1970).

Салова (Грачева) Татьяна Николаевна (г.р. 1938). Кандидат биологических наук, ботаник. Дочь М.А. Кузьминой и Н.И. Грачева; И.А. Долгушина знала с детства.

Сатпаев Каныш Имантаевич (1899-1964). Крупнейший ученый-геолог Казахстана, академик, первый президент Академии наук Казахской ССР, много сделавший для развития науки в республике, в том числе и биологических наук. И.А. Долгушин хорошо знал Сатпаева и всегда полагался на его помощь и поддержку, а смерть его принял как тяжелую личную утрату (см. письма Долгушина к Л.С. Степаняну и Р.П. Зиминой).

Селевин Виктор Алексеевич (1905-1938). Пламенным патриотом Казахстана назвал В.А. Селевина его друг и однокашник по Томскому университету И.А. Долгушин, и это не было просто красивой фразой. Всю свою короткую, но очень яркую жизнь Селевин посвятил исследованию птиц Восточного, а последние годы - «покорению» пустыни Бетпак-Дала, нетронутость облика которой в те годы повального увлечения покорением природы казалась недозвоненной роскошью. В.А. Селевин с одобрения и при поддержке Правительства Казахстана взялся за выяснение возможности развития овцеводства на этой обширной безводной территории и в 1933-1938 гг. совершил туда пять комплексных экспедиций. До Селевина на карте Казахстана на пространстве между Балхашом и Аральским морем было огромное белое пятно с надписью «не исследовано». Виктор Алексеевич стер это белое пятно. Умер он внезапно 4 ноября 1938 года от сердечного приступа, в возрасте всего 33 лет, но до этого успел открыть новый вид грызуна, описанный уже после его смерти и названный в его честь **селевинией**.

Сема Анатолий Максимович (г.р. 1938). Кандидат биологических наук, орнитолог. В 1966 г. поступил в аспирантуру в лабораторию орнитологии Института зоологии АН КазССР (Алма-Ата), после окончания которой в 1975 г. защитил диссертацию на тему: «Биология обыкновенного скворца на юго-востоке Казахстана и снижение его вредоносности на виноградниках». Продолжая работать по миграционной тематике, опубликовал более 40 статей и монографию «Фенология перелетов птиц в Казахстане» (1989). В 90-х гг. переехал в Калининград (Россия) и в настоящее время работает заместителем директора Рыбачинской биостанции Зоологического Института РАН.

Скалон Василий Николаевич (1903-1975). Доктор биол. наук, профессор, создатель сибирской школы охотоведов и крупный деятель в области охраны природы бывшего СССР. Закончил Томский университет, где обучался вместе с В.А. Селевиным, И.А. Долгушиным, В.Ф. Ларионовым и другими широко известными впоследствии орнитологами. Создал и много лет заведовал кафедрой охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института. Область научных интересов – преимущественно териология (промысловые млекопитающие). В Казахстане с 1962 по 1968 г. заведовал кафедрой зоологии Казахского пединститута им. Абая.

Слудский Аркадий Александрович (1912-1978). Доктор биол. наук, профессор, член-корреспондент АН КазССР, лауреат Государственных премий СССР и Казахской ССР. Ведущий териолог Казахстана, создатель казахстанской школы териологов и лаборатории териологии в Институте зоологии АН КазССР, которой и заведовал до самой своей смерти. В 1967-1971 гг. был директором Института зоологии. Зачинатель, основной автор и редактор четырехтомной (в 8 выпусках) фаунистической сводки «Млекопитающие Казахстана» (1969-1985), получившей премию Московского общества испытателей природы. Всю свою творческую жизнь Аркадий Александрович посвятил изучению и рациональному использованию промысловых млекопитающих Казахстана.

Его имя связано прежде всего с акклиматизацией ондатры в Казахстане, с исследованиями сайгака, джейрана, кабана. Он автор книги «Пушные звери Казахстана» (1939) и составитель великолепной хрестоматии о тигре - «Владыка джунглей» (1966). Аркадий Александрович – инициатор создания Красной книги Казахстана и первый ее редактор.

Соколов Алексей Глебович – с конца 30-х гг. работал в КазФАН; в 40-60-х гг. был ученым секретарем Института зоологии, после чего работал редактором в издательстве Академии наук Казахстана. Был близок к И.А. Долгушину, который его высоко ценил.

Степанян Лео Суренович (1931-2002). Выдающийся советский орнитолог-систематик второй половины XX столетия. Начиная в начале 50-х гг. как фаунист и эколог. Почти два десятилетия после окончания кафедры зоологии Московского университета им. Ломоносова (1953), вплоть до начала 70-х гг., Лео Суренович вплотную занимался орнитофауной Средней Азии и Казахстана. Начав с ее горной части (хребет Терской Алатау и Иссык-Кульская котловина), он предпринимает экспедиционные выезды в самые различные места этого обширного региона: на границу Казахстана и Оренбургской области (1961), на Сырдарью и в северные Кызылкумы (1963), в Южный Бадахшан (февраль и май 1966), на Сурхандарью (1967), в Бадхыз (1967 и 1969), на Памир (1971) и т.д. Каждая из таких поездок Л.С. Степаняна – событие в орнитологии региона, поскольку результаты его богатых сборов и наблюдений очень скоро публикуются и становятся достоянием специалистов. Впоследствии все они используются в фаунистических сводках, таких, как «Птицы Казахстана», «Птицы Киргизии» и др. Основной труд Л.С. Степаняна – двухтомник «Состав и распределение птиц фауны СССР» (1975, 1978), выдержавший три издания, последнее из которых, вышедшее уже после смерти автора, называлось «Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий» (М., ИКЦ «Академкнига», 2003, 806 с.).

Страутман Евгений Иоганнович (1913-1995). Кандидат биологических наук, известный казахстанский териолог. В Алма-Ату он приехал в 1945 г., после окончания Томского университета (1940) и пяти лет, проведенных на фронтах Великой Отечественной войны. Более 40 лет (1945-1986) проработал Евгений Иоганнович в Институте зоологии, большую часть времени - в лаборатории млекопитающих, ряд лет – заместителем директора по науке, а последние годы – в лаборатории охраны диких животных. Основные объекты его исследований – млекопитающие, преимущественно грызуны. Он автор монографии «Ондатра в Казахстане» (1963), кандидатская диссертация защищена в 1950 г. по млекопитающим Южного Алтая, где он описал новый вид серой мышовки, получившей впоследствии его имя – мышовка Страутмана. Участвовал в написании таких крупных сводок как «Звери Казахстана» (1953) и «Млекопитающие Казахстана» (1969-1985), причем основной труд по редактированию последних выпусков второй сводки после смерти А.А. Слудского лег на его плечи.

Страутман Федор Иоганнович (1912-1967). Доктор биологических наук, профессор, крупный советский орнитолог, автор монографии «Птицы Советских Карпат» и организатор 3-й Всесоюзной орнитологической конференции. Начиная свою орнитологическую деятельность на севере нашего региона, где после окончания Томского университета (1936) под руководством проф. М.Д. Рузского собирал материал для кандидатской диссертации на тему «Орнитофауна бассейна озера Чаны и ее хозяйственное значение», которую успешно защитил на заседании Ученого Совета КазГУ им. С.М. Кирова в Алма-Ате

Судиловская Ангелина Михайловна (1903-1976). Выдающийся советский орнитолог, ученица М.А. Мензбира, более 20 лет заведовавшая орнитологическим отделом Зоологического музея Московского университета. Кандидат биологических

наук, она являлась лауреатом Государственной (тогда - Сталинской) премии как один из авторов 6-томной сводки «Птицы Советского Союза» (1951-1954). В орнитологическом отделе Зоомузея МГУ, в гостеприимном кабинете Ангелины Михайловны казахстанские и среднеазиатские орнитологи всегда были желанными гостями и получали здесь исчерпывающие консультации и помощь.

Увайсов Дамир Ташгалиевич (1934-1989). Лаборант лаборатории орнитологии, принимавший участие во многих орнитологических экспедициях 50-60-х гг., один из постоянных «консультантов» и оппонентов И.А. Долгушина по футбольным делам.

Ушакова (Кошечкина) Галина Васильевна (1920-1998). Кандидат биологических наук, специалист по иксодовым клещам, ученица акад. И.Г. Галузо. До самого выхода на пенсию работала старшим научным сотрудником в Институте зоологии АН КазССР.

Хахлов Виталий Андреевич (1890-1983). Доктор биологических наук, профессор Томского университета в 20-х гг., когда в нем обучались И.А. Долгушин, В.Н. Скалон, В.А. Селевин, В.С. Бажанов и др. Один из создателей и руководитель Сибирского орнитологического общества, основатель и редактор журнала «Угагус». Автор сводной работы «Зайсанская котловина и Тарбагатай. Птицы» (1928). Однако, к сожалению, катаклизмы бурной революционной эпохи не просто коснулись Виталия Андреевича, но фактически исковеркали всю его жизнь. Вынужденный покинуть в 1929 г. Томск, он стал часто менять места жительства и работы: Алма-Ата, Пермь, Ярославль, снова Алма-Ата и, наконец, более 30 пенсионных лет в Москве, без занятий орнитологией.

Чекменев Дмитрий Иванович (1921-1962). Всю жизнь посвятил птицам. Еще в 1936 г. школьник Дима Чекменев принимал участие в экспедициях И.А. Долгушина по Северному Прибалхашью как юннат-лаборант. По окончании средней школы в октябре 1939 г. был зачислен в штат орнитологической лаборатории, но в 1940 г. призван в армию. В послевоенные годы он участвует в экспедициях орнитологов – от Западного Тянь-Шаня до Алтая и Зайсанской котловины, чаще всего по изучению орнитофауны равнинных водоемов. По рассказам Э.Ф. Родионова, Дмитрий Иванович имел «золотые руки», он мог сделать и починить все. О его обстоятельствах свидетельствуют и результаты наблюдений в колониях чаек, местах скопления журавлей и за другими птицами. Жизнь оборвалась до обидного рано: 25 октября 1962 г., проводя исследования на оз. Акжар (система озер Казоты в низовьях реки Талас) при сильном штормовом ветре, Д.И. был выброшен волной из лодки и утонул.

Шевченко Виктор Васильевич (1913-1984). Доктор биол. наук, профессор, крупнейший казахстанский энтомолог (специалист по слепням). Научную деятельность начинал как орнитолог: после окончания в 1936 году Харьковского университета В.В. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Материалы к орнитофауне степного Правобережья Украины". В 1943-1959 гг. работал в заповеднике Аксу-Джабаглы, где он опубликовал первый очерк фауны птиц заповедника (1948), но со временем занялся изучением слепней. В 1959-1968 гг. работает в Институте зоологии, где защищает докторскую диссертацию по слепням. В 1969-1975 гг. заведует кафедрой зоологии Казахского университета, а в 1976-1984 гг. работает профессором этой кафедры.

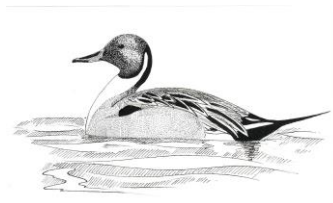
Шилин Петр Владимирович (г.р. 1928). Доктор биологических наук, профессор. Палеоботаник (юрская флора Тургая, меловая флора Казахстана). Много лет работал в лаборатории палеобиологии Института зоологии, последние годы – в Институте ботаники и фитоинтродукции МОН РК (Алматы).

Штегман Борис Карлович (1898-1975). Доктор биол. наук, профессор. Крупнейший советский орнитолог ленинградской школы, автор монографий, определителей птиц и сделавшей эпоху в орнитогеографии XX века монографии

«Основы орнитогеографического деления Палеарктики» (1938), в которой пересмотрены принципы зоогеографического районирования этой области. С Казахстаном Б.К. Штегман был связан с 1923 по 1953 год. В 1923 г. он вместе с Б.С. Виноградовым обследовал Западный Алтай и приалтайские степи (результаты опубликованы). В 1932 г. в составе экспедиции ЗИН АН СССР посетил Кокчетавское поднятие. С 1941 по 1946 г. работал наблюдателем биопункта ВНИО в дельте реки Или; в 1947-1953 гг. изучал птиц высокогорья Заилийского Алатау. В 1949 г. он вновь посетил Кокчетавское поднятие (озера Щучье и Боровое), в различные месяцы 1950-1953 гг. обследовал окрестности пустыни Таукум (Анархай, Айдарлы, Бурубайтал), в сентябре-октябре 1951 г. проехал на автомашине из Караганды до Шортанды; в сентябре 1952 и в мае-июне 1953 г. исследовал биологию индийского воробья в долине реки Чу на границе с Киргизией. По казахстанским материалам Б.К. опубликовал 26 работ.

Шухов Иннокентий Николаевич (1894-1956). В 1924-1930 гг. готовил охотоведов при Сибирской сельскохозяйственной академии в г. Омске (впоследствии – с/х институт). Автор ряда орнитологических публикаций, из которых наиболее интересны: «Птицы Красноярского уезда Енисейской губернии» (1925) и «Птицы средней и северной части прииртышской Сибири» (1928). С ним контактировали И.А. Долгушин и В.С. Бажанов, в т.ч. и во время забайкальской поездки 1930 г.

Янушевич Александр Иванович (1903-1979). Член-корреспондент Академии наук Кыргызстана, доктор биологических наук, профессор - известный орнитолог, териолог и организатор зоологической науки в Кыргызстане. Основной автор и составитель трехтомной сводки «Птицы Киргизии» (1959-1961) был знаком И.А. Долгушину еще по годам обучения в Томском университете и в 50-60-х гг. они часто встречались то в Алма-Ате, то во Фрунзе (ныне - Бишкек) как по работе, так и с дружественными визитами.

Содержание

Автобиография И.А. Долгушина	5
Основные даты жизни и деятельности И.А. Долгушина	7

Материалы к биографии

Долгушины в XIX веке. <i>А.Ф. Ковшарь</i>	9
Прадедушка Василий Фомич и прабабушка Еликонида Алексеевна. <i>Н.С. Сабурова</i>	12
Краткие сведения о дедушке и бабушке: (Александр Васильевич и Аграфена Дмитриевна). <i>Н.С. Сабурова</i>	21
Процесс долгушинцев. <i>Н.С. Сабурова</i>	22
Из книги «Орнитологи Казахстана и Средней Азии: XX век» (2003)	27
Роль И.А. Долгушина в развитии орнитологии Казахстана. <i>М.Н. Корелов</i>	27
Долгушин Игорь Александрович. <i>И.А. Кривицкий, А.Ф. Ковшарь, Э.И. Гаврилов</i>	33
Однажды и на всю жизнь. <i>Ольга Бабий</i>	36
Заседание, посвященное 80-летию со дня рождения И.А. Долгушина (11.03.1988)	
1. Основоположник казахстанской орнитологической школы. <i>А.Ф. Ковшарь</i>	39
2. И.А. Долгушин и исследования миграций птиц в Казахстане. <i>Э.И. Гаврилов</i>	46
3. И.А. Долгушин и зоогеографические исследования в Казахстане. <i>М.Н. Корелов</i>	50
Краткие выступления: <i>В.Н. Кусов, М.И. Исмагилов, А.С. Малиновская, В.Я. Панин, В.В. Кузнецов, Д.Т. Увайсов, А.П. Максимова, А.В. Левит</i>	52

Воспоминания современников

В.С. Бажанов. Далекие 20-е и 30-е годы	58
Е.В. Гвоздев. Незабываемые поездки с Долгушиным	61
А.К. Рустамов. Игорь Александрович Долгушин, каким я его помню	63
Т.Н. Гагина. Игорь Александрович Долгушин	66
Д.И. Чекменев. Мой учитель	71
М.И. Исмагилов. Преподаватель университета	72
А.В. Михеев. Большой ученый и замечательный человек	73
И.Д. Митяев. Выдающийся ученый и необыкновенный человек	74
Т.Н. Досжанов. Ленинград, 1953 год	77
Д.И. Бибиков. Доброжелательность, порождающая доверие	78
П.М. Бутовский. Великий жизнелюб	80
Э.В. Кумари. Воспоминания об Игоре Александровиче Долгушине	82
Р.П. Зимица. И.А. Долгушин. Воспоминания и письма	83
Л.О. Белополюский. О встречах с Игорем Александровичем Долгушиным	87
М.Д. Зверев. На заре кольцевания птиц в Казахстане	88
Е.И. Страутман. Человек с большой буквы	90
В.П. Митрофанов. Не только орнитолог	92
Б.В. Муханов. Удивительный педагог и фронтовик	93
Р.Г. Жордания. Памяти Игоря Александровича Долгушина	94
Г.В. Ушакова (Кошечкина). Воспоминания несостоявшегося орнитолога	95
Т.Б. Ардамацкая. Незабываемые встречи с Игорем Александровичем.	97
А.С. Малиновская. Наставник молодежи	98
А.Ф. Ковшарь. Воспоминания и размышления об Учителе	99

И.А. Кривицкий. О Долгушине	111
П.В. Шилин. Крупный ученый и большой эрудит	126
С.Г. Панченко. Игорь Александрович Долгушин как зоолог и путешественник	128
К.А. Джанокмен. “На заре туманной юности”	129
И.И. Иванов. Командир 5-й батареи 12-го противотанкового полка	131
А.Г. Лухтанов. Памятные встречи	132
Т.Н. Салова (Грачева). Наш дядя Игорь	136
И.Ф. Бородихин. Вспышки памяти	138
Б.С. Кожамкулова. Воспоминания об И.А. Долгушине	139
В.А. Киселева. Большой ученый и интересный человек	140
С.Д. Кустанович. Низкой поклон от любителей птиц	140
А.П. Кучин. Удивительная отзывчивость	141
А.М. Сема. Неотразимое обаяние личности	141
А.И. Долгушин. Традиция семьи Долгушиных	143

Переписка

Письма И.А. Долгушина к С.Г. Панченко, 1953-1964	146
Письма И.А. Долгушина к Э.И. Гаврилову, 1957-1958	157
Письма И.А. Долгушина к А.Ф. Ковшарю, 1960-1966	162
Письма И.А. Долгушина к Л.С. Степаняну, 1960-1964	171
Письмо И.А. Долгушина к А.В. Михееву, 1961	179
Письма И.А. Долгушина к И.А. Кривицкому, 1961-1965	179
Письмо И.А. Долгушина к И.Г. Галузо о «Птицах Казахстана», 1962	189

Публикации

Список научных работ И.А. Долгушина	191
Долгушин Игорь Александрович (о нем)	195
О составлении "Птиц Казахстана" (И.А. Долгушин, 1962)	196

Комментарии

205

Фотографии

221

Долгушин Игорь Александрович (к 100-летию со дня рождения)

Составитель и редактор д.б.н. А.Ф.Ковшарь

Рецензент академик НАН РК д.б.н. Е.В.Гвоздев

Компьютерный дизайн В.А. Ковшарь

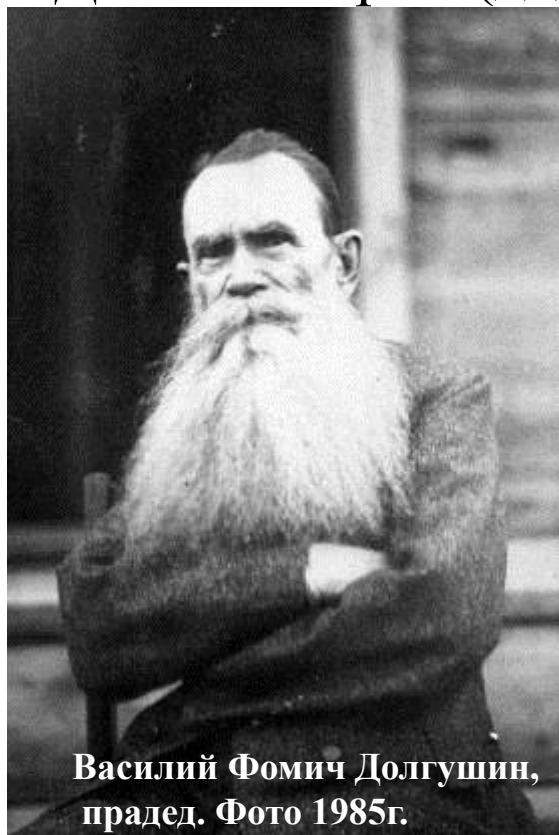
Подписано к печати 3 декабря 2007 г. Заказ № 2546
Формат 70x100/16, объем 20,64 усл.п.л., тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Комплекс»

Алматы, ул. Шевченко 29

Тел.+7 727 2333 180, +7 727 2333 181

Далекие корни (деды-прадеды, XIX век)

Василий Фомич Долгушин,
прадед. Фото 1985г.

Елизавета Алексеевна,
Долгушина Елизавета Алексеевна
Красноярск, 1887 г. прабабушка

Александр Васильевич, дед

Аграфена Дмитриевна, бабушка

Родственные связи в XX веке

С мамой, Зоей Александровной, 1912

Донат Александрович Долгушин

Нина Александровна Долгушина

Донат Александрович (слева),
Юрий Александрович (в центре),
Иван Юрьевич Долгушины . 1970

Томский университет, 1928 год

Вверху: Долгушин (2-й слева), Скалон (3-й), Хахлов (4-й), Селевин (5-й)
Внизу: Скалон (1-й слева), Бажанов (3-й), Долгушин (4-й), Ларионов (5-й)

Барабинские озера, 1929

(к воспоминаниям М.Д. Зверева)

Казахстан, 1933 г. (дельта Или, КФАН)

Вверху – жорга-адам (Долгушин); внизу – Долгушин, Л.М. Шульпин, Соколов

Первые послевоенные годы

Калбинский Алтай, у гнезда филина

Полевая кухня

На октябрьской демонстрации в городе

Лето 1952 г., Карагандинская обл.

Экспедиция с аспирантом С.Г. Панченко
по степям и озерам области.

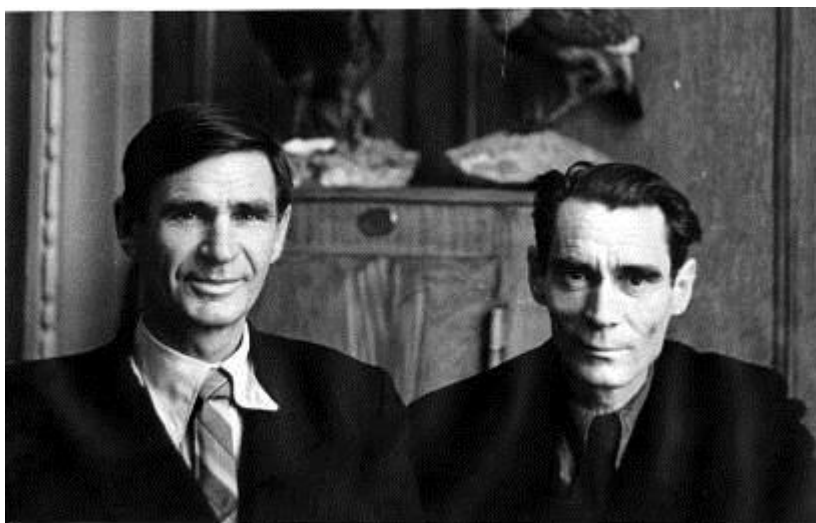
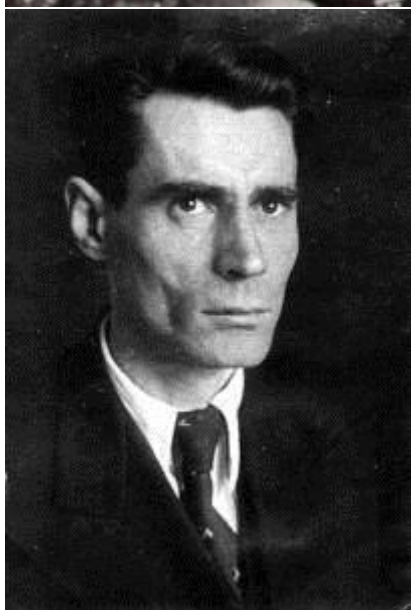
Внизу – поселение ссыльных

50-е гг. Камеральная обработка материалов

С М.Н. Кореловым (вверху) и А.И. Янушевичем

На рубеже 50-60-х гг.

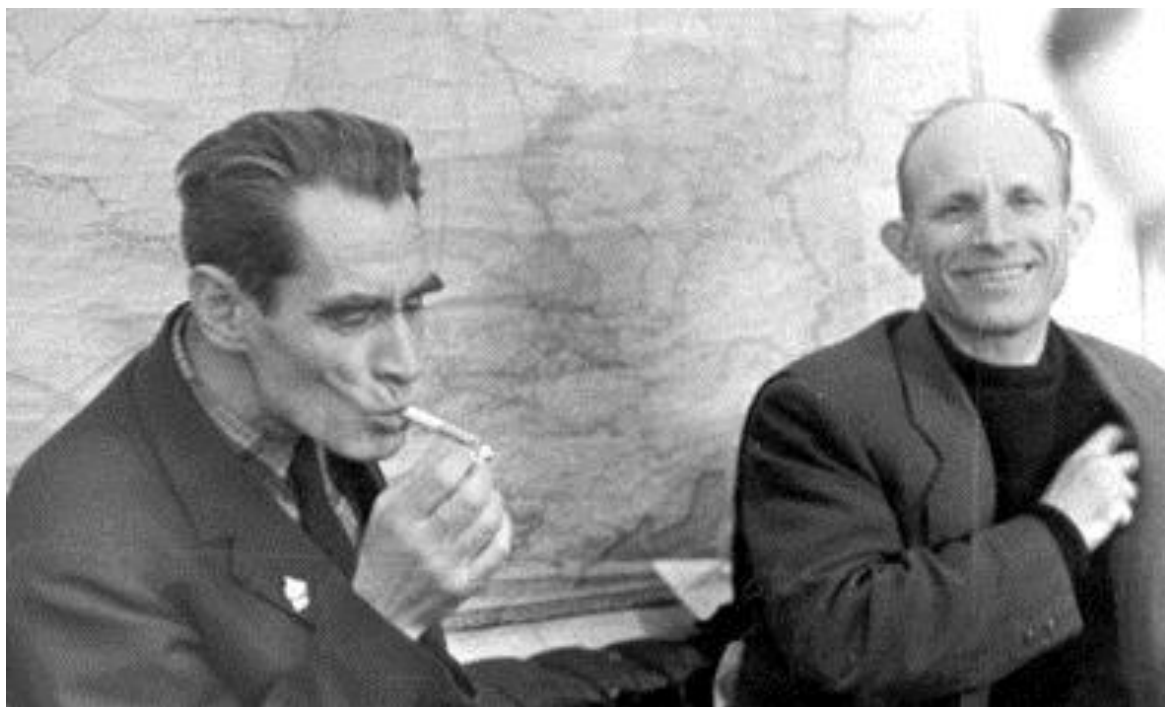
Праздники и рабочие будни в городе.
Гвоздев, Кузьмина, Гаврин, Долгушин,
Малиновская. На демонстрации и банкете

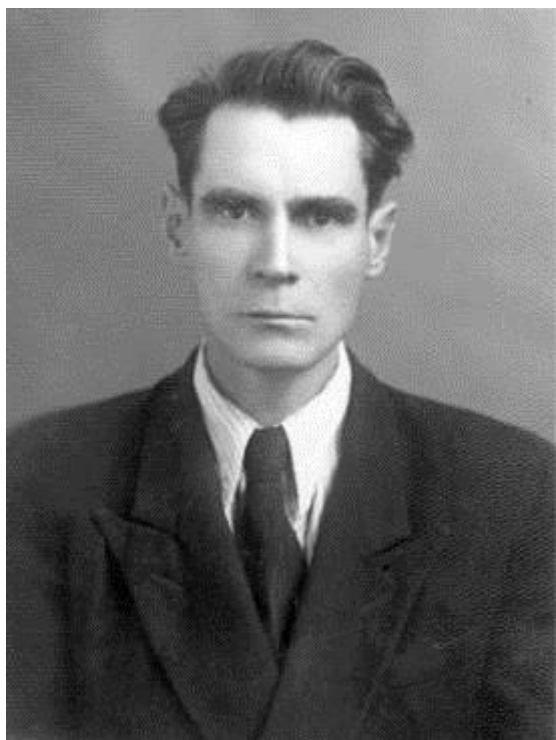
Э.Ф. Родионов – правая рука в лаборатории

С Э.Ф. Родионовым: на охоте и на любимом диване в лаборатории

50-е годы, Ленинград, докторантура

**Ленинград, 1953 г. Докторантура
(к воспоминаниям А.С. Малиновской).**

Группа зоологов из Казахстана

**Стоят (слева направо): Р.Н. Аппасов,
С.К. Сванбаев, И.А. Долгушин,
К.П. Парасикв, А.А. Цыганков;**

**Сидят (члева направо):
А.С. Малиновская, А.Ф. Сидорова
(Кириенко), И.Г. Галузо, А.Н.
Шиленкова. М.А. Кузьмина.**

Первая Всесоюзная орнитологическая конференция. Ленинград, ЗИН АН СССР, февраль 1956 г.

1956 г., февраль. На Первой Всесоюзной орнитологической конференции.
Слева направо: В.Я. Генерозов, Б.К. Штегман, О. Штреземанн,
Г.П. Дементьев, А.К. Рустамов, И.А. Долгушин

1959, август, Москва. В президиуме 2-й Всесоюзной орнитологической
конференции. Справа налево: А.М. Судиловская, А.Ф. Котс, И.А. Долгушин
(во втором ряду за букетом), А.И. Иванов беседует с Н.А. Гладковым

1960, Алма-Ата. Участники Второй Всесоюзной зоогеографической конференции на ступеньках республиканской Академии наук

Конец 50-х гг. Заилийский Алатау

На верхнем снимке справа налево: Р.Н. Мекленбурцев, А.К. Рукстамов, А.И. Янушевич, П.П. Тарасов, И.А. Долгушин (за ним), И.Г. Галузо, М.А. Кузьмина, Л.К. Шапошников.
На нижнем снимке – А.И. Янушевич, И.А. Долгушин, В.С. Бажанов, И.Г. Галузо.

В Музее природы
АН КазССР вместе
с Хо-Ши-Мином и
К.И. Сатпаевым

Традиционное
выступление в Институте
зоологии в день 23 февраля
и в День Победы - 9 мая

Львов, 1962. 3-я орнитологическая конференция

Справа налево: Г.П.Дементьев, Н.А.Гладков, А.К. Рустамов, М.Б. Аманова, проф. Шильдмахер, И.А.Долгушин, Н.М. Литвиненко. Внизу – в Карпатах и среди учеников.

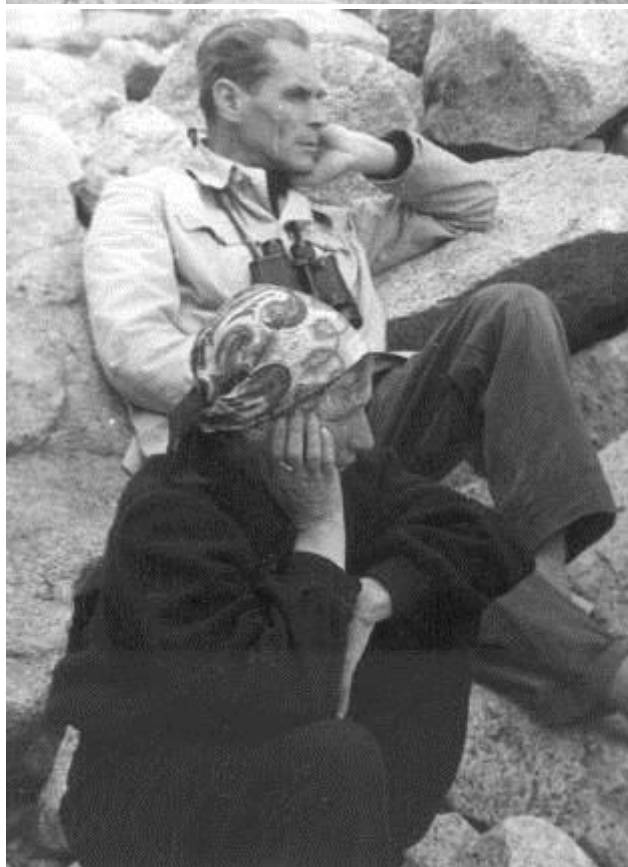
1963 – Зайсан, Саур; 1964 – Тянь-Шань

Экспедиция в Саур и Зайсан, 1963
(к воспоминаниям К.А. Джанокмен)

Заилийский Алатау, 1964:

Слева - с М.А. Кузьминой наблюдают за
очередным гнездом редкой птицы
Справа – поиск гнезда расписной синички

Долгушинская лаборатория 1964 и 1965 гг.

1964 г. Томск, посещение alma mater

Об этой поездке в Томск и встречах со старыми знакомыми Игорь Александрович неоднократно упоминает в своих письмах (см. раздел «Переписка»)

1965 год, 20-летие Великой Победы

Е.И. Страутман, И.А. Долгушин, К.П. Ушаков

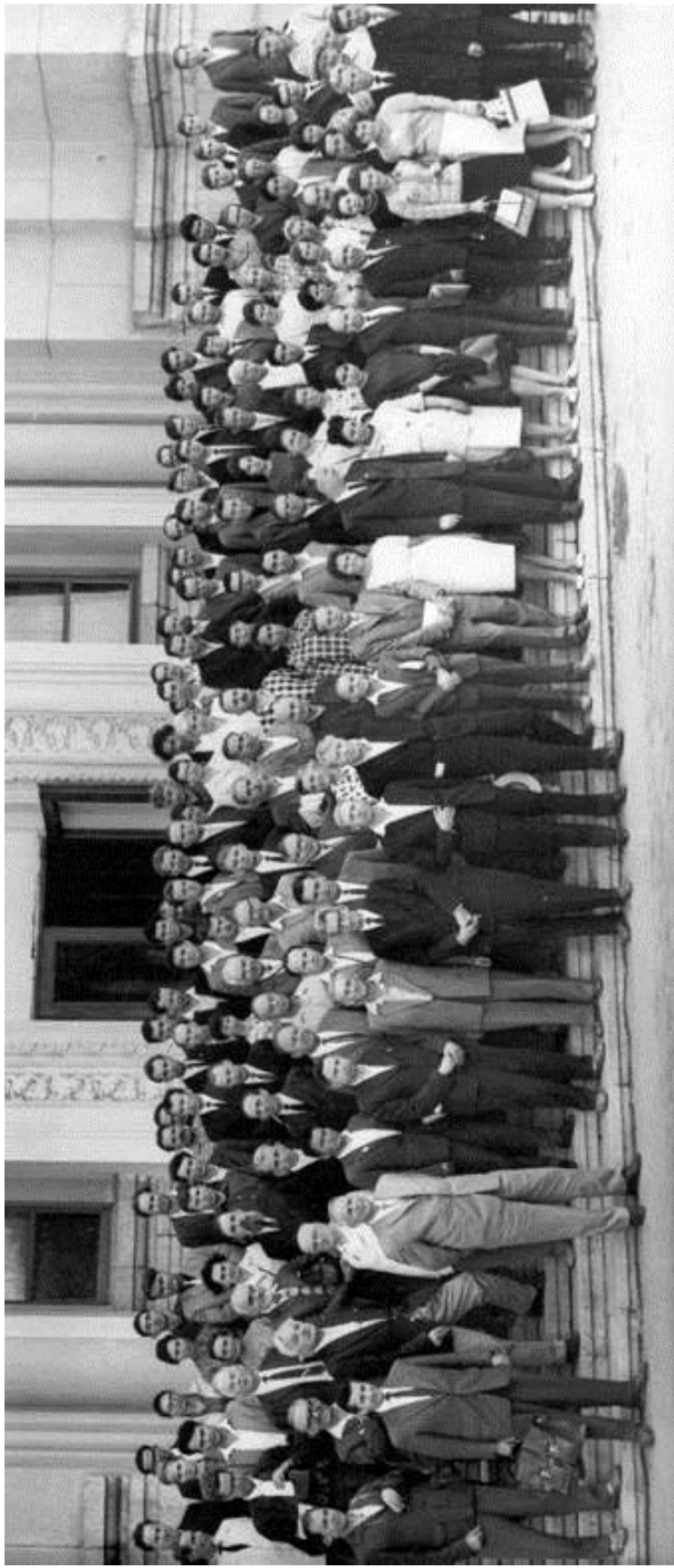
1965 г. Заилийский Алатау

Лето 1965 г. Под скалой около
Большого Алматинского озера в
Заилийском Алатау (2700 м н.у.м.)

Долгожданная первая кладка
краснокрылого стенолаза – вверху
Долгушин, Кузьмина, Бородихин,
Родионов наблюдают, как до гнезда
добирается альпинист Ю.Ф. Голодов
внизу справа – осмотр результатов
его работы, остатков скорлупы яиц
(Долгушин, Бородихин, Гаврилов).

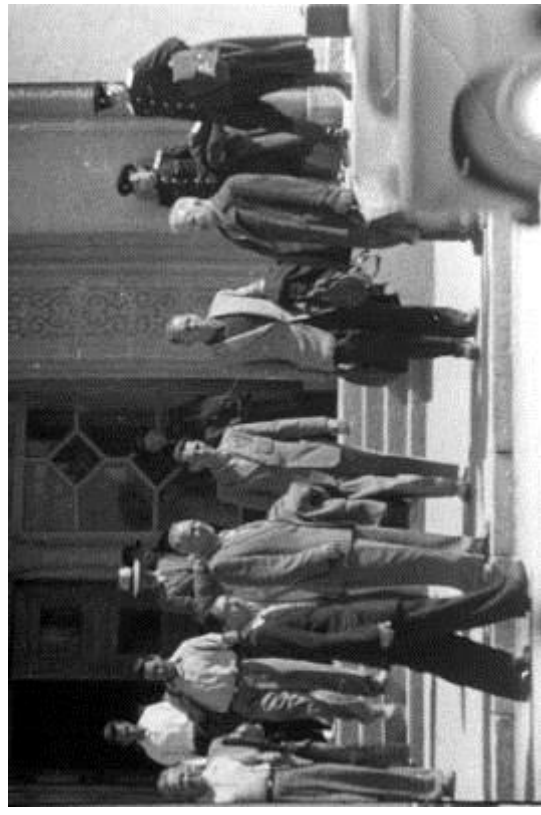

Сентябрь 1965 г. Участники 4-й Всесоюзной орнитологической конференции на крыльце Академии наук Казахстана.

Слева: доклад И.А. Долгушина

Справа: В.С. Бажанов, А.А. Слудский, И.А. Долгушин и Г.П. Дементьев

Алма-Ата, 1965. Группа «томичей» в перерыве между заседаниями.
Слева направо: Е.И. Страутман, И.А. Долгушин, В.Н. Скалов, Ф.И. Страутман,
Г.Х.Иогансен, И.В. Измайлов, В.В. Строков, А.А. Слудский, К.Т. Юрлов.

Там же, 1965.

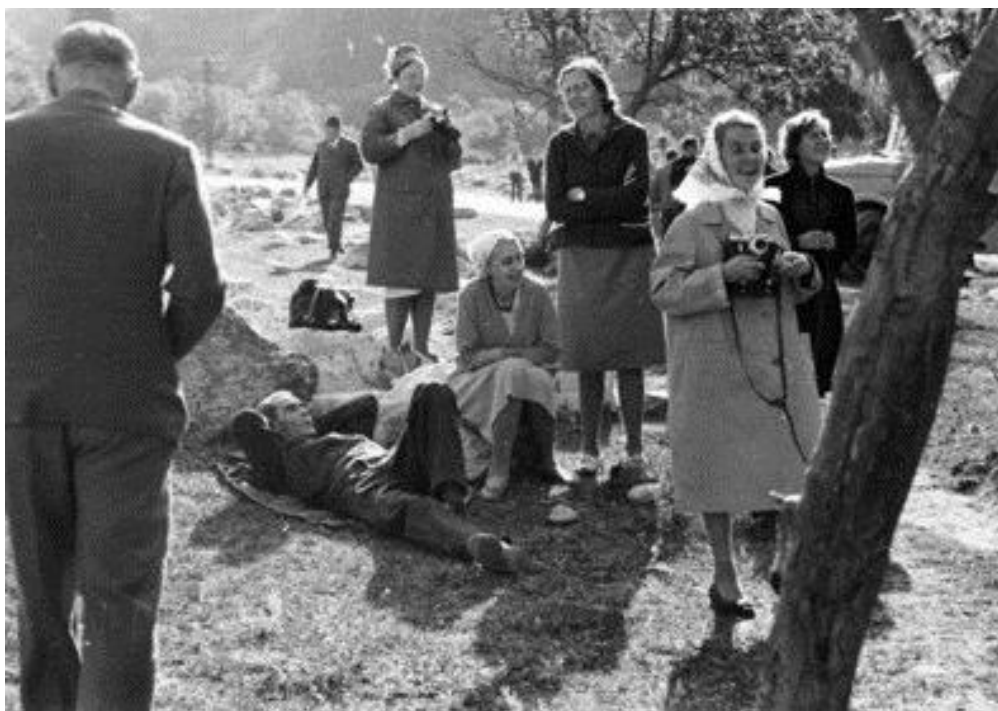
Справа налево:

И.А. Долгушин,
Е.И. Страутман,
Н.А. Гладков,
В.С. Залетаев

Сентябрь 1965.

Экскурсия на
Большое Алма-
Атинское озеро
В Заилийском
Алтау.

Та же экскурсия, сентябрь 1965 г. Заилийский Алатау

На нижнем снимке справа налево: В.А. Попов, И.А. Долгушин, В.В. Кучерук, С.С. Шварц.

Весна 1966 г. Больница.

М.А. Кузьмина,
А.М. Чельцов-Бебутов,
Е.В. и Л.П. Гвоздевы,
ученики: Э.И. Гаврилов,
Э.Ф. Родионов, А.Сема.

1988 г. – 80-летний юбилей

Юбилейное заседание к 80-летию И.А. Долгушина 11 марта 1988 г.
Внизу в первом ряду справа: А.И. Долгушин, Н. Мочалова, Л.А. Демченко

30 марта – Долгушинский день

2004 г. Стоят
слева направо:

Э.И. Гаврилов,
С.Н. Ерохов,
К.А. Долгушин,
И.Ф. Бородихин
Ю.Н. Грачев,
А.Ф. Ковшарь

Сидят
слева направо:

А.Э. Гаврилов,
В.А. Ковшарь,
А.И. Долгушин

2005 г. Стоят
слева направо:

А.И. Долгушин
В.А. Ковшарь,
Ю.Н. Грачев,
К.А. Долгушин,
И.Ф. Бородихин
А.Ф. Ковшарь,
Э.И. Гаврилов.

Сидят слева
направо:

А.С. Левин,
Н.Березовиков
А.Э. Гаврилов

В доме Долгушиных 30 марта

Воспоминания
и байки
на балконе.
2004 г.

Слева направо:
А.Ф. Ковшарь
А.И. Долгушин
Э.И. Гаврилов
Ю.Н. Грачев
И.Ф. Бородихин

Внуки
Долгушина
среди
орнитологов.

Кирилл
(второй
слева)

Екатерина
(в центре).

2004 г.

Потомки в Санкт-Петербурге

Дочь Наталья Игоревна Пинина, внучка Мария Леонидовна Гундяева (1964),
правнучка Таисия Николаевна Гундяева (1987). Санкт-Петербург

9 декабря 2006 г. Алма-Ата

Наталья Игоревна Долгушина и составитель за просмотром материала к книге

Документы

ДИПЛОМ КАНДИДАТА НАУК

МБА № 00685
Москва 7 — 1957 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 25 февраля 1957 г. (протокол № 69)

гражданин
Долгушину Игорь Александровичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕБНАЯ СТЕПЕНЬ КАНДИДАТА
БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии
И. С. Давыдов

ДИПЛОМ ДОКТОРА НАУК

МБА № 000168
Москва 7 — 1957 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 25 февраля 1957 г. (протокол № 71)

Долгушину Игорю Александровичу
ПРИСУЖДЕНА УЧЕБНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии
И. С. Давыдов
Ученый секретарь Высшей Аттестационной Комиссии
И. В. Руднев

Долгушину Игорю Александровичу

в 1961 году присуждена Государственная премия СССР
степени и присвоено звание
ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР
за **акклиматизацию антаркти в Казахстане**

Председатель Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР
И. С. Давыдов
(И. Давыдов)

№ 7455

Ученый секретарь Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР
И. В. Руднев
(И. Руднев)

22 октября 1962 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОМПАРТИИ
КАЗАХСТАНА И СОВЕТА МИНИСТРОВ КАЗАХСКОЙ ССР
от 15 декабря 1973 года
ПРИСУЖДЕНА
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ КАЗАХСКОЙ ССР

ГЛАВРИЛОВУ Эдуарду Ивановичу, кандидату биологических наук, заведующему лабораторией, КОВШАРЮ Анатолию Федоровичу, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику, КОРЕЛОВУ Метиславу Николаевичу, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику, КУЗЬМИНОЙ Марии Алексеевне, кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику, работникам Института зоологии и антропологии Казанской ССР ГЛАВРИНУ Василию Федоровичу, кандидату биологических наук (посмертно), ДОЛГУШИНУ Игорю Александровичу, доктору биологических наук, — за монографию «Птицы Казахстана» в 5 томах, опубликованную в 1960—1974 годах.

Данный диплом № 172 выдан
ДОЛГУШИНУ Игорю Александровичу

Председатель Комитета Государственных премий в области науки и техники при Совете Министров Казахской ССР
А. КУНАЕВ
А. КУНАЕВ

Ответственный секретарь Комитета Государственных премий Казахской ССР в области науки и техники при Совете Министров Казахской ССР
А. КУВАНЫШЕВ
А. КУВАНЫШЕВ

Документы

И. Г. Галузо
 проф. И. Г. Галузо
 Долгушина И. А.

Заявление

В связи с отъездом в диспансериум на длительное лечение в связи с болезнью меня как самонаемной должности ассистента директора по научной части с переводом должности в заведующего лабораторией птиц, птичьих и зверей.

Со своей стороны считаю, что наиболее целесообразной на должности зам. директора по научной части является зав. лабораторией паразитарных болезней И. В. Воздев.

Долгушина И. А.

15. XI. 53.

ВАС ССР РЕПУБЛИКА АКАДЕМИИ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
 Ленинградский проспект 85, Тел. директор
 85, главный отдел, 8007, Москва М20.

АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЗООЛОГИИ
 Алма-Ата, ул. 25 Октября, 51, Тел. директ.
 4107, ул. 25 Октября 1952, 4108, 4109.

10 октября 1953 г.
 № 242

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ А. А. ДЕМЕТЬЕНКО

В связи с откомандированием И. А. Долгушина в диспансериум при Зоологическом институте АН СССР, прошу выразить мне доверие в виде заведующего лабораторией по изучению авиации птиц.

Согласно И. А. Долгушина по этому поводу известно.

Директор Института зоологии АН КазССР,
 действительный член АН КазССР, профессор И. Г. Галузо / И. Г. Галузо

Тел. Казах АН КазССР. Зка. 1312-3000

Заявление И. А. Долгушина и ответ на него И. Г. Галузо

Фрагмент единственного сохранившегося комплекта корректурных оттисков 1941 г.
 Первая страница со введением и рукописным планом видового очерка,
 по которому видно, как заметно он отличался от принятого
 в монографии спустя 20 лет.

Дорогому Анатолию Федоровичу
 Голубяро, завершившему редактирование
 свода «Птица Казахстана» с 1910 года
 из авиаторов первого этапа - полюбил
 в энциклопедическом союзнике.

И. Г. Галузо
 27 IV - 1977 г.

Введение

Выпущенная книга представляет собой сводку знаний о птицах Казахстана. Она составлена по данным литературы и, частично, по исследованиям, проведенным авторами этой работы, или сообщением различных лиц.

Кроме того, эта книга является в определенном смысле учебником, обучающим до настоящего времени в Казахстане. Основой упор в книге сделан на изложение материала об образе жизни птиц и в меньшей мере о распространении их в пределах Казахстана. Общее распространение дается лишь в самых общих чертах, систематика же почти не затрагивается.

В основном книга рассчитана на читателей средней подготовки, кривелов, преподавателей средних учебных заведений, акти охотников и других лиц, в той или иной степени соприкасающихся с птицами в природе; научным работникам, возможно, эта книга также принесет некоторую пользу.

При составлении книги мы стремились использовать весь имеющийся в орнитологической литературе материал. В тех случаях, когда данные литературы по Казахстану оказывались недостаточными, мы пользовались сведениями, сообщаемыми в других книгах, в частности в сводах Мензбира, Хартера и др.

Определительные таблицы в большинстве случаев не оригинальны, а заимствованы из различных источников и лишь несколько изменены применительно к объему работы. Только некоторые таблицы составлены нами. Мы сошли возможным не ссылаться каждый раз на источник, откуда взята та или иная определительная таблица, так как это слишком перегрузило бы книгу ненужными, в конце концов, справками. Укажем только, что большинство таблиц взято из серии определителей, выпущенной Зоологическим институтом Академии Наук (ЗИН), в издании СССР: Бутурлина и Деметияева; определительная таблица отрядов представляется почти не переработанную определительную таблицу семейства птиц Союза, составленную Штегманом (понятно, несколько сокращенную).

В разделе синонимов приводятся только названия, употребляемые в «Птицах России» Мензбира, «Птицах СССР» Бутурлина и Деметияева и «Фауне Союза» Академии Наук, и только те

Первый вариант “Птиц Казахстана”, 1941

5(4) Клово иного типа
 6(5) Края клюва усужены поперечными пластинками или зубчиками
 7(8) Плюсна длинее 250 мм, клюв перегнут книзу под углом. Отряд Фламинго — *Rhoeniscorpteri*.
 8(7) Плюсна короче 150 мм, клюв не согнут углом. Отряд Пластинчатоклювые — *Anseres*.
 9(6) Края клюва гладкие, без поперечных пластинок или зубцов
 10(11) Плюсна сильно сжата с боков, передний край ее острый. Длина среднего пальца (с когтем) превосходит длину хвоста. Ноги расположены у конца туловища. Отряд Гагаровые — *Scolymbiformes*.
 11(10) Плюсна спереди плоская или закругленная. Средний палец (с когтем) короче хвоста. Ноги расположены у середины туловища. Отряд Длиннокрылые — *Lariformes*.
 12(1) Перепонки между передними пальцами или нет вовсе, или она соединяет только основания пальцев. Иногда пальцы частично срастаются.
 13(18) Передние пальцы окаймлены, каждый в отдельности, широкой перепонкой
 14(16) Перепонки, окаймляющие пальцы, равные, без вырезок. Когти плоские и широкие (См. фиг. 10). Отряд Гагаровые *Scolymbiformes*.

15(14) Перепонки, окаймляющие пальцы имеют резкие вырезы у суставов (См. фиг. 11).

26

ТАБЛИЦА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТРЯДОВ ПТИЦ ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КАЗАХСТАНЕ

1(12) Три передних пальца соединены сплошной кожей перепонкой, занимающей все или больше половины пальцев
 2(3) Все четыре пальца соединены перепонкой, (см. фиг. 8). Отряд Веслоногие — *Steganopodes*.

3(2) Перепонкой соединены только три передних пальца
 4(5) Клюв тонкий и дугообразно загнут вверх (См. фиг. 9). Отряд Кулики — *Limicolae*.

Фиг. 8. Нога свистуны.
 Фиг. 9. Клюв шилоклювки.
 Фиг. 10. Нога поганки.
 Фиг. 11. Нога лысухи.

Вверху - страница с текстом определительной таблицы и иллюстрациями.
 Внизу - образец карты распространения вида, в данном случае - трех видов (в дальнейшем Игорь Александрович отказался от совмещения нескольких видов на одной карте и вообще принял иной способ обозначения распространения вида).

